

РУССКІЕ СУДЕБНЫЕ ОРАТОРЫ

ВЪ

ИЗВѢСТНЫХЪ УГОЛОВНЫХЪ ПРОЦЕССАХЪ.

Дѣло Мавры Волоховой. Рѣчи Громницкаго и кн. Урусова. — Мытищенское дѣло. Рѣчи М. О. Громницкаго и Ф. Г. Соловьева. — Дѣло корнета Миеброва. Рѣчи Роде и Лохвицкаго. — Дѣло о мошенничествѣ въ Сѣверномъ Страховомъ Обществѣ. Рѣчи: Макарова, Харитоновъ, Пржевальскаго и Маклакова. — Дѣло Межска и Шамоиной. Рѣчь Шубинскаго. — Дѣло Кашина. Рѣчь Плевако. — Дѣло Бильбасова. Рѣчи Роде и Лохвицкаго.

Издание А. Ф. Скорова,

Комиссіонера Государственной канцеляріи и Государственной типографіи.
Москва, Никольская, д. Славянскаго Базара.

1899.

JUL 18 1922

Дозволено цензурою Москва, 12 декабря 1898 года.

М. В. Громницкій и Кн. А. И. Урусовъ.

✓

251

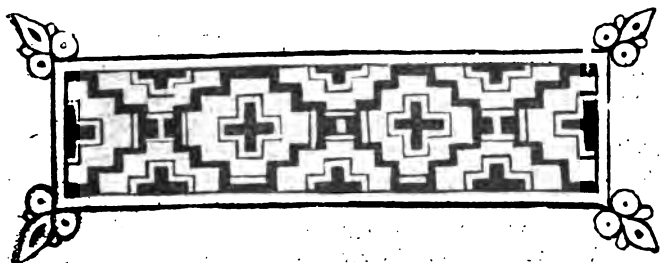
Процессъ Мавры Волоховой

РЪЧИ

въ защиту и обвиненіе

*„De choc des opinions jallit
la verité”.*

Обвинить при сомнѣніи —
это обвинить ошибочно.

ДѢЛО МАВРЫ ВОЛОХОВОЙ

Московский Окружный Судъ.

Засѣданіе 10 и 11 февраля 1867 г.

ОЛОХОВА Мавра была предана суду по обвиненію ея въ убійствѣ своего мужа Алексѣя Волохова, въ разсѣченіи его трупа на двѣ части и въ сокрытіи онаго въ погребѣ.

Дѣло это въ свое время вызвало оживленные толки. Оно сразу создало, только что начавшему въ то время свою адвокатскую карьеру, кн. А. И. Урусову имя „блестящаго и талантливаго“ защитника, а за М. Ѳ. Громницкимъ съ тѣхъ поръ остается первое мѣсто въ рядахъ обвинителей.

Самое „Волоховское дѣло“ сдѣлалось нарицательнымъ именемъ дѣлъ, въ которыхъ, благодаря предвзятости слѣдственной власти, является непоправимая судебская ошибка: намѣченный слѣдователемъ убійца изъ

суда выходить оправданнымъ, а дѣйствительный убійца такъ и остается необнаруженнымъ.

Въ дѣлѣ Мавры Волоховой, вслѣдствіе показанія 6-ти лѣтняго сына Волохова, Григорья, что онъ видѣлъ, какъ мать его рубила *ручкой топора* его отца, приступлено было къ осмотру той комнаты, гдѣ, по указанію мальчика, лежалъ его отецъ. И такъ къ осмотру дома, въ которомъ найдено мертвое тѣло въ такомъ страшномъ видѣ, принялись послѣ распросовъ, а не на оборотъ, какъ бы слѣдовало: подробный осмотръ и результатъ осмотра долженъ былъ бы повести къ допросамъ и распросамъ для раскрытія слѣдовъ преступленія и самого преступника.

Наведенные на осмотръ дома Волхова показаніемъ мальчика становой приставъ, а за нимъ и слѣдователь искали въ домѣ только одного: слѣдовъ крови для уличенія Мавры и оставили все остальное въ сторонѣ, какъ казавшееся имъ ни къ чему непригоднымъ.

Это повело къ тому, что слѣдователь лишилъ себя возможности провѣрить показаніе мальчика, да онъ какъ видно объ этой провѣркѣ и не думалъ. Онъ заботился только о томъ, чтобы *довести* обвиняемую до *сознанія*, и въ такомъ духѣ велъ все слѣдствіе, допрашивая свидѣтелей и дѣлая осмотры.

Осмотры производились не полно до такой степени, что всѣ объясненія на судѣ экспертовъ: полицейскаго врача Доброва, профессоровъ гг. Сѣколова и Ляковского не могли точно и ясно установить: какое именно количество крови найдено было при осмотрѣ въ той комнатѣ, гдѣ, по словамъ обвинительнаго акта, было совершено убійство Алексѣя Волохова съ разсѣченіемъ его тѣла на двое.

Вопросъ этотъ былъ главный, который возбужденъ былъ присяжными, но и для суда и для присяжныхъ онъ остался неразъясненнымъ.

Товарищъ-прокурора Н. И. Вареоломѣевъ, наблюдавшій за слѣдствіемъ, отказался, въ виду неполноты слѣдствія, составить обвинительный актъ противъ Волоховой. Но судъ полагалъ, что не полнота слѣдствія можетъ быть восполнена на судѣ, на то и судъ присяжныхъ, разрѣшающій дѣла по совѣсти, по внутреннему убѣжденію.

При такихъ данныхъ возложено было на М. Ѳ. Громницкаго поддерживать обвиненіе противъ Мавры Волоховой.

Вотъ обвинительный актъ по этому дѣлу:

„17 августа 1866 года, крестьянинъ московскаго уѣзда, Садовой Слободы, Алексѣй Васильевъ, жившій съ женою своею Маврою Егоровою и шестилѣтнимъ сыномъ Тригоріемъ въ отдѣльномъ домѣ роднаго своего брата Семена, внезапно и неизвѣстно куда исчезъ изъ дома; 22 августа Алексѣй Васильевъ былъ найденъ въ принадлежащемъ ему погребѣ надвое порубленнымъ и со многими знаками наружнаго насилія. По мнѣнію врача, производившаго судебно-медицинскій осмотръ тѣла убитаго Волохова, смерть ему послѣдовала отъ безусловно смертельныхъ поврежденій, нанесенныхъ тупыми и рубящими орудіями въ голову и шею, и что разсѣченіе тѣла на двѣ половины произведено уже надъ его трупомъ. Въ убійствѣ крестьянина Волохова обвиняется жена его, Мавра Егорова, противъ которой, при несознаніи ея въ совершеніи этого убійства, предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія улики: 1) вслѣдствіе показанія 6-лѣтняго сына Волохова, Григо-

рія, что онъ видѣлъ, какъ мать его била ручкой топора его отца, что послѣдній лежалъ въ то время на полу, въ одной изъ верхнихъ комнатъ, въ углу, и не кричалъ, и что на полу была кровь—сдѣланъ былъ осмотръ той комнаты, гдѣ, по указанію мальчика Григорія, лежалъ его отецъ, и по осмотру найдено, что полъ въ одномъ углу какъ будто присыпанъ по замытому дереву пескомъ и землей на пространствѣ около 3-хъ квадратныхъ аршинъ, во многихъ мѣстахъ оказались брызги крови, на обояхъ съ правой стороны лѣваго окна видны также брызги крови, а на нижнемъ лѣвомъ стеклѣ этого окна большая капля крови; въ пазахъ досокъ пола, засыпаннаго пескомъ, видны слѣды крови, по поднятіи 4-хъ досокъ пола, въ пазахъ досокъ найдены потеки крови, а внизу, на пескѣ, сгустки крови. Показаніе Мавры Егоровой, что мужъ ея спалъ въ этой комнатѣ на полу, послѣ нанесенныхъ будто бы ему наканунѣ Успенья побоевъ, и что у него текла сильно кровь изъ носу и головы на полъ, слѣдствіемъ не подтвердилось; 2) 21 августа братъ покойнаго Волохова, Терентій, розыскивая внезапно пропавшаго брата, подошелъ къ его погребу и увидалъ тамъ въ ямѣ Мавру Егорову, которая бросала лопаткой землю и камни въ пріямникъ погреба, наполненный водою, а жена другого брата—Семена, Авдотья Иванова, слышала въ эти дни съ сосѣдняго двора покойнаго Волохова плескъ отъ воды. Въ этомъ самомъ погребѣ (пріямникѣ) по отлитіи воды, найденъ былъ перерубленный надвое трупъ Волохова, заваленный множествомъ грязи и камней; 3) по показанію солдатки Марьи Матвѣевой Волоховой, въ то время, какъ Терентій Волоховъ полезъ въ погребъ искать брата, Ма-

вра Егорова вся поблѣднѣла и даже потъ съ ея лица сталъ капать; 4) Терентій и Семенъ Волоховы и крестьянинъ Аѳанасій Ивановъ показали, что когда вытаскивали трупъ Алексѣя Волохова изъ погребѣ, Мавра Егорова, стиравшая въ то время бѣлье, выскочила изъ избы и оробѣла, а когда ее стали арестовывать, то она, оборотясь къ двоюродному брату покойнаго своего мужа, Никитѣ Волохову, сказала „что будетъ мнѣ, то и тебѣ; на одной доскѣ будемъ стоять“ 5) 17-го августа, вечеромъ, Мавра Егорова вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Григоріемъ ушла изъ дому и ночевала у крестьянина Ивана Прохорова, которому, равно и женѣ его Феклѣ Алексѣевой, она объяснила что не можетъ ночевать дома, потому что ея ужасъ беретъ; въ домѣ же Прохорова провела она и нѣсколько послѣдующихъ затѣмъ ночей; 6) родственники покойнаго Волохова и окольные люди показали, что Мавра Егорова съ мужемъ своимъ жила чрезвычайно дурно, постоянно съ нимъ ссорилась и иначе не называла его, какъ арестантомъ и мошенникомъ, и всѣ спрошенныя при слѣдствіи лица единогласно высказали подозрѣніе въ убійствѣ Алексѣя Волохова на жену его Мавру Егорову“.

Во время чтенія обвинительнаго акта и всего судебнаго засѣданія обвиняемая, еще молодая 28-лѣтняя женщина, держала себя спокойно, кротко и съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Судя по отвѣтамъ, которыя она давала на судѣ, эта женщина, относительно говоря, развитая.

Нѣкоторые отвѣты ея свидѣлствуютъ, что она искренно проникнута религіознымъ чувствомъ: она вѣритъ въ то, что человѣкъ цѣловавшій крестъ, хотя бы и врагъ ея, не скажетъ неправды; она убѣждена, что

Богъ внушить ему сказать истину и потому допустила къ присягѣ всѣхъ родныхъ мужа, явныхъ своихъ недоброжелателей, хотя защитникъ и объяснилъ ей, что законъ дозволяетъ ей не допускать ихъ присягать. -- „Можетъ быть, Господь на нихъ оглянется, и они правду покажутъ“, говорила она на судѣ, видимо проникнутая искреннимъ религіознымъ чувствомъ. Г. Лютецкій, видѣвшій ее на судѣ, свидѣтельствуешь, что она внушала къ себѣ весьма почтенное чувство. „Она будто устала отъ всего пережитаго, но сохранила всецѣло твердость и самоуваженіе, тѣлодвиженія ея проникнуты важностью, но тихи и мягки, голосъ ея порою звучить какою-то преданностью и грустью, порою же какимъ-то горделивымъ сознаніемъ своего преобладанія надъ обвиненіемъ. Невольно думаешь, что эта женщина способна сильно мстить, она же однако не чужда и самой задушевной нѣжности, гнѣвъ и кротость постоянно въ ней спорятъ;—ее заподозришь, но какъ-то безискусственно и строго, спокойно достигаетъ она желаемаго къ себѣ довѣрія. Въ теченіе всего двухнеднаго засѣданія, ея поведеніе удивительно выдержано, но что-то загадочное представляетъ собою эта крестьянка, все въ ней осязательно возвышаетъ ее надъ обыденною ея средою;—и зритель-слушатель приходитъ въ безотчетное недоумѣніе“ ¹⁾).

Допрошено было на судѣ 15 свидѣтелей. Все добытое слѣдствіемъ, или не подтвердилось на судѣ, несмотря на видимое не доброе расположеніе свидѣтелей къ Маврѣ Волоховой, или явилось, какъ, напримѣръ,

¹⁾ См. Замѣчательные процессы А. Лютецкаго, М. 1867 г., откуда мы заимствуемъ рѣчи обвинителя и защитника.

кровавые знаки въ домѣ Волохова, крайне бѣднымъ и недающимъ возможности придти къ какимъ-либо положительнымъ и основательнымъ заключеніямъ.

Неполнота слѣдствія до такой степени угнетала присяжныхъ, что они чрезъ одного изъ своихъ засѣдателей заявили суду, что желаютъ знать достаточно ли данныхъ, представленныхъ слѣдствіемъ, для того, чтобы они могли произнести обвинительный приговоръ.

Предсѣдатель суда долженъ былъ разъяснить присяжнымъ, что „если судъ не найдетъ дослѣдованіе возможнымъ и присяжные по обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, придутъ къ тому убѣжденію, что улики противъ подсудимой недостаточно, то они могутъ признать подсудимую невиновной; если же найдутъ, что обвиненіе превышаетъ и они составятъ себѣ полное убѣжденіе о ея виновности, то обязаны обвинить подсудимую“. Самъ обвинитель на судѣ также заявилъ, что осмотры составлены неполно. ¹⁾

¹⁾ На судѣ былъ прочитанъ осмотръ, произведенный наканунѣ засѣданія, по заявленію защитника, членомъ суда г. Анцыферовымъ, причемъ предъявленъ былъ гг. присяжнымъ планъ мѣстности. Въ этомъ осмотрѣ, между прочимъ, сказано было, что лѣстница, ведущая въ верхній этажъ дома, была такова, что по ней безъ помощи другаго чрезвычайно трудно было войти. Она крута и безъ перилъ, имѣетъ 10 ступенекъ узкихъ и покатыхъ, на пространствѣ 4½ аршинъ. Этотъ-же осмотръ выяснилъ суду, что все, что происходило на половинѣ дома Алексѣя Волохова, хорошо было слышно на половинѣ Семена Волохова. Обвинитель, по прочтеніи этого осмотра, заявилъ, что для него достаточно разъяснилось то обстоятельство, что Волоховъ больной не могъ войти на лѣстницу, по которой здоровые съ трудомъ входятъ.

По выслушаніи заключенія экспертовъ и чтенія повального обыска, началъ свое обвиненіе *М. Θ. Громницій*.

Господа Присяжные!

Въ августѣ мѣсяцѣ прошедшаго года совершено было, безъ преувеличенія, страшное преступленіе. Крестьянинъ Алексѣй Волоховъ найденъ былъ убитымъ и перерубленнымъ надвое подъ водою, закиданный грудой камней и грязью. Народный голосъ, въ подобныхъ случаяхъ такъ рѣдко ошибается, прямо указалъ на жену убитаго Мавру Егорову, какъ на виновницу преступленія. На чемъ основывается этотъ народный голосъ?... Мѣстнымъ жителямъ были извѣстны слѣдующія обстоятельства: Волоховъ жилъ въ отдѣльномъ помѣщеніи съ женою и пятилѣтнимъ ребенкомъ, ни прислуги, никого другого въ домѣ съ ними не жило. Волоховъ былъ человѣкъ смирный, хорошій, любилъ побуянить только въ пьяномъ видѣ, всѣ показанія свидѣтелей сходятся къ тому, что онъ былъ человѣкъ хорошій и мягкій. Кромѣ того свидѣтели показали, что онъ пропилъ все свое имѣніе. Это подтвердила и жена его, которая выразилась, что и на 5 рублей ассигнаціями едва ли было у нихъ имѣнія. Эти обстоятельства доказываютъ намъ, что у убитаго Волохова не было враговъ, и не могло быть такихъ людей, которые бы имѣли намѣреніе его отколотить за что либо, тѣмъ менѣе убить. Наконецъ мѣстнымъ жителямъ извѣстны были отношенія Волохова къ его женѣ и характеръ его жены. Вы могли, гг. присяжные, замѣтить какое мнѣніе образовалось у народа относительно Мавры Егоровой. Въ показаніяхъ свидѣтелей есть прямые доказательства того, что она была женщина злаго и сердитаго характера. Общее впечатлѣніе изъ

прочтеннаго вамъ повальнаго обыска вытекаетъ такое; что Мавра Егорова была женщина сердитая, характерная; мѣстнымъ жителямъ не безызвѣстно было, что Мавра Егорова и прежде старалась отдѣлаться отъ мужа: она, укравъ деньги у снохи своей, старалась обвинить въ этой кражѣ своего мужа, и только захворавъ, мучимая страхомъ смерти, отдала эти деньги назадъ. Мавра Егорова такъ дурно жила съ мужемъ, что не называла его иначе, какъ жуликомъ, мошенникомъ и каторжникомъ,—ясно, что она жила не въ любви съ мужемъ. Мѣстнымъ жителямъ, послѣ того, какъ найденъ былъ трупъ Волохова, оставалось указать или на жену Волохова, или на другихъ. Но вопросъ этотъ не требовалъ особенныхъ затрудненій при разрѣшеніи. Кому изъ постороннихъ нужно было убивать Волохова? Имущества, враговъ—у него не было. Оставалось выбрать одно изъ двухъ: что онъ былъ убитъ или женой, или въ дракѣ. Но какъ скоро явилось послѣднѣе предположеніе, также скоро и исчезло. Если бы убійство совершилъ посторонній человѣкъ и въ дракѣ, то оно должно было бы совершиться или въ кабацѣ, или на улицѣ, тогда какъ мы видимъ, что трупъ былъ найденъ въ собственномъ погребѣ Волохова. Въ такомъ случаѣ вѣрнѣе предположить, что если бы человѣкъ совершилъ убійство въ дракѣ, то онъ поскорѣе постарался бы бѣжать отъ трупа. Кромѣ того, убійство совершено было 3-мя родами орудій: рубящимъ, тупымъ и острымъ трехграннымъ; медикъ присовокупляетъ еще, что при этомъ долженъ былъ быть ножъ; слѣдовательно, если предполагать, что убійство было совершено въ дракѣ, то нужно предположить, что убійца заранѣе приготовилъ столько родовъ оружія. Кромѣ того, мы видимъ, что убійца

долженъ былъ положить туловище въ мѣшокъ, перерѣзать трупъ надвое, снести его въ два приѣма въ собственный погребъ убитаго, гдѣ онъ на каждомъ шагѣ могъ встрѣтиться съ женой убитаго и посторонними; кромѣ того, онъ долженъ былъ закидать трупъ камнями и грязью. По всѣмъ этимъ основаніямъ, общественное мнѣніе имѣло право указать на жену Волохова, какъ на единственное лицо, которое могло совершить убійство. Что же открыло намъ судебное слѣдствіе въ подтвержденіе этого общественнаго мнѣнія? Мавра Егорова жила одна съ мужемъ, мужъ ея исчезъ 17 августа, и трупъ его найденъ только 22 августа; слѣдовательно, Мавра Егорова, съ 17 по 22 августа бывшая полною хозяйкой въ домѣ, имѣла всѣ средства стереть слѣды преступленія, и она дѣйствительно сѣумѣла воспользоваться этимъ. Она упустила изъ виду только то, что у ней былъ пятилѣтній ребенокъ. Спрошенный на судебномъ слѣдствіи, маленькій ея сынъ Григорій показаль, что онъ видѣль, какъ отецъ его лежалъ въ верхней комнатѣ на полу, и какъ мать его била отца топоромъ въ бокъ. Если мальчикъ показаль, что мать его била отца топоромъ безъ желѣза, то мы не должны забывать, что у убитаго по медицинскому осмотру найдены переломленными два ребра, слѣдовательно показаніе мальчика не можетъ не имѣть значенія. Если бы мальчикъ Григорій далъ это показаніе такъ, что оно не подтвердилось бы ничѣмъ, то мы имѣли бы право усомниться въ его показаніи. Я бы не дозволилъ ни въ какомъ случаѣ упоминать о немъ. Я упоминаю о немъ потому, что вслѣдствіе показанія мальчика сдѣланъ былъ осмотръ въ верхней комнатѣ дома Волоховыхъ, и по осмотру оказалось, что полъ въ комнатѣ на разстояніи 3-хъ квадратныхъ аршинъ былъ

подмытъ и усыпанъ пескомъ и землей, на стѣнахъ и на обояхъ найдены были слѣды крови, а когда подняли полъ, то въ пазахъ оказались куски крови и самый песокъ оказался влажный. Осмотръ этотъ, по моему мнѣнію, имѣетъ силу рѣшительной улики противъ подсудимой; при этомъ осмотрѣ показанія мальчика начинаютъ пріобрѣтать довѣріе. Подсудимая нашлась, что сказать по поводу найденной крови въ верхнемъ этажѣ: она показаваетъ, что ея мужъ, вслѣдствіе драки съ Никитой Васильевымъ, былъ боленъ и ему ставилъ банки мѣстный фельдшеръ Козыревъ. Она старается объяснить ставкой банокъ появленіе крови въ верхней комнатѣ. Но, не говоря уже объ отрицаніи Никиты о дракѣ его съ Алексѣмъ Волоховымъ, староста, старшина, трактирщикъ и вообще никто не подтвердилъ факта драки. Но самымъ главнымъ показаніемъ въ этомъ случаѣ является показаніе фельдшера. Фельдшеръ говоритъ, что онъ ни какихъ знаковъ побой не видалъ на Волоховѣ. Слѣдовательно, это показаніе подсудимой не подтвердилось слѣдствіемъ. Здѣсь, на судебномъ слѣдствіи, подсудимая старалась также подорвать показаніе мальчика; она говоритъ, что мальчикъ показывалъ подъ вліяніемъ дядей. Но и эти ея слова также не подтвердились. Да и какаѣ причина была дядьямъ подговаривать мальчика?... Быть опекунами мальчика и въ это время пользоваться домомъ и садикомъ?... Это слишкомъ ничтожная причина; мудрено предположить, чтобы кто нибудь рѣшился изъ-за этого обвинить другаго въ убійствѣ. Подсудимая постоянно клеветаетъ на свидѣтелей, но эти клеветы мало чѣмъ подкрѣпляются и ничѣмъ не опровергаются улики, которыми являются тѣ слѣды крови, которые были найдены въ верхней комнатѣ. Эти улики являются во всей

силѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Алексѣй Волоховъ былъ убитъ въ своемъ домѣ и человѣкомъ живущимъ тамъ, а жила въ томъ домѣ только его жена. Надо полагать, что онъ пьяный залегъ спать и его соннаго убила жена. Я не хочу предполагать, чтобы Мавра Волохова приготавлила орудія къ убійству, орудія эти могли быть въ домѣ. Какъ она совершила убійство, говорить объ этомъ положительно, — нельзя, но догадываться можно. Нѣтъ причины думать, чтобы убійство было совершено вдвоемъ, втроемъ: перерубъ тѣла показываетъ, что убійство совершено было однимъ лицомъ. Затрудненіе могло явиться только въ одномъ — какъ было спустить съ лѣстницы трупъ. Я объясняю это такимъ образомъ: она сбросила сначала одну половину тѣла, потомъ другую, и затѣмъ, убравши трупъ, замыла кровь, которая должна была образоваться при паденіи тѣла. Здѣсь, на судебномъ слѣдствіи, она старалась доказать, что ея въ то время не было дома, но вы слышали изъ показаній свидѣтелей, что она въ тотъ день качала воду, чтобы вымыть рубашку. Я думаю, что она приготавлила воду именно для того, чтобы замыть слѣды крови. Количество крови могло оказаться на полу не особенно изобильнымъ, потому что Волоховъ могъ спать на кровати и подсудимая могла послѣ уничтожить со-вѣмъ эту постель, сжечь ее. Ей, повторяю, удобно было скрыть слѣды, она была полная хозяйкою въ домѣ, никто не могъ ей помѣшать въ этомъ. Наконецъ, не малою уликою противъ подсудимой служить показаніе свидѣтельницы Марьи Матвѣевой, которая видѣла Алексѣя Волохова наканунѣ Успенья, и не видала на немъ знаковъ побой.

Все, что я изложилъ предъ вами, гг. присяжные со-

ставляетъ довольно сильныя улики противъ подстудимой. Я упомяну о менѣ важныхъ уликахъ, которыя въ связи съ другими, болѣе крупными, являются также довольно важными. Я укажу на показаніе одного изъ братьевъ убитаго—Терентія, который видѣлъ, какъ подсудимая бросала въ погребъ камни и грязь. Съ этимъ свидѣтелемъ слѣдалось даже дурно, когда онъ увидалъ трупъ брата, и потому подозрѣвать, что онъ лжетъ, нѣтъ никакого основанія. Сказать противъ этого свидѣтеля можно что угодно, но это будетъ голословно. Если у крестьянъ есть обыкновеніе очищать свои погреба, то я никакъ не думаю, чтобы у нихъ было обыкновеніе заваливать свои погреба, и подсудимой не было никакой надобности бросать камни и грязь въ погребъ,—вотъ почему показаніе Терентія заслуживаетъ вниманія. Далѣе, уликою противъ подсудимой является то обстоятельство, что она 17-го августа пришла къ Прохоровымъ ночевать. Что-жъ, кажется, тутъ за бѣда ночевать у сосѣдей? Но это обстоятельство заслуживаетъ вниманія, потому что она у Прохоровыхъ прежде никогда не ночевала. На предварительномъ слѣдствіи она показала, что она потому къ Прохоровымъ пошла ночевать, что ей «ужасно стало», и это-то обстоятельство и служить противъ нея уликой; она, какъ только опустила трупъ мужа въ погребъ, такъ до 22-го августа ни одной ночи не ночевала дома. Ее бралъ ужасъ спать въ томъ домѣ, гдѣ она убила мужа. Она до того растерялась, когда ей сказали, что ее подозрѣваютъ въ убійствѣ, что обратилась къ брату съ словами: *«если меня потащутъ въ судъ, то вѣдь намъ вмѣстѣ съ тобой придется стоять на одной доскѣ»*. Въ этихъ словахъ есть уже часть признанія. Почему же она обратилась съ та-

кими словами къ Никитѣ, я объясняю себѣ тѣмъ, что Никита больше другихъ принималъ участія и даже велѣлъ ей крѣпче вязать руки. Этими словами она хотѣла какъ бы набросить тѣнь на Никиту. Далѣе я долженъ сказать о томъ, что если свидѣтели и не вполне подтверждаютъ сказанное ими на предварительномъ слѣдствіи, то это потому, что со времени происшествія прошло полгода и они могли забыть мелкія подробности.

Въ числѣ уликъ, я придаю особенное значеніе повальному обыску, который былъ прочтенъ здѣсь на судѣ. Я долженъ сказать вамъ, какъ составляется въ послѣднее время повальный обыскъ. Онъ составляется изъ показаній жителей одного селенія съ подсудимой; подсудимая имѣетъ право вычеркивать изъ списка лицъ, оказавшихся почему либо подозрительными, потомъ изъ этихъ лицъ выбираются по жребію 12 чел., которые подъ присягою и даютъ свое мнѣніе о подсудимой. На одномъ обстоятельствѣ въ этомъ спросѣ я позволяю себѣ остановить ваше вниманіе. Почти всѣ обыскные люди сказали про нее, что она женщина хорошаго, честнаго поведенія, и это обстоятельство, которое бы должно было послужить, повидимому, въ пользу ея въ настоящемъ случаѣ служить ей во вредъ. Самое свойство преступленія таково, что говоритъ о томъ, что это преступленіе не могло быть совершено женщиной легкаго поведенія. Для того, чтобы убить мужа, нуженъ большой запасъ и характера и энергіи. Она не могла любить пьяницу мужа, который пропилъ все имѣніе, она постоянно ругала его жуликомъ, мошенникомъ и каторжникомъ. Ее, можетъ быть, останавливала отъ преступленія боязнь наказанія, послѣ попытки обвинить мужа въ кражѣ; но въ послѣдствіи у нея созрѣлъ болѣе об-

ширный планъ избавиться отъ мужа, обстановка ей въ этомъ случаѣ благопріятствовала, и она убила мужа. Качества ея, какъ жены и какъ женщины, прекрасны; при другихъ обстоятельствахъ изъ нея вышла бы можетъ быть превосходная женщина, но на бѣду ей попался дурной мужъ, пьяница, и она не могла съ нимъ ужиться. На основаніи всѣхъ вышепоименованныхъ уликъ я обвиняю ее въ предумышленномъ убійствѣ своего мужа.

Рѣчь обвинителя, искусно сгруппированная изъ весьма тощихъ данныхъ, видимо произвела сильное впечатлѣніе на присяжныхъ. Выражаясь фигурально, вѣсы правосудія склонились на сторону обвиненія подъ ударами такого сильного и опаснаго противника.

Кн. А. И. Урусовъ отвѣтилъ обвинителю въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Господа судьи! Господа присяжные!

Вашего приговора ожидаетъ подсудимая, обвиняемая въ самомъ тяжкомъ преступленіи, которое только можно себѣ представить. Я въ своемъ возраженіи пойду шагъ за шагомъ за г. товарищемъ прокурора. Мы, удостоверяясь въ существенномъ значеніи уликъ, взвѣсимъ ихъ значеніе, какъ того требуетъ интересъ правды, и преимущественно остановимся не на предположеніяхъ, а на доказательствахъ. Искусная въ высшей степени рѣчь г. товарища прокурора, основанная преимущественно на предположеніяхъ...

Предс. Г. защитникъ, я прошу васъ удерживаться по возможности отъ всякихъ выраженій одобренія или порицанія противной стороны.

Защитникъ. Г. товарищъ прокурора въ своей рѣчи сгруппировалъ факты такимъ образомъ, что всѣ сомнѣ-

нія дѣлаются какъ бы доказательствами. Онъ озарилъ такимъ кровавымъ отблескомъ всѣ улики, что мнѣ приходится сознаться, что вы, гг. присяжные, должны были склониться нѣсколько на его сторону. Вспомните, господа, что мы два дня находимся подъ довольно тяжелымъ впечатлѣніемъ. Наслоеніе впечатлѣній, накопившихся въ продолженіе этихъ 2-хъ дней, не даетъ намъ возможности сохранить ту долю самообладанія, которая дала бы возможность строго взвѣсить всѣ улики и скептически отнестись къ тому, что не выдерживаетъ строгого анализа. Г. товарищъ прокурора опирается преимущественно на косвенныя улики. 1-ю уликою онъ представляетъ народную молву. Г. прокуроръ говоритъ, что народный голосъ рѣдко ошибается; я думаю наоборотъ. Народный голосъ есть воплощенное подозрѣніе¹⁾,

1) Во время набора этой рѣчи французскія газеты переполнены были подробностями „убійства пастуховъ“ Вашеромъ. Этотъ маниакъ совершилъ цѣлый десятокъ убійствъ самымъ звѣрскимъ образомъ. По послѣднимъ извѣстіямъ есть основаніе полагать, что этотъ списокъ увеличится еще нѣсколькими жертвами.

Всѣ французскіе суды, въ производствѣ которыхъ имѣются убійства, по которымъ виновники не открыты, просили слѣдователя Белла доставить свѣдѣнія о Вашерѣ. Мы нарочно остановились на этомъ дѣлѣ, чтобы наглядно показать съ какою осторожностью вообще нужно относиться въ уголовныхъ дѣлахъ къ такъ называемому „гласу народа“, который принято считать „гласомъ Божиимъ“. По одному изъ убійствъ, совершенныхъ Вашеромъ, только теперь свято подозрѣніе, два года тяготѣвшее надъ невиннымъ человѣкомъ. Когда въ маѣ 1895 г., по дорогѣ изъ Дижона въ Валь-Сюзонъ, былъ найденъ трупъ молодой семнадцатилѣтней дѣвушки Августины Мортире, голосъ народа указалъ, какъ на убійцу на нѣкоего Гренье, богатаго землевладѣльца, живущаго въ окрестностяхъ

которое нерѣдко вредить крестьянину. Почему въ настоящемъ случаѣ народный голосъ является противъ подсудимой? Трупъ найденъ въ погребѣ дома Волохова; Волоховъ жилъ несогласно съ своей женой; — послѣ этого слѣдуетъ немедленное заключеніе — она виновна. Почему? Больше никому. Вотъ народная логика. Для того, чтобы нагляднѣе понять, что такое народный голосъ въ настоящемъ случаѣ, необходимо вспомнить существенныя черты характера дѣйствующихъ лицъ. Каковъ человекъ былъ Алексѣй Волоховъ? Онъ былъ пьяница, во хмѣлю буянилъ, билъ стекла (по осмотру оказалось, что въ его домѣ было разбито до 40 стеколъ); когда онъ возвращался пьяный домой, онъ шумѣлъ, но при этомъ, какъ показали всѣ свидѣтели, онъ

Дижона. Молва была основана исключительно на плохой репутаціи, который пользовался въ юности Гренье. Гренье былъ привлеченъ къ слѣдствію, но оно не дало никакихъ уликъ противъ него. Тѣмъ не менѣе слухи продолжали упорно обвинять Гренье. Двѣ мѣстныя газеты повели противъ него дѣятельную кампанію. Гренье возбудилъ противъ нихъ обвиненіе въ клеветѣ и выигралъ дѣло, но все таки не освободился отъ ига тяготѣвшихъ надъ нимъ подозрѣній. Наконецъ, нашлись даже два свидѣтеля преступленія. Гренье арестовали и передали суду, но никакихъ уликъ противъ него не могли найти. Курьезно что одинъ изъ свидѣтелей утверждалъ, что онъ лично видѣлъ убійцу недалеко отъ мѣста преступленія, а когда его ввели въ залу суда и просили указать Гренье, указалъ на прокурора. Несчастный Гренье былъ освобожденъ, но долженъ былъ покинуть мѣстность, такъ какъ его чуть не въ глаза всѣ продолжали называть убійцей. Теперь, наконецъ, раскрылось, что убійцей Мортирѣ былъ Вашеръ, и что Гренье напрасно два года подвергался травлѣ. Говорятъ, бѣдняга упалъ въ обморокъ отъ радости, узнавъ, что пытка его, наконецъ, окончилась.

стоялъ крѣпко на ногахъ. Эта индивидуальная черта его имѣетъ весьма важное значеніе. Замѣчательно, что никто изъ свидѣтелей не подтвердилъ главнаго обстоятельства, никто не сказалъ, вернулся ли Алексѣй Волоховъ 17 августа домой ночевать, тогда какъ въ 2 или 3 часа его видѣли на улицѣ пьянымъ. Мы знаемъ, что онъ былъ въ этотъ день нѣсколько разъ въ трактирѣ; Никита Волоховъ видѣлъ, какъ онъ шелъ по улицѣ съ какимъ-то мужикомъ пьяный, но онъ не сказалъ, что видѣлъ его, какъ онъ вошелъ въ домъ. Если бъ было доказано, что онъ ночевалъ въ этотъ день дома, то это было бъ довольно сильною уликою противъ подсудимой, между тѣмъ почти положительно можно утверждать, что онъ не ночевалъ въ этотъ день дома, такъ какъ его ближайшіе сосѣди, Никита и Семенъ Волоховы, непременно должны были слышать его возвращеніе. Членъ суда, производившій осмотръ, удостовѣряетъ, что изъ половины Семена слышенъ былъ даже обыкновенный разговоръ въ половинѣ Алексѣя, а тѣмъ болѣе должны были быть слышны шумъ и крики, безъ которыхъ невозможно было совершить убійство. Г. товарищъ прокурора дѣлаетъ предположеніе, что Волоховъ былъ убитъ соннымъ, но я полагаю, что дѣлать предположенія въ такихъ важныхъ дѣлахъ мы не имѣемъ никакого права. По мнѣнію г. эксперта Доброва, подтеки на рукахъ убитаго могли произойти отъ сильнаго схвата рукою; если допускать предположеніе, то въ этомъ случаѣ набрасывается сильное сомнѣніе на самое обстоятельство дѣла. Относительно показанія мальчика Григорія я долженъ замѣтить, что оно носитъ на себѣ явный слѣдъ искусственности; мы слышали, гг. присяжные, что мальчикъ признавался, что

онъ дѣйствовалъ по наущенію дядей; если предположить, что мальчикъ дѣйствовалъ сознательно, то чѣмъ объяснить то обстоятельство, что онъ отъ 17 до 22 августа никому ничего не говорилъ, онъ бѣгаетъ свободно по улицамъ, играетъ съ мальчиками и мать его свободно отпускаетъ; остановимся на минуту на предположеніи, что убійство совершено ею и мальчикъ видѣлъ это, то неужели бы она отпустила его на улицу, гдѣ каждый могъ бы его спросить объ отцѣ? Впрочемъ, остановимся на его показаніи, — онъ говоритъ, что видѣлъ, какъ мать его ручкой топора безъ желѣза била его отца; потомъ онъ говоритъ, что видѣлъ отца въ погребѣ; ясно, что мальчикъ смѣшиваетъ время, — онъ легко могъ видѣть, какъ отецъ его пьяный спалъ и у него изъ носу текла кровь, послѣ же онъ слышалъ, что отецъ его найденъ въ погребѣ, мальчикъ явно перемѣшалъ событія, выдумкою въ его рассказѣ является только показаніе его о топорѣ. Я не могу допустить мысли, чтобы мальчикъ до такой степени отдавалъ себѣ отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ, чтобы могъ такъ долго помнить о такомъ событіи. Далѣе, въ числѣ уликъ г. товарищъ прокурора приводитъ то обстоятельство, что подсудимая 17 августа ходила ночевать къ Прохоровымъ, онъ объясняетъ это ея боязнію оставаться ночевать въ томъ домѣ, въ которомъ она только что совершила убійство; но эта улика достаточно опровергнута слѣдствіемъ, такъ какъ свидѣтели показали, что она и прежде переночевывала у сосѣдей, когда мужъ ея возвращался домой пьяный. 17 августа, видя, что мужъ долго не возвращается, и думая, что онъ возвратится пьяный, — она уходитъ ночевать къ сосѣдямъ. Г. товарищъ прокурора недопускаетъ того, что она, уйдя изъ дома, не заперла

воротъ, но я долженъ замѣтить: во 1-хъ, что ей неза-
чѣмъ и нечего было запирать, такъ какъ у нея въ домѣ
ничего не было; во 2-хъ, разъ вышедши изъ воротъ,
запереть ихъ изнутри невозможно. Вы слышали, что
Мавра Егорова ушла ночевать къ Прохоровымъ, домъ
оставался пустой, Никита, бывшій въ то время ночнымъ
сторожемъ и жившій рядомъ, не могъ не знать этого.
Никита говоритъ, что онъ не помнитъ, караулил ли
онъ село 17-го августа, онъ отрицаетъ драку свою въ
тотъ день съ Алексѣемъ Волоховымъ, отрицаетъ даже,
что былъ въ тотъ день въ трактирѣ, но мы должны
въ томъ случаѣ болѣе довѣрять показанію трактирщика.
Я считалъ излишнимъ загромождать судебное слѣдствіе
вызовомъ трактирщика и другихъ, видѣвшихъ Никиту
въ трактирѣ. Я не имѣю права составлять новый об-
винительный актъ, но страннымъ является отрицаніе
Никиты о бытности его въ трактирѣ съ Алексѣемъ
Волоховымъ. Затѣмъ я долженъ остановиться на осмо-
трѣ о слѣдахъ крови, найденныхъ въ верхней части
дома. Полъ въ комнатѣ былъ найденъ замытымъ на три
квадратныхъ аршина, въ пазахъ пола были найдены
небольшіе сгустки крови. Я говорю небольшіе, на томъ
основаніи, что если бы куски были большіе, то они
были бы передъ вами въ числѣ вещественнымъ дока-
зательствъ, вмѣсто этихъ забрызганныхъ кровью ще-
покъ, которыя лежатъ передъ вами. Изъ медицинскаго
осмотра мы видимъ, что у Алексѣя Волохова вскрыта
была полая вена, изъ которой должно было быть обиль-
ное кровотеченіе, кромѣ того Алексѣй Волоховъ былъ
человѣкъ съ разжиженной кровью, слѣдовательно кровь
должна была вытечь изъ его тѣла въ огромномъ коли-
чествѣ, должны были быть крупныя фунтовые сгустки

крови и тогда незачѣмъ было бы соскабливать маленькія кровяныя пятнышки, чтобы представлять ихъ къ судебному слѣдствию, нужно бы было представить эти большіе сгусты. Между тѣмъ мы ихъ не видимъ. Такъ какъ наука не въ состояніи доказать, какая кровь найдена была въ верхней комнатѣ, то не было бы причины подозрѣвать непременно, что это кровь человѣческая, но, замѣтите, что подсудимая сама не отрицаетъ того, что это кровь Алексѣя Волохова и объясняетъ это кровотеченіемъ изъ носу. Мы не имѣемъ причины не довѣрять ей въ этомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что фельдшеръ подтвердилъ, что онъ ставилъ банки Алексѣю Волохову, который жаловался на приливы къ головѣ. Правда, общественное мнѣніе склоняется не въ пользу подсудимой, оно говоритъ, что подсудимая была злого и сердитаго характера, но не надо забывать того, что это мнѣніе было высказано тогда, когда въ народѣ уже сложилось убѣжденіе въ виновности подсудимой, и потому довѣрять ему вполне нельзя, но и г. товарищъ прокурора въ числѣ уликъ выставляетъ нравственные качества подсудимой. Признаюсь, я не ожидалъ, чтобы нравственные качества человѣка можно было поставить ему въ вину. Я долженъ прибавить, что эта женщина десять лѣтъ была замужемъ. Имѣя пьянаго мужа, который пьяный буянилъ, она часто уходила ночевать къ сосѣдямъ. Мудрено ли было въ этомъ случаѣ молодой женщинѣ увлечься, а между тѣмъ, изъ показаній свидѣтелей и изъ повальнаго обыска, мы видимъ, что она никогда не нарушала долгъ жены. Въ доказательство ея нравственныхъ качествъ я долженъ прибавить, что она на повальномъ обыскѣ никого не отвела отъ свидѣтельства о ея поведеніи. Здѣсь, на судебномъ слѣд-

ствіи, она требовала, чтобы всѣ свидѣтели были спрошены подѣ присягою, хотя я наканунѣ засѣданія объяснилъ ей, что свидѣтелямъ, спрошеннымъ безъ присяги, дается менѣе вѣроятія, но она отвѣчала мнѣ: „*авось они омянутся и покажутъ правду*“, — такъ твердо она была увѣрена въ своей невинности...

Г. товарищъ прокурора находитъ, что у Алексѣя Волохова не было враговъ, не было причины враждовать противъ него, но судебное слѣдствіе показываетъ намъ, что могли быть причины вражды: онъ нанимался не разъ въ рекруты и не исполнялъ обѣщанія. Кромѣ того я долженъ сказать, что жена Никиты судилась какъ-то съ однимъ мужикомъ по вопросу объ изнасилованіи, что могло подать поводъ къ насмѣшкамъ со стороны подсудимой и тѣмъ возбудить противъ нея вражду. Кромѣ того для братьевъ покойнаго Алексѣя могъ служить предметомъ зависти домъ его. Я не хочу сказать, чтобы для братьевъ его могъ быть интересъ убить Алексѣя, этотъ интересъ могъ и не существовать. Но за то могъ быть интересъ скрыть преступника. Въ числѣ другихъ уликъ, выставленныхъ г. товарищемъ прокурора, онъ указывалъ на то, что Мавра Егорова часто ругала своего мужа, называла жуликомъ, мошенникомъ и каторжникомъ. Но кому неизвѣстно, что въ народѣ употребляются болѣе рѣзкія ругательства и они не могутъ подать повода къ подозрѣнію въ совершеніи преступленія, и сто подозрѣній, говоритъ англійская юридическая пословица, не составляютъ и одного доказательства. Да и могла ли Мавра Егорова равнодушно смотрѣть на развратный видъ пьянаго мужа, который дѣйствительно выглядывалъ арестантомъ. Далѣе г. товарищъ прокурора говоритъ, что убійца всегда старается бѣжать отъ

трупа. Совершенно соглашаясь въ этомъ съ г. товарищемъ прокурора, я долженъ замѣтить, что Мавра Егорова не страшилась быть на погребѣ, она солила тамъ огурцы и лазила даже въ погребъ. Если допустить, что Мавра Егорова совершила преступленіе, то ее нужно признать за какое-то исключеніе изъ всѣхъ людей. Между тѣмъ, если допустимъ, что убійство совершено было постороннимъ лицомъ, то проще допустить, что убійца бросилъ трупъ въ погребъ Волохова. Домъ былъ совершенно пустой, погребъ отъ улицы былъ въ семи шагахъ,—все это очень хорошо могъ знать ночной сторожъ.

Г. товарищъ прокурора замѣчаетъ, что трудно предположить, чтобы посторонній убійца сходилъ за мѣшкомъ, въ который положилъ Волохова. Я согласенъ, что это трудно, но еще труднѣе предположить, чтобы былъ отысканъ мѣшокъ тамъ, гдѣ его не было, а мы знаемъ, что Мавра Егорова не имѣла мѣшка, она даже брала мѣшокъ у сосѣдей, когда ей нужно было солить огурцы. Если допустить, что подсудимая, совершивъ убійство, уничтожила всѣ слѣды преступленія, замыла кровь на полу въ верхней комнатѣ, то почему же она не замыла пятенъ крови, оказавшихся на окнахъ и стѣнахъ. Кромѣ того изъ медицинскаго осмотра видно, что раны были нанесены 3-мя родами орудій. Не говоря уже о томъ, чтобы одному человѣку нужно было употреблять три различные рода орудій для того, чтобы совершить убійство, я замѣчу, что въ домѣ Волоховыхъ ни ножа, ни шила не было найдено. Что подозрѣнія на подсудимую могли быть, объ этомъ не можетъ быть и спора; но законъ говоритъ, что для того, чтобы преступленіе было наказано, оно должно быть несомнѣнно, а всякое сомнѣніе должно слагаться въ пользу подсу-

димой и никакъ ни во вредъ ея. Въ настоящемъ же случаѣ я полагаю, что убѣжденія въ виновности подсудимой ни въ какомъ случаѣ не могло у васъ сложиться. Тому показанію свидѣтелей, что Мавра Егорова не часто ночевала у сосѣдей, я ни въ какомъ случаѣ не могу довѣрять. Они показываютъ такъ потому, что боятся, чтобы не навлечь почему либо, въ этомъ случаѣ, на себя подозрѣнія и показываютъ такъ для того, чтобы окончательно отстранить себя отъ всякихъ подозрѣній. Далѣе, г. товарищъ прокурора говоритъ, что подсудимая постоянно клеветаетъ на свидѣтелей; клеветаетъ ли она, я предоставляю судить объ этомъ вамъ, гг. присяжные, я съ своей стороны думаю, что болѣе искренности со стороны подсудимой и желать нельзя. Если вы, мм. гг., не достаточно убѣдились моими доводами, то я долженъ заявить вамъ, что случаи судебныхъ ошибокъ не рѣдки въ уголовной практикѣ. Нужно надѣяться, что эти ошибки будутъ рѣже и рѣже. Тѣмъ менѣе я могу допустить, чтобы судъ присяжныхъ могъ допускать такія ошибки. Вы, гг. присяжные, граждане народа, вы должны постановлять свой приговоръ, основывая его на убѣжденіяхъ логическихъ, а не формальныхъ.

Гг. присяжные, настоящее преступленіе совершено было среди бѣлаго дня, между тѣмъ Семень Волоховъ говоритъ, что онъ, вернувшись вечеромъ домой, никакого шума въ квартирѣ Алексѣя не слышалъ. Показаніе Прохорова объ ужасѣ подсудимой, когда она пришла къ нему ночевать, ничѣмъ не подтвердилось. Я съ изумленіемъ замѣчаю, что г. товарищъ прокурора въ числѣ уликъ признаетъ слова ея, сказанныя Никитѣ, что если ее притянуть къ суду, то онъ будетъ стоять съ ней на одной доскѣ. Если придавать этимъ словамъ значе-

ніе, то странно, почему же Никита не былъ привлеченъ къ суду. Я объясняю слова ея такъ, что она хотѣла этимъ выразить, что если ее, противъ которой нѣтъ никакихъ уликъ, привлекутъ къ суду, то тѣмъ болѣе должны привлечь къ суду Никиту, который былъ сторожемъ въ деревнѣ и долженъ знать, кто совершилъ убійство. Въ заключеніе я долженъ упомянуть о покражѣ 150 р. Мавру Егорову постоянно попрекаетъ сноха тѣмъ, что она нищая, что мужъ ея все у нея пропилъ. Она изъ досады похищаетъ у снохи деньги, но совѣсть ея мучить и она открывается въ этомъ священнику. Она никогда не обвиняла мужа, она прямо говоритъ передъ священникомъ, что она, а не мужъ ея, укралъ деньги. Тотъ беретъ клятву съ Семена и его жены въ томъ, что тѣ никому не расскажутъ о происшедшемъ. Что же мы видимъ? Не успѣли тѣ выйти, какъ уже вся деревня знаетъ объ этомъ событіи. Вотъ, гг. присяжные, насколько нравственными личностями являются Семенъ Волоховъ и его жена, только-что поклявшись передъ образомъ, они черезъ полчаса нарушаютъ эту клятву; предоставляю вамъ судить насколько можно довѣрять показаніямъ подобныхъ личностей.

Гг. присяжные, я ожидаю отъ васъ строгой правды, строгого анализа. Передъ вами женщина, шесть мѣсяцевъ томившаяся подъ тяжелымъ обвиненіемъ. Девять лѣтъ въ горѣ прожила она съ мужемъ, еще горестнѣе конецъ ожидаетъ эту нравственную личность. Невольно преклоняешься передъ такимъ горемъ. Я ожидаю отъ васъ справедливаго приговора и я убѣжденъ, что этотъ приговоръ будетъ оправдательный.

Защитникъ не ошибся. Присяжные признали Мавру Волохову невинной.

Впечатлѣніе на публику было такъ сильно, что она не выдержала и зааплодировала.

Предсѣдатель позвонилъ и сказалъ:

— „Господа, здѣсь судъ, а не театръ“.

Публика, по закрытіи суда, бросилась къ Маврѣ Волоховой и ея защитнику, и поздравляла ихъ обоихъ. Нѣкоторые дарили деньги Маврѣ Волоховой.

Присяжные и присутствовавшая публика, выходя изъ суда, говорила:

— „Каторга не для такихъ людей“.

М. В. Громницкій и Ф. Г. Соловьевъ.

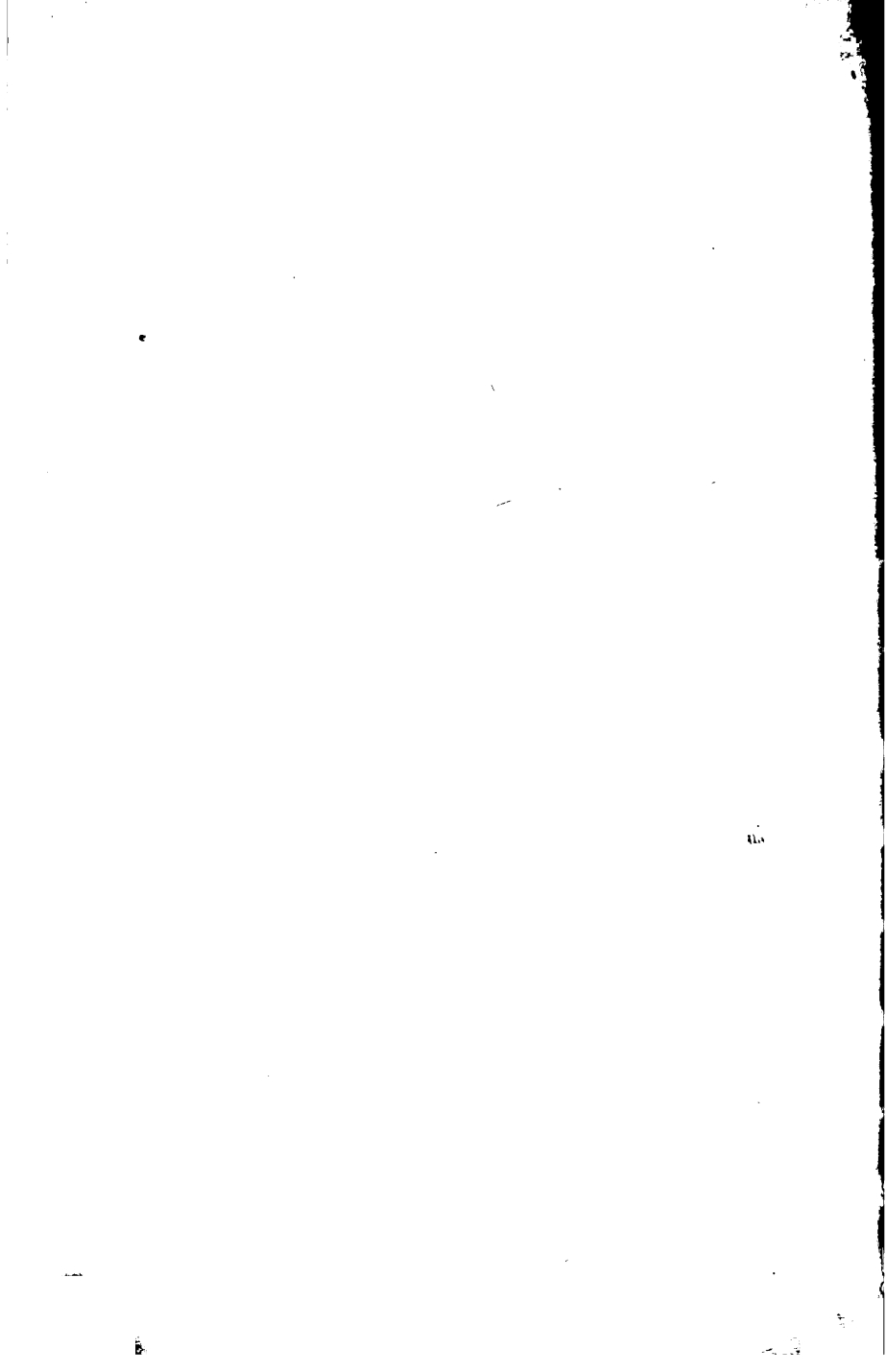
МЫТИЩЕНСКОЕ ДѢЛО

и

дѣла Вавилова, Петрова и Кухарева.

РЪЧИ

въ защиту и обвиненіе.

МЫТИЩЕНСКОЕ ДѢЛО

Московскій Окружный Судъ

Засѣданіе 8 и 9 января 1868 г.

ДѢЛО „Мытищенское,“ точно также какъ и „Волоховское,“ благодаря предвзятости предварительнаго слѣдствія и того обстоятельства, что на скамью подсудимыхъ, какъ замѣтилъ защитникъ, сажаются первые попавшіяся на глаза сыщиковъ люди, — относится къ категоріи непоправимыхъ судебныхъ ошибокъ: обвиняемые, Пожарновъ и Алексѣевъ, оправданы, а дѣйствительные убійцы старика и старухи Соколовыхъ не были отысканы, преступленіе осталось ненаказаннымъ.

Любопытно, что въ самомъ началѣ дѣятельности нашего новаго суда въ одной только Москвѣ прошло нѣсколько дѣлъ, искусственно созданныхъ дореформенными приемами предварительныхъ слѣдствій, гдѣ преступленія совершались или при участіи сыщиковъ, или эти сыщики наводили на преступленія личностей себѣ подобныхъ. Такія дѣла ставили въ странное, крайне затруднительное положеніе и прокуратуру и судъ присяжныхъ, а часть прессы, указывая на оправдательные приговоры, ядовито замѣчала:

— „Какихъ-же иныхъ приговоровъ, какъ не оправдательныхъ, узаконяющихъ совершеніе всякаго рода

преступлений, обсуждающихъ дѣла болѣе по влеченію сердца, нежели разсудка, возможно было *ожидать отъ суда улицы*. Долой судъ присяжныхъ!...“¹⁾

Прежде нежели перейти къ изложенію обстоятельствъ Мытищенскаго дѣла мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ дѣлъ.

I.

Въ концѣ 1867 года назначалось къ слушанію дѣло объ Артеміи Вавиловѣ, несостоявшееся за неявкой свидѣтелей. Вторично оно слушалось 8 января 1868 года. Подсудимый Вавиловъ до взятія подъ стражу занимался сыскной частью у частнаго пристава Реброва, виднаго слѣдственнаго судьи дореформеннаго суда.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ совершилъ Вавиловъ покушеніе на убійство съ цѣлью ограбленія.

Къ еврейкѣ Леи Баратъ, занимавшійся закладами, часа въ три пополудни 28 августа 1866 г. пришли двое неизвѣстныхъ людей подъ видомъ занять денегъ подъ залогъ вещей, а третій стоялъ на порогѣ комнаты.

Сидѣвшій на диванѣ при разговорѣ съ Баратъ внезапно ударилъ ее чѣмъ-то по головѣ; тутъ же нанесли ей удары и другіе двое и затѣмъ всѣ пустились бѣжать, почему Баратъ закричала о помощи. Прибѣжавшій на помощь цеховой Степанъ Шмелевъ увидалъ Баратъ къ крови и тотчасъ бросился на улицу налѣво по направленію къ Сивцеву Вражку. Впереди себя онъ увидѣлъ бѣжавшаго неизвѣстнаго человѣка, котораго предъ тѣмъ видѣлъ изъ окна своей квартиры выбѣжавшимъ отъ Баратъ. Не имѣя возможности лично схва-

¹⁾ И чрезъ тридцать лѣтъ отголоски этихъ воззрѣній нѣтъ нѣтъ да и проглянутъ въ нашей печати. Такъ, по дѣлу Палемъ оправдательный приговоръ вызвалъ нападки на гласный судъ, на непригодность суда присяжныхъ, потерявшаго будто бы совѣсть, узаконяющаго даже „право на убійство“. См. „Отголоски печати,“ въ изданномъ нами дѣлѣ „Ольга Палемъ“. 1896 г. Сергіевъ Посадъ.

тить бѣжавшаго, Шмелевъ просилъ какого-то прохожаго помочь ему въ поимкѣ. Бѣжавшій, дѣйствительно, былъ пойманъ, и оказался крестьяниномъ Артеміемъ Вавиловымъ, который тогда же показалъ, что онъ занимается у полиціи по сыскной части. Прежде Вавиловъ содержался неоднократно подъ стражей и судился за разные преступленія. Другіе же двое преступниковъ успѣли скрыться, ибо, какъ говоритъ свидѣтель, студентъ Милковскій, видѣвшій также Вавилова бѣжавшимъ изъ квартиры Барать, они, вѣроятно, поворотили направо къ Мало-Аванасьевскому переулку на Арбатъ. Приведенный на мѣсто преступленія Вавиловъ тотчасъ былъ признанъ еврейкой Барать за того самаго человѣка, который сидѣлъ на диванѣ и первый нанесъ ей по головѣ рану, происшедшую, по свидѣтельству врача, отъ удара острымъ орудіемъ. По приводѣ въ комнату Вавиловъ тотчасъ бросилъ подъ диванъ желѣзное долото, что видѣлъ, кромѣ означенныхъ свидѣтелей, полицейскій служитель Михальченко. Медицинская контора удостовѣряетъ, что, судя по величинѣ и ровности краевъ, рана, оказавшаяся у Барать, могла быть нанесена именно долотомъ.

Пойманный почти на мѣстѣ преступленія, Вавиловъ (двое остальныхъ скрылись, впоследствии одинъ изъ нихъ, Розановъ, былъ пойманъ и умеръ въ острогѣ, а другой, Козыревъ, такъ и остался разысканнымъ) показалъ слѣдователю, что въ этомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ только какъ сыщикъ, желавшій выдать полиціи настоящихъ преступниковъ, мѣщанъ Василя Розанова и Семена Козырева.

На судѣ Вавиловъ также отрицалъ свою виновность, хотя потерпѣвшая, какъ и при предварительномъ слѣдствіи, утверждала, что именно Вавиловъ ударилъ ее чѣмъ-то по головѣ два раза.

— Я очень испугалась и закричала. И теперь не могу безъ ужаса объ этомъ вспомнить, сказала Барать, чрезвычайно взволнованная (съ ней сдѣлалось дурно).

Предсѣдатель (къ подсудимому). Что можете сказать противъ показанія потерпѣвшей.

Вавиловъ.— Вотъ какъ было дѣло. Въ 1864 году, по поводу подозрѣнія въ кражѣ, я былъ посаженъ въ тюрьму. Въ одной камерѣ со мной сидѣлъ Розановъ, тутъ я съ нимъ и познакомился. Къ Розанову ходилъ иногда, тоже сидѣвшій въ тюрьмѣ, но только въ другомъ корридорѣ, Козыревъ. Я и Козырева видѣлъ. Вскорѣ я былъ освобожденъ отъ заключенія, освободили послѣ этого и Розанова. Съ Розановымъ я хаживалъ къ Козыреву, онъ жилъ въ Грузинахъ; случалось, гуляли съ нимъ, пьянствовали вмѣстѣ. Розановъ съ нимъ дружбу водилъ, и они часто другъ у друга бывали. Придешь, бывало, къ Розанову, либо у него Козырева застанешь, а то коли нѣтъ дома, у отца его спросишь, гдѣ молъ онъ: „Да вотъ, скажетъ тутъ недалеко, пошелъ къ Козыреву“. Такъ мы съ нимъ и водили компанію завсегда, и Розановъ у меня бывалъ тоже; Козыревъ, правда, только встрѣчался, а самъ не ходилъ ко мнѣ. Только вотъ 19-го августа они пришли ко мнѣ оба; жена моя дома была. Посидѣли это мы, поговорили, чайку, водочки выпили. Они пораспрошались, да и говорятъ, чтобъ я проводилъ ихъ. Я вижу, что они что-то хотятъ сказать, да при женѣ боятся, словно какъ что тайное у нихъ есть. Ну, я и пошелъ съ ними. Въ это время ужъ я занимался у г. Реброва по сыскной части. Только пошли мы и сѣли на Никитскомъ бульварѣ на лавочкѣ. Они мнѣ и говорятъ, что есть у нихъ на примѣтѣ одна еврейка, которую можно ограбить. Я сейчасъ сталъ спрашивать, когда они пойдутъ на убійство. Они мнѣ и говорятъ: тогда отъ насъ узнаешь, когда пойдешь на дѣло. А еще Козыревъ мнѣ сказалъ: говорятъ, молъ, что „ты у Реброва занимаешься, такъ неравно все расскажешь“. Такъ они мнѣ о днѣ ничего и не сказали. Потомъ я сталъ ихъ спрашивать, гдѣ эта самая еврейка живетъ. Они мнѣ сказали, что не далеко отъ моей квартиры, я и подумалъ, что это должно-быть въ Арбатской части.

Черезъ два дня они опять общались придти. Въ этотъ же день я донесъ г. Реброву, что такія-то лица собираются убить еврейку-закладчицу. Онъ мнѣ приказалъ слѣдить за этими людьми и хорошенько разузнать, гдѣ это должно случиться. Черезъ два дня мы увидѣлись, я сталъ ихъ разспрашивать, но узналъ только, что еврейка эта живетъ одна со старикомъ мужемъ, что въ квартиру ея входъ съ улицы и изъ галлерей направо дверь. Я передалъ объ этомъ г. Реброву. Онъ мнѣ сказалъ, что обошелъ всю Арбатскую часть и нигдѣ не нашелъ такого дома, какой я ему описывалъ. Поэтому г. Ребровъ велѣлъ еще больше слѣдить за Розановымъ и Козыревымъ и даже войти съ ними въ компанію, чтобы лучше разузнать дѣло. Дня черезъ два я опять видѣлся съ ними и опять ничего не узналъ ни о времени, ни о мѣстѣ, какъ ни старался. Только вечеромъ Розановъ ко мнѣ приходитъ и даетъ долото: „ты, говоритъ, возьми долото, а то, можетъ, придется ящики, либо сундуки вскрывать: завтра дѣло дѣлать будемъ“. Я это долото взялъ, они же себѣ купили двѣ гирьки: одну фунтовую, другую двухфунтовую. Я боялся, какъ бы мнѣ не пришлось за это отвѣчать, пришелъ къ г. Реброву и говорю, что я откажусь, если мнѣ не дадутъ полицейскихъ. Онъ меня успокоилъ, сказавъ, что онъ не прозѣваетъ и что теперь уже отказываться нельзя, такъ какъ онъ донесъ объ этомъ оберъ-полицеймейстеру. „Иди, говоритъ, смѣло, только извѣсти полицію, если о чемъ узнаешь“. Ну, я такъ и рѣшилъ, что ужъ нужно до конца открывать. Утромъ это, часовъ въ 10-ть, пришли они ко мнѣ, я, это, чтобы дать знать полиціи, вызвался за водкой сходить. Сбѣгалъ я въ кабакъ: вижу, никого полицейскихъ нѣтъ; никто за мной не слѣдитъ. Что, думаю, дѣлать: вернулси къ нимъ. Гдѣ я въ домѣ жилъ, тамъ квартира внаймы отдавалась, я ее и показывалъ, — эта должность на мнѣ лежала. Въ это самое время жильцы пришли смотрѣть, я очень обрадовался, думаю, время пройдетъ, пока полиція подойдетъ. Только показалъ я квартиру

и самъ скорѣе бѣжать въ будку. Въ будкѣ я засталъ унтеръ-офицера Ивкина, онъ сидѣлъ съ любовницей, чай пилъ. Я ему сказалъ, чтобъ онъ предупредилъ надзирателя. Онъ что-то проворчалъ, но я долженъ былъ скорѣе домой бѣжать, чтобы меня не заподозрили въ измѣнѣ. Только вотъ проходить полчаса—полиціи нѣтъ; проходить часъ—полиціи все нѣтъ. Я опять сталъ беспокоиться. Говорилъ мнѣ Розановъ, что онъ наканунѣ набивался этой еврейкѣ шубу заложить, такъ она ему сказала, чтобъ онъ приходилъ до 4 часовъ, не позже: шабашъ что ли послѣ будетъ у нея или какой-то тамъ праздникъ, только позже 4-хъ часовъ уже ей нельзя будетъ. Я и хотѣлъ добить какъ-нибудь до 4-хъ часовъ. Но они говорятъ: пора идти. Мы и пошли. Дорогой, чтобы провести время, я предложилъ зайти въ кабакъ. Тутъ, когда мы въ кабакъ были, зашли два городовые и посмотрѣли еще такъ на насъ. Я думалъ, что г. Ребровъ знаетъ, что мы на дѣло идемъ. Но эти городовые только посмотрѣли на насъ и ушли. Дорогой на бульварѣ мимо насъ опять прошли двое городовыхъ.—Посидѣли мы на лавочкѣ. Я вижу, что полиція не идетъ, и сталъ я опять ихъ звать на квартиру ко мнѣ водку пить. Они пошли, но дорогой о чемъ-то шептались. Только Козыревъ и говорить: „иди Аенасьевскимъ переулкомъ, народу меньше“. Пошли. Подхожу я это къ дому Малютина, вдругъ Розановъ скрылся.—Куда Розановъ пошелъ? спрашиваю я. „А это, говоритъ, тотъ самый домъ, гдѣ мы будемъ дѣло дѣлать. Розановъ кашляетъ—тогда мы и пойдемъ“. И точно Розановъ кашлянулъ. Я, чтобы предупредить какое-нибудь несчастье, побѣжалъ поскорѣе впередъ. Вхожу—Розановъ сидитъ на стулѣ, у него въ рукѣ трость, а къ рукѣ привязана гирька. Я это сѣлъ на диванъ, а Козыревъ за дверью остался. Только мы стали съ еврейкою разговаривать, Козыревъ бросился изъ-за двери и ударилъ еврейку въ голову двухфунтовою гирькой. Я вскочилъ и поднялъ руку, чтобъ отклонить ударъ. Потому она, можетъ-быть, и думаетъ,

что я нанесъ ей ударъ. Они видятъ, что я противъ нихъ, сейчасъ же бросились бѣжать; тутъ поднялась въ домѣ тревога, я испугался и тоже побѣжалъ. Но пробѣжавши немного, я уже пошелъ по бульвару шагомъ. Тутъ подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ и говоритъ: „не вы ли у насъ сейчасъ въ домѣ были? пойдите со мной“. Меня привели туда, тутъ народу было много, я изъ рукава долото и вынулъ при всѣхъ, закричали это всѣ, пришелъ квартальный, связали меня. Онъ это мнѣ говоритъ „ты разбойникъ, душегубъ, создавайся лучше“. Потомъ слѣдователь прѣхалъ, полицейскій врачъ. Стали это рану осматривать у еврейки. У нея такъ ссадина на головѣ была. Врачъ ничего самъ не смотрѣлъ, а что ему слѣдователь продиктовалъ, то онъ и писалъ. Вотъ все какъ было, гг. присяжные. Кто же будетъ рассказывать полиціи, что онъ идетъ на преступленіе? Гдѣ жъ моя виновность, когда я самъ впередъ рассказалъ, что будетъ?—Меня сначала посадили, продолжалъ далѣе подсудимый, потомъ г. Ребровъ на поруки взялъ меня: свободу мнѣ дали, чтобы розыскивать Розанова и Козырева. Только въ это время встрѣтился я съ Афонькой желѣзникомъ—такъ у насъ прозывался этотъ Востряковъ, что вотъ сюда вызванъ свидѣтелемъ. Онъ—этотъ Востряковъ—старымъ жезломъ у Спасской заставы торгуетъ. Вмѣстѣ съ Востряковымъ попался и Борисъ Васильевъ, гробовщикъ. Мы всѣ втроемъ и пошли въ трактиръ. Меня Востряковъ и сталъ спрашивать, какъ это я на свободѣ: онъ, значить, зналъ, что я попался. Я ему и сказалъ, что я бѣжалъ изъ-подъ стражи, чтобы, значить, скрыть, что я отпущенъ для розыска. Онъ тутъ меня сталъ разспрашивать, какъ это дѣло было. Я ему все рассказалъ, да всю вину-то на себя и принялъ. Послѣ этого и Востряковъ сталъ рассказывать. „Вотъ, говорить, знаю я у Серпуховскихъ воротъ купецъ одинъ живетъ, старый, Живаревъ прозывается. Дѣло, говорить, тутъ большое можно сдѣлать: онъ, говорить, одинъ остается, когда жена въ городъ уѣзжаетъ, въ

лавку: убить можно⁴. Послѣ этого разговора Востряковъ, какъ я послѣ узналъ, встрѣтился съ своимъ знакомымъ, Ѳедоромъ Никитинымъ, онъ въ Рогожской части живетъ, тоже по сыскной части занимался, Востряковъ ему и рассказалъ про нашу встрѣчу и про самый этотъ рассказъ о Живаревѣ. А Ѳедоръ ему и говоритъ: „Смотри, онъ вретъ: онъ самъ по сыскной части занимается, онъ отпущенъ розыскивать Розанова и Козырева. Онъ донести можетъ на тебя, ты лучше упусти его“. Востряковъ такъ и сдѣлалъ и рассказъ г. Реброву, будто я хотѣлъ убить купца Живарева. Меня арестовали, сидѣлъ я тутъ въ Якиманской части, сторожъ принесъ намъ водки, мы и перепились. Г. Ребровъ узналъ это, пришелъ и сталъ у насъ допрашивать, кто купилъ водки. Мы не сказали. Тогда насъ кого въ острогъ посадили, а меня въ Серпуховскую часть, въ секретный номеръ. Привели это меня, обыскали. Я въ то время пьянъ былъ. Когда шелъ въ номеръ, наткнулся: ящикъ съ известкой въ номерѣ стоялъ,—стѣны что ли поправляли—я его опрокинулъ и пролилъ. Тутъ мнѣ за это досталось. За волосы меня отодрали, въ спину наколотили и чтобъ я не бушевалъ, надѣли это на меня горячую рубашку, обвязали всего клеенкой и посадили въ холодный номеръ. Въ рамѣ не было стеколъ въ этомъ номерѣ, ночью смерть холодно, а тутъ жажда страшная, пить хочется. Я и сталъ кричать, чтобы воды дали. „Не околѣешь“, отвѣчали мнѣ сквозь дверь изъ коридора. Злость это меня взяла да и пьянъ-то къ тому же. Я зубами сталъ грызть рубашку, высвободилъ руку и сталъ кулакомъ стучать. Дверь была плохая, плохо прибита, она и повалилась. Тутъ пришелъ мушкатерскій унтеръ-офицеръ и хотѣлъ меня бить, я не хотѣлъ даться и въ это время, можетъ и сдѣлалъ что ему, но тутъ пришелъ другой унтеръ, и я покорился: гдѣжь мнѣ съ двумя сладить? ¹⁾ Только лежу я въ номерѣ, извѣстно непо-

¹⁾ Вавиловъ кромѣ покушенія на убійство по обвини-

койно. Слышу въ корридорѣ говорятъ: „вотъ ты по-смирнѣешь, у насъ такой квартальный есть, который если кого не поколотить, такъ и ночи спокойно не уснетъ“. Послѣ этого прошло не много времени, зовутъ меня внизъ. Вхожу, вижу стоятъ человѣкъ двадцать пожарныхъ, квартальный тутъ, дежурный офицеръ, старшій, подстаршій—все начальство на лицо. Тутъ это меня пропустили на кулакахъ пожарные, все равно какъ сквозь строй прогнали, ударовъ полтора ста вкатали: какъ еще я цѣль остался! Потомъ меня связали. Надзиратель послалъ за кандалами, въ части всего одни кандалы и были, ржавы, заброшенные гдѣ то. Надѣли это мнѣ наручники и кандалы на ноги. Отвели опять въ номеръ. Наручники были широки, съ одной руки тутъ же сѣхали, а съ другой я послѣ снялъ, какъ пришелъ въ номеръ. Съ ногъ кандалы я тоже снялъ вмѣстѣ съ сапогами. Тутъ пришелъ этотъ унтеръ-офицеръ: „ложись, говоритъ, спать, ковать те-перь не будемъ“. На другой день заковали тѣснѣе, кузнецъ приходилъ. Въ наручникахъ я только день былъ, а въ кандалахъ и до сего времени, вотъ уже около двухъ лѣтъ, по распоряженію г. оберъ-полицеймейстера, нахожусь! Меня въ секретной камерѣ въ башнѣ содержатъ. За что же я эти наказанія терплю.

По словамъ Реброва, Вавиловъ былъ у него сыщикомъ и занимался маловажными дѣлами.

— „Это дѣло—замѣтилъ свидѣтель — было первымъ важнымъ порученіемъ, которое ему было дано. Я слышалъ, что онъ дѣйствительно прибѣгалъ къ будкѣ и сказалъ что-то городовому, но такъ не внятно, что городской не понималъ.

Присяжные признали Вавилова виновнымъ въ нанесеніи легкихъ ранъ съ намѣреніемъ лишить ее жизни

тельному акту былъ преданъ суду и за буйство и оскорбленіе дѣйствию полицейскаго унтеръ-офицера, котораго онъ, схвативъ за горло, сталъ было душисть.

для завладѣнія ея имуществомъ, въ буйствѣ же и оскорбленіи городского онъ былъ оправданъ.

II.

Другое дѣло еще характернѣе. Оно живо рисуетъ, со всѣми грубыми приемами, наши дореформенные порядки слѣдственнаго производства. Здѣсь опять на сценѣ сыщикъ Козловъ — доноситель о предполагаемомъ преступленіи съ вымыслами о бѣгломъ солдатѣ и сундукѣ съ значительными деньгами, тутъ-же и Вавиловъ. Тутъ и предупредительныя мѣры полиціи того же Реброва, его загородная поѣздка съ женщинами на мѣсто создаваемого преступления съ осмотромъ и засадой и съ переломленными полицейскими.

Газетные отчеты по этому дѣлу въ свое время служили неистощимымъ предметомъ толковъ и разговоровъ.

28-го іюля 1866 года, крестьянинъ Федоръ Козловъ, явившись къ частному приставу Реброву, объявилъ, что онъ съ недѣлю тому назадъ, познакомившись случайно на Хитровомъ рынкѣ съ тремя неизвѣстными людьми, узналъ отъ нихъ, что они собираются украсть у старовѣрческаго священника Ефимова, проживающаго въ домѣ крестьянки Федоровой, состоящемъ въ селѣ Черкизовѣ, сундукъ съ значительными деньгами и убить тѣхъ лицъ, которыя замѣтятъ ихъ при совершеніи кражи¹⁾. Козловъ, чтобы лучше уличить неизвѣстныхъ лицъ, намереваясь ихъ совершить вышеупомянутое преступленіе, предложилъ приставу Реброву слѣдующій планъ: онъ изъяснитъ по наружности согласіе на совершеніе предполагавшагося преступленія, узнаетъ черезъ это день и часъ, когда оно будетъ назначено къ приведенію въ исполненіе, и заблаговременно дастъ объ этомъ полиціи. Далѣе, чтобы не подать никакого сомнѣнія, онъ долженъ будетъ идти съ ними на мѣсто преступ-

¹⁾ См. А. Е. Носъ. Замѣчательныя судебныя дѣла. М. 1869 г.

ленія, и затѣмъ отъ распоряженія полиціи будутъ зависѣть поимка и уличеніе преступниковъ.

Приставъ Ребровъ на такой планъ согласился.

Въ раскрытіи предполагавшагося преступленія изъ-явилъ желаніе принять участіе и крестьянинъ Артёмій. Козловъ и Вавиловъ, явившись къ приставу Реброву объявили, что помянутое покушеніе рѣшено сдѣлать въ ночь съ 3 го на 4-е августа. Вслѣдствіе этого приставъ Ребровъ вмѣстѣ съ приставомъ Лефортовской части Шишковскимъ, тремя квартальными надзирателями, письмоводителемъ Дмитріевымъ, крестьяниномъ Вавиловымъ и съ переходными полицейскими унтеръ-офицерами въ числѣ 18 человекъ, прибыли въ село Черкизово въ 10 часовъ вечера. Всѣ они, по предварительному условію, размѣстились въ разныхъ скрытныхъ мѣстахъ около дома крестьянки Федоровой, гдѣ проживалъ Ефимовъ.

Въ 10¹/₂ часовъ ночи полицейскіе услышали шаги человека, прошедшаго взадъ и впередъ. Спустя нѣсколько времени снова слышались шаги уже нѣсколькихъ человекъ, которые стали перелѣзать черезъ плетень. Затѣмъ „преступники“ подошли къ окну, противъ котораго помѣщался приставъ Шишковскій, и вслѣдъ за этимъ раздался трескъ рамы и звукъ упавшихъ разбитыхъ стеколъ, а потомъ двое преступниковъ влѣзли въ окно, а третій, подойдя къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ г. Шишковскій, для естественной надобности, пошелъ потомъ также къ окну. Въ это время приставъ Шишковскій далъ свистокъ: преступники бросились въ разныя стороны. Одного изъ нихъ Вавиловъ ухватилъ за полу платья, и она осталась въ его рукахъ, а преступникъ вырвался, но былъ пойманъ городовымъ Васильевымъ, котораго онъ ударилъ по головѣ. Пойманный оказался крестьяниномъ Яковомъ Ивановымъ Кухаревымъ. По показанію же городского Кузьмина, Кухаревъ былъ пойманъ имъ, предъ чѣмъ Кухаревъ ударилъ его по головѣ, отчего у него слетѣла фуражка. Другой же подсудимый крестьянинъ Аверьянъ Петровъ, когда хо-

тѣлъ перелѣзть черезъ плетень, получилъ ударъ палкой отъ городского Вуколова. Поэтому Петровъ, соскочивъ съ плетня, замахнулся на Вуколова ножомъ, который Вуколовъ выбилъ изъ его рукъ. Затѣмъ Вуколовъ самого Петрова прижалъ къ забору, гдѣ, при помощи городского Родіонова, онъ былъ связанъ. Третій же неизвѣстный убѣжалъ. Взятые Яковъ Кухаревъ и Аверьянъ Петровъ оказались безъ письменныхъ видовъ. По осмотру, произведенному полиціей, рама оказалась изломанною на нѣсколько кусковъ; подъ окномъ были найдены три халата, выкинутые изъ дома Федоровой для похищенія, ножъ и заткнутое за обшивку дома долото. По осмотру слѣдователемъ поддевки Кухарева, въ которой онъ былъ взятъ 3-го августа, оказалось, что лѣвая ея пола оторвана совсѣмъ. Оторванная пола по пригонкѣ пришлась къ его поддевкѣ. На мѣстѣ, гдѣ взятъ былъ Аверьянъ Петровъ, найденъ былъ за заборчикомъ ножъ.

Федоръ Козловъ у слѣдователя заявилъ, что Кухаревъ и Петровъ тѣ самыя лица, которыя намѣревались обокрасть старовѣрческаго священника Ефимова. По условію на Хитровомъ рынкѣ, этомъ сборищѣ всей „босоногой“ московской команды, засталъ онъ ихъ вмѣстѣ съ солдатомъ, назвавшимся Иваномъ. Отправляясь въ Черкизово на совершеніе преступленія, они по дорогѣ зашли въ трактиръ. Тутъ Петровъ и Кухаревъ показывали Козлову два ножа, говоря: „бояться намъ нечего“, за тѣмъ, когда Кухаревъ и Петровъ полезли въ окно, Козловъ кашлянулъ, давъ тѣмъ условный знакъ Реброву, и они были пойманы, а третій Иванъ убѣжалъ.

Обвиняемые Петровъ и Кухаревъ съ своей стороны показали слѣдователю, что неизвѣстный, оказавшійся Козловымъ, пригласилъ ихъ на поденныя работы. По дорогѣ въ Преображенскомъ они зашли въ трактиръ. Они вышли сильно пьяные и куда ихъ привелъ Козловъ и что далѣе происходило, они не помнятъ. Впрочемъ на другой день Петровъ измѣнилъ показаніе. „Запла-

кавъ“, онъ сознался, что пошелъ по приглашенію Козлова въ Черкизово обокрасть кого-то, но кого именно Козловъ не сказалъ. Онъ зналъ, что нужно выломать окно, но окна не ломалъ и въ него не лазилъ; былъли у него ножикъ въ рукахъ, онъ не помнитъ.

На судѣ свидѣтель, приставъ Ребровъ, ознакомилъ и судѣ и многочисленную публику съ удивительными приёмами своей сыскной дѣятельности.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1866 г. когда уже открытъ былъ въ Москвѣ новый судѣ и стали отправлять по уставамъ 20 ноября свою дѣятельность московскіе судебные слѣдователи, къ Реброву явился квартальный надзиратель Славышенскій¹⁾, бывшій надзирателемъ одного изъ кварталовъ Арбатской части, гдѣ Ребровъ былъ приставомъ и рекомендовалъ ему Федора Козлова, какъ сыщика.

— „Спустя недѣлю или двѣ послѣ рекомендаціи, говорилъ на судѣ Ребровъ, Козловъ явился ко мнѣ съ заявленіемъ. Онъ сказалъ, что таскался на Хитровомъ рынкѣ, онъ встрѣтилъ трехъ или четырехъ человекъ, въ числѣ которыхъ былъ и бѣглый солдатъ. По его словамъ, эти люди намѣревались ограбить старообрядческаго священника въ селѣ Черкизовѣ, а если встрѣтятъ препятствіе, то и убить. Принимая это заявленіе за извѣстіе о фактѣ, дѣйствительно существующемъ, я приказалъ Козлову зорко слѣдить за этими людьми и не упускать ихъ изъ виду. Заявленіе это было сдѣлано въ іюлѣ. И вотъ 3-го августа Козловъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что въ эту ночь люди тѣ порѣшили ограбить священника. Я сказалъ Козлову, чтобъ онъ ни на шагъ не отходилъ отъ нихъ и въ случаѣ какой перемѣны сообщилъ бы мнѣ. Между тѣмъ я утромъ же въ этотъ день, нанявъ коляску, взялъ съ собою двухъ женщинъ, надзирателя Иванова, писмоводителя Дмитріева и всѣ мы, переодѣтые въ обыкно-

¹⁾ Въ 70-хъ годахъ имя Славышенскаго, убитаго „Золотой ручкой“, фигурировало въ громкомъ дѣлѣ „Клуба червонныхъ валетовъ“.

вевное платье, поѣхали въ Черкизово. На козлахъ съ кучеромъ сидѣлъ Вавиловъ. Приѣхавши въ Черкизово, съ цѣлю ознакомиться съ мѣстностію, я помѣстился въ палисадникѣ, какъ будто приѣхалъ гулять; мы спросили себѣ молока и чаю. По сдѣланному заранѣ условію, въ Черкизово въ это время приѣхалъ приставъ Лефортовской части. Онъ встрѣтился съ нами, какъ съ знакомыми. Потомъ мы пошли осматривать домъ Ефимова и прилегающую къ нему мѣстность. Тутъ Шишковскій сообщилъ Ефимову, что ему грозитъ нападеніе, и предложилъ ему выйти въ будку вмѣстѣ съ тою женщиною, съ которою онъ жилъ. Потомъ я нарядилъ восемнадцать человѣкъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ, трехъ надзирателей, Иванова, Панина и Славышевскаго, и прибылъ вмѣстѣ съ Шишковскимъ къ дому, гдѣ жилъ Ефимовъ. Здѣсь мы расположились въ малинникѣ, въ кустахъ. Шишковскій съ командой легъ противъ самаго того окна, гдѣ была вынута рама. Команда была съ палками, и только я одинъ былъ вооруженъ. Я занялъ мѣсто въ сторонѣ. Около одинадцати часовъ услышали мы шорохъ: кто-то пробирался черезъ малинникъ. Оказалось по тѣнямъ, что это были три или четыре человѣка. Они обошли два раза, потомъ послышался трескъ плетня, черезъ который перелѣзли и который какъ-будто рѣзали ножомъ. Наконецъ загремѣли стекла и упала рама. Я былъ въ 60-ти шагахъ и слышалъ этотъ звонъ. Въ это время Шишковскій подаль свистокъ. Эти люди — три или четыре человѣка — побѣжали; но команда задержала двумъ: это оказались Петровъ и Кухаревъ. У Петрова былъ въ рукахъ ножъ, его вышибъ палкой изъ рукъ унтеръ-офицеръ. Когда я прибылъ, обвиняемые были уже схвачены, и я не могу сказать, бѣжали ли они или сопротивлялись. Заявленіе со стороны Козлова о намѣреніи этихъ людей совершить преступленіе было письменное. Тогда, по полученіи такого извѣщенія, оставалось или мнѣ или Козлову слѣдить за этими людьми. Я бы не отказался принять эту обязанность на себя, но мнѣ угрожала

опасность быть узаннымъ, такъ какъ вслѣдствіе занятій моихъ по сыскной части меня многіе знаютъ на Хитровомъ рынкѣ. Когда обвиняемыхъ схватили, ихъ связали. Кухаревъ былъ разговорчивѣе Петрова. Тутъ мы стали въ саду постановленіе писать. Въ это время изъ будки, въ которой до сего времени помѣщался Ефимовъ съ женщиной, они пришли сюда. Я очень хорошо помню, какъ этотъ самый старичокъ сказалъ Кухареву: „Скажи пожалуйста, зачѣмъ тебѣ была нужна моя жизнь?“ Или что то въ родѣ этого спросилъ Ефимовъ. Я не помню теперь, что на эти слова отвѣчалъ Кухаревъ, только у меня хорошо осталось въ памяти, что онъ не извинился, не то просилъ прощенія у этого старичка. При этомъ еще онъ рассказывалъ о своей жизни: говорилъ, что прежде онъ былъ богатъ, занимался по ямской части, но что въ послѣдствіи онъ по какому-то случаю обѣднѣлъ или промотался что ли. Впрочемъ, эти обстоятельства въ постановленіе полиціи не записаны. Петровъ былъ выпивши, но немного. Говорили, что шесть человекъ едва могли оттащить руки его отъ груди“.

Изъ разспросовъ свидѣтеля запитою обнаружилось, что Козловъ хорошо зналъ расположеніе дома Ефимова, зналъ даже въ какой комнатѣ спала женщина, жившая съ Ефимовымъ. Послѣ этого дѣла Козловъ былъ заарестованъ по другому дѣлу по обвиненію въ подстрекательствѣ на убійство.

Знакомый уже намъ Артемій Вавиловъ, приведенный въ судъ подъ стражею, какъ содержащійся подѣ судомъ по дѣлу о покушеніи на убійство, сообщилъ, что по дорогѣ въ Черкизово они остановились въ Лефертовскомъ частномъ домѣ, гдѣ Ребровъ спрашивалъ его не обманываетъ-ли ихъ Козловъ, на что Вавиловъ сказалъ, что обмана тутъ не должно быть никакого.

Въ Черкизовѣ разсаживаніемъ прибывшихъ по мѣстамъ занимался Славышенскій. Около 10 часовъ пришелъ Козловъ.

— „Что-же, сказалъ Козловъ, вы тутъ все еще вонитесь, а мы уже идемъ. Я ихъ недалеко оставилъ“.

Славышенскій, увидавъ въ окно, что въ избѣ горитъ лампада, вошелъ вмѣстѣ съ Вавиловымъ въ комнаты. Лампаду они погасили, столъ, стоявшій у окна, они отставили, чтобы, „значить препятствій никакихъ не было“, когда полезутъ воры. На окнѣ стояла какая-то посуда, Славышенскій сталъ ее снимать и нечаянно банкой разбилъ стекло. Разбитое стекло они заткнули, какой-то лежавшей на станкѣ одежкой.

Приставъ Лефортовской части Шишковскій, приглашенный на засаду Ребровымъ и до разбирательства на судъ дѣла умершій, сѣлъ передъ окномъ. Притаились и всѣ остальные. Немного спустя послышались шаги, кто то лѣзъ черезъ плетень. За тѣмъ упала рама и стекла зазвенѣли. По свистку пойманы были воры: Петровъ, Кухаревъ, у котораго Вавиловъ оторвалъ даже полу, которая и осталась у него въ рукахъ, и Козлова. Съ послѣднимъ онъ былъ знакомъ.

Дня за четыре или за три до этого дѣла Козловъ сказалъ Вавилову:

— „У меня убійство какое есть, хочу Пяткину ¹⁾ открыть“.

— Зачѣмъ идти къ Пяткину, открой лучше Реброву, замѣтилъ Вавиловъ.

Козловъ былъ рекомендованъ Вавиловымъ Реброву.

Интересно показаніе Вавилова, данное на судѣ, о бесѣдѣ Вавилова съ Козловымъ въ секретной тюремнаго замка и о томъ, какъ подготовлено было все дѣло.

— Когда мы сидѣли въ замкѣ, сообщалъ Вавиловъ свои походы въ качествѣ свидѣтели суду, то Козловъ мнѣ хвалился, что онъ этихъ двухъ людей, теперь подсудимыхъ, напоилъ и пригласилъ ихъ ночевать зайти въ Черкизово къ знакомымъ. Онъ сказывалъ, что раму онъ самъ изломалъ. Онъ мнѣ говорилъ также, что этого

¹⁾ Пяткинъ былъ приставъ того времени, занимавшійся также сыскою частью.

священника въ Черкизовѣ онъ прежде знавалъ. Ножи, говоритъ, я послѣ за три рубля купилъ, которые мнѣ Ребровъ далъ. Г. Ребровъ точно ему денегъ три рубля далъ. Дѣло это такъ было: Козловъ этотъ приходитъ къ г. Реброву, да немножко и проговорился. — „Намъ, говоритъ, ваше высѣкоблагородіе, ножей не на что купить; у меня, говоритъ, денегъ нѣтъ, да и у тѣхъ ни копѣйки тоже“. А г. Ребровъ это и говоритъ: „Что-жь я вамъ на ножи что ли буду давать!“ Козловъ это сейчасъ одумался и сказалъ: „Мнѣ, говоритъ, нужны деньги, сегодня на дѣло идти, а у меня денегъ нѣтъ. Неравно вѣсть захочешь“. Ну, г. Ребровъ и далъ ему три рубля на чай, значить Я тутъ при этомъ былъ. Когда мы взяли этихъ двухъ, они точно были порядочно пьяны. Ножи на землѣ валялись, а въ рукахъ они ни у кого не были. А долото было заткнуто за обшивку. Г. Ребровъ ничего не могъ видѣть, какъ въ окно лѣзли, — онъ чрезъ два двора сидѣлъ отъ самаго этого мѣста. Г. Ребровъ и Шишковскій сказали тому старику еще утромъ, что оберъ-полицеймейстеръ приказалъ ему удалиться на время изъ квартиры, что полиція будетъ ловить преступниковъ. Козловъ намъ напередъ говорилъ, что будетъ лѣзть въ крайнее окно, поэтому отъ этого окна я съ Славышенскимъ и отодвинулъ столъ и стулъ, которые тутъ стояли. Шишковскій расположился противъ этого окна. Взятые были порядочно выпивши, такъ что ничего не могли говорить, поэтому ихъ, не допросивъ, отправили въ часть. Ефимовъ не подходилъ къ Кухареву, который, какъ и Петровъ, сидѣлъ молча. Всего этого, сущей правды, какъ было дѣло, я не могъ показать прежде на слѣдствіи, потому что при допросѣ сидѣлъ тутъ же г. Ребровъ. А могъ ли я что-нибудь показать противъ него, когда я находился на службѣ у него?

Свидѣтель Ребровъ, спрошенный для разъясненія противорѣчій съ Вавиловымъ о ножахъ, объяснилъ, что о ножахъ ничего ему не говорилъ Козловъ Онъ далъ

только деньги на расходы, какъ и прежде давалъ по мелочамъ деньги сыщикамъ.

— Еслибъ онъ у меня попросилъ, я далъ бы ему, можетъ быть и на оружіе; это я не считаю противозаконнымъ, лишь бы это послужило къ открытію преступленія, добавивъ свидѣтель.

Наконецъ допрашивается Козловъ, затѣявшій все это дѣло, поставившій сыскную полицію въ крайне невыгодномъ свѣтѣ предъ гласнымъ судомъ.

Свидѣтель этотъ приведенъ въ судъ изъ смиреннаго дома, гдѣ отбываетъ наказаніе, какъ признанный виновнымъ въ подстрекательствѣ на убійство. Ему 22 года.

— „Когда я былъ безъ должности, объяснилъ Козловъ, паспорта у меня не было; ходилъ я, ходилъ, и познакомился съ Артеміемъ Вавиловымъ. 26-го іюля за оскорбленіе дѣвушки въ Александровскомъ саду былъ я взятъ въ Тверской частный домъ. Отсюда меня, помѣстожителству, переслали въ Арбатскій частный домъ. Здѣсь съ меня г. Ребровъ взялъ подписку, чтобы я подвелъ кого-нибудь, уличилъ бы какое-нибудь лицо. Я на это самое согласился, росписку эту далъ, чтобы освободить поскорѣе себя. Меня выпустили. Ребровъ сталъ говорить, чтобы подвести какъ-нибудь въ Черкизово на воровство людей, говорилъ въ части, въ кабинетѣ, тутъ и Вавиловъ былъ. „Нельзя ли, говорить, приискать такихъ людей“. Я и пошелъ на Хитровъ рынокъ. Встрѣтилъ впервые въ жизни Аверьяна Петрова и нанялъ его на работу на кирпичный заводъ. Я ему сказалъ, что мнѣ и другаго человѣка нужно. Онъ нанялъ другаго—это Кухарева. Мы отправились на работу. Допрежде этого г. Ребровъ ножи купилъ,—эти самые ножи и лежали въ квартирѣ надзирателя Славышенскаго, ихъ и Ивановъ надзиратель видѣлъ. Ножи эти г. Ребровъ взялъ, потомъ эти ножи въ Черкизовѣ и нашли, Ребровъ ихъ съ собой привезъ. Съ Хитрова рынка мы пошли, зашли въ трактиръ, водочки выпили. Потомъ пришли въ Черкизово, я говорю, что идти те-

перь поздно, здѣсь моя квартира, будемъ ночевать. А меня г. Ребровъ научилъ: „Если, говоритъ, они не поймутъ, то ты толкни раму, она и выпадетъ“. Идемъ мы; только они, — ихъ двое со мной было, они были сильно выпивши, говорятъ: „куда это ты насъ ведешь?“ Догадались, что полиція здѣсь. Я въ сторонѣ былъ; а они, какъ стали подходить, рама и вывалилась: она выставлена была, худая была, тутъ и развалилась. Пошли свистки, ихъ и схватили. Меня съ г. Ребровымъ Вавиловъ познакомилъ, когда я за оскорбленіе дѣвушки въ части сидѣлъ. Сначала я показывалъ такъ, какъ меня научили, а потомъ, какъ это я въ тюрьму попался, я священнику на духу и покаялся, и теперь говорю, какъ это дѣло было. Послѣ этого самого происшествія г. Ребровъ вызывалъ меня въ часть: „Ты, говорилъ Ребровъ, не сознавайся, посидишь, посидишь, да и выпустятъ, больше ничего не будетъ“. Я только съ недѣлю былъ знакомъ съ г. Ребровымъ до этого происшествія. Ножи эти самые лежали прежде въ сарайчикѣ у Славышенскаго, гдѣ мы съ Вавиловымъ спали, тамъ и сторожъ спалъ“.

Товарищъ прокурора просилъ судъ все показаніе Козлова записать въ протоколъ.

Присяжные оправдали обоихъ подсудимыхъ, хотя защитникъ Петрова находилъ возможнымъ признать его виновнымъ „въ приготовленіи къ преступленію, безъ употребленія на то преступныхъ средствъ“. Два года и четыре мѣсяца тянулось это дѣло и все это время Кураревъ и Петровъ содержались въ замкѣ.

III.

Убійство близъ Мытищъ старика и старухи Соколовыхъ случилось въ ночь на Рождество Христово 1866 года и въ собственномъ ихъ домѣ. Трупъ найденъ лежащимъ внизъ лицомъ на полу первой комнаты, въ которой отысканъ возлѣ печки кухонный окровавленный ножъ; трупъ же его сестры, Евросини,

совершенно голый найденъ въ устьи печки, находящейся въ другой комнатѣ, изъ чего можно заключить что передъ убійствомъ она вылезла изъ печки, гдѣ вѣроятно парилась (т. е. мылась). Смерть послѣдовала отъ безусловно смертельныхъ наружныхъ насилій. Разное принадлежащее имъ имущество, хранившееся въ трехъ сундукахъ въ чуланѣ, увезено на ихъ же собственной лошади.

Долгое время не было никакихъ слѣдовъ, кто совершилъ это звѣрское преступленіе. Слѣдователь находился въ отчаянномъ положеніи, подъ руками у него не было правильно организованной судебной полиціи. Пришлось обратиться къ содѣйствію г. Реброва. При его помощи къ слѣдователю явился мѣщанинъ Иванъ Батуринъ, по словамъ котораго 23 декабря, за день до убійства Соколовыхъ, съ нимъ у Спасской заставы встрѣтился Петръ Пожарновъ. Они зашли въ трактиръ. Въ бесѣдѣ Пожарновъ показалъ Батурину долото, шкворень и ножъ и звалъ его на другой день верстъ за 17 отъ Москвы по Троицкой дорогѣ за добычей денегъ. Тѣ, отъ кого онъ намѣренъ достать денегъ, живутъ только въ двоємъ, и что онъ отправляется съ двумя товарищами, изъ которыхъ одного назвавъ Галактіономъ, а про другого сказалъ, что у него есть топоръ, который можно заложить копѣекъ за семьдесятъ пять. Послѣ этого онъ встрѣтился съ Пожарновымъ 27 декабря и въ этотъ разъ послѣдній угощалъ его виномъ.

Состоящіе на службѣ у пристава Реброва — Иванъ Михайловъ и все тотъ же неизмѣнный Бавиловъ съ своей стороны заявили, что Пожарновъ, сидя съ ними въ трактирѣ 18 января 1867 г. говорилъ имъ о своемъ участіи въ убійствѣ брата и сестры Соколовыхъ и онъ приглашалъ ихъ на другое подобное дѣло. Въ тотъ же день въ трактирѣ Аванасьева на Хитровомъ рынкѣ гуляшій Пожарновъ, по словамъ Екатерины Тюриной, вслухъ, безъ всякой осторожности, говорилъ, что убилъ старика съ одного взмаха, но что даромъ взялъ грѣхъ на душу, потому что ничѣмъ не поживился, и что въ

это же время Пожарновъ зазывалъ охотниковъ ѣхать съ нимъ на другое подобное же дѣло. Коллежскій регистраторъ Викторъ Ивановъ Скворцовъ, занимавшійся письмоводствомъ въ Арбатскомъ частномъ домѣ, слышалъ 18 января 1867 г., какъ приведенный къ судебному слѣдователю арестантъ Пожарновъ хвалился предъ извѣстными ему Иваномъ Михайловымъ и Артеміемъ Вавиловымъ убійствомъ, совершеннымъ имъ въ Мытищахъ (т. е. Соколовыхъ). При этомъ Пожарновъ говорилъ, что денегъ взято тамъ только 130 руб. сер., и что ему досталось 13 руб. сер., которые онъ отдалъ или прогулялъ съ какою-то женщиной. Содержательница ночлежныхъ квартиръ въ домѣ Бѣложаева, Бычкова, и жившіе у нея, Иванъ Рошинъ, и Елена Маркова, удостовѣрили, что Пожарновъ и Аванасій Алексѣевъ, изъ которыхъ первый жилъ въ это время у Бычковой, а второй изрѣдка ночевалъ у нея, пришли къ Бычковой передъ сумерками 24 декабря 1866 г., заложили ей полшубокъ за одинъ руб. сер. и тотчасъ же неизвѣстно куда ушли; возвратились же они на другой день утромъ пьяные, а Пожарновъ, не имѣвшій наканунѣ денегъ, принесъ съ собою два руб. сер. денегъ, новые сапоги, рубашку и шарфъ.

Еще пять свидѣтелей показали также, что Алексѣевъ и Пожарновъ на Рождество не ночевали у Бѣложаевой. На предварительномъ слѣдствіи Аванасій Алексѣевъ показалъ, что онъ Пожарнова вовсе не знаетъ, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній уличилъ его, что они знакомы и вмѣстѣ закладывали Бычковой полшубокъ; что онъ ночевалъ на 25 декабря 1865 г. у хозяина, у котораго работалъ плотникомъ, у Кузнецова, близъ Алексѣевского монастыря, но потомъ измѣнилъ это показаніе въ томъ, что онъ ночевалъ въ ту ночь у Бычковой, и что онъ работалъ до рождественскихъ праздниковъ своимъ топоромъ, на Рождество же этотъ топоръ онъ заложилъ за 40 коп. сер. на Хитровомъ рынкѣ, въ лавкѣ у торговца Якова; но крестьянинъ Богородскаго уѣзда Яковъ Михайловъ, торгующій въ лавочкѣ на

Хитровомъ рынкѣ, показалъ, что Аѳанасья Алексѣева онъ не знаетъ и топора ему Алексѣевъ никогда не закладывалъ. Пожарновъ, при полицейскомъ дознаніи, не одобренъ въ поведеніи своими односельцами, крестьянами деревни Рязанцовой, потому что онъ прежде судился за кражу.

На основаніи собранныхъ уликъ Петръ Пожарновъ преданъ былъ суду по обвиненію въ предумышленномъ съ цѣлью грабежа убійствѣ Соколовыхъ, а Аѳанасій Алексѣевъ какъ участникъ-укрыватель этого преступленія.

На судѣ ни Пожарновъ, ни Алексѣевъ виновными себя не признали. Послѣдній добавилъ:

— Я и сейчасъ Пожарнова не знаю. Это меня Ребровъ попуталъ. Не знаю, за что я два лѣта сижу: весь высохъ.

Иванъ Батуринъ, одѣтый въ арестанскій халатъ, отказался отъ данныхъ имъ на предварительномъ слѣдствіи показаній, заявивъ, что онъ ничего не знаетъ по дѣлу, какъ первоначально и показывалъ объ этомъ слѣдователю, а потомъ далъ показанія по наущенію Реброва.

Вавиловъ также отрекся отъ данныхъ имъ показаній на предварительномъ слѣдствіи, говоря, что все это дѣло построено Ребровымъ. Орудовалъ всѣмъ Иванъ Михайловъ. Онъ въ кражѣ со взломомъ попался и чтобы выпутаться сплелъ все дѣло, а самъ скрылся. Вавиловъ содержится въ тюремномъ замкѣ по обвиненію въ покушеніи на убійство.

Всѣ остальные свидѣтели отозвались незнаніемъ о томъ ночевали-ли или нѣтъ Пожарновъ и Алексѣевъ въ домѣ Бѣложаевыхъ подъ Рождество 1866 года. Отрекся отъ своего показанія и Яковъ Михайловъ, говоря, что если онъ и говорилъ, что никакихъ денегъ подъ залогъ топора не давалъ Аѳанасію Алексѣеву то это потому, что квартальный грозилъ ему тѣмъ, что если у кого найдется заложенымъ Алексѣевымъ топоръ, тому торговать на Хитровомъ рынкѣ не позволятъ.

— Мы маленькіе люди, добавилъ свидѣтель, ну я и не сказалъ тогда правды.

Вызванный защитою свидѣтель Яковъ Ивановъ подтвердилъ, что подъ Рождество онъ спалъ у Бычковой вмѣстѣ съ Алексѣевымъ и послѣдній нигде не отлучался.

Такимъ образомъ, все предварительное слѣдствіе было разрушено на судебномъ засѣданіи и прокуроръ былъ совершенно правъ, заявивъ въ началѣ своей рѣчи, что обвинительная власть рѣдко находится въ такомъ странномъ положеніи, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Прокуроръ М. О. Громницкій такъ началъ свою рѣчь:

Гг. присяжные засѣдатели! Рѣдко приходится обвинителю быть въ такомъ странномъ положеніи, въ какомъ нахожусь я въ настоящее время. Въ настоящемъ засѣданіи рѣчь идетъ о двухъ убитыхъ; обвиняются тоже двое, а между тѣмъ данныя, на которыхъ было построено обвиненіе, разрушены: самые важные свидѣтели, на показаніяхъ которыхъ былъ составленъ обвинительный актъ, здѣсь, на судѣ, заявили, что они давали свои показанія подъ вліяніемъ другихъ лицъ. Законъ уполномочиваетъ обвинителя отказаться отъ обвиненія подсудимыхъ, если данныя къ обвиненію ихъ разрушены судебнымъ слѣдствіемъ, и я бы могъ воспользоваться этимъ правомъ, если бы не былъ убѣжденъ въ виновности подсудимыхъ; если я обвиняю, не смотря на показанія, данныя свидѣтелями здѣсь, на судѣ, значитъ и не убѣжденъ въ справедливости этихъ показаній. Посмотримъ теперь, на чемъ основанъ отказъ свидѣтелей отъ своихъ прежнихъ показаній? Прежде они совершенно свободно и отчетливо давали свои показанія, а теперь заявляютъ, что показывали по наущенію частнаго пристава Реброва; заявленія эти дѣлаютъ они голословно: они не представили намъ ника-

кихъ доказательствъ, что Ребровъ научалъ ихъ. Вы замѣтили, что Батуринъ, Вавиловъ и Тюрина содержатся въ томъ же тюремномъ замкѣ, гдѣ и подсудимые Пожарновъ и Алексѣевъ, тогда какъ прежде они были на свободѣ, на нихъ не было никакого посторонняго вліянія, — теперь невольно является вопросъ: не поддались ли они подъ вліяніе подсудимыхъ? И это предположеніе остается, пока они не докажутъ, что при предварительномъ слѣдствіи они были подъ вліяніемъ пристава Реброва. Вамъ, гг. присяжные, предстоитъ разрѣшить дѣло объ убійствѣ стариковъ Соколовыхъ и теперь я приступлю къ изложенію его и къ обвиненію предстоящихъ передъ вами подсудимыхъ. Прежде всего я считаю нужнымъ рассказать вамъ, при какихъ обстоятельствахъ слѣдователь приступилъ къ слѣдствію по настоящему дѣлу. Послѣ совершенія преступленія не было никакихъ данныхъ къ отысканію убійцъ, ходили только неясные и разнорѣчивые слухи — какъ это подтвердилъ и здѣсь свидѣтель капитанъ Диринъ, — но положительныхъ указаній никакихъ не было. Слѣдователь, молодой человѣкъ, въ первый разъ производившій слѣдствіе, впалъ въ совершенное отчаяніе; ему приходилось подозрѣвать всякого, а между тѣмъ убійство было совершено такъ дерзко, такъ безчеловѣчно, что непремѣннаго открытія убійцъ требовали интересы правосудія. Въ такомъ-то отчаянномъ положеніи, не зная за что приняться, слѣдователь обратился за помощію въ пристава Арбатской части, Реброву, который уже по многимъ дѣламъ, рѣшеннымъ въ здѣшнемъ судѣ, и прежде еще приобрѣлъ репутацію опытнаго и дѣльнаго слѣдователя. Вотъ та роль, которую занималъ Ребровъ при слѣдователѣ въ насто

ящемъ дѣлѣ, и съ его-то помощью слѣдователю удалось напасть на слѣды виновныхъ. Какъ Ребровъ съ помощью своихъ агентовъ напалъ на слѣды виновныхъ — мы не знаемъ и это право сыщиковъ — не говорить объ этомъ, также какъ ваше право, гг. присяжные, не вѣрить указаніямъ сыщиковъ, пока слѣдователь не соберетъ противъ обвиняемыхъ ясныхъ уликъ. Слѣдователь можетъ принять или отвергнуть указанія сыщиковъ, и указанія ихъ въ настоящемъ дѣлѣ ни слѣдователь, ни обвинительная власть не давали сперва никакой вѣры, и только прослѣдивъ внимательно всѣ обстоятельства оказалось, что указанія ихъ достовѣрны. Заподозрѣннымъ, естественно, прежде всего предложили вопросъ: гдѣ они провели ночь съ 24 на 25 декабря? Пожарновъ отвѣчалъ, что ночевалъ въ домѣ Бѣложаева, въ квартирѣ Бычковой. Отвѣчать на этотъ вопросъ было тѣмъ болѣе легко, что прошло всего не болѣе трехъ недѣль, а ночь эта памятная — подъ праздникъ Рождества. Афанасій же Алексѣевъ сперва сказалъ, что ночевалъ у хозяина своего, Кузнецова, а потомъ измѣнилъ свое показаніе и сказалъ также какъ и Пожарновъ, что ночевалъ у Бычковой. Кромѣ того, при первомъ же допросѣ Алексѣевъ показалъ, что Пожарнова онъ вовсе не знаетъ. Слѣдователь поспѣшилъ провѣрить эти показанія и оказалось, что показаніе Алексѣева, что онъ не знаетъ Пожарнова, ложно: Пожарновъ на допросѣ уличилъ Алексѣева во лжи и въ доказательство сослался на то, что вмѣстѣ закладывалъ Бычковой полушубокъ. Теперь между ихъ словами не можетъ быть такого разнорѣчія, они просидѣли вмѣстѣ 1½ года и, понявъ всю силу этой улики, вѣроятно, придумали способъ объяснить

это обстоятельство, но мы не слышали этого объясненія, и я не имѣлъ права предложить имъ вопроса объ этомъ. Это разнорѣчіе дало поводъ слѣдователю подозрѣвать, что одинъ изъ нихъ что-то скрываетъ. Далѣе, по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что они въ ночь подъ Рождество у Бычковой не ночевали. Я разсмотрю показанія свидѣтелей объ этомъ обстоятельстве. Что ни одинъ изъ подсудимыхъ не ночевалъ подъ Рождество у Бычковой — удостовѣряетъ, во-первыхъ, Елена Маркова: она какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь, показала объ этомъ совершенно одинаково; черезъ 1¹/₂ года она повторила слово въ слово свое показаніе, а ея показаніе, очень важно, потому что въ то время она въ квартирѣ была за хозяйку, которая была больна. Это же подтверждаетъ и Рошинъ, точно также какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь, а онъ тоже болѣе нежели простой жилецъ Бычковой. Въ предварительномъ слѣдствіи спрошены еще пять свидѣтелей; трое изъ нихъ спрошены и здѣсь, а двое не явились, но показанія ихъ совершенно одинаковы. Константинъ Григорьевъ показалъ здѣсь, какъ и прежде, что обоихъ подсудимыхъ не видалъ въ эту ночь въ квартирѣ Бычковой, но здѣсь онъ говорилъ какъ-то уклончиво, какъ будто не можетъ поручиться, что они не ночевали въ другой комнатѣ; другіе свидѣтели показываютъ здѣсь также уклончиво. Въ доказательство, что здѣсь они показываютъ не совсѣмъ правильно, я сошлюсь на предварительное слѣдствіе. Если мы предположимъ, что показаніе Константина Григорьева здѣсь, на судѣ, совершенно правильно, то значитъ, что на предварительномъ слѣдствіи показаніе его слѣдователь записалъ не такъ. Но почему же непра-

вильно записано только это обстоятельство, когда другіе показывали тоже, что подсудимые не ночевали, а Константинъ Григорьевъ еще добавилъ, что видѣлъ ихъ на другой день утромъ пьяными. Если предположить, что тутъ было пристрастіе со стороны слѣдователя, что онъ заранѣе задался мыслью, что подсудимые виновны, то, разумѣется, онъ скорѣе записалъ бы всѣ показанія совершенно одинако, а не съ подробностями, какъ напримѣръ: нѣкоторые свидѣтели говорятъ объ одномъ только подсудимомъ, другіе объ обоихъ, и нѣкоторые дополняютъ, что видали ихъ на другой день пьяными. Я повторяю опять, что прежнее показаніе Константина Григорьева болѣе правильно, чѣмъ здѣсь, на судѣ; этимъ я вовсе не заподозрѣваю его во лжи, а объясняю тѣмъ, что прошло 1½ года со времени перваго его показанія. Константинъ Григорьевъ сперва говоритъ, что не видалъ подсудимыхъ, чтобы они ночевали у Бычковой, но на вопросъ: дѣйствительно-ли они не были?—онъ, какъ человѣкъ осторожный, говоритъ, что утвердительно этого сказать не можетъ. Кромѣ Елены Марковой и Рощина, объ этомъ же свидѣлствуютъ еще пять человѣкъ, между тѣмъ какъ квартира Бычковой вовсе не такъ велика, чтобы всѣ семеро свидѣтелей не видали подсудимыхъ, и потому я полагаю, что они не ночевали эту ночь у Бычковой, такъ какъ они не представили доказательствъ противнаго.

Итакъ у слѣдователя было уже двѣ улики, подтверждавшія его подозрѣнія: 1) что Алексѣевъ старался скрыть свое знакомство съ Пожарновымъ, и 2) что оба они скрываютъ, гдѣ провели ночь съ 24 на 25 декабря. Но дѣло этимъ не ограничилось, дальнѣйшее слѣд-

ствіе открыло болѣе. Елена Маркова, какъ прежде, такъ и здѣсь, на судѣ, показала, что оба подсудимые въ сочельникъ заложили Бычковой за 1 руб. полушубокъ, принадлежавшій Пожарнову, и затѣмъ неизвѣстно куда скрылись. Маркова на предварительномъ слѣдствіи показала, что это было передъ вечеромъ, здѣсь же она говоритъ, что въ 12 часовъ дня, но это противорѣчіе въ ея показаніи неважно: для насъ важно не время, а то, что въ сочельникъ они заложили полушубокъ и куда-то скрылись; но отъ другихъ свидѣтелей мы знаемъ, что на другой день Пожарновъ былъ въ квартирѣ Бычковой пьяный; есть еще дополнительное показаніе, что Пожарновъ явился въ этотъ день съ сапогами и шарфомъ и у него видѣли еще 2 руб. денегъ, тогда какъ наканунѣ онъ закладывалъ свой полушубокъ за 1 руб., нуждаясь въ деньгахъ. У слѣдователя возникла мысль: откуда могъ Пожарновъ пріобрѣсть въ эту ночь эти вещи? Въ эту же ночь, какъ извѣстно, совершено убійство Соколовыхъ. Что вещи эти пріобрѣтены незаконнымъ путемъ — предположеніе это нельзя даже назвать смѣлымъ: если бы Пожарновъ пріобрѣлъ ихъ законно, то указалъ бы гдѣ и какимъ образомъ. У слѣдователя являлся еще вопросъ: не совершилъ ли онъ другое преступленіе? Но для разрѣшенія этого вопроса является показаніе Батурина, что Пожарновъ 27 декабря приглашалъ его отправиться, чтобы добыть денегъ, причемъ мѣсто и лица, у которыхъ намѣренъ добыть денегъ, описалъ схоже съ Соколовымъ; далѣе Батуринъ показалъ, что Пожарновъ говорилъ ему о своихъ двухъ товарищахъ, одного изъ нихъ называлъ Галактіономъ, а про другого сказалъ, что у него есть топоръ, который можно заложить. Вы уже знаете, что

показаніе Батурина ва судѣ измѣнилось,—онѣ сказалѣ, что далѣ это показаніе по наущенію пристава Реброва, но доказательствѣ этому не представлено, а вѣрить ему я не имѣю никакого права; опровергнуть же голо-словное показаніе тоже довольно трудно — его можно только принять или не принять. Противѣ подобнаго показанія можно представить только соображенія. Про-шло уже 1½, года, со времени его ~~перваго~~ показа-нія и онѣ ничего не заявлялѣ о томѣ, что показы-валѣ по наущенію Реброва; вѣ своемѣ показаніи онѣ сослался на меня, и я долженѣ сказать, что нынѣшней весною я, дѣйствительно, видѣлѣ вѣ Арбатскотѣ част-номѣ домѣ Батурина совершенно по другому дѣлу, но онѣ мѣлѣ ни прямо, ни косвенно не заявлялѣ, что Реб-ровѣ вынудилѣ у него показаніе по настоящему дѣлу. Это заявленіе Батурина тѣмѣ болѣе странно, что онѣ не такая личность, его запугать нельзя, онѣ не разѣ уже судился. Допустимѣ даже, что онѣ почему нибудѣ подчинялся вліянію Реброва, но вѣ такомѣ случаѣ по-чему же онѣ впродолженіе 1½, года молчалѣ объ этомѣ? Повторяю опять, что его показаніе здѣсь голословно и я опровергнуть его не могу, отѣ васѣ будетѣ зависѣть вѣрить или не вѣрить ему. Хотя Батуринѣ и содер-жится вѣ Егорьевскомѣ тюремномѣ замкѣ, но вотѣ уже нѣсколько мѣсяцевѣ, какѣ онѣ вызванѣ сюда, вѣ ка-чествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу, и находится вѣ здѣшнемѣ замкѣ вмѣстѣ сѣ Пожарновымѣ, и только за нѣсколько времени до настоящаго засѣданія просилѣ почему-то о переводѣ его вѣ Серпуховскую часть,—я даже не знаю, переведенѣ ли еще онѣ. Его прежнее показаніе заслуживаетѣ вѣры еще по слѣдующему обсто-ятельству: онѣ говоритѣ, что товарища Пожарнова зо-

вуть Галактіономъ, но если допустить, что его научалъ Ребровъ, то естественнѣе товарища назвать Афанасьемъ. Но дѣло не въ томъ: онъ говорилъ еще, что у другаго товарища Пожарнова есть топоръ, который можно заложить; спрашиваютъ Алексѣева, гдѣ его топоръ, онъ говоритъ, что топоръ заложенъ имъ послѣ Крещенья лавочнику Якову; этотъ лавочникъ спрошенъ здѣсь и прежнее его показаніе прочтено, — что они противорѣчатъ—я не стану доказывать, — но объ залогѣ топора никто не зналъ, объ этомъ не могъ знать и Батуринъ, если бы ему не сказалъ Пожарновъ. Лавочникъ говоритъ, что топоръ ему заложенъ Алексѣевыми за недѣлю до Рождества, а Алексѣевъ, что недѣлю спустя послѣ Крещенья, — эта то разница и важна для обвиненія. Въ подкрѣпленіе этихъ подозрѣній на слѣдствіи явился цѣлый рядъ показаній. Артемій Вавиловъ, состоявшій на службѣ у Реброва по сыскной части, — показаніе его подписано имъ самимъ, — на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что Пожарновъ хвалился ему убійствомъ въ Мытищахъ; здѣсь Вавиловъ говоритъ, что слѣдователь допросилъ Ивана Михайлова, прочелъ его показаніе Вавилову и, несмотря на слова его, что онъ этихъ словъ отъ Пожарнова не слыхалъ, переписалъ это показаніе и заставилъ Вавилова подписать. Ложность этого показанія очевидна: вы слышали изъ вопроса предсѣдателя, что по дѣлу видно, что Вавиловъ слѣдователемъ былъ раньше допрошенъ, нежели Иванъ Михайловъ. Но если даже допустить, что слѣдователь сперва записывалъ показанія начерно, а потомъ переписывалъ въ самое дѣло, или, какъ Вавиловъ говоритъ, въ книгу, то всего естественнѣе предположить, что онъ и вписывалъ набѣло показанія въ томъ же порядкѣ,

какъ и допрашивалъ. Вы оцѣните, гг. присяжные, это объясненіе Вавилова, также какъ и голословное заявленіе Батурина, что они дали свои показанія при слѣдствіи по наущенію Реброва. Свидѣтельница Екатерина Тюрина здѣсь, на судѣ, показала, что прежнее свое показаніе дала по наущенію Ивана Михайловича, провѣрить ее мы не можемъ, — Иванъ Михайловъ на судѣ не явился, и вамъ остается сдѣлать выборъ изъ двухъ ея показаній. Въ подтвержденіе показанія Батурина мы имѣемъ свидѣтельство Скворцова. Его показаніе, данное имъ здѣсь сперва, имѣетъ разницу съ прежнимъ, разница эта тѣмъ болѣе показалась странною, что онъ писалъ свое прежнее показаніе; когда же прочли его прежнее показаніе, то онъ подтвердилъ его и старался объяснить почему не могъ съ разу его припомнить. Удовлетворительно ли такое объясненіе — рѣшите вы, гг. присяжные. Кромѣ всего этого, слѣдователь собралъ справки о поведеніи подсудимыхъ. По этимъ справкамъ оказалось, что Пожарновъ уже судился разъ за кражу и признанъ виновнымъ, объ немъ еще присланъ отзывъ мѣстной полиціей, что однодеревенцы въ поведеніи его не одобрили; этотъ повальный обыскъ сдѣланъ не слѣдователемъ, а мѣстнымъ полицейскимъ чиновникомъ. Объ Афанасьѣ Алексѣевѣ полученъ отзывъ, что его крестьяне тоже не одобрили, и этотъ обыскъ произведенъ тоже не слѣдователемъ. Любопытно взглянуть теперь, что подсудимые приводятъ въ свое оправданіе. Прежде, кромѣ общаго отрицанія, они не приводили ничего; потомъ они привели показанія двоихъ своихъ знакомыхъ, Евсея Гаврилова и Якова Иванова; ихъ показанія и на слѣдствіи, и здѣсь, на судѣ, совершенно одинаковы. Обвиненіе не

обратило вниманія на этихъ свидѣтелей, потому что Евсей Гавриловъ самъ сперва былъ заподозрѣнъ въ участіи въ настоящемъ дѣлѣ, а Яковъ Ивановъ въ своемъ показаніи сначала говорилъ, что ночевалъ подѣ Рождество у какого-то Федотова и уже потомъ, что ночевалъ вмѣстѣ съ Алексѣевымъ, у Бычковой; въ это время Ивановъ былъ заподозрѣнъ, что во время содержанія подѣ стражей могъ переговариваться съ Алексѣевымъ черезъ отдушину. Вамъ остается вѣрить или не вѣрить этимъ показаніямъ. Здѣсь подсудимые указали на новое обстоятельство: въ возраженіи на показаніе Константина Григорьева они говорятъ, что видѣли какъ онъ варилъ въ ночь на Рождество кушанье: это показаніе ихъ подтвердилъ и Григорьевъ. По моему мнѣнію, это очень важное обстоятельство для подсудимыхъ, и если бы они знали объ этомъ ранѣе, то навѣрное поспѣшили бы его привести въ свое оправданіе, но они этого не сдѣлали до сегодняшняго дня. Изъ этого я заключаю, что это обстоятельство сдѣлалось имъ извѣстно недавно: изъ дома Бѣложаева много народу переселяется въ острогъ и узнать кто что дѣлалъ, особенно въ такую памятную ночь, какъ ночь подѣ Рождество, не трудно. Я это обстоятельство такъ объясняю; окончательное же рѣшеніе зависитъ отъ васъ. Мнѣ остается только сказать, почему Пожарнова я обвиняю въ предумышленномъ убійствѣ, а Алексѣева только въ укрывательствѣ. Пожарновъ, безспорно, главное лицо, противъ него одного свидѣтельствуемъ Батуриный; другіе, второстепенные свидѣтели, говорятъ о томъ и другомъ, что они вмѣстѣ закладывали полушубокъ, вмѣстѣ скрылись неизвестно куда и потомъ на другой день вмѣстѣ явились. Въ виду этихъ

то меньшихъ уликъ противъ Алексѣева и не зная роли, которую онъ игралъ въ преступленіи, обвиненіе и избрало путь обвинять его въ меньшемъ преступленіи, а не въ большемъ, предполагая при этомъ, что у Пожарнова были другіе товарищи. Повторяю, что противъ Пожарнова больше уликъ, а противъ Алексѣева меньше, — поэтому и обвиненіе дѣлаетъ разницу относительно ихъ. На этомъ оканчиваю свое обвиненіе подсудимыхъ Пожарнова и Алексѣева.

Защитникъ Пожарнова, присяжный повѣренный Соловьевъ.

Нынѣшній разъ мнѣ приходится защищать передъ вами, гг. присяжные, подсудимаго, обвиняемаго въ убійствѣ, съ цѣлью ограбленія, брата и сестры Соколовыхъ. Нечего говорить, что кровь несчастныхъ старика и старухи громко вопіетъ къ правосудію о наказаніи злодѣевъ, такъ безчеловѣчно лишившихъ ихъ жизни, но, къ сожалѣнію, правосудія не видитъ виновныхъ, а перваго попавшаго на глаза сыщикамъ, хотя бы и дурнаго человѣка, правосудіе въ жертву не пріемлетъ. Оно съ ужасомъ отворачивается отъ такихъ жертвоприношеній, въ виду того, что послѣднее зло будетъ горше перваго. Нашъ уставъ говорить... (*читаетъ 739 и 740 ст.*). Мы въ правѣ были ожидать, что въ настоящемъ дѣлѣ обвинитель поступитъ такъ, какъ указываетъ законъ, но ничего подобнаго не было. Обвиненіе прикрылось извѣстной фразой. что его положеніе въ настоящемъ случаѣ очень не выгодно, оно обратилось къ актамъ предворительно слѣдствія, вторые не были читаны на судѣ. и проситъ обвинить подсудимыхъ. Прокуроръ говоритъ и даже утверждаетъ, что злодѣй совершившій убійство въ Мытищахъ, есть этотъ беднякъ — крестьянинъ Петръ Пожарновъ. Но въ виду вчерашняго слѣдствія, я, кажется, прямо могу сказать, что обвиненіе слишкомъ смѣло сдѣлало такой выводъ и слишкомъ смѣло требуетъ отъ васъ произнести приго-

воръ надъ цѣлой жизнью человѣка, основываясь только на одномъ увѣреніи обвинителя. На чемъ же основано было первоначальное обвиненіе? Оно было основано на дѣятельности нѣкогого Ивана Михайлова, состоящаго на службѣ у пристава Арбатской части, Реброва. На 90 стр. подлиннаго дѣла говорится, что открытія виновныхъ въ убійствѣ Соколовыхъ не послѣдовало, что лица, навлекшія подозрѣніе не отысканы. Далѣе тамъ говорится, что судебный слѣдователь, обсуждая дѣло съ приставомъ Ребровымъ, пришелъ къ заключенію, что убійство совершили такіе-то. Отсюда то и начинаются дѣйствія этой таинственной личности Ивана Михайлова, который не смотря на всѣ старанія суда и мои собственные, всѣ три раза не могъ быть разысканъ. По его указаніямъ, берутъ какого-то трактирщика съ Серидинки съ всей семьей, сажаютъ подъ арестъ, держатъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ и выпускаютъ; потомъ, по его же указаніямъ, хватаютъ мѣщанина Благина, Шувалова, солдата Корташова и многихъ другихъ, но всѣ эти лица оказываются невиновными. Потомъ говорятъ, что такой-то крестьянинъ Петръ Пожарновъ, сильно уличается, его арестуютъ, берутъ отъ сыщиковъ три показанія и начинаютъ обвинять. Вы слышали, гг. присяжные, вчерашній день, какъ сложилось это дѣло: сидѣли въ трактирѣ, пили чай и водку, угощали свою жертву, пѣли пѣсни и—составляли обвиненіе человѣка въ убійствѣ! Здѣсь я остановлюсь. Истина имѣетъ замѣчательное свойство: какъ бы ея не закрывали, какъ бы не прятали, она все-равно рано или поздно выплыветъ во всей своей наготѣ. Такъ случилось и здѣсь.

Объ этихъ показаніяхъ сыщиковъ я скажу подробнѣе. Батуринъ былъ заарестованъ. Иванъ Михайловъ говоритъ ему, что онъ можетъ освободиться, если покажетъ то-то и то-то; изъ желанія свободы, послѣ трехнедѣльнаго заключенія, Батуринъ даетъ требуемое показаніе свидѣтелю, но здѣсь подъ присягой и такой человѣкъ, какъ Батуринъ, не рѣшался клеветать. Еще замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи Вавиловъ: онъ, принявъ присягу и послѣ вопроса предсѣдателя разсказать, что знаетъ объ этомъ

дѣлѣ, — нѣсколько подумавъ, сказалъ: да, я все расскажу, и рассказъ его подтвердился обстоятельствами дѣла. Можно только порадоваться, что религія даже и на людей глубоко павшихъ дѣйствуетъ цѣлительно. Прокуроръ говорить, что Батуринъ и Вавиловъ ничѣмъ не доказали что прежнія ихъ показанія даны по наущенію другихъ, — я не спорю, что Батуринъ и Вавиловъ люди дурные, но подъ присягой у нихъ не повернулся языкъ подтвердить ложь. Я полагаю, что тамъ, на слѣдствіи они сочиняли, а здѣсь говорятъ правду. Я приведу еще одинъ фактъ. На предварительномъ слѣдствіи Вавиловъ говорилъ, что знаетъ, что Соколовыхъ убили подсудимые и что вещи, взятые послѣ этого убійства, заложены у такого-то сидѣльца на Вшивой горкѣ. Если вѣрили его показанію, то необходимо было бы сейчасъ же обыскать этого сидѣльца, отыскать вещи и предъявить родственникамъ убитыхъ, но ничего подобнаго сдѣлано не было, и, мнѣ кажется, я могу положительно сказать, что показаніямъ сыщиковъ вѣрить нельзя. Будь провѣрено указаніе Вавилова, я бы не спросилъ; но въ виду такого участія сыщиковъ въ этомъ дѣлѣ, ни одинъ присяжный, я увѣренъ, не рѣшится обвинить этихъ подсудимыхъ. Свидѣтельница Марковой я не могу довѣрять, потому что она постоянно находится въ нетрезвомъ состояніи. Всѣ остальные свидѣтели говорятъ, что въ ночь подъ Рождество подсудимыхъ у Бычковой они не видали, но прибавляютъ, что они могли и не видать ихъ, такъ какъ у Бычковой нѣсколько комнатъ, и въ эту ночь было очень много ночевавшихъ. Вы слышали, гг. присяжные, что подсудимый Пожарновъ указалъ, что въ эту ночь свидѣтель Константинъ Григорьевъ варилъ себѣ свинину и жарилъ голубей, ссылку эту свидѣтель подтвердилъ. Прокуроръ сперва спрашиваетъ: не сидѣлъ-ли Константинъ Григорьевъ въ тюремномъ замкѣ? Но когда оказалось, что нѣтъ, то прокуроръ хватается за соломинку и пытается объяснить, что подсудимый могъ объ этомъ узнать отъ кого нибудь изъ арестантовъ, такъ какъ изъ дома Бѣложаева, какъ онъ говоритъ, многіе переселяются въ острогъ; но въ подтвержденіе этого об-

ясненія прокуроръ ничего не представилъ, а безъ доказательствъ подобному предположенію вѣрить невозможно. Итакъ, я полагаю, можно положительно сказать, то обстоятельство, что Пожарновъ подъ Рождество не ночевалъ у Бычковой, совершенно опровергнуто. Да, наконецъ, если даже и допустить, что онъ не ночевалъ въ эту ночь у Бычковой, то развѣ изъ этого непременно слѣдуетъ, что онъ совершилъ убійство Соколовыхъ? При этомъ я еще укажу, что слѣдователь даже не обслѣдовалъ самое время совершенія убійства; прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи, основываясь на предварительномъ слѣдствіи, прошелъ молчаніемъ показаніе Лейбы Шмуклера, сторожа при шоссе заставѣ въ мытищахъ; его показаніе заключается въ томъ, что, находясь при заставѣ въ ночь на Рождество, съ 9 часовъ вечера до 6 часовъ утра, онъ не видалъ, чтобы кто нибудь проѣзжалъ по дорогѣ въ Москву на лошади Соколовыхъ, а лошадь эту онъ знаетъ. Кромѣ этого, я скажу, что я могу ночевать дома, въ эту ночь гдѣ нибудь недалеко совершено убійство, мнѣ неловко почему нибудь сказать, гдѣ я провелъ ночь, но отсюда, кажется, еще не слѣдуетъ, что это убійство совершилъ я. Если бы не было такой твердой почвы для защиты, я бы не сталъ такъ энергически протестовать противъ обвиненія, которое привлекло совершенно невиновныхъ, почти два года находящихся въ тюрьмѣ; оно выводитъ ихъ на позоръ, обвиняетъ въ такомъ ужасномъ преступленіи и еще требуетъ, чтобы вы произнесли обвинительный приговоръ! Я глубоко уважаю правосудіе и не думаю, чтобы интересы его требовали подобныхъ жертвъ! Я окончилъ, гг. присяжные, возложенную на меня судомъ обязанность; я старался выполнить, по мѣрѣ своихъ силъ, какъ предписываетъ законъ, и полагаю, что въ настоящемъ случаѣ я могу ограничиться тѣмъ, что уже высказалъ вамъ. Теперь наступаетъ ваша очередь, вамъ остается признать подсудимаго Пожарнова невиновнымъ и что его не слѣдовало привлекать къ настоящему дѣлу.

Защитникъ Алексѣва, кандидатъ на судебныя должности Подладчиковъ.

Гг. присяжные засѣдатели! Настала, наконецъ, минута, когда оправдательный приговоръ вашъ положить конецъ настоящему дѣлу и представить свободу обвиняемому. Послѣ рѣчи моего почтеннаго товарища моя задача легка: онъ вамъ доказалъ всю невозможность совершенія убійства Пожарновымъ, а если не существуетъ обвиненія Пожарнова, то и Алексѣевъ не можетъ быть обвиненъ въ укрывательствѣ. Этого одного уже было бы достаточно для полной защиты моего кліента передъ вашимъ безпристрастнымъ судомъ; но чтобы не было и тѣни того неблагоприятнаго впечатлѣнія, которое могло въ васъ остаться послѣ обвинительной рѣчи, я считаю необходимымъ разобратъ улики, приведенныя противъ Алексѣева прокуроромъ и тѣмъ избавить моего кліента отъ нареканія въ будущемъ.

Первая и самая главная улика, выставленная прокуроромъ, это разнорѣчіе Алексѣва о ночлегѣ. На первомъ допросѣ у слѣдователя Алексѣевъ, на вопросъ, гдѣ онъ ночевалъ подъ Рождество, сперва сказалъ, что у хозяина своего Кузнецова, но сейчасъ же, вспомнивъ, что онъ въ сочельникъ съ нимъ расчитался, онъ направили свою ошибку и сказалъ, что ночевалъ въ домѣ Бѣложаева въ квартирѣ у Бычковой. Это нельзя даже назвать ошибкой, это просто оговорка и притомъ надо вспомнить, что отъ Кузнецова онъ ушелъ только наканунѣ этой ночи и вопросъ объ этомъ былъ предложенъ спустя три недѣли послѣ этой ночи. Что же мудренаго, что онъ ошибся! Это послѣднее показаніе Алексѣева подтверждено Яковомъ Ивановымъ, который говоритъ, что вмѣстѣ съ Алексѣевымъ расчитался съ хозяиномъ и ночевалъ съ нимъ же вмѣстѣ, въ домѣ Бѣложаева; сперва только Яковъ Ивановъ показалъ невѣрно, что ночевалъ въ квартирѣ какого-то Федотова, но эта ошибка произошла потому, что онъ не зналъ хорошо имени хозяина и ночевалъ тамъ въ первый разъ. Прокуроръ упомянулъ вамъ, что Яковъ

Ивановъ могъ переговариваться черезъ отдушину съ Алексѣевымъ. Считаю необходимымъ подробно объяснить это обстоятельство: въ Арбатской части, между двумя арестанскими камерами есть отдушина; въ каждой изъ этихъ камеръ содержалось по нѣскольку человекъ; въ одной изъ этихъ камеръ сидѣлъ Алексѣевъ, въ другую былъ введенъ послѣ допроса Яковъ Ивановъ. Алексѣевъ уже зналъ отъ слѣдователя, что Ивановъ показалъ, что ночевали они у Федотова и не требовалъ съ нимъ очной ставки единственно по невѣдѣнію, что это возможно. Изъ камеры, гдѣ сидѣлъ Алексѣевъ, черезъ отдушину спросили кого привели? отвѣтили что Якова Иванова, тогда Алексѣевъ сказалъ ему: «какъ же ты показалъ, что мы ночевали у Федотова, когда мы ночевали у Бычковой. Вотъ и всѣ переговоры; при этомъ я долженъ сказать, что это обстоятельство подробно обследовано, спрошены всѣ бывшіе въ камерахъ. Эту самую фразу Алексѣевъ могъ сказать Иванову и при слѣдователѣ, на очной ставкѣ. Прокуроръ въ опроверженіе этого показанія ссылается на прочихъ ночлежниковъ Бычковой. Дѣйствительно, Роцинъ и еще четверо свидѣтелей говорятъ, что не видали въ эту ночь Алексѣева. Да и странно было бы, если бы утвердительно сказали, что видѣли его: тамъ ночевало въ трехъ разныхъ комнатахъ до 50 человекъ; Алексѣевъ и Яковъ Ивановъ пришли вечеромъ, когда уже большинство спали, легли, за недостаткомъ мѣста, подъ нарами; сосѣди ихъ, можетъ быть и видѣли, да не замѣтили, они не знали, что Алексѣева будутъ обвинять и ихъ черезъ 3 недѣли спросать, ночеваль-ли онъ вмѣстѣ съ ними: понятно, что черезъ столько времени они не могутъ припомнить въ лицо всѣхъ, кто ночевалъ въ такую-то ночь, тѣмъ болѣе, что посѣтители ночлежныхъ домовъ ежедневно мѣняются, — сегодня одни ночуютъ, завтра другіе. Одна Елена Маркова положительно утверждаетъ, что оба подсудимые не ночевали у Бычковой подъ Рождество, но я напомнимъ вамъ, гг. присяжные, что она сама подтвердила что была выпивши; не надо забывать также, что Пожарновъ не имѣлъ въ это время паспорта, и если Маркова

и утверждаетъ, что они не ночевали, то это единственно изъ боязни отвѣтственности передъ полиціей, который такъ боятся жители подобныхъ трущобъ. Еще обвинитель выставляетъ уликой противъ Алексѣева, что у него нѣтъ топора. Вы слышали показаніе Якова Михайлова, онъ подтверждаетъ слово подсудимаго, но говоритъ, что тотъ заложилъ ему топоръ за недѣлю до Рождества. Ошибка во времени со стороны Михайлова очень возможна; онъ показываетъ это черезъ 1½ года, прежде же онъ совсѣмъ отказывался отъ залога топора. Вотъ и всѣ улики, которыя обвинитель выставилъ противъ Алексѣева. Вы уже слышали, что по настоящему дѣлу были заподозрѣны очень многіе, одни изъ тѣхъ, которыхъ арестовали не уличались, другіе, навлекавшіе подозрѣніе, скрылись. Въ это-то время и явились показанія сыщиковъ; они говорили, что у товарища Пожарнова есть топоръ, -- Алексѣевъ плотникъ, по ремеслу его у него долженъ быть топоръ, и его арестуютъ и обвиняютъ, но если довольствоваться такого рода уликами, то придется арестовать и обвинять всѣхъ Московскихъ плотниковъ. Если бы даже всѣ факты, представленные прокуроромъ, и подтвердились, то и тогда бы обвиненіе было не сильнѣе, нежели теперь, когда его основаніе рухнуло. Я не стану говорить вамъ, что прокуроръ ни прежде, ни теперь не выставилъ противъ Алексѣева ни одной прямой улики, все его обвиненіе построено на косвенныхъ уликахъ, шаткость которыхъ и прежде была очевидна, но здѣсь, на судѣ, и эти всѣ улики положительно уничтожались. Если не было совершенно убійство Пожарнымъ, что послѣ рѣчи моего сотоварища не подлежитъ сомненію, то какъ же Алексѣевъ можетъ быть обвиненъ въ укрывательствѣ; очевидно, что настоящіе убійцы обошлись безъ укрывателя. Укрывательство нашъ законъ опредѣляетъ такъ: (*читаетъ 14 ст. Улож., объ укрывателяхъ*). Въ чемъ же обвиняетъ прокуроръ Алексѣева? Онъ говоритъ, что противъ Пожарнова больше уликъ, поэтому онъ обвиняетъ его въ убійствѣ, а такъ какъ противъ Алексѣева меньше и роль его при совершеніи преступленія неизвѣстна, то его об-

виняетъ въ укрывательствѣ; хорошо, что здѣсь двое подсудимыхъ, а если бы ихъ было пятеро, роли ихъ тоже были бы неизвѣстны и улики противъ нихъ различны, тогда, значить, слѣдовало бы одного обвинять въ убійствѣ, другаго въ укрывательствѣ, третьяго въ нанесеніи ранъ, а послѣдняго въ простомъ оскорбленіи! Очевидно, что прокуроръ видѣлъ всю шаткость уликъ и не находилъ возможности обвинить Алексѣева въ самомъ убійствѣ и потому хотеть доказать, что онъ былъ укрывателемъ. Но если принять за доказанное слово прокурора, что Алексѣевъ не начевалъ у Бычковой въ ночь съ 24 на 25 декабря, то значить онъ былъ въ Мытицахъ и тогда нельзя допустить и мысли, чтобы онъ не зналъ объ убійствѣ Соколовыхъ, а это уже будетъ не укрывательство, потому что характеристическая черта его, какъ вы слышали изъ прочтеннаго мною, — незнаніе о преступленіи до совершеннаго его окончанія: укрывательство начинается съ того только момента, когда дѣятельность всѣхъ остальныхъ участниковъ окончились. Вы видите, гг. присяжные, всю бездоказательность обвиненіе Алексѣева, и я твердо убѣжденъ, что вы произнесете надъ нимъ оправдательный приговоръ.

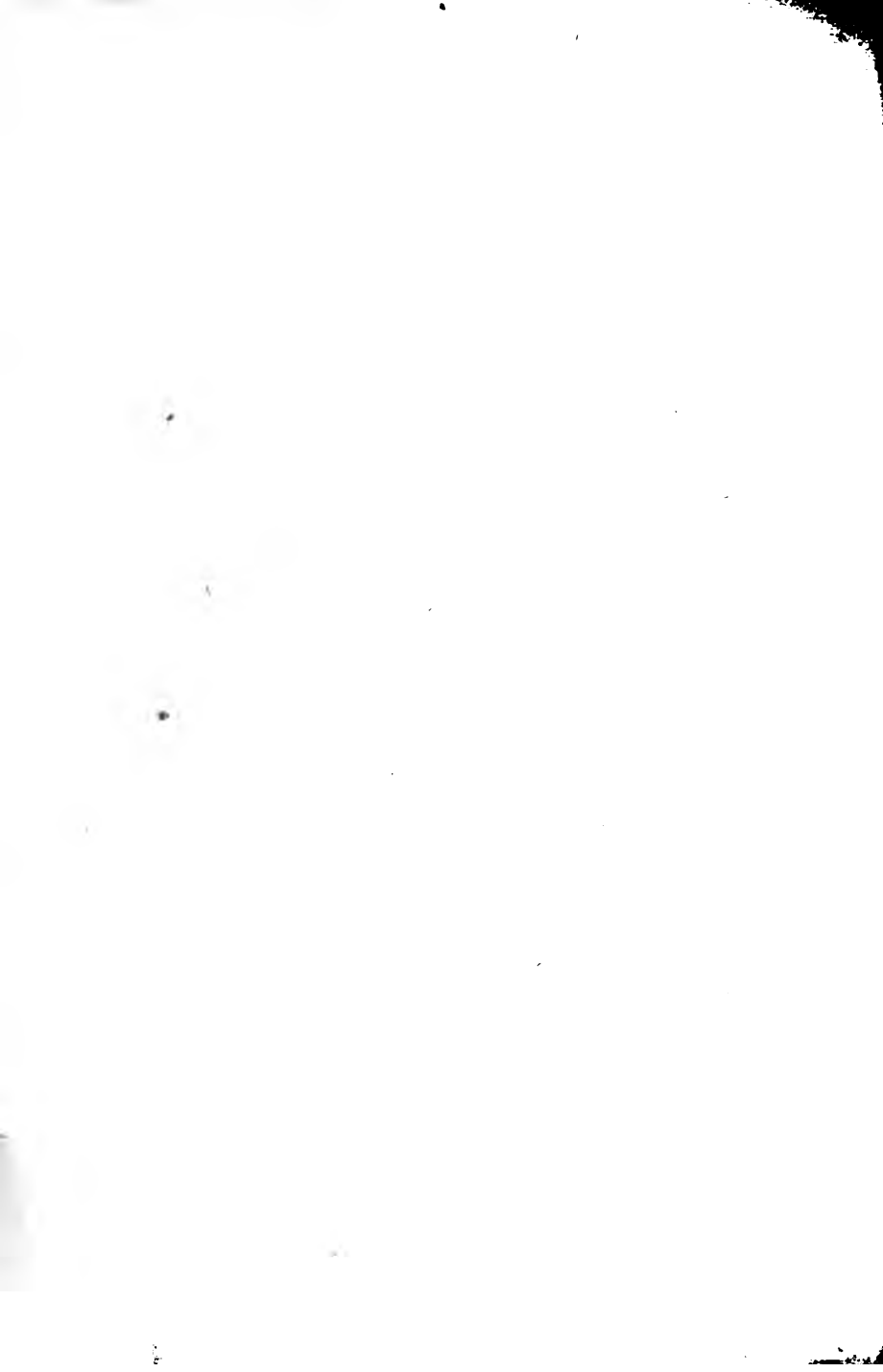
Послѣ 25 минутнаго совѣщанія, присяжные, въ 2½ часа пополудни, вынесли *оправдательный* приговоръ обоимъ подсудимымъ.

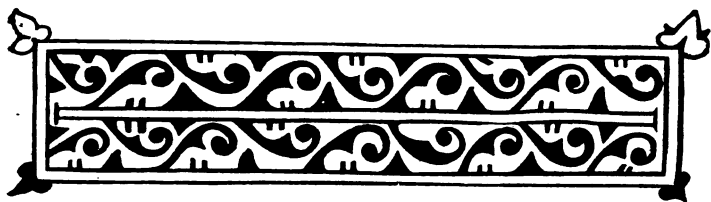
Роде и А. В. Лохвицкій.

ДѢЛО КОРНЕТА МГЕБРОВА.

Р Ѣ Ч И

въ защиту и обвиненіе.

ДѢЛО КОРНЕТА МГЕБРОВА

С.-Петербургскій Окружный Судъ.

Засѣданіе 1 февраля 1868 г.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ судебные отчеты съ самаго начала нашего гласнаго суда, невольно останавливаешься на тѣхъ процессахъ, гдѣ въ качествѣ защитника, частнаго обвинителя или гражданскаго истца появлялся покойный докторъ правъ А. В. Лохвицкій. Его рѣчи во всѣхъ веденныхъ имъ дѣлахъ, въ большинствѣ случаевъ очень сложныхъ, запутанныхъ, отличаются находчивостью, тактомъ, чувствомъ мѣры, глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ. Этотъ своеобразный и сильный ораторъ, мало заботившійся о внѣшней формѣ и чистотѣ произношенія, однако умѣлъ вести почти всегда аудиторію къ намѣченной имъ цѣли. Рѣчи его по эрудиціи, логикѣ и анализѣ доказательствъ служатъ образцомъ ораторскаго искусства, и безспорно должны быть отнесены къ наиболѣе избраннымъ рѣчамъ русскихъ судебныхъ ораторовъ.

Между тѣмъ, въ изданныхъ рѣчахъ русскихъ адвокатовъ съ ихъ характеристиками, ¹⁾ рядомъ съ помѣщенными тамъ нѣкоторыми рѣчами, незаслуживающими быть отнесенными къ избраннымъ рѣчамъ, къ нашему удивленію мы не встрѣтили ни одной рѣчи Лохвицкаго, какъ будто-бы его совсѣмъ не было, или этотъ адвокатъ какая то второстепенная величина, неоставившая даже по себѣ слѣда въ судебныхъ лѣтописяхъ.—Этотъ пробѣлъ мы восполняемъ на страницахъ „Судебныхъ Драмъ“ помѣщеніемъ ряда его рѣчей.

На первый разъ останавливаемся на негромкомъ бытовомъ процессѣ.

Читатель увидитъ, какъ этотъ ораторъ, въ крайне щекотливомъ для его кліента дѣлѣ, не искажая фактической стороны, не прибѣгая къ софизмамъ, на что такъ падки нѣкоторые изъ нашихъ адвокатовъ, чѣмъ одно время подорвали и самое значеніе адвокатуры въ глазахъ общества, убѣдилъ присяжныхъ въ невиновности своего кліента и г. Мгебровъ вышелъ изъ суда оправданнымъ.

Пишущему эти строки попалась съ купленными имъ книгами у букиниста и тетрадь съ надписью «Всякой всячины за 1868 годъ». Это оказался, къ сожалѣнію, неполный, съ вырванными листами, дневникъ съ эпиграфомъ: „Вивать работа!“, „Qui non laboret, non manducet!“ Въ этомъ дневникѣ, очевидно молодой, пылкій юристъ вписывалъ свои впечатлѣнія, „свои думы, по поводу прочитаннаго, размышленія, замѣтки, выписки,

¹⁾ Л. Д. Ляховецкій. Характеристика извѣстныхъ русскихъ ораторовъ съ приложеніемъ избранной рѣчи каждого изъ нихъ.—Б. Глиевскій.—Русское судебное краснорѣчіе.

пожалуй встрѣчи; все же сердечное, прибавляетъ авторъ—долой!“ И вотъ подъ 22 іюля 1868 года мы читаемъ его разсужденіе по дѣлу Сенаторова, обвинявшагося въ убійствѣ, бѣжавшаго изъ подъ стражи, Егорова, разбиравшееся въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Калужскомъ окружномъ судѣ и подъ этимъ-же числомъ мимоходомъ упоминаетъ онъ и о прочтенной имъ въ 155-мъ номерѣ „Судебнаго Вѣстника“ рѣчи Лохвицкаго по дѣлу Загуляева, нынѣшняго сотрудника „Нов. Время“, ведущаго тамъ политическій отдѣлъ газеты. Въ дѣлѣ Загуляева Лохвицкій поддерживалъ обвиненіе въ оскорбленіи Загуляевымъ въ печати жены купца Луизы Зауеръ. Рѣчь свою онъ началъ такимъ образомъ: „Я являюсь въ настоящемъ дѣлѣ обвинителемъ по преступленію печати, я смѣю думать и надѣюсь доказать, что я вмѣстѣ съ тѣмъ являюсь и защитникомъ печати, потому что ничто такъ не роняетъ періодическую печать, какъ то ея положеніе, когда она, вмѣсто того, чтобъ заниматься великими политическими и нравственными вопросами, направляетъ всю силу станка только на поруганіе частныхъ личностей“.

Это основное положеніе Лохвицкій блестяще развилъ въ своей рѣчи. Разобравъ до мельчайшихъ подробностей все дѣло, внеся въ свое „талантливое обвиненіе, по словамъ даже обвиняемаго, бездну эрудиціи, бездну логики, бездну доказательствъ“, онъ убѣдилъ судъ въ необходимости вынести для г. Загуляева обвинительный приговоръ. И вотъ, восхищаясь этой рѣчью, неизвѣстный составитель дневника восклицаетъ: „Побольше намъ подобныхъ защитниковъ, дѣло пойдетъ на ладъ“.

Таково впечатлѣніе отъ рѣчей Лохвицкаго на чита-

телей и слушателей тридцать лѣтъ назадъ. Рѣчи эти и теперь производятъ при чтеніи такое же впечатлѣніе. И только благодаря такимъ ораторамъ, каковымъ были В. А. Лохвицкій и рядомъ съ нимъ нѣмъ здравствующіе: В. Д. Спасовичъ, М. О. Громницкій, а за ними и болѣе молодые: кн. А. И. Урусовъ, О. Н. Плевако, покойный Александровъ, русское судебное краснорѣчіе сразу встало на подобающую ему высоту. Эти лица создали не существовавшее у насъ судебное краснорѣчіе.

Отставной корнетъ Захаръ Ивановичъ Мгебровъ, 44 лѣтъ, преданъ былъ суду присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ подлогѣ. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ, судя по обвинительному акту, совершенно былъ этотъ подлогъ ¹⁾:

„23 декабря 1864 года, поручикъ 16-го гусарскаго Ингерманландскаго полка, Константинъ Андреевъ Зейфертъ, подалъ въ 1-й департаментъ с.-петербургской управы благочинія прошеніе, въ которомъ изложилъ слѣдующее: въ маѣ мѣсяцѣ того года, ему предстояло получить изъ управы благочинія наслѣдственныя деньги, въ количествѣ 3,199 руб. сер., но такъ какъ по дѣламъ службы онъ долженъ былъ, не ожидая выдачи, отправиться въ полкъ, то состоящій тогда, по случаю несовершеннолѣтія его, попечителемъ надъ нимъ, корнетъ одного съ нимъ полка Захаръ Ивановъ Мгебровъ, предложилъ ему выдать на имя его, Мгеброва, довѣренность на полученіе тѣхъ денегъ. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ, Зейфертъ, подписалъ приготовленную уже, какъ видно, заранѣе довѣренность, и хотя потомъ намѣреніе его уполномочить Мгеброва на полученіе денегъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, измѣнилось, но такъ какъ довѣренность та въ присутственномъ мѣстѣ не была

¹⁾ Судеб. Вѣст. 68 г. № 32.

еще засвидѣтельствована, то онъ и уѣхалъ изъ Петербурга, не требуя возврата довѣренности, ибо предполагалъ, что по незасвидѣтельствованной довѣренности деньги не могутъ быть выданы Мгеброву, и потому, пріѣхавши на мѣсто службы, просилъ полковаго командира потребовать изъ управы благочинія высылки означенныхъ денегъ, но управа отвѣчала, что деньги уже получены, по довѣренности его, корнетомъ Захаромъ Мгебровымъ. Затѣмъ, когда онъ, Зейфертъ, сталъ требовать отъ Мгеброва свои деньги, то послѣдній ихъ ему не возвратилъ, изъ чего видно, что Мгебровъ растратилъ его собственность, а потому Зейфертъ просилъ поступить съ нимъ по законамъ.—Вслѣдствіе этого, управа благочинія распорядилась о взысканіи съ Мгеброва означенныхъ денегъ, но Мгебровъ, 29 января 1865 года, далъ отзывъ, что расчетъ его съ Зейфертомъ по предъявленному имъ иску уже оконченъ, на что онъ имѣетъ письменныя доказательства; потомъ, въ другомъ отзывѣ, Мгебровъ объяснилъ: 1) что принадлежащія Зейферту деньги, 3,199 руб. сер., онъ, дѣйствительно, получилъ по законной довѣренности, выданной ему Зейфертомъ изъ полка; 2) что изъ означенной суммы 1,572 руб. выдано имъ самому Зейферту, 1,387 руб., по назначенію послѣдняго, уплачено разнымъ его кредиторамъ, на что у него есть счетъ, подписанный Зейфертомъ, въ копіи имъ представляемый, и 3) что остальные 300 руб., согласно прилагаемой имъ довѣренности, отданы на проценты въ частныя руки. По предъявленіи Зейферту представленнаго Мгебровымъ счета, на сумму 2,899 руб. сер., подписаннаго Зейфертомъ 14 августа 1864 года, этотъ послѣдній, въ присутствіи 1-го департамента управы благочинія, заявилъ, что счета онъ признать не можетъ, потому что онъ подписанъ имъ только на сумму 399 руб. сер., въ настоящемъ же видѣ счетъ этотъ долженъ быть подложный по слѣдующимъ причинамъ: къ цифрѣ обьуплатѣ долга Султанъ-Шаху 210 р. приставлена съ лѣвой стороны единица, такъ что сумма увеличивается

на 1,000 руб.; къ цифрѣ выданныхъ ему, Зейферту, 12 руб. 25 коп. прибавлено съ лѣвой стороны 15, такъ, что сумма увеличилась на 1,500 руб., и затѣмъ всѣ цифры густо обведены чернилами, а въ итогѣ сдѣлана поправка—съ 399 на 2,899 руб. По поводу этого, дѣло получило уголовное направленіе и, предварительнымъ разслѣдованіемъ обнаружено слѣдующее: 1) подполковникъ Маринъ, на котораго Зейфертъ сослался какъ на свидѣтеля первоначальнаго расчета его съ Мгебровымъ, объяснилъ, что, дѣйствительно, въ его присутствіи поручикъ Зейфертъ подписалъ предъявленный ему корнетомъ Мгебровымъ счетъ на сумму 399 р., причемъ Мгебровъ въ пополненіе остальной суммы до 3,199 р., принадлежащихъ Зейферту и полученныхъ имъ изъ управы благочинія, предлагалъ Зейферту принять два заемныя письма князя Эристова, на сумму 2,800 руб., но Зейфертъ отказался ихъ принять и просилъ наличныя деньги, на что Мгебровъ отвѣчалъ, что наличныхъ денегъ не имѣетъ; 2) командиръ полка, въ коемъ служили Зейфертъ и Мгебровъ, полковникъ Энгельфельдтъ, отозвался что ему извѣстно, что когда корнетъ Мгебровъ прибылъ въ полкъ, то поручикъ Зейфертъ пригласилъ присутствовать для расчета его съ нимъ подполковника Марина, который потомъ докладывалъ ему, Энгельфельдту, что Зейфертъ, подписалъ счетъ на сумму 399 руб., а что на остальные 2,800 руб., которые вмѣстѣ съ 399 руб., должны были составить всю сумму 3,199 руб., полученную Мгебровымъ изъ управы благочинія, Мгебровъ предлагалъ ему векселя, но что Зейфертъ ихъ не принялъ; объ этомъ же говорилъ ему и самъ Зейфертъ. Когда же онъ, Энгельфельдтъ, потребовалъ отъ Мгеброва объясненія, почему онъ не рассчитывается съ Зейфертомъ, то Мгебровъ донесъ, что онъ на лицо не имѣетъ денегъ, ибо отдалъ ихъ въ займы. Показанія эти подтверждены Маринымъ и Энгельфельдтомъ при производствѣ потомъ слѣдствія и, изъ нихъ, Маринымъ подѣ присягою. Противъ этого Мгебровъ 25 ноября 1865 года, въ новомъ отзывѣ сво-

емъ 1-му департаменту управы благочинія, объяснилъ, что дѣйствительно онъ, въ рапортъ полковому командиру, объяснилъ, что у него не было остальныхъ денегъ, чтобъ отдать Зейферту; но по пріѣздѣ его въ Петербургъ, онъ совершенно расчитался съ Зейфертомъ, въ удостовѣреніе чего и приложилъ копии съ двухъ росписокъ; росписки эти: одна на сто, а другая на двѣсти рублей, написаны 30 сентября 1865 года, причемъ въ послѣдней сказано, что остальные деньги по иску своему Зейфертъ долженъ получить съ князя Эристова. Затѣмъ, при производствѣ слѣдствія, 21 марта 1866 года, корнетъ Захарій Мгебровъ показалъ, что изъ полученныхъ имъ изъ управы благочинія денегъ Зейферта, въ количествѣ 3,199 руб., онъ уплатилъ, по его порученію, долги, на остальные же привезъ ему векселя на князя Эристова; но когда Зейфертъ не захотѣлъ ихъ принять, то онъ тогда же занялъ у еврея Фальбельха деньги, подъ залогъ своихъ вещей, и уплатилъ ихъ Зейферту, который потомъ и росписался на счетъ въ суммѣ 2,899 руб., такъ что за нимъ, Мгебровымъ, осталось всего 300 руб., которые онъ и отдалъ Зейферту по пріѣздѣ уже въ Петербургъ; — что цифры на счетѣ наведены чернилами самимъ Зейфертомъ въ его квартирѣ, вѣроятно, съ цѣлью заявить потомъ споръ противъ подлинности счета, и что хотя, за уплатою Зейферту въ Петербургъ, въ сентябрѣ 1865 года, 300 руб., не оставалось больше ничего, но Зейферту угодно было написать въ роспискѣ, что остальные онъ долженъ получить съ князя Эристова, для того чтобы показать своимъ кредиторамъ, что онъ еще имѣетъ въ виду полученіе; наконецъ, что росписку, выданную Зейфертомъ Султанъ-Шаху и полученную имъ, Мгебровымъ, отъ послѣдняго, послѣ уплаты ему долга, онъ отдалъ Зейферту въ полку. Поручикъ Зейфертъ показалъ, что изъ числа слѣдовавшихъ ему изъ управы благочинія денегъ, въ суммѣ 3,199 р. съ копѣйками, имъ получено отъ Мгеброва: при подписаніи счета, 14 августа 1864 г., наличными деньгами въ полку 12 р.

25 к., потомъ по счету уплачено Султанъ-Шаху долги 210 р., портному 135 р., за пересылку 10 р., за наемъ кареты 4 р. 50 к., за сапоги 10 р., за гербовую бумагу 15 р., за книги 12 р. 25 к., всего 399 руб., въ чемъ онъ и подписался на счетъ въ присутствіи подполковника Марина; что при этомъ росписки Султанъ-Шаха о полученіи имъ 1,210 р. не было, ибо она написана уже 26 декабря, и что на остальную сумму, до 3,199 р., ему Мгебровъ предлагалъ на 2.800 руб. векселей, которыхъ онъ не принялъ, равно какъ не получалъ отъ Мгеброва и наличными деньгами 1,500 р., добытыхъ имъ будто бы черезъ залогъ своихъ вещей. — На дополнительномъ показаніи, корнетъ Мгебровъ, противъ объясненія Зейферта, показалъ, что изъ 3,199 рублей, онъ израсходовалъ 2,899 рублей, какъ это и значится въ счетѣ, подписанномъ Зейфертомъ 14 августа 1864 года, и что добытые имъ черезъ залогъ своихъ вещей, 1,500 руб. онъ вмѣстѣ съ 12 руб. отдалъ Зейферту еще до подписанія счета; что Султанъ-Шаху онъ дѣйствительно отдалъ въ счетъ долга ему Зейферта 120 руб., какъ это и доказывается роспискою Шаха на счетѣ, и что по уплатѣ уже въ 1865 году остальныхъ 300 руб. Зейферту, онъ, Мгебровъ, ничего не остался должнымъ, но позволилъ Зейферту написать, что онъ остальные деньги имѣетъ получить съ князя Эристова, потому что Зейфертъ добивался процентвъ. Спрошенный затѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Григорьевъ Султанъ-Шахъ показалъ, что поручикъ Зейфертъ самъ лично занялъ у него 200 руб., а вскорѣ послѣ того явился Мгебровъ и занялъ для Зейферта же, какъ онъ говоритъ, 1,000 руб., что Зейфертъ выслалъ ему отъ себя въ занятой суммѣ росписку, а Мгебровъ далъ росписку отдѣльно; что потомъ онъ получилъ отъ Мгеброва всѣ 1,210 р. (10 р. процентвъ), которому и отдалъ обѣ росписки; въ декабрѣ же мѣсяцѣ 1864 года, Мгебровъ предъявилъ ему подписанный Зейфертомъ счетъ и просилъ расписаться на немъ въ дѣйствительномъ полученіи отданныхъ имъ, Мгебровымъ,

денегъ, что онъ, Султанъ-Шахъ добавилъ, что не знаетъ, для чего нужна была Мгеброву его росписка на счетъ, и что самъ Зейфертъ ни письменно, ни словесно не просилъ его о займѣ ему 1,000 руб. чрезъ Мгеброва, который, занимая, не предъявлялъ и довѣренности отъ Зейферта.

Спрошенный, по ссылкѣ Зейферта, братъ его, полковникъ Александръ Зейфертъ, показалъ, что въ первыхъ числахъ апрѣля 1865 года, онъ встрѣтилъ Мгеброва въ лавкѣ, гдѣ въ разговорѣ послѣдній признался, что онъ дѣйствительно не заплатилъ его брату Константину всѣхъ слѣдуемыхъ ему денегъ, но что онъ поступилъ такъ потому, что когда онъ, Мгебровъ, привезъ въ полкъ его брату на всю слѣдующую ему сумму векселя Эристова, то братъ ихъ не принялъ и тѣмъ поставилъ его въ затруднительное положеніе, и что, кромѣ того, благодаря его брату, Мгеброва уволили въ отставку. Когда же онъ, Александръ Зейфертъ, предложилъ Мгеброву удовлетворить брата, то послѣдній согласился, и они съѣхались въ его квартирѣ, кажется, въ концѣ мая, причемъ Мгебровъ предлагалъ брату наличными 500 руб., а остальное векселями на 2,800 руб., но сдѣлка не состоялась. На улику брата его Константина, о передѣлкѣ счета, Мгебровъ отвѣчалъ, что онъ это сдѣлалъ потому, что братъ причинилъ ему еще больше вреда. Мѣщанинъ Иванъ Осиповъ, бывшій слугою у Александра Зейферта въ маѣ мѣсяцѣ 1865 года, подтвердилъ показаніе Александра Зейферта, объяснивъ, что онъ самъ слышалъ это. Другой братъ Константина Зейферта, Владиміръ, также показалъ, что, лѣтомъ 1865 года, онъ былъ свидѣтелемъ какъ Мгебровъ, въ квартирѣ брата, предлагалъ ему деньги и говорилъ, что счетъ онъ передалъ только для того, чтобы пошутить. Наконецъ, еврей Моисей Финкельштейнъ, на котораго ссылался Мгебровъ, показалъ, что Мгебровъ являлся къ нему въ 1865 году и объяснилъ, что Зейфертъ напрасно съ него требуетъ деньги, ибо не онъ,

а князь Эристовъ долженъ ему, и какъ кажется, до 2,000 руб.

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго оказывается: 1) что представленный корнетомъ Мгебровымъ въ управу благочинія счетъ на 2,899 руб. сер., подписанный Зейфертомъ, первоначально былъ написанъ только на 399 руб., какъ объ этомъ положительно свидѣтельствуютъ подполковникъ Маринъ и полковникъ Энгельфельдтъ и какъ это видно изъ росписки, взятой Мгебровымъ съ Зейферта, больше чѣмъ черезъ годъ послѣ перваго расчета, именно: въ сентябрѣ 1865 года, о томъ, что, сверхъ уплаты 309 руб., Зейфертъ долженъ получить остальные съ князя Эристова, тогда какъ остальныхъ денегъ, если допустить справедливость цифры въ 2,899 р., никакихъ не было; 2) что переправка въ цифрахъ и въ итогѣ сдѣлана самимъ Мгебровымъ, такъ какъ счетъ этотъ, послѣ подписи его Зейфертомъ и до представленія его въ управу благочинія, оставался у него, Мгеброва, и хотя онъ и утверждаетъ, что цифры наведены самимъ Зейфертомъ при первоначальномъ подписаніи счета, но на слѣдствіи это положительно опровергнуто, какъ присутствовавшимъ при подписаніи подполковникомъ Маринымъ, такъ и самимъ Зейфертомъ; 3) что объясненіе Мгеброва, которымъ онъ старается подкрѣпить вѣрность счета въ 2,899 руб., слѣдствіемъ не подтвердилось, ибо еврей Финкельштейнъ, на котораго онъ ссыался въ томъ, что будто бы, въ августѣ мѣсяцѣ 1864 года, онъ занималъ у него для Зейферта 1,500 руб., показалъ, что Мгебровъ являлся къ нему въ 1865 году и говорилъ, напротивъ, о долгѣ Зейферту около 2,000 руб., и 4) что означенный подлогъ въ счетѣ сдѣланъ Мгебровымъ, и именно съ цѣлью скрыть растрату имущества, находившагося подъ его попеченіемъ, поручика Зейферта, какъ это доказывается тѣмъ, что послѣ утвержденія Зейфертомъ первоначальнаго счета, онъ, Мгебровъ, нашелъ нужнымъ упросить Султанъ-Шаха росписаться въ полученіи такой суммы, о существованіи которой Зейфертъ ничего не зналъ и

которая, какъ видно изъ дѣла, употреблена была помимо воли и желанія самого Зейферта. Сверхъ всего этого, изъ указа объ отставкѣ корнета Мгеброва, видно, что онъ находился уже подъ судомъ, по подозрѣнію въ передачѣ въ другія руки завѣдомо поддѣльныхъ билетовъ сохранный казны.

„Вслѣдствіе сего, отставной корнетъ Захарій Мгебровъ обвиняется въ томъ, что, желая присвоить себѣ, полученныя имъ, въ качествѣ попечителя надъ поручикомъ Константиномъ Зейфертомъ, принадлежащія сему послѣднему деньги, въ количествѣ 3,199 руб. сер., онъ не возвратилъ ихъ по первому требованію, а представилъ, въ доказательство оконченнаго будто бы съ Зейфертомъ расчета, письменный документъ, въ которомъ переправилъ первоначально бывшія цифры, т. е. совершилъ преступленія, предусмотрѣныя 1598 и 1692 ст. Улож. о наказ., изд. 1866 года.

Обвиняемый не призналъ себя виновнымъ, а защитникъ его Лохвицкій просилъ судъ не допускать потерпѣвшаго Зейферта быть на судѣ гражданскимъ истцомъ, такъ какъ онъ получилъ полное удовлетвореніе отъ Мгеброва и никакихъ по этому предмету денежныхъ претензій не представляетъ.

Судъ допустилъ однако Зейферта въ качествѣ гражданскаго истца.

Свидѣтели на судѣ повторили показанія свои, данныя при предварительномъ слѣдствіи.

Товарищъ прокурора Роде. Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Предстоящій предъ вами подсудимый, отставной корнетъ Мгебровъ, привлеченъ къ отвѣтственности по обвиненію въ подлогѣ. Сущность падающихъ на него обвиненій извѣстна вамъ уже изъ прочтеннаго обвинительнаго акта. Въ 1865 году поручикъ ингермарландскаго 10-го гусарскаго, принца Саксенъ-Веймарскаго полка, Константинъ Зейфертъ, предъявилъ искъ въ управу благочинія и требовалъ отъ обвиняемаго Мгеброва возвращенія денегъ, полученныхъ имъ

изъ управы благочинія и которыя достались Зейферту по наслѣдству. Въ опроверженіе этого иска, обвиняемый предъявилъ извѣстный вамъ подложный счетъ, и объяснилъ, что всѣ расчеты съ Зейфертомъ покончены. Этотъ подложный счетъ и составляетъ предметъ настоящаго дѣла, и обвиненіе заключается въ томъ, что подсудимый Мгебровъ представилъ счетъ, измѣненный противъ первоначальнаго, и зная, что эти измѣненія дѣйствительно сдѣланы на этомъ счетѣ. Мы устраняемъ обвиненіе Мгеброва въ томъ, что онъ, а не кто либо другой, сдѣлалъ это измѣненіе. Для насъ достаточно, что обвиняемый представилъ подложно измѣненный счетъ, зная, что дѣйствительно эти измѣненія въ немъ сдѣланы. Предъ вами, гг. присяжные засѣдатели, происходило судебное слѣдствіе, были допрошены свидѣтели, выставленные обвинительною властью и защитою. Вы слышали показанія и объясненія, данныя подсудимымъ на судебномъ слѣдствіи. Приступая къ обвиненію, мы увѣрены, что судебное слѣдствіе будетъ исключительнымъ основаніемъ вашего разсмотрѣнія и что вы постановите вашъ приговоръ единственно на основаніи того, что видѣли и слышали здѣсь, не увлекаясь никакими посторонними соображеніями.

Въ 1864 году, допрошенный здѣсь, въ вашемъ присутствіи, поручикъ К. Зейфертъ получилъ наслѣдство по смерти отца; оно состояло изъ каменнаго дома въ Петербургѣ, проданнаго за долги, и, по удовлетвореніи всѣхъ кредиторовъ покойнаго Зейферта, наслѣдникамъ досталась сумма около 34,000 р., изъ которой на долю поручика К. Зейферта приходилось нѣсколько болѣе 4,000 р. Эти деньги находились въ управѣ благочинія и онъ имѣлъ право получить ихъ во всякое время; но въ то же время поручикъ Зейфертъ не достигъ еще совершеннолѣтія и потому принадлежавшій ему и хранившійся въ управѣ капиталъ могъ быть полученъ только съ согласія попечителя, которымъ въ это время состоялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Штанге. Изъ всѣхъ объясненій Зейферта вы могли

убѣдиться, что г. Штанге не давалъ своего согласія поручику Зейферту получить деньги, ибо, по всей вѣроятности, онъ имѣлъ на то свои основанія. Мы не станемъ разсматривать ихъ въ подробности. Можетъ быть, Штанге полагалъ, что, при неопытности своей, Зейфертъ употребитъ эти деньги не на тотъ предметъ, на который слѣдуетъ; что онъ можетъ быть введенъ въ обманъ, въ заблужденіе; во всякомъ случаѣ подобное предположеніе попечителя, какъ увидите впоследствии, оправдалось. Но если съ этой стороны понятны тѣ причины, по которымъ г. Штанге не желалъ, чтобъ поручикъ Зейфертъ получилъ деньги, то весьма понятно нетерпѣніе, которое должно было овладѣть поручикомъ Зейфертомъ, не получившимъ сумму, которую онъ считалъ принадлежащею ему по праву. Вамъ извѣстно, какъ легко поддается юношескій возрастъ различнаго рода заблужденіямъ; въ совѣтахъ попечителя своего — не брать деньги, поручикъ Зейфертъ легко могъ видѣть къ себѣ недовѣріе. Можетъ быть, онъ считалъ, что лучше распорядится капиталомъ, чѣмъ попечитель. Вамъ весьма понятно, что при такого рода обстоятельствахъ, каждый человѣкъ, въ особенности молодой, можетъ весьма легко сдѣлать неловкій, невыгодный, неудобный для себя шагъ. Ему тѣмъ легче сдѣлать этотъ шагъ, если онъ встрѣтитъ лицо, сравнительно старше, которое пріобрѣтетъ надъ нимъ вліяніе, но вмѣсто того, чтобы удерживать отъ заблужденій, станетъ, напротивъ, вселять въ него недовѣріе къ тѣмъ лицамъ, совѣты которыхъ онъ обязанъ слушать, и по положенію своему, и для своей пользы. Такъ было и съ поручикомъ Зейфертомъ. Въ то время, когда онъ находился въ Петербургѣ, встрѣтилъ онъ корнета Мгеброва, служившаго въ томъ же полку, въ которомъ служилъ и Зейфертъ. Обстоятельство, какимъ образомъ они познакомились, вамъ уже извѣстно; извѣстно также и то, что Мгебровъ началъ уговаривать свидѣтеля Зейферта сдѣлать его своимъ попечителемъ и взять сумму, хранившуюся въ управѣ благочинія. Онъговорилъ ему,

что Штанге старъ и не можетъ удовлетворять его требованіямъ, однимъ словомъ, склонялъ къ тому поступку, который дѣйствительно въ послѣдствіи Зейфертъ и сдѣлалъ. Онъ указалъ способъ, какимъ можно было достать деньги изъ управы благочинія. И, дѣйствительно, Зейфертъ подалъ прошеніе въ дворянскую опеку, о назначеніи ему попечителемъ Мгеброва и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подписалъ довѣренность, написанную самимъ Мгебровымъ, чего послѣдній не отвергаетъ, на полученіе денегъ, хранившихся въ управѣ благочинія. Между тѣмъ, Зейфертъ долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга, онъ долженъ былъ возвратиться въ свой полкъ, такъ какъ срокъ отпуска его кончился, и довѣренность осталась незасвидѣтельствованною. Уѣзжая, Зейфертъ былъ вполне увѣренъ, что по этой довѣренности Мгебровъ получитъ денегъ не могъ. Въ этой увѣренности онъ прибылъ въ полкъ. Можетъ быть, тамъ онъ узналъ ближе Мгеброва, и это, можетъ быть, укрѣпило еще болѣе его желаніе, чтобы Мгебровъ не получилъ принадлежащихъ ему денегъ; во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что между ними происходила перѣписка, и, по требованію защиты, одно изъ писемъ Зейферта было прочитано. Такъ какъ письмо это было прочитано по требованію защиты, то мы полагаемъ, что она будетъ ссылаться на этотъ документъ и считаемъ въ настоящее время умѣстнымъ взглянуть на содержаніе этого письма. Г. защитникъ, заявляя о значеніи этого документа, сказалъ, что онъ важенъ потому, что опредѣляетъ общій характеръ отношеній между поручикомъ Зейфертомъ и Мгебровымъ. Мы полагаемъ, что это письмо имѣетъ особенное значеніе и вполне подтверждаетъ показаніе Зейферта, которое только что выслушано, что онъ не хотѣлъ удовлетворить требованіямъ Мгеброва о высылкѣ новой довѣренности и, однако, не хотѣлъ обидѣть его. На этомъ соображеніи основаны обстоятельства, которыя изложены въ письмѣ. Дѣйствительно, Зейфертъ пишетъ, что онъ ѣздилъ въ Лetichevъ; тамъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не могъ

совершить довѣренность и хочетъ совершить ее въ полку. Въ концѣ концовъ онъ пишетъ, однако, что если при этомъ письмѣ довѣренность не будетъ приложена — а она не была приложена, — въ такомъ случаѣ, Мгебровъ не получалъ бы тѣхъ денегъ, которыя хранятся въ управѣ благочинія. Очевидно, что послѣднее рѣшеніе Зейферта выражено въ письмѣ такимъ образомъ, что онъ не желаетъ, чтобы Мгебровъ получилъ эти деньги. Между тѣмъ, 1-го мая, обвиняемый достаетъ изъ с.-петербургской гражданской палаты довѣренность на получение денегъ, а 6-го мая онъ посылаетъ свидѣтелю Зейферту телеграмму, въ которой увѣдомляетъ его, что всѣ дѣла остановились, потому что довѣренности не получено. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ документъ былъ полученъ изъ гражданской палаты, Мгебровъ не считаетъ нужнымъ выводить по этому предмету Зейферта изъ заблужденія. Зачѣмъ онъ телеграфировалъ, что всѣ дѣла остановились? Зачѣмъ требовалъ онъ телеграммою присылки довѣренности, когда въ ней не предстояло уже никакой надобности? На основаніи полученной изъ гражданской палаты довѣренности, 3 іюня, онъ получилъ деньги изъ управы благочинія; затѣмъ всякая переписка между Мгебровымъ и Зейфертомъ прекращается, и не только Зейфертомъ, но даже Мгебровымъ, тщательно хранившимъ письма Зейферта, не представлено ни одного письма, которое бы относилось къ этому послѣднему времени. Мы устраняемъ изъ преній вопросъ о томъ, имѣлъ ли право обвиняемый получить довѣренность, имѣлъ ли право, на основаніи этой довѣренности, получить принадлежащія Зейферту деньги? Допустимъ, что онъ имѣлъ это право, что онъ могъ получить эти деньги, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ распорядиться съ ними какъ указано было въ довѣренности, которая опредѣляла права его на эти деньги, и распоряженія, выходившія изъ предѣловъ довѣренности, ни въ какомъ случаѣ не должны были имѣть мѣста. Въ довѣренности было сказано, что онъ обязанъ, немедленно

по полученіи денегъ изъ управы благочинія, прислать Зейферту 1,000 руб., остальные привезти съ собою, впрочемъ, предоставлялось Мгеброву относительно остатка право распорядиться, какъ выражено въ довѣренности, коммерческимъ образомъ. Между тѣмъ, въ августѣ мѣсяцѣ, обвиняемый прѣзжаетъ въ полкъ, но не привозитъ съ собою денегъ. Зейфертъ требуетъ расчета, но не получаетъ удовлетворенія. Такимъ образомъ, увѣрившись вполне въ недобросовѣстности обвиняемаго. Зейфертъ не рѣшается имѣть какія бы то ни было объясненія съ нимъ безъ постороннихъ лицъ. Онъ обращается съ просьбою къ полковому командиру, съ согласія котораго подполковникъ Маринъ присутствуетъ при расчетѣ, и, по удостовѣренію этого свидѣтеля, Зейфертъ подписываетъ счетъ, на сумму 399 руб. с.; относительно прочихъ денегъ, полученныхъ изъ управы благочинія, Мгебровъ объясняетъ, что онъ далъ ихъ нѣкоему князю Эристову, который выдалъ ему за эти деньги векселя.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію счета и дальнѣйшимъ выводамъ, да позволено будетъ намъ остановиться на одномъ обстоятельствѣ, которое имѣетъ существенное значеніе въ этомъ дѣлѣ: на какую сумму были выданы векселя княземъ Эристовымъ? Въ настоящее время, обвиняемый говоритъ, и мы указываемъ на это его заявленіе, что векселя были на 1,800 руб., но мы сомнѣваемся въ истинѣ этого объясненія подсудимаго. Не говоря уже о показаніи Зейферта, мы имѣемъ показаніе свидѣтеля, подполковника Марина, что векселя были на сумму 2,800 руб., а не на 1,800 руб., какъ объясняетъ подсудимый. Кромѣ того, мы имѣемъ объясненія еврея Финкельштейна, который объ этихъ векселяхъ узналъ отъ самого обвиняемаго и который сказалъ, что они стоятъ отъ 2-хъ до 3,000 руб.; слѣдовательно, эта сумма, во всякомъ случаѣ, превышала ту стоимость, которую опредѣляетъ самъ обвиняемый Мгебровъ. Такимъ образомъ, счетъ былъ подписанъ на сумму 399 руб. Это обстоятельство

лежить внѣ всякаго сомнѣнія. Посмотримъ на тѣ основанія, которыя приводитъ обвиняемый съ своему оправданію. Онъ говоритъ, что тотъ счетъ, который былъ предъ вашими глазами, есть второй счетъ; что передъ тѣмъ дѣйствительно былъ составленъ счетъ на сумму 399 руб.; что при подписаніи счета, который былъ подписанъ 5 или 6 августа, дѣйствительно присутствовалъ подполковникъ Маринъ, но что этотъ счетъ вторично подписанъ Зейфертомъ въ отсутствіе свидѣтеля. Для того, чтобы опровергнуть подобнаго рода объясненіе подсудимаго, разберемъ сначала, возможенъ ли былъ тотъ второй счетъ, о которомъ онъ говоритъ? Обвиняемый утверждаетъ, что первый счетъ былъ на сумму около 400 руб., что затѣмъ онъ привезъ векселя князя Эристова, и, кромѣ того, требовалъ, чтобы Зейфертъ принялъ на счетъ 1,000 руб., уплаченныхъ будто бы Мгебровымъ дѣйствительному статскому совѣтнику Султанъ-Шаху. Вотъ, для того, чтобы оцѣнить значеніе этого объясненія, вамъ, гг. присяжные засѣдатели, необходимо достовѣрно знать, на какую сумму простирались эти векселя, и если они простирались на 1,800 руб., то, какъ мы слышали изъ объясненій защитника, расчетъ совершенно выходитъ вѣренъ, но если они простирались, какъ и дѣйствительно было до 2,800 руб., то подобнаго рода расчетъ является положительно невозможнымъ. Если даже допустить существованіе подобнаго расчета, то слѣдовало бы придти къ такого рода заключенію, что обвиняемый Мгебровъ привезъ къ поручику Зейферту документы, стоившіе 5,800 руб.; кромѣ того, за него заплатилъ Султанъ-Шаху 1,000 руб., что составляетъ 3,800 руб., и еще представилъ счетъ въ 400 руб., т. е. всего 4,200 руб. Между тѣмъ, вамъ извѣстно, и это положительно доказано и ничѣмъ не опровергнуто, что обвиняемый получилъ изъ управы благочинія всего 3,199 руб. Зачѣмъ ему было платить лишнихъ 1,100 или 1,200 руб.? Зачѣмъ обвиняемый платилъ бы собственныя деньги? Но разберемъ отдѣльныя статьи счета, который предпо-

лагаемъ подложнымъ. Вы видите въ этомъ счетѣ первую статью такого рода: дѣйствительному статскому совѣтнику Султанъ-Шаху 1,210 р. Какимъ образомъ могъ возникнуть подобный долгъ? Посмотримъ на денежные расчеты между поручикомъ Зейфертомъ и обвиняемымъ Мгебровымъ. Въ то время, когда поручикъ Зейфертъ въ Петербургѣ познакомился съ Мгебровымъ, деньги не были еще получены изъ управы благочинія, онъ ожидалъ каждый день получения этихъ денегъ и занялъ, чрезъ посредство обвиняемаго, Мгеброва, у Султанъ-Шаха сумму въ 1,500 р. Это былъ первый заемъ. Занявъ эту сумму, онъ рѣшился удовлетворить кредитора изъ тѣхъ денегъ, которыя причитались изъ управы, вслѣдствіе чего и подалъ въ это присутственное мѣсто прошеніе объ удовлетвореніи кредитора его, Султанъ-Шаха, которому дѣйствительно изъ управы благочинія выданы были 1,500 руб., и поэтому Мгебровъ могъ получить не слишкомъ 4,000 руб., а всего 3,100 руб. съ небольшимъ. Затѣмъ мы видимъ, что Зейфертъ занимаетъ у Султанъ-Шаха вторую сумму въ 200 руб., въ день самаго своего отъѣзда. Что имъ были дѣйствительно заняты 200 руб., это доказываетъ росписка, написанная Зейфертомъ по прибытіи въ полкъ и немедленно отправленная къ Мгеброву, для врученія Султанъ-Шаху. Но откуда явились эти 1,200 руб.? Обвиняемый говоритъ, будто бы онъ занялъ ихъ у Султанъ-Шаха для Зейферта, и Султанъ-Шахъ соглашается съ этимъ. Мгебровъ объяснилъ, что будто бы эти деньги заняты имъ по порученію Зейферта, но какія доказательства представилъ обвиняемый въ удостовѣреніе этого? Какое употребленіе сдѣлалъ онъ изъ этихъ денегъ! Кромѣ голословныхъ его заявленій, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ другихъ доказательствъ. И если Мгебровъ долженъ былъ прислать деньги Зейферту въ полкъ, то съ какой стати было дѣлать заемъ, когда онъ со дня на день ожидалъ получить несравненно большую сумму изъ управы благочинія? Мы не можемъ въ этомъ случаѣ не указать на противорѣчіе, замѣ-

ченное въ показаніяхъ Султанъ-Шаха. Первоначально спрошенный относительно характера и свойства росписки, онъ объявилъ, что эта росписка сохраняя; между тѣмъ какъ эта росписка вовсе не носить на себѣ признаковъ подобнаго рода документовъ. Это противорѣчіе въ показаніяхъ Султанъ-Шаха, который очень хорошо долженъ быть знать характеръ росписки, составляетъ насъ сомнѣваться въ дѣйствительности существованія подобнаго рода слѣлки, тѣмъ болѣе, что мы видимъ надпись того же Султанъ-Шаха на счетѣ, подписанномъ Зейфертомъ, надпись, въ которой онъ удостовѣряетъ, что 1,210 р. онъ дѣйствительно получилъ 26 декабря, т. е. чрезъ два дня послѣ того, какъ получено въ управѣ благочинія прошеніе, поданное туда Зейфертомъ о выдачѣ ему денегъ, полученныхъ уже Мгебровымъ. Здѣсь есть еще другая статья, будто бы 1,512 р. выданы Мгебровымъ лично Зейферту въ полку. Вамъ извѣстно, гг. присяжные засѣдатели, и самъ Мгебровъ не отвергаетъ того, что онъ пріѣхалъ въ полкъ почти безъ денегъ. Откуда могъ онъ занять такую значительную для него сумму, какъ 1,500 р.? Онъ не только не представляетъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, но даже этотъ фактъ представляется далеко неправдоподобнымъ. Мы сомнѣваемся, чтобы корнету гусарскаго полка, котораго не знаютъ въ той мѣстности, который въ первый разъ пріѣхалъ въ полкъ, въ которомъ прежде не служилъ, добровольно, безъ всякаго съ нимъ знакомства, дали незнакомыя ему лица такую значительную сумму. Поэтому мы полагаемъ, что документъ, находившійся въ рукахъ обвиняемаго, Мгеброва, и написанный первоначально на сумму 399 руб., былъ измѣненъ, и могъ быть измѣненъ только имъ, или съ его согласія. Но послѣдующій образъ дѣйствій подсудимаго, намъ кажется, еще болѣе доказываетъ вамъ, что онъ дѣйствительно виновенъ въ томъ преступленіи, за которое привлеченъ къ отвѣтственности. Вскорѣ послѣ того, какъ началось дѣло, какъ было заявлено о подлогѣ, обвиняемый встрѣчаетъ брата сви-

дѣтеля, Константина Зейферта, Александра, въ лавкѣ, и здѣсь сознается ему, что Зейфертъ имѣетъ право требовать отъ него неполученныхъ еще имъ денегъ изъ тѣхъ, которые были приняты Мгебровымъ изъ управы благочинія. Этотъ фактъ, намъ кажется, не станетъ опровергать и защита; она, вѣроятно, станетъ доказывать, что рѣчь шла только о тѣхъ 300 р., которые составляютъ разницу между настоящимъ счетомъ и суммою, полученною изъ управы благочинія. Подобнаго рода объясненіе, намъ кажется, несогласно съ категорическими показаніями свидѣтеля Александра Зейферта, который утверждаетъ, что во всякомъ случаѣ сумма эта превышала 500 руб. Не подтверждаетъ ли это обстоятельство, вполне доказанное показаніемъ, полковника Зейферта, подтвержденное показаніемъ слуги, Осипова, — что въ сентябрѣ обвиняемый заплативъ 300 р. свидѣтелю Зейферту, и, кромѣ того, призналъ его право на векселя князя Эристова, между тѣмъ какъ эти векселя простирались на сумму 2,800 руб., такимъ образомъ, уплативъ ему 300 р. и предоставивъ ему право получить 2,800 р., обвиняемый призналъ себя обязаннымъ уплатить ту самую сумму, которую отыскиваетъ Зейфертъ — и что въ опроверженіе права Зейферта на полученіе этой суммы обвиняемый представилъ подложный документъ. Но мы идемъ далѣе: обвиняемый удовлетворилъ вторично Зейферта; жена его вноситъ на удовлетвореніе иска Зейферта собственные билеты, но съ согласія мужа. Какимъ образомъ предполагать, чтобы онъ согласился двукратно удовлетворить Зейферта: сначала предоставитъ ему векселя, которые болѣе не принадлежали Зейферту, потомъ уплатить ему деньги, которые не считалъ бы себя обязаннымъ платить, если бы Зейфертъ былъ удовлетворенъ вполне по старой сдѣлкѣ? Намъ кажется, что въ подобнаго рода мировой сдѣлкѣ, въ подобномъ соглашеніи заключается полное сознаніе подсудимаго въ его виновности, которое также удостовѣряется объясненіемъ, слышаннымъ вами со стороны свидѣтеля Зейферта.

Докторъ правъ А. В. Лохвицкій такъ началъ свою рѣчь:

Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Вамъ предстоитъ, милостивые государи, разобрать дѣло, запутанное, къ несчастію, самимъ подсудимымъ; но я надѣюсь, при вашемъ благосклонномъ вниманіи, распутать его и, полагаю, вы увидите, и даже видѣли до сихъ поръ, кто въ состояніи былъ поступить тоньше, кто былъ въ состояніи злоупоуредблять довѣренностью: обвиняемый-ли Мгебровъ, или гражданскій истецъ Зейфертъ? Сначала я буду разсматривать дѣло сообразно съ тѣми фактами, которые были выставлены обвинительною властью; послѣ, разсмотрѣвъ его на этой почвѣ, перейду на другую, потому что есть обстоятельства, упущенныя обвиненіемъ; есть такая сторона этого дѣла, которая совершенно измѣняетъ, или, по крайней мѣрѣ, во многомъ объясняетъ положеніе Мгеброва и показываетъ, имѣлъ ли онъ надобность, имѣлъ ли онъ какой нибудь поводъ дѣлать то преступленіе, которое взведено на него, если бы даже онъ и желалъ присвоить себѣ деньги Зейферта.

Преступленіе, въ которомъ обвиняется мой кліентъ, Мгебровъ, состоитъ въ представленіи подложнаго документа, посредствомъ котораго онъ желалъ присвоить себѣ часть имущества Зейферта. Для того, чтобы доказать существованіе этого преступленія, обвиненію нужно было сначала доказать подлогъ со стороны матеріальной, т. е., что самый документъ подложный. Такъ обвинительный актъ представляетъ это. Затѣмъ, доказательства подлога раздѣляются прокуроромъ на обстоятельства—предшествовавшія выдачѣ счета, и на обстоятельства послѣдующія. Что касается матеріальной стороны, то вы слышали заключеніе экспертовъ, и я удивляюсь, что г. прокуроръ, которому законъ предписываетъ не умалчивать объ обстоятельствахъ, клонящихся въ пользу подсудимаго, не счелъ нужнымъ упомянуть, даже однимъ словомъ, о показаніяхъ экспертовъ. Счетъ, какъ вы видѣли, написанъ рукою Мге-

бровя: но затѣмъ стоитъ подпись поручика Зейферта: „Счетъ сей утверждаю. Поручикъ Константинъ Зейфертъ“. Затѣмъ, всѣ цифры этого счета густо наведены чернилами и весьма рѣзко отличаются шириною отъ буквъ. Кромѣ того, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ стояло: „за почту“, буква з замѣнена буквою н. Эксперты показали, что чернила, которыми наведены эти цифры, совершенно тѣ же, которыми подписана фамилія Зейферта. То же они показали и о буквѣ н, выправленной въ счетѣ тѣми же самыми чернилами. Далѣе, въ заголовкѣ счета находится выраженіе: „уплачены мои долги и мнѣ“, слова „и мнѣ“ приписаны этими же чернилами. Это доказываетъ ясно (по крайней мѣрѣ, относительно матеріальной части дѣла; о другой будетъ мною сказано въ своемъ мѣстѣ), что Мгебровъ былъ правъ, утверждая правильность представленнаго Зейферту счета, что тотъ сталъ спорить относительно нѣкоторыхъ статей, и затѣмъ, обмакнувъ перо, началъ наводить цифры своими чернилами, сказавъ, когда обвиняемый спросилъ, зачѣмъ это онъ дѣлаетъ?—что такъ будетъ яснѣе и что „за почту“ несогласно съ русской грамматикой. Эксперты показали, что тамъ, гдѣ подъ этими чернилами не просвѣчиваютъ другія, совершенно ясно видно, что онѣ однѣ и тѣ же съ тѣми, которыми написана подпись Зейферта. Кромѣ того, я долженъ сказать еще слѣдующее:

Принимая на себя защиту подсудимаго, я очень хорошо чувствовалъ, какъ сильно онъ самъ себя запуталъ, какъ много выведено противъ него уликъ; я очень хорошо знаю, что вы люди, а люди въ глубину души сходить не могутъ, а болѣе или менѣе основываютъ свои сужденія, какія бы права не предоставилъ имъ законъ, на уликахъ и доказательствахъ. Я желалъ составить свое внутреннее убѣжденіе о его поступкѣ. Я сказалъ ему, что если онъ навелъ цифры, то гораздо лучше, если онъ скажетъ это, и такъ какъ онъ заплатилъ деньги Зейферту, то, можетъ быть, присяжные будутъ снисходительны къ нему, въ случаѣ созна-

нія. Я не утаилъ отъ него трудность задачи; сказалъ ему, что, можетъ быть, въ настоящее время найдутъ средство химически разложить чернила, и что во всякомъ случаѣ гораздо лучше сознаться. На это онъ отвѣтилъ: „я не могу сознаться въ томъ, чего не дѣлалъ; клянусь, что онъ навелъ, но для чего, я догадался только послѣ, когда онъ не написалъ прописью полной суммы и впослѣдствіи началъ отпираться“. Я указалъ на матеріальную сторону, чрезвычайно важную въ этомъ дѣлѣ. Вопросъ о матеріальной сторонѣ разрѣшенъ экспертами въ пользу Мгеброва, ибо они показали, что цифры наведены тѣми же чернилами, которыми сдѣлана подпись Зейферта. Я считаю что подлогъ имѣетъ основаніемъ матеріальную сторону; я даже считаю, въ отношеніи подлога, главнымъ вопросомъ доказать матеріальную сторону преступленія; но тѣмъ не менѣе я признаю важными и обстоятельства, предшествовавшія и послѣдовавшія написанію счета; указываютъ ли они на подлогъ со стороны Мгеброва или нѣтъ? Я буду слѣдить за обстоятельствами хронологически, шагъ за шагомъ.

Обвиняемый Мгебровъ принадлежитъ къ зажиточному армянскому семейству. Въ 1846 году онъ вступилъ въ военную службу, служилъ въ конвоѣ Его Императорскаго Величества, потомъ на Кавказѣ, участвовалъ въ походахъ тамошней арміи, и въ 1851 году произведенъ въ офицеры. Затѣмъ вышелъ въ отставку и жилъ въ Петербургѣ. Въ 1864 году обвиняемый встрѣтился съ Константиномъ Зейфертомъ. Надо замѣтить, что обвиняемый, Мгебровъ, хотя человекъ уже въ лѣтахъ и семейный, но, къ сожалѣнію, чрезвычайно легкомысленный. Одна изъ сторонъ его легкомыслія, которая погубила его въ настоящемъ случаѣ — была жажда военной службы, единственно для красиваго мундира. Ему захотѣлось въ зрѣлыхъ лѣтахъ опять надѣть военный мундиръ, притомъ красивый, гусарскій, и для этого онъ бросаетъ дѣла, беретъ жену и дѣтей, и ѣдетъ на другой конецъ Россіи. Въ началѣ 1864 года онъ по-

слалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ 10-й гусарскій полкъ. Въ это время пріѣхалъ сюда въ Петербургъ Зейфертъ, поручикъ того же полка, и весьма естественно, что Мгебровъ желалъ познакомиться съ будущимъ товарищемъ. Зейфертъ сказалъ Мгеброву, что онъ занимаетъ въ полку прекрасное положеніе, что полковой командиръ души въ немъ не чааетъ, что если Мгебровъ пріѣдетъ туда, то будетъ избранъ квартирмейстромъ или казначеемъ. Доказательство справедливости этого показанія Мгеброва можно видѣть въ письмѣ, которое было отчасти прочтено и которое не опровергалъ и Зейфертъ, гдѣ онъ говоритъ: «не безпокойся о просрочкѣ, полковой командиръ тебѣ ничего не сдѣлаетъ», а въ другихъ письмахъ пишетъ, что все сдѣлаетъ въ полку, что ему обѣщалъ. Услуга за услугу, и понятно, Мгебровъ не могъ не услужить Зейферту. Въ то время у послѣдняго было слѣдующее дѣло. По смерти его отца остался домъ, который былъ проданъ для уплаты долговъ покойнаго, и затѣмъ, по раздѣлу, поручику Зейферту причиталась сумма въ 4,700 р. Попечителемъ его тогда былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Штанге. Деньги были присланы въ управу благочинія, и, по его несовершеннолѣтію, не могли быть выданы иначе, какъ по требованію, или съ согласія попечителя. Г. Штанге не соглашался выдать Зейферту деньги. Я вполне согласенъ съ тѣми доводами, которыми г. прокуроръ объяснялъ поступокъ г. Штанге. Я нахожу, что онъ въ этомъ случаѣ поступилъ прекрасно, не выдавая ихъ ему. Но г. Зейферту нужны были деньги: во 1-хъ, онъ ѣхалъ въ полкъ; во 2-хъ, онъ ѣхалъ не одинъ, а съ прекрасной особой, для которой нужны были разныя удобства, такъ въ письмѣ онъ пишетъ о тарантасѣ и т. п. Какъ достать денегъ? Вотъ онъ обращается къ Мгеброву. Мгебровъ имѣетъ кредитъ, значительныя связи и знакомства. Мгебровъ обращается къ Султанъ-Шаху, который, зная его и, по словамъ его, что деньги не пропадутъ, дѣло вѣрное, соглашается дать денегъ съ тѣмъ, чтобы Констан-

тинъ Зейфертъ далъ ему свидѣтельство на полученіе 1,500 р. изъ управы благочинія. Получивши деньги, Зейфертъ не отказался дать свидѣтельство. Сумма, кажется, хорошая. Это была почти одна треть его состоянія, и этой суммы ему стало лишь на нѣсколько дней. Должно было куда деньгами сорить. Когда ему нужно было ѣхать, денегъ у него уже не было. Мгебровъ является къ Султанъ-Шаху и проситъ опять дать денегъ. Султанъ-Шахъ даетъ еще 200 руб., (которые далъ единственно изъ довѣрія къ Мгеброву, потому что Зейфертъ не далъ даже росписки), и привозитъ ихъ на желѣзную дорогу. Такимъ образомъ, Мгебровъ снарядилъ Зейферта, а тотъ укатилъ, и съ дороги уже выслалъ росписку. Пріѣхавъ въ полкъ, онъ писалъ Мгеброву, называлъ его своимъ другомъ, благодѣтелемъ, и торопилъ, чтобы онъ пріѣхалъ скорѣе. Между тѣмъ, полученіе денегъ въ управѣ благочинія Мгебровымъ замедлилось. Султанъ-Шахъ получилъ скорѣе свои деньги, 1,500 р., но Мгебровъ долженъ былъ получить по довѣренности, оставленной Зейфертомъ, по которой денегъ, однако, не выдавали.

По нашимъ законамъ, довѣренность, данная несовершеннолѣтнимъ, недѣйствительна, если она не утверждена попечителемъ. Вотъ почему Мгебровъ не получалъ долгое время довѣренности въ гражданской палатѣ. Онъ пишетъ, что, по его соображеніямъ, слѣдовало бы такъ сдѣлать, чтобы Зейфертъ прислалъ вторую довѣренность, именно довѣренность на полученіе довѣренности. Но если нельзя получить довѣренности, то какимъ образомъ можно было совершить довѣренность на полученіе довѣренности? Это, вѣроятно, растолковали ему въ прихожей гражданской палаты. Зейфертъ не отказывается, однако, отъ этого, и въ письмѣ своемъ говоритъ, что поѣхалъ хлопотать въ уѣздномъ судѣ, ему дѣлали тамъ задержки, онъ обратился къ полковому командиру и старался скорѣе это сдѣлать. Между тѣмъ, дѣло полученія денегъ изъ управы устроилось просто. Зейфертъ, уѣзжая, подалъ въ дворянскую опеку

прошеніе о назначеніи Мгеброва своимъ попечителемъ. Вслѣдствіе этого, 30-го апрѣля вышелъ указъ дворянской опеки о назначеніи Мгеброва попечителемъ, а вслѣдствіе этого указа онъ имѣлъ полное право получить деньги, хранившіяся въ управѣ благочинія, и это присутственное мѣсто отвѣчало, что выдало не потому, что получена или нужна другая довѣренность, но потому, что Мгебровъ назначенъ попечителемъ. Довѣренность была даже засвидѣтельствована страннымъ образомъ, и впослѣдствіи я коснусь этого вопроса. Довѣренность на имя Мгеброва подписываетъ Зейфертъ; нужно засвидѣтельствованіе попечителя Штанге, но 30 апрѣля назначается Мгебровъ попечителемъ, и онъ, попечитель, соглашается на то, чтобы Зейфертъ выдалъ ему довѣренность. Я не знаю, какъ палата допустила, чтобы въ довѣренности была такая надпись. Мгебровъ уже былъ попечителемъ и по праву могъ, какъ попечитель, получить въ свое распоряженіе деньги того лица, которое состоитъ подъ его попечительствомъ. Когда онъ получилъ деньги, ему предстояло, во-1-хъ, уплатить нѣсколько долговъ г. Зейферта; они были на сумму небольшую, какъ вы видѣли, около 400 р. Въ-стѣ съ тѣмъ, Мгебровъ заплатилъ и одинъ крупный долгъ, въ 1,000 руб. Объ этомъ долгѣ я сейчасъ скажу, какой онъ имѣетъ характеръ и почему такимъ таинственнымъ является въ продолженіи процесса. Мгебровъ, такимъ образомъ, истратилъ изъ денегъ Зейферта 2,400, или 1,399 р. 50 коп., всѣхъ же денегъ было 4,700 р.; но послѣ того, какъ Султанъ-Шахъ получилъ 1,500 р., осталось 3,200. Истративши 1,399 р., онъ могъ привезти Зейферту только 1,800 р. Онъ является въ полкъ. Но отношенія этихъ двухъ лицъ уже перемѣнились. Прежде Мгебровъ былъ для Зейферта бездѣльнымъ Захаромъ Ивановичемъ; особа, близкая къ Зейферту—Лиза, называла его папашей; они приглашали его остановиться у нихъ, а теперь начались отношенія сухія, судя по запискамъ, какія у меня есть. Затѣмъ надо сдѣлать расчетъ. При сходкѣ ихъ для

этой цѣли, свидѣтелемъ былъ подполковникъ Маринъ. Мгебровъ представилъ сначала счетъ на 399 р.; это было портному, за карету, за бумагу и проч.; затѣмъ онъ ему говоритъ, что всѣхъ денегъ было 3,199 руб., а за исключеніемъ 399 р., осталось 2,800 р., но изъ нихъ 1,000 р. онъ отдалъ Султанъ-Шаху за какой-то долгъ. Султанъ-Шахъ не отрицаетъ, что, послѣ отъѣзда Зейферта, Мгебровъ бралъ у него еще 1,000 р. Вамъ извѣстно, что Зейфертъ сначала взялъ 1,500 р. и далъ свидѣтельство на полученіе денегъ изъ управы; потомъ Султанъ-Шахъ привезъ Зейферту еще 200 р. на желѣзную дорогу, потомъ далъ Мгеброву еще 1,000 р. Мгебровъ говоритъ, что это былъ долгъ Зейферта чиновнику Невѣрову, который далъ объясненіе, что у него были Зейфертъ и Мгебровъ, и взяли эти деньги: бралъ Мгебровъ, а Зейфертъ за него ручался. Замѣтите, гг. присяжные засѣдатели, что долгъ несовершеннолѣтняго законенъ только тогда, когда попечитель согласенъ. Мгебровъ не былъ попечителемъ, когда Зейфертъ былъ въ Петербургѣ и дѣлалъ долги, слѣдовательно, долгъ Зейферта, сдѣланный безъ согласія законнаго попечителя, былъ недѣйствителенъ и отвѣчать долженъ былъ самъ Мгебровъ какъ порука. Этотъ долгъ нѣсколько таинственъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно, Зейфертъ считалъ, что изъ этой тысячи онъ долженъ что-то заплатить, но все отлагалъ окончаніе расчета до приѣзда въ Петербургъ. Я не могъ допытаться отъ Мгеброва, куда ушли эти деньги. Можетъ быть, эти деньги были употреблены на такой предметъ, о которомъ не хочется вспоминать. Мало-ли куда пошли! Можетъ быть часть пошла Мгеброву за труды и ходатайство, словомъ, на какіе-то общіе расходы. Такъ что, въ концѣ концовъ, Зейферту приходилось получить дѣйствительно, какъ согласился дать Мгебровъ, 1,800 р. Мгебровъ представилъ ему векселя князя Эристова на эту сумму. Г. прокуроръ напираетъ на тотъ пунктъ, что векселя были не на 1,800 р., но на 2,800 р. Но доводы прокурора такого рода: сначала онъ сказалъ —

«позволительно сомнѣваться», что векселя были на 1,800 р., а черезъ нѣсколько минутъ говорить, что векселя были «несомнѣнно» на 2,800 р. Какимъ образомъ «позволительно сомнѣваться», безъ всякихъ фактическихъ данныхъ, обратилось въ «несомнѣнно», я не знаю, но полагаю, что если обвинительная власть имѣла такой сильный интересъ въ томъ, что векселя были на 2,800 р., а не на 1,800 р., то она могла разрѣшить вопросъ очень простымъ образомъ: или обратиться къ князю Эрстову, или, такъ какъ векселя совершаются у маклера, справиться у него—на какую сумму такого-то числа князь Эрстовъ выдалъ векселя Мгеброву; тогда бы обвинительная власть успокоилась. Мнѣ же въ этомъ случаѣ не приходится помогать обвинительной власти, ибо то, что не опровергнуто, считается доказаннымъ со стороны защиты, т. е. что векселя были выданы на 1,800 р., потому что никакимъ другимъ доводомъ это не опровергнуто. Но Зейферту нужны деньги; онъ говоритъ «не хочу векселей, мнѣ нужны деньги». Мгебровъ достаетъ 1,500 р. Г. прокуроръ говоритъ: какимъ образомъ гусарскій корнетъ, никому невѣдомый въ полку, могъ достать 1,500 р. Очень просто. Этотъ корнетъ съ нѣкоторымъ состояніемъ, съ кредитомъ даже въ Петербургѣ; пріѣхалъ туда съ кладью, за которую впоследствии, когда онъ выѣзжалъ въ конторѣ транспортовъ ему дали нѣсколько сотъ рублей, подъ залогъ его чемодановъ, на что есть доказательство. Онъ прямо говорятъ, что отправился къ еврею Фальблеху, и тотъ далъ ему, подъ залогъ бриллиантовыхъ и золотыхъ вещей, 1,500 руб.; про остальную же сумму 300 руб., а равно про спорные 1,000 руб. сказалъ, что вышлетъ изъ Петербурга, или отдастъ послѣ разъясненія дѣла, но требовалъ, чтобы Зейфертъ призналъ весь счетъ, и не только мелкіе расходы, но и ту 1,000 р., которую Мгебровъ взялъ отъ Султанъ-Шаха для врученія Невѣрову. Зейфертъ колеблется. Съ одной стороны Мгебровъ говоритъ, что если онъ не утвердитъ счетъ, то онъ ему денегъ не

выдасть, съ другой—не хочется потерять деньги и векселя, не хочется безусловно признать пунктъ о 1,000 р., который очень можетъ быть весьма спорнымъ, въ томъ отношеніи, что пошли-ли всѣ эти деньги по назначенію Зейферта, или онѣ пополамъ, вмѣстѣ, растратили ихъ. Онъ рѣшается какъ бы полуутвердить своею подписью счетъ, и потому не прописываетъ прописью всю сумму. Между тѣмъ, онъ, хотя и молодой человѣкъ, но состоялъ на службѣ, получалъ жалованье, росписывался въ полученіи складомъ, стало быть зналъ, что это значить; во 2-хъ, я буду имѣть честь доказать, что Зейфертъ, несмотря на свою молодость, былъ весьма опытенъ, даже весьма ловокъ во всѣхъ дѣлахъ. Онъ предвидѣлъ очень многое, тогда какъ обвиняемый, какъ баранъ, самъ на себя свилъ петлю. Зейфертъ, такимъ образомъ, подписалъ счетъ, не написавши итога прописью. Затѣмъ здѣсь была предъявлена записка, гдѣ опять сказано, что „счетъ сей будетъ утвержденъ“. Когда счетъ былъ подписанъ, Зейфертъ просилъ Мгеброва не говорить никому въ полку, что онъ отдалъ 1,500 р., потому что у него много кредиторовъ; между тѣмъ ему нужно отправить особу, съ которою онъ пріѣхалъ, въ Петербургъ. Обстоятельства такъ сложились, что, несмотря на свои высокія качества, о которыхъ Зейфертъ такъ долго и много говорилъ въ засѣданіи, въ полку не приходилось ему долго оставаться и нужно было искать перехода въ другой разрядъ войскъ, хотя бы и низшаго оружія. Вотъ на что нужны были ему деньги. Онъ былъ долженъ въ полку. Второй братъ его сказалъ, что былъ еще долгъ Коху въ 300 р. Спрашивается, кто заплатилъ его? Зейфертъ говоритъ, что полковой командиръ. Вы видѣли, какимъ образомъ, насупивъ брови, Зейфертъ говорилъ, что полковой командиръ уважалъ его службу, цѣнилъ его высокія достоинства и не задумался заплатить за него. Я думаю, что если всѣ полковые командиры будутъ давать достойнымъ офицерамъ деньги изъ своихъ кармановъ, то у нихъ самихъ ничего не останется. Зейфертъ гово-

рить, что онъ давалъ въ счетъ жалованья, что онъ могъ всегда велѣть удержать эти деньги; но какимъ образомъ онъ могъ взыскать ихъ, когда Зейфертъ получалъ всего 92 рубля въ треть, какъ изъ нихъ удержать 300 р.? Что онъ самъ будетъ ѣсть и чѣмъ содержать себя и лошадей?.. Итакъ, видно, что полковой командиръ давалъ деньги вовсе не изъ великодушія, не рассчитывалъ на то, что можно будетъ вычитать долгъ изъ третнаго оклада, можетъ быть 10 лѣтъ, а рассчитывалъ просто на деньги, которыя Зейферту слѣдовало получить изъ управы. Зейфертъ говорилъ: у меня есть капиталъ, Мгебровъ привезетъ скоро, — а когда бы открылось, что онъ получилъ уже 1,500 р., потомъ еще 1,500 р., и кромѣ того мелкихъ расходовъ сдѣлано на 400 р., то изъ капитала выходило 300 р., а на 300 р. немного кредита. Онъ просилъ Мгеброва молчать. Между тѣмъ, эта исторія получила огласку въ полку. Полковой командиръ спрашивалъ Мгеброва: конченъ-ли расчетъ; тотъ сказалъ — часть заплатилъ, а часть заплачу послѣ, не имѣю теперя денегъ. Здѣсь произошло въ первый разъ такое недоразумѣніе. Когда былъ составленъ первый счетъ мелкихъ расходовъ на 399 р., тогда былъ при этомъ Маринъ, но потомъ, когда Зейфертъ согласился подписать большой счетъ, на 2,899 р., Марина не было. Зейферту невыгодно приглашать Марина, чтобы онъ не огласилъ въ полку полученія имъ 1,500 р. Тѣ 1,500 р., которые Зейфертъ получилъ въ Петербургѣ отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Султанъ-Шаха, ухнули въ два дня, и этимъ 1,500 р. было не долго жить, — много, я думаю, на нихъ было рассчитано. Такимъ образомъ, когда онъ получилъ деньги, то просилъ Мгеброва скрыть это, не оглашать въ полку. Обвинительная власть говорить, что подполковникъ Маринъ, человекъ вполнѣ честный, какъ и я это вижу, утверждаетъ, что счетъ былъ подписанъ 14 августа. Но это несправедливо. Въ показаніи, данномъ военному слѣдователю, онъ не опредѣляетъ вовсе числа, а во второмъ показаніи сказано:

«кажется, 14 августа», и это потому, что ему прислали уже допросъ о счетѣ и представили въ копіи счетъ, подписанный Зейфертомъ 14 августа 1864 г. Тогда подполковникъ Маринъ сказалъ: кажется, счетъ былъ подписанъ 14 августа 1864 г. Такимъ образомъ, наши друзья, поссорившіеся между собою, потомъ нѣсколько сошедшіеся, разстались. Мгебровъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, Зейфертъ смѣняетъ его съ попечительства и назначаетъ другаго попечителя, Марина. Но, кажется, ужъ нечего было онекать, несмотря на то, что онъ говорилъ о капиталахъ, которые будто бы слѣдуетъ ему получить изъ управы, и хотя онъ очень хорошо зналъ что все было уже отдано и ничего не оставалось въ управѣ. Полковой командиръ отнесся въ управу, которая сообщила, что деньги отданы Мгеброву. Зейфертъ является въ управу и говоритъ, что не знаетъ, на какомъ основаніи деньги выданы Мгеброву, что онъ только далъ довѣренность съ тѣмъ, чтобы Мгебровъ прислалъ сейчасъ 1 т. р. и остальные отдалъ на %, и что тотъ не привезъ денегъ. Тогда, по требованію полиціи, Мгебровъ прислалъ сначала копію со счета, засвидѣтельствованную полицейскимъ чиновникомъ; затѣмъ, по требованію полицейской власти, Мгебровъ доставилъ подлинный счетъ. Замѣтите слѣдующее обстоятельство: Зейфертъ говоритъ, что когда ему предъявили копію со счета, тогда онъ увидѣлъ, что въ итогѣ, гдѣ было 399 р., вдругъ очутилось 2,899 р. Здѣсь я напоминаю вамъ, гг. присяжные засѣдатели, подлинныя слова Зейферта, которые вамъ покажутъ, кто изъ нихъ былъ тогда опытниѣе и ловчѣе другаго. Зейфертъ самъ сознается, что Мгебровъ сгоряча, сдуру, такъ сказать, вынимаетъ подлинный счетъ и подаетъ а Зейфертъ опасался, чтобы полицейскій чиновникъ, пріятель Мгеброва, засвидѣтельствовавшій этотъ счетъ, не сказалъ ему заранѣе, что возбуждено сомнѣніе, что цифры въ счетѣ наведены и чтобы Мгебровъ не уничтожилъ подлинный счетъ. Значитъ, Зейфертъ, хотя онъ и выставляетъ себя весьма невиннымъ юношею,

знать, какъ многія дѣла дѣлаются и какъ Мгебровъ долженъ былъ поступить — хотя онъ и не догадался это сдѣлать — еслибъ былъ тѣмъ, чѣмъ выставляетъ его Зейфертъ. Зейфертъ говоритъ, что всплеснулъ руками, видя до какой огромной цифры доходитъ итогъ по счету, представленному Мгебровымъ. Если онъ это сдѣлалъ тогда, то мы можемъ теперь еще шире развести руками, и спросить: какимъ образомъ онъ такъ тонко предвидѣлъ, что Мгебровъ могъ представить, засвидѣтельствовавшую копію и уничтожить подлинный счетъ? Дѣло это велось стариннымъ порядкомъ и тянулось нѣсколько лѣтъ. Впродолженіе этого времени случились слѣдующія происшествія; во-1-хъ, вы слышали показанія старшаго брата Зейферта, полковника Александра: онъ не говоритъ о сознаніи Мгеброва, что тотъ остался долженъ 2,800 р., но говоритъ только, что Мгебровъ предлагалъ нѣсколько сотъ руб., что-то около 500 р., а остальные послѣ хотѣлъ отдать. Это согласно съ истиною: онъ долженъ былъ 300 р., и не былъ еще разрѣшенъ вопросъ о 1 т., которую Мгебровъ взялъ у Султанъ-Шаха для уплаты, за Зейферта, Невѣрову. Изъ этой 1 т. р., Мгебровъ могъ принять долю на себя, и этимъ разрѣшается вопросъ, зачѣмъ онъ, если отдалъ деньги Зейферту ранѣе, хотѣлъ еще отдавать въ Петербургѣ болѣе 300 р. Разсмотрѣніе маленькой записки показываетъ что этотъ вопросъ долженъ былъ быть обсужденъ такъ или иначе; въ послѣдствіи, Мгебровъ полагалъ: когда долгъ сообщенъ сдѣланъ, надо, по совѣсти, принять часть на себя. Даже позови его Зейфертъ къ суду и потребуй, чтобы онъ всю 1 т. р. принялъ на себя, онъ, пожалуй, согласился бы и на это, — такъ объясняются его слова: «отдамъ послѣ». Свидѣтель полковникъ Зейфертъ говоритъ, что, слышалъ ихъ объясненіе; тоже говоритъ его слуга, но они не говорятъ ничего о количествѣ долга, что онъ простирается до 2,800 р. Полковникъ Зейфертъ говоритъ, что кажется, тутъ рѣчь шла о поддѣлкѣ; онъ не слушалъ внимательно, но помнить, что они другъ друга

упрекали. Зейфертъ говорилъ: «это вы сдѣлали», а тотъ отвѣчалъ «нѣтъ, вы это сдѣлали!» Поэтому и свидѣтель не можетъ положительно сказать объ этомъ обстоятельствѣ, а только утверждаетъ, что дѣло шло такимъ образомъ, что Мгебровъ предлагалъ 500 р. деньгами теперь же, а потомъ еще нѣсколько, но сколько именно—свидѣтель не помнитъ. Потомъ Мгебровъ, какъ показываетъ свидѣтель Зейфертъ, прямо сказалъ: «я такъ даю, судомъ съ меня ничего не получите». Это прямо показываетъ, что Мгебровъ полагалъ, по крайней мѣрѣ въ то время, что когда счетъ подписанъ, его признаютъ. Зная, что расходъ 1 т. р., несомнѣнно подаетъ на сторону Зейферта, Мгебровъ соглашался, по окончаніи дѣла, принять часть этой суммы или всю сумму на себя; но говорить, что это его добрая воля, а по суду Зейфертъ не можетъ требовать. Затѣмъ начинается опять періодъ дружбы, или, по крайней мѣрѣ, сближеніи между ними. Мгебровъ живетъ на дачѣ, и лѣтомъ 1866 г. въ числѣ посѣтителей его, и не рѣдкихъ, мы видимъ Зейферта, который тамъ обѣдаетъ и танцуетъ. Вы слышали свидѣтелей, которые тамъ были и говорятъ, что слышали ихъ дружескіе разговоры, и на вопросъ: въ какомъ положеніи дѣло между Мгебровымъ и Зейфертомъ? послѣдній отвѣтилъ: «да, я шутилъ съ Захаромъ Ивановичемъ, но теперь мы опять пріятели». Не надо далеко добиваться, такъ ли разслышали свидѣтели эти слова; достаточно, что Зейфертъ опять посѣщалъ Мгеброва, значить, по собственному сознанію, онъ чувствовалъ, что Мгебровъ не сдѣлалъ мошенничества, потому что съ мошенниками сближаются только мошенники, а я не могу и не смѣю оскорблять Зейферта такимъ предположеніемъ. Послѣ лѣта 1866 года, мы видимъ опять другое явленіе: дружба опять разстраивается. Зейфертъ пишетъ бумагу къ бывшему генераль-губернатору князю Суворову, гдѣ описываетъ себя неопытнымъ юношею, горькой сиротою (вѣроятно оттого, что Лиза уже его оставила), и проситъ чтобы генераль-губернаторъ вытребовалъ деньги.

которыя взялъ у него Мгебровъ. Генераль-губернаторъ назначаетъ одного изъ чиновниковъ произвести слѣдствіе. Слѣдствіе производилось не быстро. Въ это время Мгебровъ постоянно показываетъ, что считаетъ себя должнымъ Зейферту, но сумма опять неизвѣстна и именно потому, что онъ знаетъ навѣрно только о 300 руб., а не знаетъ, всю ли тысячу рублей онъ долженъ отдать, или только часть *этой 1 т.* Онъ предлагаетъ 300 руб. Зейферту; тотъ требуетъ еще; наконецъ, Мгебровъ соглашается прибавить къ этой суммѣ. Росписка такъ была написана: „Я получилъ съ Мгеброва 300 руб., остальные, по счету, получу съ князя Эристова“. Прокуроръ сказалъ: „векселями съ князя Эристова“; нѣтъ, написано было просто: „съ князя Эристова“, т. е. что у него есть вексель на князя, и когда онъ получитъ съ него, тогда отдастъ ему еще, не опредѣляя количества точно, сколько отдастъ. Разумѣется, то, что Мгебровъ согласился дать такую росписку, было съ его стороны глупостью, но я долженъ сказать, что этотъ фактъ и запутываетъ и распутываетъ Мгеброва. Вы слышали отъ прокурора вопросъ: какимъ образомъ онъ даетъ 300 р., а остальные предоставляетъ получить кн. Эристова, если счетъ уже конченъ? Дѣло объясняется такимъ образомъ: если бы онъ далъ 300 руб., то счетъ былъ бы конченъ, но Мгебровъ имѣлъ въ виду еще 1,000, и если заявилъ, что счетъ вѣрно подписанъ, то свилъ на себя веревку, говоря, что еще какія-то деньги сверхъ 300 р. долженъ заплатить Зейферту, не объясняя за что именно. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что Зейфертъ требовалъ съ него проценты, такъ какъ кн. Эристовъ давалъ по 20 процентовъ на деньги матери Зейферта, у него хранившіяся. Зейфертъ насчитывалъ, какъ я полагаю, не только эти проценты, но даже часть упомянутой 1,000 р. или всю 1,000 р.,—во всякомъ случаѣ, Мгебровъ, написавши эту росписку, дѣйствительно себя запуталъ сильно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ себя и распутываетъ. Въ чемъ онъ запуталъ себя, это вы видѣли только

что. Но вотъ чѣмъ онъ распутываетъ себя. Онъ показываетъ этимъ, что не въ состояніи былъ сдѣлать мошенничество. Какой же, не только мошенникъ, но маломальски хитрый человекъ дастъ на себя такого рода улику, советъ на себя веревку? Посмотримъ же, какъ поступилъ въ этомъ случаѣ Зейфертъ? Получивъ съ Мгеброва 300 руб., онъ сію минуту подаетъ генераль-губернатору прошеніе, въ которомъ говоритъ, что Мгебровъ насильно заставилъ его дать росписку. Но въ чемъ состояло это насиліе? На этотъ вопросъ Зейфертъ отвѣчалъ, что Мгебровъ не хотѣлъ дать ему денегъ безъ росписки; но если такъ понимать насиліе, то многіе изъ насъ совершали часто насиліе, потому что часто приходилось отказывать въ деньгахъ тѣмъ, которые просятъ ихъ. Затѣмъ, объяснивъ генераль-губернатору, что его насильно заставили дать росписку, тогда какъ есть черновая, показывающая, что росписку составлялъ Мгебровъ при участіи Зейферта, — послѣдній, хотя и былъ по его словамъ жертвою, невиннымъ юношею, но очень ловко замѣчаетъ генераль-губернатору, что, впрочемъ, эта росписка сама обвиняетъ Мгеброва, потому что онъ написалъ и „остальные подучить съ кн. Эристова“, потому что, если бы дѣло шло такъ, какъ Мгебровъ говоритъ, то, за уплатою 300 р., ему ничего болѣе не слѣдовало бы платить Зейферту. Вотъ какую механику подвели подъ обвиняемаго и какъ обвиняемый въ этомъ случаѣ былъ простъ. Съ такими-ли качествами идти мошенничать? Дѣло это такъ оставалось безъ движенія до 1866 г. Ввелись у насъ новыя судебныя учрежденія, открылся судъ правый и скорый. Второе прилагательное — „скорый“, осуществилось въ нашемъ дѣлѣ. Слѣдствіе, которое велось нѣсколько лѣтъ, получило быстрое движеніе. Мгебровъ увидѣлъ, что дѣло идетъ не такъ, какъ при прежнемъ порядкѣ, и приближается къ концу. Физіономія дѣла была очень дурная; онъ самъ себя запуталъ и увидѣлъ, что противъ него есть улики. Онъ, наконецъ, догадался, что есть обстоятельство важное,

что нужно покончить съ Зейфертомъ, дать ему не только 300 р., но еще 1,000 р., пожалуй, дать больше, чтобы покончить. И вотъ, жена Мгеброва отдаетъ свои послѣднія деньги. Замѣтите слѣдующее: прокуроръ впадъ, конечно невольно, въ ошибку. Онъ говоритъ, что когда Мгебровъ далъ Зейферту 300 р., то будто бы тамъ написано „остальныя получить векселями съ князя Эристова“. Этого, во 1-хъ, нѣтъ, и онъ не могъ этого сказать, потому что, по словамъ самого прокурора, векселя эти были на 2,800 руб. Мгебровъ далъ 300 р., слѣдовательно Зейфертъ получилъ бы 3,100 р. Это доказываетъ, что векселя не могли быть на 2,800 руб. Г-жа Мгеброва вступаетъ въ переговоры съ Зейфертомъ, и Зейфертъ, несмотря на свою молодость, умѣетъ пользоваться обстоятельствами. Капиталь его простирался до 3,199 руб. По его собственнымъ словамъ, онъ получилъ около 400 р., а осталось еще 2,800 р., 300 онъ получилъ въ 1866 г., затѣмъ осталось 2,500 р., а онъ получилъ 3,200 руб., взявъ на эту сумму билетовъ. Затѣмъ онъ подаетъ бумагу судебному слѣдователю, въ которой говоритъ, что, за полученіемъ полнаго удовлетворенія и по объясненіи недоразумѣній, дѣло съ Мгебровымъ прекращаетъ; стало быть, онъ сходится съ точки преступленія и признаетъ, что тутъ было недоразумѣніе, по поводу дѣла Невѣрова, которое, наконецъ, объяснилось. Но, за устраненіемъ гражданскаго истца, уголовное преслѣдованіе продолжается своимъ чередомъ.

Я разсматривалъ до сихъ поръ, господа, дѣло на той почвѣ, на которую повелъ меня прокуроръ. Теперь позвольте мнѣ взять другое направленіе. Для разъясненія этихъ обстоятельствъ есть одна точка зрѣнія, которая существенно необходима въ этомъ дѣлѣ, и была упущена изъ виду обвинительною властью. Между кѣмъ и кѣмъ это дѣло? Между попечителемъ и лицомъ, которое состоитъ въ его попеченіи; слѣдовательно, прежде всего нужно знать, какія права и обязанности существуютъ между этими лицами? Я не имѣю права пред-

полагать въ васъ, гг. присяжные засѣдатели, знанія законовъ объ отношеніяхъ между попечителемъ и лицомъ, находящимся подъ попечительствомъ, а потому долженъ указать существенныя постановленія закона по этой части, именно на тѣ изъ нихъ, которыя прямо относятся къ разъясненію уголовнаго дѣла. По нашимъ законамъ, молодой человѣкъ, съ 17 до 21 г., считается несовершеннолѣтнимъ и имѣетъ при себѣ попечителя; онъ управляетъ имѣніемъ, если есть недвижимое имѣніе, собираетъ доходы, но никакой сдѣлки, никакого долговаго обязательства, никакого договора не можетъ совершить безъ согласія попечителя, и если бы совершилъ такую сдѣлку, то она недѣйствительна. По достиженіи совершеннолѣтія, онъ можетъ, въ теченіе 10 лѣтъ, взыскивать всѣ ущербы и убытки, которые ему нанесены. Въ такомъ положеніи находятся несовершеннолѣтніе; несмотря на то, если мужчины, вступили-ли они въ государственную службу, а женщины—вступили-ли онѣ въ замужество, они все-таки не имѣютъ права, безъ согласія попечителей, совершать какіе либо договоры. Если у несовершеннолѣтняго есть денежный капиталъ, то попечитель долженъ отдать его въ кредитныя учрежденія, или отдать въ частныя руки, или употребить въ промышленныя или торговыя дѣла, словомъ, смотрѣть, чтобы капиталъ былъ помѣщенъ какъ можно выгоднѣе для лица, состоящаго подъ его попечительствомъ. Законъ, предоставляя такія важныя права попечителю, даетъ лицу, состоящему подъ попечительствомъ, право совершенно свободно смѣнить попечителя чрезъ дворянскую опеку или чрезъ сиротскій судъ, какъ было прежде. Зейфертъ имѣлъ попечителя, г-на Штанге, который понималъ свои обязанности серьезно. Къ несчастью, обязанности попечителя у насъ, обыкновенно, понимаются легкомысленно; молодые люди нанимаютъ себѣ попечителя за 25 рѣлковыхъ, и тѣ подписываютъ все, что угодно. Штанге, мы видимъ, понималъ свои обязанности серьезно. У Зейферта всего состоянія было 4,700 руб. Штанге не даетъ ему денегъ, и дѣлаетъ

весьма справедливо, а Зейфертъ не можетъ получить денегъ безъ его согласія. Остается одно средство: онъ выбралъ попечителемъ вмѣсто Штанге Мгебровъ. Я его вовсе не хвалю за легкомысліе, за которое онъ и наказанъ, за то, что онъ взялся быть попечителемъ и способствовать, такимъ образомъ, тратамъ, которыя производилъ Зейфертъ. Въ промежутокъ того времени, пока Мгебровъ былъ утвержденъ попечителемъ, онъ уже поручился за Зейферта въ нѣсколькихъ долгахъ, напимѣръ, въ долгъ Султанъ-Шаху, сдѣланномъ для удовлетворенія Невѣрова, и въ разныхъ мелкихъ долгахъ, не простиравшихся, однако, свыше 400 р., и всѣ эти долги лежали на его шеѣ, потому что сдѣланы были несовершеннолѣтнимъ и были недѣйствительны, какъ неутвержденные попечителемъ. Мгебровъ получилъ изъ управы деньги Зейферта, за исключеніемъ 1,500 р., взятыхъ Султанъ-Шахомъ за долгъ, и 400 руб., употребленныхъ на разные расходы для Зейферта; затѣмъ Мгебровъ уплатилъ еще 1,000 руб. долга Султанъ-Шаху, а остальные 1,800 руб. отдалъ изъ процентовъ князю Эристову. Меня удивило въ рѣчи товарища прокурора, что Мгебровъ долженъ былъ, получивъ деньги Зейферта, въ точности исполнить то, что ему предписывалось въ довѣренности, въ которой Зейфертъ именно писалъ, что, получивъ деньги эти, Мгебровъ долженъ 1,000 р. немедленно выслать ему, а остальные можетъ отдать на выгодныхъ условіяхъ въ оборотъ. Коль скоро Мгебровъ сдѣланъ былъ попечителемъ, онъ не долженъ былъ исполнять эту довѣренность, напротивъ, ему надлежало не исполнять ее. Какимъ образомъ онъ могъ разсылать Зейферту деньги, уплачивать его долги? Напротивъ, онъ долженъ былъ, какъ попечитель, хранить эти деньги. Попечитель не можетъ получать приказанія отъ лица, находящагося подъ его властью. Когда писалась довѣренность, Мгебровъ былъ для Зейферта постороннимъ лицомъ, но когда онъ получилъ деньги—онъ былъ попечителемъ. Это обстоятельство, что онъ былъ попечителемъ, объясняетъ все, что есть туманнаго въ этомъ

дѣлъ, наконецъ, тѣ пожертвованія, которыя рѣшился принести Мгебровъ для прекращенія этого дѣла. Долгъ Невѣрову былъ сдѣланъ сообща и притомъ, можетъ быть, на такой предметъ, о которомъ попечителю не слѣдовало и упоминать. Ошибка въ этомъ дѣлѣ заключается въ томъ, что Мгебровъ составилъ счетъ, которому было дано уголовное движеніе. Г. Зейфертъ, какъ находящійся подъ попечительствомъ, не имѣлъ права сказать Мгеброву: давайте деньги (3,199 р.), а тотъ имѣлъ полное право сказать: деньги ваши я отдаю на проценты въ оборотъ, а почему я такъ сдѣлалъ, про то я знаю. Какъ попечитель, Мгебровъ дѣйствительно могъ распорядиться этими деньгами. Но онъ, какъ видно, поступилъ иначе; онъ отдавъ половину денегъ Зейферту и заплатилъ долговъ на 1,400 р. Онъ чувствовалъ, что долгъ можетъ быть и не признанъ, что Зейфертъ всегда можетъ сказать: я несовершеннолѣтній; никакихъ долговъ не могъ дѣлать; попечитель, г. Штанге, не засвидѣтельствовалъ его; я вамъ не поручалъ платить; долгъ не дѣйствителенъ; -- онъ знаетъ все это, знаетъ, что Зейфертъ можетъ потребовать назадъ свои деньги. Вотъ почему онъ рѣшается, пока шло дѣло, заплатить Зейферту не только 300, но 1,000 р., и даже больше этого. Вотъ какъ дѣло это представляется мнѣ. Переведу ли я свое убѣжденіе въ ваше убѣжденіе—предсказать этого я не могу, какъ бы не желало мое сердце. При этомъ позвольте мнѣ высказать одно замѣчаніе: для того, чтобы сдѣлать подлогъ, мошенничество, люди имѣютъ цѣль присвоить себѣ чужія деньги, но если можно присвоить ихъ безъ этого, не рискуя, кто же станетъ дѣлать это? Теперь спрашиваю, зачѣмъ Мгеброву нужно было дѣлать подлогъ? Если бы онъ былъ тѣмъ, чѣмъ представляетъ его г. Зейфертъ — человѣкомъ желающимъ употребить въ свою пользу всѣ его деньги, онъ, будучи попечителемъ, отдавъ бы деньги г. Зейферта подъ вексель не только князю Эристову, человѣку вѣрному, но такому, который не только на 2,800 р., но на 5,800 руб. далъ бы

ему вексель за какіе нибудь 100 цѣлковыхъ. У насъ, къ сожалѣнію, не рѣдки явленія, что опекуны и попечители пускаютъ по міру лицъ, находящихся подъ опекою или попечительствомъ; гораздо рѣже бываетъ, и теперь мы видимъ это, другое явленіе—что иной разъ попадется такой птенецъ, который опекуна или попечителя такъ допечетъ, что тотъ радъ будетъ отдать собственные деньги, чтобы только избавиться отъ дѣла. Г. Мгебровъ дѣйствительно надѣлалъ вещей непростительныхъ. Законъ установилъ его попечителемъ; попечитель, какъ я разъяснилъ, имѣетъ важное значеніе: безъ его согласія, лицо, состоящее подъ попечительствомъ, не можетъ заключить никакой сдѣлки, не можетъ даже вступить въ бракъ. Между тѣмъ, бывши попечителемъ, онъ другъ и пріятель Зейферта, участвуетъ въ импровизированной его вольной свадьбѣ, когда онъ увезъ извѣстную вамъ дѣвицу; устраиваетъ ихъ хозяйство; помогаетъ ему дѣлать долги,—словомъ, онъ попалъ въ положеніе самое глупое, скверное. Вотъ за это положеніе, за то, что онъ втерся не въ свое дѣло, неприличное попечителю, онъ уволенъ отъ службы; нѣсколько лѣтъ находился подъ слѣдствіемъ, и теперь сидитъ на скамьѣ обвиняемыхъ. Но я полагаю, что этого будетъ довольно. Гражданская сторона довольна; она дала записку отъ себя, что ничего не ищетъ. Надѣюсь, что и ваша совѣсть будетъ удовлетворена, и вы провозгласите невинность обвиняемаго Мгеброва.

Судъ постановилъ для разрѣшенія присяжныхъ вопросъ о томъ, виновенъ-ли Захарій Мгебровъ, въ томъ, что будучи попечителемъ надъ поручикомъ Константиномъ Зейфертомъ, представилъ въ опроверженіе представленнаго противъ него Зейфертомъ въ управѣ благочинія иска подписанный Зейфертомъ счетъ, въ которомъ, съ вѣдома Мгеброва, безъ согласія Зейферта, были поставлены такія цифры, которыя не были въ счетѣ при подписаніи его Зейфертомъ.

Присяжные дали отрицательный отвѣтъ и Мгебровъ былъ оправданъ.

А. А. Макаровъ и В. А. Маклаковъ.

Д Ъ Л О

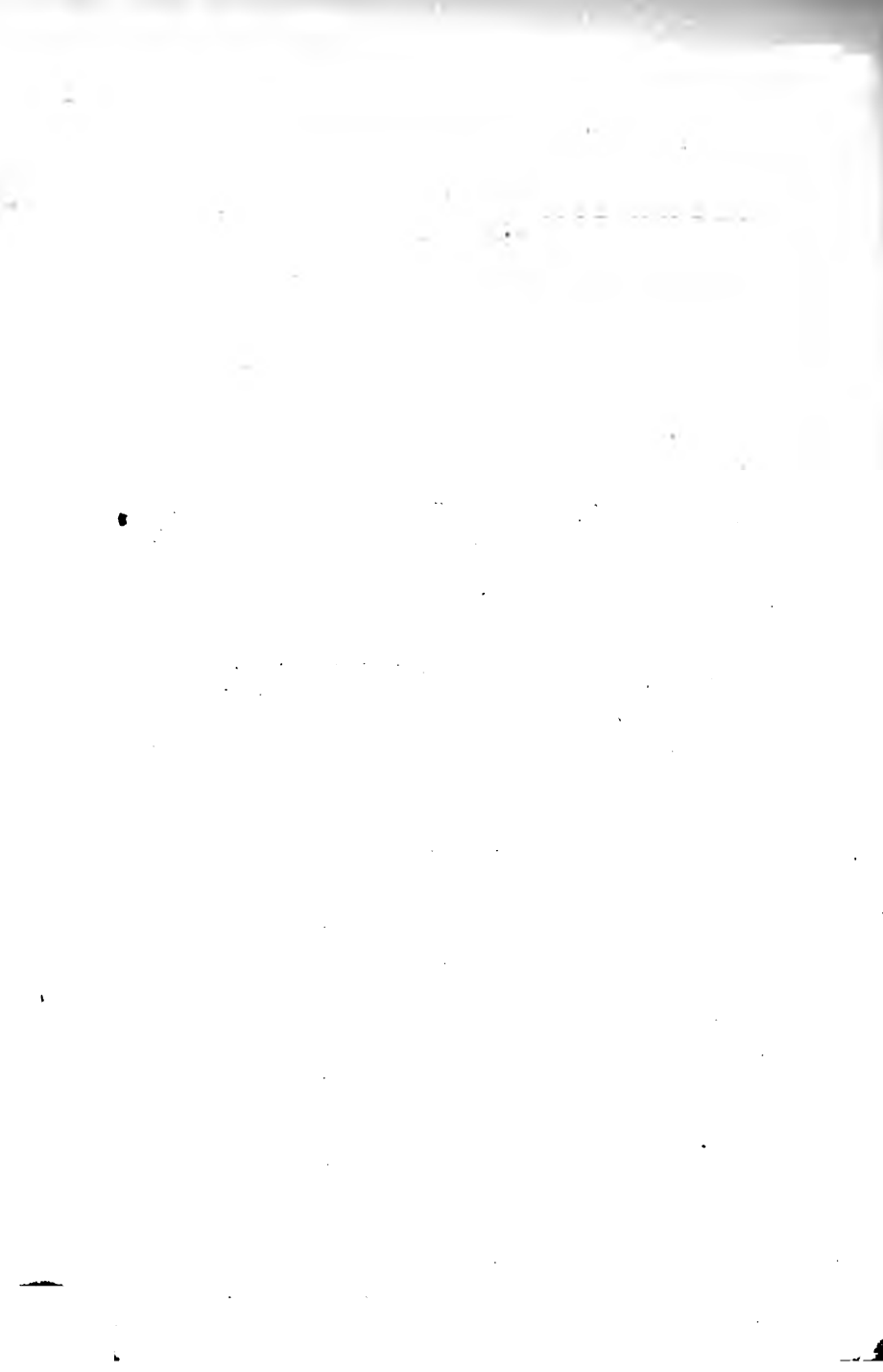
О ХИЩЕНІЯХЪ, МОШЕННИЧЕСТВѢ И РАСТРАТАХЪ

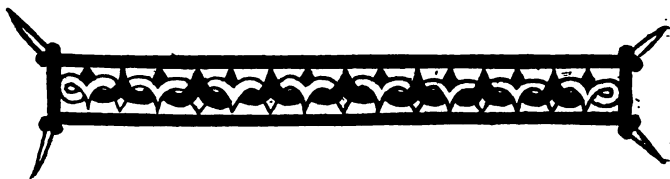
ВЪ

СЪВЕРНОМЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Р Ъ Ч И

въ защиту и обвиненіе.

Д Ъ Л О

о хищеніяхъ, мошенничествѣ и растратахъ въ „Сѣверномъ страховомъ обществѣ“.

По этому «громкому» дѣлу, слушавшемуся въ маѣ мѣсяцѣ въ Московскомъ окружномъ судѣ, председательствовалъ председатель суда Н. В. Давыдовъ, обвинялъ прокуроръ суда А. А. Макаровъ. На скамью подсудимыхъ въ качествѣ обвиняемыхъ посажено было четверо: бывший главный бухгалтеръ общества, статскій совѣтникъ Арбатскій и служившіе въ томъ же обществѣ: кассиръ крестьянинъ Журавлевъ, агенты мѣщанинъ Сѣткинъ и мѣщанинъ Макаровъ-Землянской. Каждый изъ обвиняемыхъ имѣлъ двухъ защитниковъ, за исключеніемъ Сѣткина, котораго защищалъ пом. прис. пов. Маклаковъ. Арбатскаго защищаютъ присяжные повѣренные Ходасевичъ и Багриновскій; Журавлева — присяжный повѣренный Баршевъ и частный повѣренный Макаревскій; Макарова-Землянскаго — прис. пов. Викторскій и пом. прис. пов. Лабученко. Къ обвиняемымъ предъявленъ былъ искъ отъ сѣвернаго страхового общества и сѣверной биржевой артели; представителями гражданскихъ истцовъ были присяжные повѣренные Пржевальскій, Харитоновъ 1-й, Холщевниковъ и пом. прис. пов. Семенченко. Изъ подсудимыхъ одинъ только А. А. Сѣткинъ находится подъ стражей, остальные — на свободѣ.

Всѣхъ свидѣтелей по этому дѣлу вызвано было около ста человекъ, значительную часть которыхъ составляютъ служащіе въ сѣверномъ страховомъ обществѣ. Не явилось всего только 14 свидѣтей, изъ которыхъ четверо умерли; при чемъ неявка признана не законною лишь для трехъ лицъ. Показаніе одного изъ нихъ, Краузе, г. прокуроръ находилъ весьма важнымъ и существеннымъ для интересовъ обвиненія и потому полагалъ дѣло отложить, но судъ, основываясь на томъ, что значительная доля показанія Краузе занесена въ обвинительный актъ, нашелъ возможнымъ слушать дѣло безъ этого свидѣтеля. Защитою, на формальныхъ основаніяхъ, былъ возбужденъ вопросъ о недопущеніи гражданскихъ исковъ, но послѣ продолжительнаго обсужденія, судомъ оставленъ безъ послѣдствій.

Изъ обвинительнаго акта, чтеніе котораго, начавшееся около 2 часовъ, продолжалось до шестого, видно, что почти восемь лѣтъ назадъ, въ половинѣ декабря 1890 года директоръ-распорядитель «Сѣвернаго» страхового общества Д. И. Морозовъ, вернувшись изъ Петербурга, узналъ отъ товарища своего, А. Θ. Яффа, что главный бухгалтеръ Арбатскій намѣренъ съ 1-го января уволиться. Внезапный уходъ Арбатскаго, въ концѣ года, передъ составленіемъ отчета, былъ полной неожиданностью какъ для Морозова, такъ и для другихъ членовъ правленія. Арбатскій безсмысленно состоялъ въ своей должности около 10 лѣтъ, и хотя съ нимъ былъ заключенъ договоръ, который какъ разъ истекалъ къ 1-му января 1891 г. — но на договоръ этотъ всегда смотрѣли, какъ на формальность. На вопросъ самого Д. И. Морозова о причинѣ ухода Арбатскій отвѣтилъ, что въ послѣднее время правленіе стало относиться къ нему съ недовѣріемъ, недостаточно посвящаетъ его въ дѣло, тогда какъ главный бухгалтеръ долженъ знать все въ подробностяхъ. Несмотря на то, что объясненіе Арбатскаго Морозовъ находилъ фактически невѣрнымъ и поведеніе его казалось ему страннымъ и непонятнымъ, онъ не сталъ больше разспрашивать Арбатскаго и выразилъ лишь надежду, что Арбатскій не броситъ дѣло такъ внезапно и составитъ отчетъ за 1890 г. Арбатскій отвѣтилъ,

что считаетъ это даже своимъ долгомъ. Въ то же время Арбатскій отказался не только отъ веденія какихъ либо текущихъ дѣлъ, но даже отъ наблюденія за ними впредь до пріисканія ему замѣстителя, вслѣдствіе чего Морозовъ поручилъ контролеру Говоркову и помощнику главного бухгалтера Чмутову принять отъ Арбатскаго книги, дѣла и документы по бухгалтеріи. Распоряженіе о сдачѣ дѣлъ и въ особенности назначеніе въ пріемщики Говоркова крайне встревожило Арбатскаго, который затѣмъ и началъ создавать пріемщикамъ массу затрудненій. Вслѣдствіе возникшихъ въ самомъ началѣ пререканій, Арбатскій пріостановилъ сдачу и взялъ назадъ переданные было Говоркову, оплаченные за одинъ годъ купоны. Несмотря на убѣжденія Морозова отказаться отъ враждебнаго образа дѣйствій, Арбатскій заявилъ, что по общей описи, какъ того требовало правленіе, книгъ и дѣлъ сдавать не будетъ, такъ какъ и самъ онъ такимъ порядкомъ ихъ не принималъ; при этомъ онъ отказался также отъ составленія отчета за 1890 г. Въ правленіи онъ объяснилъ, что отказъ этотъ является послѣдствіемъ оскорбительнаго, по его мнѣнію, распоряженія Морозова о сдачѣ книгъ и дѣлъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ правленіемъ, которое совершенно недоумѣвало, почему Арбатскій такъ настаиваетъ на оставленіи книгъ, въ его вѣдѣніи, Арбатскій, наконецъ, согласился составить отчетъ и вести текущее дѣло въ бухгалтеріи впредь до разсмотрѣнія отчета ревизіонною комиссіей. Арбатскій казался очень довольнымъ такимъ исходомъ дѣла, говорилъ объ этомъ Говоркову и обратился къ нему съ просьбой помочь заключить книги и составить отчетъ за 1890 г., обѣщая съ своей стороны оказать ему услугу при открытіи книгъ на 1891 г. Говорковъ согласился и въ теченіе 4-хъ дней помогалъ Арбатскому, пока его не отозвалъ назадъ его непосредственный начальникъ. 8-го января, вечеромъ, помощнику главного бухгалтера Чмутову, который велъ «главную книгу», понадобился 2-й томъ ея, но его въ конторкѣ не оказалось. Несмотря на тщательные поиски въ присутствіи Арбатскаго, книги этой 8-го числа не нашли-

не находилась она и на другой день, такъ что 10-го января Д. И. Морозовъ экстренно созвалъ правленіе, которому самъ Арбатскій доложилъ о пропажѣ книги, высказавъ предположеніе, что она похищена съ цѣлью сдѣлать ему лично непріятность, подорвать его репутацію. При этомъ Арбатскій заявилъ, что пропавшая книга можетъ быть восстановлена по записямъ изъ другихъ, вспомогательныхъ книгъ, но работа эта задержитъ составленіе годового отчета за 1890 г. Правленіе поручило Арбатскому возобновить книгу. Въ тотъ же день, однако, книга была неожиданно найдена бухгалтеромъ Страховымъ въ ватерлозетѣ. Она поставлена была ребромъ въ бакъ для воды, находившійся у потолка, при чемъ изъ подъ крышки бака торчало нѣсколько листовъ бумаги, которые и обратили на себя вниманіе Страхова.

Страховъ позвалъ своихъ сослуживцевъ, а также Д. И. Морозова, который лично сзялъ книгу и передалъ ее Чмутову. Чмутовъ вмѣстѣ съ другимъ помощникомъ главнаго бухгалтера, Пыхтневымъ-Кокуевымъ, немедленно осмотрѣли книгу и обнаружили, что въ ней вырваны три листа (№№ 334, 335 и 336), на которыхъ, судя по алфавиту, помѣщался «счетъ переходящихъ суммъ». На слѣдующій день обнаружилось, что и въ другихъ книгахъ за 1890 г. вырваны листы, а именно въ «бѣловой кассѣ», съ записью 9-ти статей по приходу и 10-ти статей по расходу; въ «меморіалѣ», съ записью на нихъ 12-ти статей, въ «журналѣ», съ записью 6-ти статей, въ «общей кассѣ» — часть листа съ записью расходовъ за 28 февраля 1890 г., причемъ на уцѣлѣвшей части этого листа сохранились наименованія всѣхъ предметовъ расхода по каждому ордеру, всего по 11-ти статьямъ, номера же нѣкоторыхъ ордеровъ и суммы были уничтожены. Кромѣ того, вовсе пропали документы, хранившіеся у Чмутова и другихъ служащихъ, главнымъ образомъ относящихся къ тому же 28-го февраля, какъ, напримѣръ, хранившійся въ кассѣ ордеръ на выдачу дивиденда отъ 28-го февраля, 1890 г. (№ 201) съ нѣсколькими росписками Арбатскаго въ приѣмъ отъ кассира Журавлева купоновъ, оплаченныхъ въ 1890 г.;

наконецъ, у самаго Арбатскаго, по его заявленію, пропала изъ конторки тетрадь переходящихъ суммъ и др. Д. И. Морозовъ немедленно доложилъ обо всѣхъ этихъ безпорядкахъ правленію, которое постановило немедленно произвести подробную ревизію книгъ и дѣлопроизводства бухгалтеріи, для чего пригласить опытное лицо. Кромѣ того, находя, что всѣ эти безпорядки въ книгахъ свидѣтельствуютъ о дурномъ надзорѣ со стороны Арбатскаго, правленіе постановило устранить его отъ временно порученной ему работы и предложить исполнить свою обязанность по сдачѣ книгъ и дѣлъ по подробной описи, а также присутствовать при ревизіи для дачи необходимыхъ объясненій. Для ревизіи былъ приглашенъ А. Ѳ. Ганешинъ, а для приѣма дѣлъ и книгъ отъ Арбатскаго—инспекторъ Шестериковъ и Чмутовъ.

При ревизіи и сдачѣ дѣлъ Арбатскій присутствовалъ пять дней, но и тутъ часто отлучался, такъ что приѣмъ шелъ крайне медленно. Сдавъ подъ росписку 760 листовъ запасныхъ акцій общества, 11,793 купона за 1889 г., «пробитыхъ для погашенія», книги и балансы за 1890 г. и погашенные купоны отъ акцій съ 1882 по 1888 г., Арбатскій положилъ ключи на столъ и отъ дальнейшей сдачи рѣшительно отказался.

Приступивъ къ ревизіи дѣлопроизводства бухгалтеріи, восстановленію записей на вырванныхъ изъ книгъ листахъ, Ганешинъ нашелъ, что пропавшій, упомянутый уже выше ордеръ отъ 28-го февраля 1890 г. былъ выданъ на сумму 22,304 р. и при томъ именно на уплату дивиденда по акціямъ, а такъ какъ дивидентъ за 1889 г. выдавался въ размѣрѣ 16-ти рублей на акцію, то становилось очевиднымъ, что по этому ордеру было оплачено 1,394 купона 1889 г. Продолжая далѣе свою работу и восстанавливая «счетъ переходящихъ суммъ», вырванный изъ главной книги, Ганешинъ обнаружилъ, что въ счетѣ переходящихъ суммъ были записаны выдачи дивиденда, между тѣмъ какъ эти выдачи должны были быть записываемы на особый счетъ дивиденда, каковой и былъ въ главной книгѣ, но записи въ немъ начались только съ 12-го іюня 1890 г.—

переносомъ со счета переходящихъ суммъ, суммъ всѣхъ выдачъ дивиденда, произведенныхъ по 12-е іюня. При этомъ оказалось, что къ названному числу выдано было дивиденда не 170,240 р., какъ значилось въ переносѣ, а 187,120 р. Такимъ образомъ Ганешинъ пришелъ въ выводъ, что 12-го іюня 1890 г. на счетъ дивиденда въ главной книгѣ было записано менѣе противъ дѣйствительно выданныхъ на этотъ предметъ ордеровъ на 16,880 р. и, слѣдовательно, по ордерамъ было оплачено купоновъ несомнѣнно болѣе, чѣмъ таковыхъ существовало. Изъ этого можно было заключить только одно, а именно, что известная часть купоновъ была предъявлена къ полученію по нимъ дивиденда два раза и дивидентъ былъ по нимъ два раза уплаченъ.

Когда Арбатскаго спросили, на какомъ основаніи онъ заносилъ выдачу дивиденда на счетъ переходящихъ суммъ, тогда какъ для этого имѣется въ главной книгѣ специальный счетъ, онъ не далъ никакого удовлетворительнаго объясненія, а по поводу уменьшенія перенесенной суммы: выдачу дивиденда на 16,880 р. отозвался, что причину этого объяснить не можетъ.

Изъ дѣла выяснилось, что Арбатскій пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ директоровъ, какъ знатокъ своего дѣла, и распоряжался по бухгалтеріи самолично. Выяснилось также, что до 1888 г. уплата дивиденда записывалась въ главной книгѣ на специальный счетъ, съ 1888 же года, по распоряженію Арбатскаго, такія уплаты стали записываться почему-то на счетъ переходящихъ суммъ. Подробный счетъ переходящимъ суммамъ Арбатскій велъ лично, въ особой тетради, которую хранилъ въ своей конторкѣ, никому ее не показывая. Меморіальная статья о списаніи со счета переходящихъ суммъ 170,240 р. (вмѣсто 187,120 р., о чемъ уже сказано выше), была составлена Чмутовымъ по распоряженію Арбатскаго, который самъ передалъ ему эту сумму на клочкѣ бумаги. До 1888 г. дивидендные купоны отъ акцій «Сѣвернаго» общества предъявлялись къ оплатѣ въ кассу при особыхъ объявленіяхъ, въ которыхъ получатель долженъ былъ

прописать различныя свѣдѣнія, но затѣмъ эта формальность, какъ предполагаетъ Д. И. Морозовъ, — по инициативѣ Арбатскаго была уничтожена. По установленному порядку, оплачиваемые купоны должны были быть пробиваемы кассиромъ въ день оплаты и въ тотъ же день, погашенными, сданы въ бухгалтерію, которая, въ обмѣнъ на полученные купоны, обязана была выдать кассиру соотвѣтственный ордеръ, въ качествѣ оправдательнаго документа для послѣдняго. Въ противномъ случаѣ кассиръ имѣлъ бы оправдательныхъ документовъ на двойную сумму (ордеръ и подлинныя купоны). Между тѣмъ, во время ревизіи Ганешина было обнаружено, что порядокъ этотъ совсѣмъ не наблюдался. Кассиръ Журавлевъ не пробивалъ купоновъ въ день оплаты и не сдавалъ ихъ ежедневно въ бухгалтерію. Поэтому иногда случалось, что въ кассѣ накоплялось купоновъ по 1,000 и болѣе штукъ. Кассиръ Журавлевъ разсказалъ, что въ маѣ 1890 г. онъ занялся съ Арбатскимъ пробивкою купоновъ, которыхъ накопилось болѣе 3,000 штукъ. Арбатскій подавалъ ему купоны небольшими пачками, а онъ пробивалъ ихъ на машинкѣ и возвращалъ Арбатскому уже пробитыми. Возможно, что Арбатскій передалъ ему не всѣ купоны, такъ какъ онъ пробивалъ ихъ не считая, и часть изъ нихъ утаилъ непробитыми. Въ то время ему не приходило въ голову проверить это обстоятельство, пересчитать купоны, такъ какъ у него не было основаній недовѣрять Арбатскому. Расписки въ принятіи купоновъ и ордера за истекшіе мѣсяцы хранились въ кладовой кассы, куда Арбатскій часто заходилъ и оставался тамъ одинъ. Въ концѣ декабря 1890 г. или вначалѣ января 1891 г. Арбатскій бралъ у него для справокъ ордера за февраль и мартъ 1890 г., въ числѣ которыхъ находились и пропавшіе ордера №№ 201 и 206.

Виновность Арбатскаго стала для правленія очевидной, и Д. И. Морозовъ настаивалъ на возбужденіи противъ него уголовнаго преслѣдованія, но одержало верхъ мнѣніе другого директора, С. А. Протопопова, находившаго нежелательнымъ для коммерческаго учрежденія судебный

процессъ. Рѣшено было прежде всего доложить обо всемъ общему собранію акціонеровъ. На это собраніе явился и самъ Арбатскій, владѣющій съ 1889 г. одной акціей. Не обращая вниманія на произведенную его появленіемъ естественную сенсацию, Арбатскій молча прослушалъ отчетъ за 1890 г. и предложеніе правленія о снесеніи на убытокъ переплаты дивиденда въ 16,880 р., которые собраніе приняло и утвердило, и такъ же молча ушелъ. Черезъ нѣсколько дней онъ обратился въ правленіе съ просьбою выдать ему свидѣтельство о службѣ и, получивъ отказъ, предъявилъ искъ объ этомъ въ коммерческомъ судѣ и добился своего, перенеся дѣло въ сенатъ. Послѣ этого Арбатскій подавалъ въ судебныя мѣста оставленные безъ послѣдствія прошенія о привлеченіи правленія «Сѣвернаго» общества къ отвѣтственности за порчу книгъ и документовъ общества, и, наконецъ, обратился въ правленіе съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ выставлялъ себя невинно пострадавшимъ, обвинялъ правленіе въ стремленіи затемнить и замять дѣло о безпорядкахъ въ бухгалтеріи и т. п. Это заявленіе было представлено на усмотрѣніе общаго собранія акціонеровъ въ засѣданіи 14 февраля 1893 г. и поддерживалось самимъ Арбатскимъ и его братомъ въ такомъ вызывающемъ тонѣ, что собраніе рѣшило выразить Арбатскому общему негодованіе и порицаніе, съ занесеніемъ въ протоколъ, а самое заявленіе оставить безъ послѣдствій. Послѣ этого Арбатскій разсылалъ различнымъ лицамъ и учрежденіямъ письма, наполненные инсинуаціями противъ правленія, предъявлялъ иски о признаніи недѣйствительными общихъ собраній, возбуждалъ дѣла объ оклеветаніи его. Всѣ эти дѣла онъ проигрывалъ, но это только поощряло его къ дальнѣйшимъ враждебнымъ выходкамъ. Кончилось тѣмъ, что потерявшее терпѣніе правленіе обратилось, черезъ своего директора-распорядителя Д. И. Морозова, съ жалобою къ прокурору о возбужденіи противъ Арбатскаго уголовного преслѣдованія за растрату. Это произошло 26 января 1894 г.

Вмѣстѣ съ тѣмъ правленіемъ поручено было главному бухгалтеру Цото провѣрить счетъ дивиденда по книгамъ

бухгалтеріи за прежніе годы службы Арбатскаго, и по провѣркѣ оказалось, что переплата дивиденда имѣла мѣсто еще въ 1889 г., когда кассою было оплачено на 61 купонъ болѣе, чѣмъ таковыхъ существовало въ дѣйствительности, — всего же на сумму 1,047 р. Эта переплата, замаскирована была Арбатскимъ произвольнымъ позаимствованиемъ со счета переходящихъ суммъ и всѣ относящіяся къ ней помѣтки въ книгахъ и ордера были выписаны собственноручно Арбатскимъ. Приглашенные правленіемъ эксперты Павловъ, Бушъ, Маркинъ и Полякъ подтвердили это и вывели всю сумму переплаты въ 16,880 р.

Арбатскій на предварительномъ слѣдствіи объяснилъ, что служба его въ обществѣ фактически окончилась 31-го декабря 1890 г., а порча книгъ обнаружена въ половинѣ января слѣдующаго года и произведена кѣмъ-либо съ цѣлью очернить его. Имѣть наблюденіе за веденіемъ книгъ и за сохранностью долженъ былъ Морозовъ, а онъ Арбатскій, распоряжался лишь относительно внутренняго распорядка по бухгалтеріи. Прежній порядокъ оплаты дивидендныхъ купоновъ былъ отмѣненъ по мысли Морозова, вопреки настояніямъ его, Арбатскаго. Не онъ, а Морозовъ долженъ былъ провѣрять дѣйствительную оплату кассиромъ купоновъ, точно также какъ ордера, подписанные Арбатскимъ, получали для кассира обязательную силу только послѣ помѣтки на нихъ Морозова, или его товарища. О переплатѣ 1,047 р. онъ своевременно сообщалъ Морозову и тотъ приказалъ списать эту сумму со счета и тотъ приказалъ списать эту сумму со счета переходящихъ суммъ. Выводы экспертовъ Арбатскій призналъ голословными.

Кассиръ Журавлевъ, привлеченный также въ качествѣ обвиняемаго, не отрицая возможности вторичной оплаты купоновъ, объяснилъ, что это было сдѣлано имъ безъ всякаго умысла или корыстной цѣли, но единственно вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ.

Въ январѣ 1893 г., при составленіи отчета за 1862 годъ, Д. И. Морозовъ обратилъ вниманіе на крупную цифру долговъ за страхователями, болѣе 88,000 р. Въ особен-

ности поразила его сумма въ 12,000 р., числившаяся за торговымъ домомъ Карлъ Тиль и К^о, такъ какъ состоятельность этой фирмы была ему хорошо известна. Сообщивъ о своихъ недоумѣнiяхъ завѣдующему московскимъ отдѣломъ общества, К. К. Макарову-Землянскому, Д. И. Морозовъ просилъ его озаботиться скорѣйшимъ полученiемъ долга. Тиль все откладывалъ учиненiе расчета такъ, что Морозовъ увидѣлъ себя вынужденнымъ написать лично Г. О. Тиллю. На слѣдующий-же день явился отъ Тиль бухгалтеръ Селивановъ и по секрету объяснилъ Морозову, что Тиль не должны обществу ни копѣйки, такъ какъ деньги были получены агентомъ А. А. Сѣткинымъ. Сѣткинъ просилъ не губить его, увѣрялъ, что пополнить растрату, — поэтому отъ Тиль и отвѣчали всегда, что деньги въ скоромъ времени будутъ уплачены.

По требованiю Морозова, Макаровымъ-Землянскимъ былъ составленъ списокъ всѣхъ неоплаченныхъ страхованiй, приобретенныхъ черезъ Сѣткина, и таковыхъ оказалось на 26,114 р. 41 к. На вопросъ, какимъ образомъ К. К. Макаровъ-Землянской допустилъ за Сѣткинымъ такой большой долгъ, тогда какъ ему запрещено было вѣрить Сѣткину больше 2,000—3,000 руб. (последнiй проигрывалъ на биржѣ и общество косо смотрѣло на это), — К. К. Макаровъ-Землянской отвѣтилъ, что не предвидѣлъ убытковъ для общества и выразилъ готовность обезпечить эти убытки купчей на принадлежащее ему имѣнiе. Кромѣ того, К. К. Макаровъ-Землянской показалъ взятую имъ отъ жены Сѣткина росписку, которою она обязывалась не продавать безъ разрѣшенiя К. К. Макарова-Землянскаго переданныхъ ей мужемъ скаковыхъ лошадей (стоимостью до 12,000 р.). а вырученные деньги внести въ «Сѣверное» общество. Изъ этого Морозовъ заключилъ, что К. К. Макаровъ-Землянской давно зналъ о растратѣ.

Между тѣмъ, Сѣткинъ подъ всевозможными предлогами откладывалъ свое появленiе въ правленiе общества для объясненiй, и только послѣ энергичнаго письма Морозова явился къ нему на квартиру. Признавъ растрату, онъ просилъ не губить его и дать ему время для пополненiя

ея; съ тою-же просьбою онъ являлся затѣмъ къ предсѣдателю правленія общества С. А. Протопопову, кланялся ему въ ноги и называлъ себя «подлецомъ и негодяемъ». Сѣткинъ говорилъ, что, кромѣ тестя его, И. П. Жемочкина, ему обѣщалъ еще помощь Г. О. Тиль. Дѣйствительно, эти два лица выразили готовность поддержать Сѣткина, но Жемочкинъ открылъ Д. И. Морозову, а за тѣмъ и С. А. Протопопову, что зятѣмъ его растрчены не 29,000 р., какъ они думаютъ, а больше 48,000 р. Спрошенный по этому поводу К. К. Макаровъ-Землянской подтвердилъ послѣднюю сумму, объяснивъ, что, подавая счетъ на 29,000 р., онъ повѣрилъ словамъ Сѣткина о не полученіи имъ остальныхъ денегъ отъ страхователей, тѣмъ болѣе, что къ выдаваемымъ Сѣткину квитанціямъ на эти страхованія были приложены штемпеля о взносѣ сборовъ непосредственно въ кассу общества. Тогда было сдѣлано распоряженіе о составленіи новаго, полнаго списка приобретенныхъ Сѣткинымъ и неоплаченныхъ страхованій, и оказалось, что сумма таковыхъ достигаетъ 48,868 р. 60 к. Разсмотрѣвъ этотъ списокъ, Сѣткинъ призналъ, что по большинству изъ этихъ страхованій деньги имъ были получены. Правленіе склонно было получить съ Сѣткина въ окончательный расчетъ 14,000 р. наличными и 25,000 р. векселями, на что Сѣткинъ согласился, но вмѣсто 14,000 р. принесъ акціи «конки» на гораздо меньшую сумму, вслѣдствіе чего расчетъ этотъ не состоялся. Затѣмъ Сѣткинъ сталъ оспаривать правильность предъявленнаго ему списка, указывая, что по нѣкоторымъ изъ заключающихся тамъ страхованій деньги внесены. Онъ заявилъ также, что въ растратѣ принимали участіе К. К. Макаровъ-Землянской и кассиръ Журавлевъ. Такъ, напримѣръ, въ книжкѣ по которой онъ сдавалъ въ кассу деньги, есть росписка Журавлева отъ 21-го января 1892 года въ полученіи 2,019 р. 50 к., а Журавлевымъ это полученіе заприходовано лишь 31-го декабря 1893 года. Принявъ во вниманіе указанія Сѣткина, составили новый списокъ неоплаченныхъ имъ страхованій, каковыхъ оказалось 202, на сумму въ 48,329 р. 20 к. Этотъ списокъ и былъ переданъ слѣдо-

вателю, и приглашенный эксперт подтвердилъ правильность этого расчета.

Независимо отъ этого, на слѣдствіи выяснилось, что Сѣткинымъ было допущено и другое злоупотребленіе, а именно: онъ взымалъ страховой премии болѣе, чѣмъ слѣдовало, и на довольно значительныя суммы. Такимъ образомъ, вмѣсто причитавшихся съ Г. О. Тиль и торговаго дома Карлъ Тиль и К^о 12,701 р. 81 к., имъ было получено 17,238 р. 81 к. (въ кассу общества, тѣмъ не менѣе, не поступило ни копѣйки). По другимъ 74 страхованіямъ Сѣткинымъ была получена премія въ большемъ, чѣмъ слѣдовало, размѣрѣ, а именно вмѣсто причитавшихся по ордерамъ 21,881 р. 55 к., т.-е. былъ допущенъ переборъ въ 4,715 р. 44 к.

Журавлевъ на слѣдствіи выяснилъ, что въ первыхъ числахъ января 1894 года, когда правленіемъ велись рѣшительные переговоры съ Сѣткинымъ о пополненіи имъ растраты, К. К. Макаровъ-Землянскій далъ Журавлеву два счета, выписанные на свое имя, одинъ по страхованіямъ, доставленнымъ Сѣткинымъ, на 2,406 р. 6 к. и приказалъ эти сборы заприходовать 31-мъ декабря 1893 г., что и было Журавлевымъ исполнено. Деньги, однако, К. К. Макаровъ-Землянскій представилъ не всѣ, а остался долженъ кассѣ больше половины.

Сѣткинъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что въ дѣлахъ съ «Сѣвернымъ обществомъ» у него существуетъ нѣкоторая запутанность счетовъ, но никакой растраты онъ не совершилъ. Внося деньги въ кассу, онъ иногда не бралъ у Журавлева расписокъ, а иногда страхователи вносили деньги въ кассу сами. Въ квитанціяхъ страховой сборъ иногда показывался имъ въ увеличенномъ противъ ордеровъ размѣрѣ или въ видахъ уплаты комиссіонныхъ денегъ своимъ субъ-агентамъ, или же для скидки самимъ страхователямъ, но дѣлалось это всегда съ разрѣшенія директора-распорядителя или К. К. Макарова-Землянскаго. Журавлевъ же показалъ, что Сѣткинъ сдавалъ ему деньги не иначе, какъ подъ расписку. К. К. Макаровъ-Землянскій показалъ, что хотя онъ и видѣлъ, что Сѣт-

кинъ по цѣлому году не вносить въ кассу денегъ, —полагалъ, что проставляемые имъ на квитанціяхъ штемпеля объ уплатѣ сборовъ прямо въ кассу достаточно гарантируютъ интересы общества. Онъ зналъ о существованіи долга Сѣткина кассѣ въ 12—13,000 р. и въ обезпеченіе его и взялъ у жены Сѣткина выше упомянутую уже расписку, которую затѣмъ уничтожилъ. Въ январѣ 1894 г. онъ дѣйствительно внесъ въ кассу «Сѣвернаго» общества собственныхъ денегъ по сѣткинскимъ страхованіямъ 2,300 р., не желая тормазить миролюбивое окончаніе переговоровъ Сѣткина съ правленіемъ.

13-января 1894 г., когда переговоры Сѣткина съ управленіемъ страховаго общества не увѣнчались успѣхомъ, Журавлевъ, предвидя возможность оставленія службы К. К. Макаровымъ-Землянскимъ, пришелъ на квартиру къ инспектору общества Малиновскому и, заявивъ ему о расстратѣ въ кассѣ около 37,000 р., просилъ его передать объ этомъ директору-распорядителю. Въ кабинетѣ правленія Журавлевъ подтвердилъ свое признаніе, и дѣлу былъ данъ ходъ.

На слѣдствіи Журавлевъ показалъ, что съ 1889 года, уступая просьбамъ К. К. Макарова-Землянского, онъ сталъ выдавать послѣднему изъ кассы деньги на его личныя нужды, при чемъ заемъ этотъ Макаровъ-Землянскій обезпечилъ % бумагами, показывавшимися по кассѣ какъ-бы принятыми отъ страхователей въ уплату премій. Къ концу 1890 г. Макаровъ забралъ около 5,000 р. Этотъ заемъ впоследствии былъ погашенъ, но Макаровъ-Землянскій бралъ еще въ кассѣ мелкими суммами, не больше 250 р., при чемъ эти выдачи, до уплаты ихъ, по совѣту самого заемщика, маскировались неоприходованіемъ поступающихъ суммъ. Когда были обнаружены безпорядки въ бухгалтеріи, Журавлевъ тоже подтянулся, и провѣрилъ кассу и обнаружилъ недочетъ въ 5,600 р. На пополненіе его онъ внесъ въ кассу % бумагъ на 1558 р., которые были положены Макаровымъ-Землянскимъ въ конверты, какъ-бы поступившими отъ страхователей Свѣшниковъ и Краузе, о чемъ и

сдѣлалъ надпись. Затѣмъ Журавлевъ занялъ еще 1,500 р. у своего знакомаго, а для замаскированія недостававшихъ еще 2,500 р. Макаровъ-Землянскій предложилъ ему не заприходовать часть поступающихъ въ кассу суммъ, съ тѣмъ, чтобы эти 2,500 р. числились долгомъ за страхователями.

Но Макаровъ-Землянскій продолжалъ затѣмъ заимствоваться изъ кассы, уже безъ всякаго обезпеченія и даже безъ расписокъ. Способъ замаскированія ихъ оставался тотъ-же самый, и къ началу 1894 г. за Макаровымъ-Землянскимъ числилось уже по расчетамъ Журавлева, около 30,000 р. Когда раскрылась растрата Сѣткина и отношенія Макарова-Землянского съ правленіемъ ухудшились, Журавлевъ просилъ его уплатить взятые имъ деньги. Макаровъ-Землянскій обѣщалъ сдѣлать это вскорѣ и попросилъ Журавлева передать ему всѣ ордера по незаприходованнымъ поступленіямъ въ кассу и записную книжку Журавлева, въ которой онъ велъ свой расчетъ съ Макаровымъ-Землянскимъ. Журавлевъ на другой день передалъ ему эти документы. На вопросъ Журавлева, какъ быть, если растрата обнаружится, Макаровъ-Землянскій отвѣчалъ: «Знайте, что я передъ правленіемъ буду безусловно отрицать всякое участіе, и отвѣтственнымъ явитесь вы; я-же состою должнымъ лично вамъ, и гдѣ-бы вы ни были—на свободѣ или въ тюрьмѣ,—должныя деньги я вамъ отдамъ». Рядъ послѣдующихъ разговоровъ убѣдилъ Журавлева, что Макаровъ-Землянскій его обманываетъ, а потому онъ и рѣшился раскрыть все дѣло сперва передъ Малиновскими, а потомъ и передъ правленіемъ. Макаровъ-Землянскій объявилъ сперва, что хотя и не бралъ у Журавлева ни копейки, но въ «благодарность за довѣріе, которые ему оказывали директора», готовъ уплатить сумму, которую назначить Журавлевъ. На другой день, впрочемъ, онъ взялъ назадъ свою готовность, выразивъ мнѣніе, что «каждый долженъ отвѣчать самъ за себя». Макаровъ-Землянскій, будучи полновластнымъ распорядителемъ въ своемъ отдѣлѣ, не могъ не знать о существованіи въ кассѣ растраты: это подтвердилось и показаніями свидѣтелей; такъ, напримѣръ, Краузе и Свѣш-

никовы категорически заявили, что никакихъ % бумагъ въ уплату страховыхъ сборовъ не вносили, а Краузе даже выдана была Макарову-Землянскому долговая расписка въ полной суммѣ 1,568 р.

Экспертъ г. Полякъ нашелъ, что съ 30-го декабря 1892 г. по 12-е января 1894 г. Журавлевымъ не было заприходовано своевременно 466 страхованій, на сумму 110,214 р. 15 к. Изъ нихъ по 148 страхованіямъ, на сумму 34,672 р. 83 к., поступления были вовсе не заприходованы. Ранѣе этого, а именно съ 1889 по 1892 г. были вовсе не заприходованы 7 страхованій, на сумму 706 р. 49 к.; такъ что общая сумма растраты опредѣлилась 42,388 р. 68 к. Макаровъ-Землянской виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что Журавлевъ оговариваетъ его только потому, что онъ, по существу своихъ обязанностей, скорѣе другихъ могъ замѣтить допущенныя Журавлевымъ злоупотребленія.

На основаніи такихъ данныхъ, добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, с. с. Д. А. Арбатскій, 45-ти лѣтъ, и кр. Г. Н. Журавлевъ, 50-ти лѣтъ, были преданы суду по обвиненію въ порчѣ и похищеніи съ корыстной цѣлью цѣлю торговыхъ книгъ и документовъ «Сѣвернаго» страхового общества и въ мошенничествѣ, а московскіе мѣщане А. А. Сѣткинъ, 39-ти лѣтъ, и К. К. Макаровъ-Землянской, 43-хъ лѣтъ,—по обвиненію въ растратѣ.

На обычные вопросы о виновности, Арбатскій ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ. Журавлевъ же заявилъ, что бралъ деньги изъ кассы, но не въ свою пользу. Макаровъ-Землянской виновнымъ себя не призналъ. Сѣткинъ призналъ себя виновнымъ въ удержаніи денегъ, но на меньшую сумму, чѣмъ приписываетъ ему обвинительный актъ.

Слушая это дѣло многіе затруднялись подобрать ему подходящее названіе. Всѣ эти хищенія, мошенничества, растраты, какъ выяснилось, были продуктомъ халатнаго отношенія къ дѣлу главарей общества. Допросомъ свидѣтелей выяснилось также, что въ «Сѣверномъ» обществѣ отсутствовали, необходимыя въ каждомъ учрежденіи, по-

рядокъ, ясность, контроль и что само общество съ предсѣдателемъ Протопоповымъ во главѣ, когда впервые обнаружился форменный подлогъ относительно купоновъ на сумму 18,820 р., боясь скандальной огласки, не согласилось начать уголовное дѣло. Одинъ изъ представителей гражданского иска отъ «Сѣвернаго» общества въ рѣчи своей также признаетъ, что порядки въ обществѣ были далеки «отъ идеальнаго совершенства», и что «только роковой случай остановилъ наконецъ преступную руку». Не будь этого «рокового случая», халатныя отношенія изхищенія въ той или другой формѣ, надо полагать, все продолжались бы. Общими непорядками и злоупотребленіями въ обществѣ объясняется и самый приговоръ присяжныхъ засѣдателей...

На восьмой день засѣданія послѣ продолжительныхъ допросовъ свидѣтелей, проверки массы документовъ, допроса экспертовъ, начались и судебныя пренія рѣчью прокурора.

Рѣчи сторонъ мы помѣщаемъ въ кратцѣ, какъ онѣ были напечатаны въ газетахъ, за исключеніемъ рѣчи защитника Сѣткина, *В. А. Маклакова*, которую мы воспроизводимъ *въ полномъ объемѣ*. Молодой адвокатъ говорилъ хорошо и убѣжденно. Рѣчь эта чужда тѣхъ шаблонныхъ пріемовъ, благодаря которыхъ слушатель заранѣе знаетъ чѣмъ начнетъ и окончитъ свою рѣчь тотъ или другой ораторъ. Она построена довольно искусно, при чемъ защитникъ сдѣлалъ правдивый анализъ обстановки преступленія и личности Сѣткина. Своею искренностью и правдивостью рѣчь эта подкупила слушателей.

Адвокатъ, анализируя дѣло, не долженъ никогда терять изъ виду идеи справедливости. Онъ долженъ всегда оставаться правдивымъ, такъ какъ правда и искренность воздѣйствуютъ на убѣжденіе присяжныхъ лучше всякихъ «феерверковъ», о которыхъ упоминалъ одинъ изъ защитниковъ по дѣлу Арбатскаго и К^о.

Рѣчь прокурора А. А. Макарова.

«На вашу долю, гг. присяжные засѣдатели, выпала трудная обязанность провести нѣсколько дней за тяжелымъ

спеціальнымъ дѣломъ, полныхъ цифръ и выкладокъ, и наступило время — выслушать ваше рѣшительное слово. Вамъ придется заняться сопоставленіемъ цифръ и взаимныхъ между ними отношеній. Задача трудная, такъ какъ требуетъ большого умственного напряженія. Дѣйствительно, особенностью настоящаго дѣла является то, что при разрѣшеніи его долженъ работать умъ и молчать сердце. Это невыгодно для обвиненія — мое обращеніе къ вамъ будетъ по необходимости сухо. Здѣсь нѣтъ рѣчи о глубокихъ страстяхъ, нѣтъ рѣзкой бытовой окраски, здѣсь самыя прозаическія нарушенія довѣрія, — обманъ, который, къ сожалѣнію, все чаще начинаетъ повторяться. Другое затрудненіе при разрѣшеніи дѣла заключается въ томъ, что Арбатскій, представляющій собой человѣка съ выдающейся энергіей, къ сожалѣнію, обратилъ ее не къ разъясненію, а къ затемненію дѣла. Нужно много усилій и труда, чтобы отбросить всѣ тѣ затрудненія, которыя создалъ Арбатскій на пути къ разрѣшенію дѣла. Въ этомъ значительную помощь оказали Арбатскому случайныя обстоятельства. Дѣло, происходившее въ 1888 г., возбуждено только въ 1894 г., благодаря неправильному постановленію общаго собранія 12 января, къ которому я могу отнести только отрицательно. У Арбатскаго было свободное время, чтобы одуматься — и вотъ изъ человѣка, молча и конфузливо сидѣвшаго на общемъ собраніи, Арбатскій превращается въ обвинителя, пытающагося доказать, что въ «Сѣверномъ» страховомъ обществѣ происходятъ злоупотребленія, что самъ онъ является жертвой неправоудія, которое практиковалось надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но посмотримъ каковы его доказательства?

«Для насъ не важенъ вопросъ, существуютъ ли въ «Сѣверномъ» страховомъ обществѣ злоупотребленія. Но вопросъ этотъ приобретаетъ важность, разъ въ мнимыхъ злоупотребленіяхъ хотятъ найти себѣ оправданіе. Разсмотримъ же, что дано въ этомъ отношеніи? Ничего. Дѣлались одни лишь неопредѣленные намеки, тѣ намеки, которые такъ приближаются къ тому, что называется

клеветой. Это нѣчто такое, что постоянно ускользая изъ рукъ, оставляетъ въ то же время горькій осадокъ на душѣ. Быть можетъ, и у васъ, гг. присяжные засѣдатели, остался этотъ горькій осадокъ? На что собственно намекалъ Арбатскій? Что въ обществѣ уничтожались документы и дѣлались неправильныя записи въ книгахъ, что уничтожались журналы правленія? Гдѣ же цѣль такихъ поступковъ г. Морозова или правленія? Съ какою цѣлью они скрыли бы кассовую выборку, уничтожали бы журналы и т. д.? Можетъ быть, желая имѣть данныя, чтобы посадить Арбатскаго на скамью подсудимыхъ? Быть можетъ, чтобы скрыть уплату 16,000 комиссіоннаго вознагражденія, про которую твердитъ г. Арбатскій? Но вѣдь въ то время правленіе и не думало привлекать къ суду Арбатскаго, и я думаю, что такое богатое и очень солидное общество врядъ ли вынуждено прибѣгать къ подлогу книгъ и уничтоженію документовъ, чтобы скрыть выдачу въ 16,000 р.»

Указавъ затѣмъ, что не было цѣли въ уничтоженіи и сокрытіи тѣхъ документовъ, о которыхъ говорилъ Арбатскій и свидѣтель Ганешинъ, человекъ вполне достойный уваженія, но обладающій слабой памятью, г. прокуроръ перешелъ къ оцѣнкѣ уликъ противъ Арбатскаго, собранныхъ судебнымъ слѣдствіемъ. Путемъ тщательнаго анализа фактовъ, цифръ и данныхъ экспертизы, г. прокуроръ пришелъ къ выводу, что виновность Арбатскаго несомнѣнна. Г. прокуроръ указалъ также на предпринятые Арбатскимъ, послѣ обнаруженія растраты, мѣры раскрыть мнимыя злоупотребленія въ обществѣ, не увѣнчавшіяся успѣхомъ ни у прокурора суда, ни у прокурора палаты, ни у судебного слѣдователя, за бездоказательностью всѣхъ его обвиненій.

«Я нарочно—заявляетъ прокуроръ—останавливаю ваше вниманіе на этой сторонѣ дѣятельности Арбатскаго, чтобы доказать, что онъ ведетъ васъ ложнымъ путемъ, отвлекаетъ отъ истины и заметаетъ слѣды.

«Пусть не смущаетъ васъ, что Арбатскій въ 1889 г. самъ заявилъ правленію о желаніи оставить службу. Онъ

говорилъ, что его побуждаютъ къ этому натянутыя отношенія съ Морозовымъ и недовѣріе къ нему правленія. Однако, здѣсь было удостовѣрено, что за какой нибудь мѣсяцъ до этого, по иниціативѣ Арбатскаго, подносился адресъ и подарокъ Морозову. Свидѣтели доказали также, что и непредъявленіе журналовъ не могло быть причиною ухода, потому что никогда и нигдѣ бухгалтеру не показываются всѣ журналы правленія; онъ видитъ лишь тѣ, которые имѣютъ отношеніе къ бухгалтеріи. И такъ это — причины неуважительныя. Да думается, что намѣреніе Арбатскаго уйти было первоначально не серьезное. Его пробовали уговорить, но уговаривали, по мнѣнію Арбатскаго, недостаточно, и онъ рѣшаетъ уйти, и уходитъ дѣйствительно, озлобленный, готовый устроить обществу всякую пакость.

«Оставляя должность, Арбатскій не особенно рисковалъ, что злоупотребленія его раскроются. Онъ самъ въ теченіе 8-ми лѣтъ былъ помощникомъ бухгалтера и припаялъ должность бухгалтера безъ всякой описи и безъ формальностей. Это былъ прецедентъ, и Арбатскій былъ увѣренъ, что и преемникъ его приметъ должность такъ же просто. Но правленіе рѣшило на этотъ разъ принять отъ Арбатскаго дѣла по подробной описи. И когда для этого назначенъ былъ Говоровъ — это былъ для Арбатскаго страшный ударъ, страшная новость. Свидѣтели говорили здѣсь объ удручающемъ впечатлѣніи, которое это извѣстіе на него произвело.

«Тогда Арбатскій идетъ назадъ — соглашается составить отчетъ. Я объясняю это согласіе желаніемъ уничтожить слѣды преступленія. Такъ онъ и сдѣлалъ, и результатомъ этого явилась порча книгъ и пропажа документовъ. Къ разсмотрѣнію этихъ дѣйствій я и перейду.

«Я обвиняю Арбатскаго въ томъ, что онъ далъ правленію ложныя свѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы потомъ воспользоваться этими свѣдѣніями для совершенія корыстнаго обмана, а затѣмъ скрылъ слѣды уничтоженіемъ книгъ и документовъ. Первое преступленіе имѣло предметомъ составленіе извѣстной меморіальной статьи. Второе опредѣ-

ляется тѣмъ, что Арбатскій воспользовался резервомъ дивиденда и выписалъ ордера на вторичную оплату купоновъ и третье—порчей книгъ.

«Остановливаясь на составленіи завѣдомо ложной меморіальной статьи, мы находимъ, что это дѣяніе облегчалось двумя обстоятельствами. Во-первыхъ отмѣною уплаты дивиденда по особымъ объявленіямъ и записываніемъ дивидендныхъ суммъ не прямо въ счетъ дивиденда, а сначала въ счетъ переходящихъ суммъ, счетъ очень сложный и темный. Это было сдѣлано по распоряженію Арбатскаго, какъ удостовѣрили свидѣтели. Заявленіе Арбатскаго, что занесеніе въ счетъ переходящихъ суммъ дѣлалось по распоряженію Д. И. Морозова,—вы оцѣните по существу. Экспертиза доказала ясно, что это—безцѣльное усложненіе работы.

«И вотъ при этихъ условіяхъ Арбатскій 10-го іюня 1889 г. собственноручно составляетъ меморіальную записку о переносѣ со счета переходящихъ суммъ на счетъ дивиденда 1,047 р.

«Что говорить Арбатскій? Онъ говорить, что произошла ошибка, переплата по несвоевременно представленнымъ купонамъ 1888 г., и для покрытія этой переплаты Д. И. Морозовъ распорядился составить эту статью. Онъ сослался на Журавлева, но Журавлевъ сказалъ вамъ, что случай такой переплаты былъ, но былъ улаженъ между нимъ и Арбатскимъ.

«Эксперты нашли, что статья эта не оправдывается никакими обстоятельствами. Закрытіе счета дивиденда до 31-го декабря не разрѣшается, такъ какъ купоны могутъ быть еще предъявлены. Да такъ и бывало всегда раньше. Въ 10-му іюня было неоплачено 82 купона, и на оплату ихъ имѣлась соотвѣтствующая сумма на счетѣ дивиденда. Значить, увеличивать счетъ дивиденда не представлялось нужнымъ. Если и была переплата, про которую говорить Арбатскій, то вѣдь разница въ цѣнѣ купона 1887 и 1888 года — 1 р. Стало быть, переплата могла быть въ нѣсколько рублей. 1,047 р. пришлось бы перенести на

счесть дивиденда лишь въ томъ случаѣ, если бы въ 1887 году было уплачено по 1,047 купонамъ 1888 г.

«Арбатскій самъ сознаетъ, что объясненіе его неладно, и говорить, что это сдѣлано по распоряженію Морозова. Но гдѣ же цѣль? Неужели переплату въ нѣсколько рублей общество станетъ скрывать составленіемъ завѣдомо подложной статьи?!

«Статья была завѣдомо неправильно составлена Арбатскимъ. Ею онъ и воспользовался для совершенія другого преступленія—корыстнаго обмана. Черезъ недѣлю приблизительно онъ собственноручно выписываетъ ордеръ на уплату по 61 купону 1,035 р. Экспертиза объяснила, что эта сумма составлена изъ стоимости одного купона, дѣйствительно подлежавшаго оплатѣ, и тѣхъ же, 1,047 р. Это совпаденіе одно уже служить доказательствомъ».

Подробно разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, г. прокуроръ переходитъ къ 1890 г.

«Задачи Арбатскаго продолжаютъ развиваться и приемы его совершенствуются. Статью 564, о переносѣ на счетъ дивиденда на 16,800 р. менѣе, чѣмъ бы слѣдовало, имѣющую цѣлью образовать резервъ для вторичной оплаты купоновъ, Арбатскій составляетъ уже не собственноручно: онъ велитъ составить ее Чмутову.

«Но Арбатскій, продолжаетъ г. прокуроръ, не удовлетворился похищеніемъ денегъ. Онъ сталъ жертвой неправосудія», жалуясь на то, что всѣ старанія его обнаружить злоупотребленія въ обществѣ терпятъ неудачу у всѣхъ судебныхъ властей. Не буду говорить о всѣхъ дѣлахъ, въ различное время возбужденныхъ Арбатскимъ, остановлюсь только на трехъ его жалобахъ.

«Первая подана прокурору окружнаго суда. Изъ нея нельзя было заключить съ ясностью, чего хочетъ Арбатскій. Опрошенный, виновныхъ указать онъ не можетъ — и жалоба оставляется безъ послѣдствій.

«Вторая жалоба—прокурору судебной палаты—осталась также безъ послѣдствій, такъ какъ онъ не былъ ни очевидцемъ злоупотребленій, о которыхъ говорилъ, ни потерпѣвшимъ отъ нимъ».

«По тѣмъ же причинамъ осталась безъ послѣдствій и третья его жалоба.

«Такимъ образомъ, Арбатскій умышленно отвлекаетъ васъ отъ цѣли».

Замѣтивъ, что виновность Арбатскаго слагается изъ трехъ фактовъ: представленія невѣрныхъ свѣдѣній, обмана, заключающагося во вторичной оплатѣ уже погашенныхъ купоновъ и, наконецъ, порчи книгъ, г. обвинитель перешелъ къ Журавлеву.

Относительно соучастія Журавлева въ похищеніи 15,200 рублей, основываясь на достаточно выяснившихся отношеніяхъ Арбатскаго и Журавлева, гдѣ покровительственно-пренебрежительное отношеніе одной стороны встрѣчалось съ полнымъ слѣпымъ довѣріемъ другой, г. прокуроръ нашель, что при такихъ условіяхъ обвиненіе Журавлева въ этой части невозможно.

Арбатскій имѣлъ полную возможность всецѣло подчинить Журавлева своему авторитету. Всѣ дѣянія, которыя приписываются Арбатскому совместно съ Журавлевымъ, Арбатскій могъ сдѣлать самъ. Присутствуя при погашеніи купоновъ, онъ могъ лично овладѣть ими. Я не считаю возможнымъ обвинять Журавлева въ этой части, отказываюсь обвинять Журавлева въ соучастіи съ Арбатскимъ...

(Перерывъ засѣданія).

Вторую половину рѣчи прокуроръ употребилъ на подробную разработку фактовъ, уличающихъ Макарова-Землянскаго, Сѣткина и Журавлева, закончивъ указаніемъ на значеніе этого процесса.

Изложивъ вкратцѣ исторію обнаруженія злоупотребленій Сѣткина и документально установивъ сумму его растраты, г. прокуроръ перешелъ къ характеристикѣ обвиняемаго и къ его сознанію.

«Для обвиненія сознаніе Сѣткина не нужно—вина его и такъ хорошо доказана,—но онъ сознался, и это можетъ кореннымъ образомъ измѣнить его участь. Вы можете, гг. присяжные, признать въ данномъ случаѣ растрату по легкомыслію и добровольное желаніе пополнить ее.

«Но есть-ли къ этому основанія? По моему, Сѣткинъ легкомыслия не проявилъ. Это — человѣкъ, охваченный страстью къ легкой наживѣ. Онъ представляетъ собой вредный элементъ для общества. Поступивши на службу въ общество безъ всего, Сѣткинъ, благодаря случаю и удачѣ, быстро поднимается вверхъ, выигрываетъ на биржѣ 360,000 р., но на этомъ не останавливается и продолжаетъ играть...

«Для того, чтобы растрату можно было признать легкомысленной, нужно чтобы у совершившаго ее не было корыстныхъ цѣлей, чтобы онъ не имѣлъ желанія воспользоваться и присвоить себѣ чужое имущество. Сѣткинъ самъ сознался, что часть страховыхъ сборовъ онъ употребилъ на покрытіе своихъ убытковъ по биржевой игрѣ, и это было не единичное позаймствование, а систематическое хищеніе... Въ первый разъ онъ сдѣлалъ позаймствование изъ принадлежащихъ обществу суммъ еще въ 1886 году. Эту растрату онъ благополучно пополнилъ, и она осталась незамѣченной, но послужило-ли это ему добрымъ урокомъ на будущее время, заставило-ли его воздержаться отъ дальнѣйшихъ хищеній?

«По моему, нѣтъ и добровольнаго желанія пополнить растрату. Правда, Сѣткинъ предлагалъ Морозову своихъ рысаковъ, свой мѣховой товаръ въ магазинъ Эггерса, но вѣдь товаръ не принадлежалъ подсудимому. Его владѣльцемъ былъ зять Сѣткина—Михайловъ, а Сѣткинъ лишь помогалъ при распродажѣ. Это лишаетъ меня возможности признать, что Сѣткинъ добровольно обязался пополнить растрату. Если онъ обяжется теперь, то врядъ-ли возможно считать обязательство это серьезнымъ.

«Если Сѣткинъ дѣйствовалъ открыто, то Макаровъ-Землянскій тайкомъ; онъ прятался за товарища. Онъ долженъ былъ знать о злоупотребленіяхъ Сѣткина, а между тѣмъ, на вопросъ Морозова, почему такъ велико количество долговыхъ обязательствъ, Макаровъ-Землянскій не сказалъ правду, а попытался объяснить это явленіе увеличеніемъ оборотовъ общества, обострившейся конкуренціей и т. п. Онъ долженъ былъ знать о долгахъ Сѣ-

кина, потому что ему поручено было слѣдить за послѣднимъ, ему приказано было не запускать за Сѣткинымъ долговъ болѣе 3,000 р. И тѣмъ не менѣе, онъ не только не раскрылъ злоупотребленій Сѣткина, но даже прикрывалъ его. Вамъ доказано было здѣсь, что Макаровъ-Землянской выдалъ Сѣткину четыре красныхъ расходныхъ ордера на возвратъ страхованій, въ то время, какъ деньги по этимъ страхованіямъ въ кассу еще не поступили.

«Макаровъ-Землянской, не имѣя возможности говорить, что эти ордера подписалъ не онъ, утверждаетъ, что, или Сѣткинъ самовольно выкралъ ихъ изъ кассы, или получилъ ихъ другимъ обманнымъ путемъ. Но врядъ-ли можно придать этимъ объясненіямъ вѣру».

Съ данными судебного слѣдствія въ рукахъ г. прокуроръ опровергаетъ это объясненіе.

«Чѣмъ-же объясняется это укрывательство Макаровымъ-Землянскимъ злоупотребленій Сѣткина? спрашиваетъ прокуроръ. Охраною интересовъ общества, его репутаціи? Такая охрана лежала не на его обязанности. Я убѣжденъ, что Макаровъ-Землянской скрывалъ растрату Сѣткина для того, чтобы не обнаружилось его собственная растрата, произведенная имъ съ Журавлевымъ. И Сѣткинъ зналъ про злоупотребленія своего начальника. Его слова Морозову: «не я одинъ виновать, а и другіе»—ясно доказываютъ это.

«Сознался Журавлевъ и оговорилъ Макарова-Землянского. Я отношусь положительно къ оговору Журавлева, признаю его искреннимъ. Такое-же впечатлѣніе искренности произвело признаніе Журавлева на Малиновскаго и другихъ свидѣтелей. Въ чемъ-же сущность этого оговора?

«Сущность въ томъ, что въ началѣ 1891 г. Журавлевъ обнаружилъ у себя въ кассѣ прочетъ въ 5,600 р. Собравъ всѣ свои сбереженія и сдѣлавъ заемъ, онъ не могъ все таки пополнить всего недочета и обратился за помощью къ своему другу, Макарову-Землянскому. Макаровъ-Землянской деньгами не помогъ, но за то далъ совѣтъ. Совѣтъ этотъ оказался коварнымъ, и его исполненіе привело къ тому, что Журавлевъ очутился на скамьѣ

подсудимыхъ. Ближайшимъ результатомъ исполненія совѣта (не оприходовать поступающіе страховые платежи) явилась полная зависимость Журавлева отъ Макарова-Землянскаго. Теперь Макаровъ-Землянскій сталъ считать кассу общества своей собственной...

«Между Журавлевымъ и Макаровымъ-Землянскимъ состоялся словесный договоръ, — если можетъ быть договоръ между двумя лицами, изъ которыхъ одно находится въ полной зависимости отъ другаго. Право Макарова-Землянскаго было разсчитывать на полученіе ссудъ изъ кассы общества, право Журавлева — быть во время предупрежденнымъ, когда надо оприходовать страхованіе. Макарову-Землянскому, какъ завѣдующему отдѣломъ, это было извѣстно, и онъ могъ предупреждать Журавлева и тѣмъ спасти его отъ бѣды. Макаровъ Землянскій отрицаетъ это, но факты — противъ него».

Разобравъ улики противъ Макарова-Землянскаго, г. прокуроръ переходитъ къ заключенію своей рѣчи.

«Всѣ подсудимые, за исключеніемъ Журавлева, представляются мнѣ типичными представителями искателей легкой наживы. Журавлевъ — простой артельщикъ, неразвитой, со скромными вкусами. Только исполнивъ коварный совѣтъ Макарова-Землянскаго, онъ утратилъ свою хрупкую, непрочную волю. Другіе обвиняемые, растративъ чужое добро, махнули на все рукой. Съ Журавлевымъ иначе; онъ остался тѣмъ-же скромнымъ артельщикомъ, отказывавшимся даже отъ скромныхъ удовольствій. Если вы дадите снисхожденіе Журавлеву, это не будетъ несправедливо.

«Иначе вы отнесетесь къ Сѣткину... Я смѣло причисляю его къ вреднымъ элементамъ общества... Къ прискорбію, расширяется то теченіе, по которому, какъ выразился одинъ извѣстный писатель, всякій рядовой стремится сдѣлаться генераломъ не службой, а случаемъ, легкой наживой. Благодаря ловкости, счастью, Сѣткинъ достигъ было такого благостоянія, о которомъ не смѣютъ и мечтать тысячи другихъ. Но Сѣткину этого мало. Ему нужно генеральство, ему нуженъ почетъ, всеобщее удивленіе. Онъ

стремится отличиться призовыми рысаками, курами, которыхъ онъ выставляетъ на выставкахъ и кончаетъ скамьей подсудимыхъ... Онъ не останавливался ни передъ чѣмъ... Разорилъ сестру и не постѣснялся даже бросить здѣсь упрекъ женѣ за то, что она его не выручила...

«Но если Сѣткинъ дѣйствовалъ открыто, Макаровъ-Землянский и Арбатскій вершили свои дѣла тайкомъ. Одинъ прячется за спину товарища, другой — за изобрѣтенную имъ систему совершать мошенничества по правиламъ двойной бухгалтеріи... Оба они полны самомнѣнія, оба недовольны своимъ положеніемъ... Макаровъ-Землянский мечтаетъ о торговлѣ, Арбатскій не прочь купить домъ... Оба ищутъ случая для осуществленія своей склонности къ наживѣ... Эта возможность представляется одному, когда онъ изобрѣлъ свой череносъ съ переходящаго счета, а другому счастливый случай является въ видѣ обнаруженнаго Журавлевымъ прочета.

«Когда злоупотребленія обнаружили, Макаровъ-Землянский, какъ представитель старой школы хищниковъ, избралъ себѣ защитою девизъ: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю». Арбатскій — основатель новой школы — переходитъ сразу въ наступательное положеніе, пускаетъ въ ходъ свои лицемѣрныя жалобы...

«Я увѣренъ, что вы оцѣните по достоинству дѣянія каждаго, и если вы установите, что Сѣткинъ — вреденъ, то вы признаете, что Арбатскій и Макаровъ-Землянский — опасны для общества»...

Содержательная рѣчь прокурора, воспроизведенная нами въ кратцѣ, видимо произвела сильное впечатлѣніе на публику.

Рѣчи представителей гражданскихъ истцовъ.

Первымъ говорилъ *В. М. Иржевальскій*.

«Мнѣ, какъ представителю имущественнаго интереса гражданского истца, «защитнику рубля», какъ выражаются иѣкоторые, можно было бы ограничиться лишь одною ма-

терпальной стороною дѣла, такъ хорошо и блестяще разработанной экспертизой. Но въ уголовномъ процессѣ матеріальный интересъ тогда только терпимъ, когда онъ основывается на справедливости. Я останавлиюсь теперь на тѣхъ фактахъ и уликахъ, которые доказываютъ виновность Арбатскаго, и, опираясь лишь на эти данныя, постараюсь доказать справедливость и законность гражданскаго иска «Сѣвернаго» общества, представителемъ котораго я являюсь.

Съ «понятнымъ волненіемъ» приступилъ гражданскій истецъ, по его словамъ, къ выполнению своей задачи. «Не потому говорить онъ, чтобы убѣжденіе мое поколебалось, не потому, чтобы судебное слѣдствіе измѣнило хоть въ чемъ-нибудь мое сужденіе... Нѣтъ, я болѣе чѣмъ когда-либо убѣжденъ въ правотѣ моего дѣла... Это «волненіе» я испытываю при видѣ этихъ людей, сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, которыхъ еще недавно видѣлъ на свободѣ, на которыхъ привыкъ смотрѣть, какъ на людей порядочныхъ и обеспеченныхъ.

«Но чувство справедливаго негодованія, которое возбуждаютъ эти люди, пользовавшіеся прежде довѣріемъ и имъ злоупотреблявшіе, люди, совершившіе преступленіе не изъ нужды, а изъ стремленія къ легкой наживѣ,— это негодованіе, заглушая мое волненіе, и внушаетъ мнѣ высказать все, что подсказываетъ мнѣ справедливость.

«Во главѣ подсудимыхъ стоитъ Арбатскій... Но прежде всего необходимо освободиться отъ всего этого наноснаго матеріала, который нагроможденъ Арбатскимъ вокругъ этого, въ сущности простаго и яснаго дѣла, для его затемненія. Цѣль Арбатскаго, повидимому, доказать существованіе въ обществѣ какихъ-то мнимыхъ беспорядковъ, доказать, что правленіе общества имѣло черезчуръ слабый надзоръ за своими служащими, что и породило злоупотребленія. Набрасывая такимъ путемъ тѣнь на дѣятельность правленія, Арбатскій думаетъ выгородить себя и выйти сухимъ изъ воды, сваливъ вину съ больной головы на здоровую.

«Какъ вы отнесетесь къ подобному приему защиты—

дѣло вашей совѣсти. Я-же, съ своей стороны, долженъ обратить ваше вниманіе, что организація страховаго дѣла — совсѣмъ особая организація, и справедливо замѣтилъ Д. И. Морозовъ, что если непрерывно слѣдить за служащими и посвящать этому все вниманіе, то касса останется пустой.

«Во всякомъ случаѣ правленіе полагало, что, поставивъ во главѣ отдѣловъ людей, хорошо матеріально обезпеченныхъ, оно и само будетъ обезпечено отъ посягательствъ на свою кассу. Правленіе стремилось оберегать себя отъ внѣшнихъ враговъ, а отъ домашняго лихого человѣка присяжные знаютъ, что трудно оберегаться».

Разобравъ далѣе данныя судебного слѣдствія и экспертизы и установивъ «виновность» Арбатскаго, г. Пржевальскій перешолъ къ характеристикѣ Арбатскаго. Онъ называетъ его человѣкомъ умнымъ, энергичныхъ, но одержимымъ «страстью къ сутяжничеству».

«Куда только не подавалъ Арбатскій жалобъ, заявленій, прошеній... Положительно во всѣхъ судебныхъ установленіяхъ, кромѣ развѣ камеръ земскихъ начальниковъ, да волостныхъ судовъ. Это была настоящая кляузная оргія. Всюду онъ усердно сѣялъ ложь и клевету, стараясь очернить людей и учрежденіе, передъ которыми онъ былъ кругомъ виноватъ. Пусть-же онъ пожнетъ теперь то, что самъ посѣялъ».

За г. Пржевальскимъ сказалъ рѣчь—*Л. Г. Харитоновъ*.

Въ своей сжатой, сильной, строго обвинительной рѣчи г. Харитоновъ просилъ всѣхъ подсудимыхъ признать виновными, за исключеніемъ лишь Журавлева, сознаніе котораго г. Харитоновъ считалъ «вполнѣ искреннимъ, правдивымъ и чистосердечнымъ, а оговоръ имъ Макарова-Землянскаго, какъ подтверждаемый всѣми данными дѣла — сильнѣйшею уликою виновности Макарова-Землянскаго». Сознаніе Сѣткина г. Харитонову кажется совершенно «неискреннимъ и вынужденнымъ».

«Во всей преступной дѣятельности Сѣткина по настоящему дѣлу, говорилъ г. Харитоновъ, нельзя найти ни одной черты, которая показывала-бы болѣе или менѣе снисходительное отношеніе къ его личности. Очевидно, что, разъ ступивъ на скользкій и головоломный путь преступленія, Сѣткинъ, какъ по наклонной плоскости, неудержимо катился въ сознательно вырытую имъ себѣ пропасть, ужъ не брезгуя никакими средствами и ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Онъ не только похищаетъ деньги, долженствовавшія идти въ кассу учрежденія, ему довѣрившагося, — онъ еще при этомъ совершаетъ двойное хищеніе: получаетъ, путемъ обмана, комиссіонныя деньги по тѣмъ суммамъ, которыхъ въ кассу не внесъ и которыя онъ-же присвоилъ и растратилъ. Онъ засчитываетъ въ счетъ страховых сборовъ свой личный долгъ страхователямъ и въ то-же время этихъ страхованій въ кассѣ общества не оплачивается. Онъ, наконецъ, не только систематически обираетъ своего хозяина, онъ еще одновременно безцеремонно обманываетъ и своихъ собственныхъ кліентовъ, позволивъ себѣ получить съ нихъ страховыя деньги, въ большемъ, чѣмъ слѣдовало, размѣрѣ, въ нарушеніе существующаго тарифа. Это ужъ совсѣмъ отталкивающий и возмущающій фактъ, ибо подобнымъ хищническимъ залѣзаніемъ въ чужой карманъ онъ ужъ покушался на доброе имя и репутацію того учрежденія, которое вдоволь и сытно кормило его въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Хорошо еще, что гг. Сѣткины, чтобы они ни натворили, все-таки, не въ состояніи бросить тѣнь на коммерческое дѣло, слишкомъ прочно и солидно установившееся въ общественномъ мнѣніи.

Переходя къ Журавлеву, гражданскій истецъ говорить:

«Мнѣ отъ души жаль его, и я сердечно ему сочувствую. Онъ несомнѣнно являлся орудіемъ и былъ увлеченъ на преступный путь болѣе опытною и сильною рукою. Все несчастье его заключается въ томъ, что злой рокъ столкнулъ его съ такимъ товарищемъ по службѣ, который въ состояніи всецѣло поработить себѣ человека, менѣе сильного. Обидно было-бы, если-бы кто подумалъ, что на мое

сочувствіе къ Журавлеву вліяеть фактъ вознагражденія насъ его артелью въ большей части суммы, имъ растроченной. Нѣтъ, вѣрите, что мною руководить только исключительно одно чувство внутренней правды и жизненной справедливости. Совѣтъ въ иномъ свѣтѣ рисуются передъ нами личности и дѣянія Макарова-Землянского и Сѣткина. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ они ловко, искусно, путемъ хитро придуманныхъ комбинацій, систематически обирають то учрежденіе, которому они всѣмъ обязаны, которое поставило ихъ на ноги и относилось къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ.

«А когда роковой случай остановилъ, наконецъ, ихъ преступную руку (вѣдь всему въ жизни положенъ предѣлъ), то одинъ изъ нихъ является сюда съ запоздалымъ неискреннимъ признаніемъ, послѣ цѣлаго ряда упорныхъ записательствъ на предварительномъ слѣдствіи, а другой, вмѣсто повинной и раскаянія, все еще продолжаетъ отрицать все очевидное, внѣ сомнѣнія находящееся, да еще вдобавокъ они позволяютъ себѣ недостойно инсинуировать насчетъ тѣхъ, кого они-же обманывали и незапятнанная репутація коихъ внѣ упрека. Судите сами, въ какой мѣрѣ подобное поведеніе должно оскорблять нравственное чувство и насколько оно можетъ рассчитывать на сочувствіе со стороны безпристрастнаго суда совѣсти. Подобное поведеніе само отрѣзываетъ себѣ путь къ состраданію. У васъ, вѣроятно, давно уже зародился вопросъ: какъ это могло случиться, что подсудимые совершаютъ растрату въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а между тѣмъ она такъ поздно обнаруживается. Причинъ здѣсь нѣсколько. Необыкновенная обдуманность и хитрость въ созданіи системы и способовъ хищенія. Нѣтъ того учрежденія, въ которомъ порядки доходили-бы до совершенства, совпадали-бы съ идеаломъ; всякое дѣло, въ особенности коммерческое, постепенно прогрессируетъ, развивается, а по мѣрѣ его развитія и порядки въ немъ улучшаются, по указаніямъ опыта. Честные служащіе, являясь помощниками и сотрудниками дѣла, понятно содѣйствуютъ исправленію намѣчающихся недостатковъ, а

не пользуются ими для хищеній. Безчестные-же, да еще при известной ловкости, при всякихъ порядкахъ, сумѣютъ проложить себѣ тонкій, для другихъ незамѣтный, путь къ преступленію. Отъ своего домашняго вора трудно уберечься. Затѣмъ этотъ удивительный по своей виртуозности комплотъ между начальникомъ отдѣла, агентомъ и кассиромъ, ибо безъ участія кассира не было шансовъ на совершеніе и продолжительность преступленій. Наконецъ, довѣріе, которымъ они пользовались. Ни одно коммерческое дѣло немислимо безъ известнаго, болѣе или менѣе широкаго довѣрія со стороны руководителей относительно служащихъ, да еще служащихъ въ теченіе десятковъ лѣтъ. Въ коммерческомъ дѣлѣ довѣріе къ служащимъ — основа всего. Иначе лучше и дѣло не вести».

Свою рѣчь г. Харитоновъ оканчиваетъ такимъ обращеніемъ къ присяжнымъ:

«Гг. присяжные: Здѣсь нѣтъ безысходной бѣдности и гнетущей нужды—этихъ обычныхъ спутниковъ всякихъ темныхъ дѣлъ и хищеній. Нѣтъ, Сѣткинъ и Макаровъ-Землянскій были люди съ отличными достоинствами, получали въ общемъ прекрасное, вполнѣ обезпечивающее содержаніе. Въ моментъ обнаруженія преступленія у Сѣткина однѣхъ мѣховыхъ вещей и призовыхъ лошадей оказалось на сумму около 25,000 р., а у Макарова-Землянского — пѣсколько недвижимыхъ имѣній. Здѣсь, слѣдовательно, очевидное нежеланіе честно трудиться, стремленіе широко пожить, жажда прожигать жизнь, желаніе сразу обогатить себя насчетъ чужаго кармана. Здѣсь полная нравственная растлѣвающая разнузданность. При такихъ условіяхъ мнѣ нѣтъ надобности подсказывать вамъ ваше рѣшающее, авторитетное слово. Я думаю, что оно не пойдетъ на встрѣчу чаяніямъ и надеждамъ гг. Сѣткина и Макарова Землянского. Они обогащали себя путемъ преступленій и должны за это понести заслуженную кару. Они не могутъ, не должны уйти отъ нелицепріятнаго суда совѣсти. Я думаю, что если въ нихъ не все совѣстливое еще заглохло, — они давно ужъ свыклись съ мыслью о томъ, какъ взглянетъ на ихъ дѣяніе судъ общественной совѣсти, и найдутъ себѣ при-

миреніе въ томъ осуждающемъ словѣ вашемъ, которое они сами-же себѣ подготовили своими нечистыми, любостыжательными руками. Я думаю, что вашимъ правосуднымъ словомъ вы не дадите поощренія тѣмъ хищническимъ инстинктамъ и наклонностямъ, которыя, какъ злокачественная язва, и безъ того уже достаточно разъѣдаютъ нашу современную общественную среду.»

Прис. пов. *Холщевниковъ*, обрисовавъ положеніе биржевой артели «Сѣвернаго» страхового общества, гражданскій искъ со стороны которой къ *Журавлеву* онъ поддерживаетъ, признавалъ, что *Журавлевъ* во всей этой исторіи является челоѣковъ, подпавшимъ подъ сильнѣйшее вліяніе и пострадавшимъ. Артель предъявляетъ къ нему смягченное обвиненіе въ томъ, что онъ лишь позволилъ воспользоваться ея имуществомъ и тѣмъ причинилъ ей ущербъ. *Г. Холщевниковъ* просилъ вспомнить о томъ, что часть тѣхъ денегъ, которыя разбрасывались на рысаковъ и широкую жизнь, принадлежать артельщикамъ, людямъ бѣднымъ, для которыхъ не только 30 т. р., которые они выплатили «Сѣверному» страховому обществу, но каждая сотня рублей представляются важной потерей.

Рѣчи защитниковъ.

Рѣчи защиты начались рѣчью защитника *Арбатскаго*, прис. пов. *М. Ф. Ходасевича*.

Отмѣтивъ подавленное состояніе общаго настроенія судебного зала, вызванное рѣчами обвинителя и повѣренныхъ гражданскаго истца, защитникъ постарался разсѣять это настроеніе, какъ невозможное для хладнокровнаго обсужденія такого сложнаго дѣла. Пригласивъ присяжныхъ спокойно выслушать его взглядъ на это дѣло и послѣдовать за нимъ по можетъ быть нѣсколько скучной дорогѣ разбора выдвинутаго обвиненіемъ арсенала, г. защитникъ перешелъ къ критикѣ свидѣтельскихъ показаній, экспертизы, документовъ и обвинительной характеристики подсудимаго.

«Свидѣтели — скорѣе обвинители, говорящіе въ одинъ голосъ, посвященные даже въ даінныя предварительнаго слѣдствія, благодаря тому, что служатъ подѣ началомъ Д. И. Морозова и что, конечно, въ «Сѣверномъ» страховомъ обществѣ эти 7 лѣтъ только и разговору было, что объ этомъ дѣлѣ, какъ больномъ мѣстѣ общества.

«Экспертиза, особенно въ лицѣ г. Поляка, часто выступавшаго въ роли представителя единогласнаго мнѣнія гг. экспертовъ, не на высотѣ своего призванія. Она не высказала того спокойствія и достоинства, которыя позволяютъ съ довѣріемъ идти за ней въ выводахъ ея спеціального прикладнаго сложнаго знанія. Она была страстна, тороплива въ заключеніяхъ, недостаточно внимательна и вдумчива къ объясненіямъ подсудимаго, старалась проникать не только въ смыслъ, но и въ дѣла вопросовъ, особливо предлагаемыхъ защитой, слишкомъ довѣрчиво относясь къ возстановленнымъ Ганешинымъ книгамъ и подчасъ впадая въ противорѣчіе.

Документы (ордера, росписки, неизвѣстно когда составленная росписка Арбатскаго, найденная Шестериковымъ) мало убѣдительны, допускаютъ иное, не менѣе правдоподобное толкованіе. Способъ совершенія хищенія — грубъ, все слишкомъ открыто, демонстративно, — это не рука мастера, каковымъ считаютъ Арбатскаго, а или неумѣлаго подмастерья или мастера, старающагося по возможности выставить на показъ свою работу. Краски въ характеристикѣ Арбатскаго набросаны слишкомъ широкими мазками, въ грубыхъ, тяжелыхъ тонахъ. Но это — человѣкъ эксцентричный, искренній, рѣзкій лишь съ высшими, но подзрительный, и его подозрительность росла, питалась тѣмъ, что творилось вокругъ (порядки общества, способъ составленія протоколовъ правленія, низведеніе секретаря на должность простаго писаря, не допускавшагося даже въ заведенія правленія, несвоевременная сброшюровка и нумерація протоколовъ, зачастую исправленныхъ. Отсюда — и рѣшимость Арбатскаго уйти...

«Арбатскому бросаютъ упрекъ, стараясь вызвать антипатію къ нему, въ сутяжничествѣ, учиненіи, по выраже-

нію г. Пржевальскаго «цѣлой оргіи кляузничества». Съ раздраженіемъ побѣжденнаго противника и самомиѣніемъ позволяютъ себѣ говорить даже объ указѣ сената о выдачѣ Арбатскому свидѣтельства о службѣ по постановленію судебной палаты объ уничтоженіи преждевременнаго удостовѣренія о привлеченіи Арбатскаго въ качествѣ обвиняемаго, выданнаго судебнымъ слѣдователемъ г. Морозову, — объ этомъ позволяютъ себѣ говорить, какъ о судебныхъ ошибкахъ, — и все это потому, что Арбатскій здѣсь взялъ верхъ, оказавшись правымъ. Недовѣрчивостью, усилившеюся послѣ выдачи слѣдователемъ упомянутаго удостовѣренія, объясняется и неполная откровенность Арбатскаго на предварительномъ слѣдствіи. Вамъ говорятъ Арбатскій заносчивъ, огрубѣлъ, даже сожалѣнія не просить, а потому, дайте ему то, чего онъ добивается.

«Его все надо пощадить, хотя бы противъ его желанія: въ наше практическое время развѣ не жалокъ человѣкъ, дожившій до 47-ми лѣтъ и съ дѣтской наивностью убѣжденный, что можетъ выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ такой сплоченной грозной силой, какъ его противники. Здѣсь, съ одной стороны, весь финансовый московскій міръ (фамиліи все знакомы москвичамъ), почти всемогущій. Онъ 4 года молчитъ — все молчитъ. Онъ подалъ голосъ — и все, даже свидѣтели, вопіетъ, и экспертиза, служащая тому же родственному дѣлу, замѣтно прислушивается къ этому грозному голосу, а съ другой — одинокій Д. И. Арбатскій. Развѣ онъ не жалокъ. Пожалѣемъ его!»

Другой защитникъ Арбатскаго, прис. пов. Багряновскій, напомнивъ присяжнымъ засѣдателямъ заключеніе рѣчи г. Пржевальскаго, просилъ ихъ не забывать, что «какъ бы ни прекрасенъ былъ фейерверкъ, но въ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость что нибудь рассмотреть, — не годится свѣтъ даже самой роскошной кометы, а приходится взять въ руки обыкновенную свѣчу. Такой свѣчей пусть будетъ здравый смыслъ. Рассмотрѣвъ съ его помощью обстоятельства дѣла судьи совѣсти не могутъ

не придти къ убѣжденію, что если Арбатскій дѣйствительно похитилъ 16,880 р., то, какъ хорошій бухгалтеръ, онъ, конечно, зналъ, что запись дивидента на счетъ переходящихъ суммъ не скроетъ хищенія, что обнаружить эту махинацію вообще, а особенно бухгалтеру, — будетъ легко. Такимъ образомъ, онъ не могъ не предвидѣть, что въ случаѣ его ухода ему предстоитъ необходимость закрыть свое «преступленіе иными и болѣе радикальными путями—выдиранія цѣлыхъ страницъ изъ книгъ бухгалтеріи». И вотъ, предвидя это, онъ самъ заявляетъ правленію о своемъ уходѣ со службы, настойчиво требуетъ увольненія и лѣзетъ головой въ горящую печь, предпринимаетъ цѣлый рядъ дѣйствій, которыя вызываютъ неудовольствіе правленія, и, конечно, не даютъ ему права расчитывать, что покидаемое имъ общество не потребуетъ отъ него сдачи дѣлъ. Такъ поступить можетъ только или сумасшедшій, или же больной. Но вѣдь сумасшедшихъ не судятъ. А если онъ больной человѣкъ — «то холодный климатъ самыхъ отдаленныхъ сѣверныхъ странъ не исцѣлитъ его».

Указавъ далѣе, что домъ, прибрѣтенный Арбатскимъ и нынѣ проданный съ аукціона, былъ прибрѣтенъ на собственное имя, что имѣетъ большое психологическое значеніе для выясненія его невиновности, защитникъ упомянулъ о томъ, что и вечернія занятія Арбатскаго совершались на глазахъ у массы свидѣтелей и, конечно, уже однимъ этимъ теряютъ значенія возможныхъ уликъ. Остановившись на выводахъ экспертизы, Багриновскій, нашелъ ихъ крайне сбивчивыми и тѣмъ менѣе убѣдительными, что эксперты не сумѣли выполнить главной своей задачи — не сумѣли перевести языкъ своего спеціального значенія на обыкновенный человѣческій языкъ, замѣнивъ этотъ переводъ тѣмъ страстнымъ тономъ своихъ отвѣтовъ, въ которомъ слышалось не спокойное заключеніе свѣдующихъ людей, а обвинительный приговоръ для Арбатскаго.

Обративъ вниманіе гг. присяжныхъ засѣдателей на то, что всѣ данныя, добытыя слѣдствіемъ, не выдерживав

строгой критики, оставляють много мѣста для сомнѣнія, котораго не должно быть тамъ, гдѣ рѣшается участь людей, защитникъ замѣтилъ, что судъ долженъ быть не только правымъ и милостивымъ, но и скорымъ, чего нѣтъ во винѣ правленія общества. Растрата совершилась девять лѣтъ тому назадъ; естественно, что дѣло должно было совершенно «утратить свой букетъ», что въ дѣйствительности и вышло.

«Къ защитѣ уголовного закона можетъ прибѣгнуть лишь тотъ, замѣтилъ защитникъ, кто самъ этотъ законъ соблюдаетъ — отсюда самъ собой возникаетъ вопросъ — должны ли при условіяхъ настоящаго дѣла отвѣчать одни только сидящіе на скамьѣ подсудимыхъ, и можетъ ли судъ общественной совѣсти сказать, что публика, отдающая свои деньги въ обмѣнъ на акціи «Сѣвернаго» страхового общества, имѣетъ дѣло не съ бухгалтеромъ, не съ кассиромъ и не съ агентами, а съ правленіемъ. Гражданскіе истцы много говорили о томъ, что коммерческое дѣло основано на довѣріи, но почему же нибудь это довѣріе облакается въ уставъ. И если правленіе нарушало его, то имѣетъ ли оно право прибѣгать къ защитѣ уголовного закона?»

Защитникъ такъ закончилъ свою рѣчь:

«Обвинители все время говорили объ Арбатскомъ, какъ о бухгалтерѣ, но не надо забывать того, что онъ прежде всего человекъ, что за спиной этого человека 12 человекъ дѣтей — «ровно столько, сколько здѣсь васъ сидитъ, гг. присяжные засѣдатели», которыхъ ему надо кормить. При этихъ условіяхъ, когда на лицо одни сомнѣнія, вмѣсто твердо обоснованныхъ доказательствъ — обвинить человека и пустить по міру его семью — нельзя».

Изъ остальныхъ рѣчей защитниковъ сильное впечатлѣніе, какъ мы замѣтили, произвела рѣчь помощ. прис. повѣреннаго В. А. Маклакова. Мы помѣщаемъ ее въ томъ объемѣ, какъ намъ удалось ее записать.

Рѣчь Маклакова.

Съ каждымъ часомъ процесса растетъ ваше нетерпѣніе и, конечно, достигло высшей точки теперь, когда настала

очередь послѣднему слову защиты; но я все же, хотя не надолго, попрошу *всею* вашего вниманія. Я особенно настойчиво прошу его теперь послѣ вчерашняго дня. Съ утра до вечера раздавались вчера голоса обвинителей; прокуроръ и двое гражданскихъ истцовъ цѣлый день говорили на одну и ту же тему: о тѣхъ же подсудимыхъ, о тѣхъ же преступленіяхъ. Но въ этихъ рѣчахъ я не узналъ знакомые мнѣ фигуры подсудимыхъ, не узналъ того Сѣткина, какимъ я понимаю его, какимъ его единогласно рисовали свидѣтели. Рѣчь прокурора была спокойна и сдержана; но когда въ концѣ ея онъ изобразилъ Сѣткина хищникомъ, у котораго только одна страсть—страсть къ легкой наживѣ, то я не могу не сказать, что Сѣткинъ, о которомъ говорилъ прокуроръ, совсѣмъ не тотъ Сѣткинъ, что теперь сидитъ передъ вами. А рѣчь гражданского истца? Онъ рассказывалъ, какъ Сѣткинъ на краденныя деньги заводилъ лошадей, какія хитрыя и тонкія мѣры онъ принималъ, чтобъ скрыть свое преступленіе, онъ самое признаніе, которое Сѣткинъ далъ на судѣ, признаніе искреннее и простодушное, которое можно упрекнуть только въ излишней откровенности, назвалъ инсинуаціей; онъ говорилъ много и долго; говорилъ обо всемъ, кромѣ только гражданского иска, и чѣмъ болѣе я слушалъ его, тѣмъ болѣе мнѣ казалось, что рѣчь идетъ совсѣмъ не объ этихъ, знакомыхъ намъ, людяхъ, что я слушалъ обвинительную рѣчь по какому-то другому процессу. О какъ легко перейти всѣ границы, когда впадаешь въ патетическій тонъ! Фантазія гражданского истца увлекла его за предѣлы простой прозаической правды; фигуры преступниковъ пріобрѣли неестественный ростъ, преступленіе—чрезмѣрно яркія краски. Громить зло, бичевать преступленіе—благодарная тема; и увлекшись ей гражданскій истецъ забылъ про тѣхъ живыхъ, настоящихъ людей, которые ждутъ вашего приговора. И вотъ объ одномъ изъ этихъ людей, который совсѣмъ исчезъ за общей картиной порока, я и хочу вамъ напомнить.

Мнѣ, защитнику Сѣткина, не подобаетъ никого осуждать; каковы бы ни были порядки «Сѣвернаго Общества»,

Фактъ останется фактомъ. Растрата была совершена и пополнить ее Сѣткинъ оказался не въ силахъ; онъ во всякомъ случаѣ виноватъ; да вѣдь онъ и самъ себя не оправдывалъ. Вы помните, что въ тѣ тяжелые дни, когда началась его ликвидація, онъ кидался ко всѣмъ заправиламъ общества; онъ объ одномъ ихъ умолялъ, чтобы не торопились, чтобы ему дали время оправиться; онъ тогда себя не шадилъ; онъ кланялся въ ноги Морозовымъ, признавался въ растратѣ, называлъ себя негодяемъ.

Теперь, когда настало время свести его счеты съ правосудіемъ, вы будете далеки отъ крайностей; поступка его нельзя оправдать, но вы не будете судить его той шѣрккой, которой онъ клеймилъ самъ себя въ минуты отчаянія. Вы вспомните всѣ обстоятельства этого злополучнаго дѣла и скажете намъ: что Сѣткинъ — хищный преступникъ, или несчастный, запутавшійся человекъ? что передъ вами — корыстное преступленіе, желаніе поживиться чужимъ добромъ, или гораздо болѣе неосторожный, предосудительный расчетъ, который преступленіемъ сталъ отъ того, что этотъ расчетъ не удался? И тогда вы рѣшите: требуетъ ли правосудіе уголовного наказанія, чтобы не оставить преступленія безнаказаннымъ—или же за все то, что онъ сдѣлалъ, онъ уже понесъ наказаніе, и карать его еще—значить бить по лежащему? И задача моя, какъ защитника, не замалчивая его вины, помочь вамъ разобраться въ этомъ вопросѣ.

Вы судите преступленіе, и прежде всего надо опредѣлить, что за человекъ подсудимый. Это вдвойнѣ важно въ настоящемъ процессѣ. Еслибъ правленіе во время понимало, что за человекъ этотъ Сѣткинъ, то оно знало бы также, что онъ можетъ быть полезнымъ, незамѣнимымъ работникомъ, но только никакъ не въ томъ дѣлѣ, которое ему поручили; а что тамъ онъ непременно дойдетъ до бѣды. Еслибъ г. прокуроръ вѣрно представлялъ себѣ личность того, кто обвиняетъ, онъ не сказалъ бы того жестокаго слова, которое онъ ему бросилъ вчера; онъ не напомнилъ бы ему о сестрѣ, которую онъ разорилъ. Вѣдь Сѣткинъ не безсердечный, не безчувственный эгоистъ, которому

это надо напомнить; онъ добрый, хотя и запутавшійся человекъ, онъ самъ больно чувствуетъ свою вину передъ сестрою, и упрекать его въ этомъ теперь, когда онъ сидитъ за рѣшеткой—жестокость ненужная и безцѣльная.

Сѣткинъ—не преступникъ по натурѣ, но онъ одинъ изъ тѣхъ ненадежныхъ, непостоянныхъ людей, которые могутъ оказаться вреднѣйшій инстинктъ преступника. Всѣ свидѣтели, которые говорили о немъ, даже самые недружелюбные, какъ на основную, главную черту его характера указывали, что онъ человекъ легкомысленный, увлекающійся, рискованный, который любитъ все поставить на карту. Обвинители утверждали, что онъ больше всего любитъ легкую наживу, упоминали про биржевую игру. О, конечно, есть люди, которые на биржѣ играютъ только изъ-за корысти, которымъ въ жизни нужны только деньги и деньги. Но таковъ ли Сѣткинъ? Онъ играетъ на биржѣ, но онъ же страстный садоводъ, который ѣздитъ къ Чуракову въ имѣніе устраивать ему садъ, онъ любитель породистыхъ куръ, за которыхъ получаетъ призы, онъ лошадиный охотникъ; цвѣты, лошадей, куръ никто не любитъ изъ-за корысти. На лошадиной охотѣ никто не наживалъ капитала, а напротивъ лопались самыя солидныя состоянія. Не показываетъ ли это, что не корысть, а спортъ—основной двигатель Сѣткина, что самая биржа, такъ же какъ и куры и лошади, только капризные проявленія одной и той же беспокойной натуры?

Онъ играетъ на биржѣ, но и тутъ онъ остается вѣренъ себѣ; играетъ не втихомолку, не тайно, откладывая прибрѣтенныя деньги; какъ говорилъ здѣсь Морозовъ онъ вовлекъ въ эту игру всѣхъ служащихъ: вовлекъ не затѣмъ, чтобы ихъ подсидѣть, на ихъ счетъ поживиться; такіе люди живутъ на распахку; онъ всѣми руководитъ, даетъ имъ совѣты, радуется ихъ удачамъ. Вы слышали отъ Малиновскаго, какъ однажды онъ предложилъ товарищамъ какую-то биржевую комбинацію; прибыли они должны были раздѣлить пополамъ, а убытокъ, если онъ будетъ, Сѣткинъ весь возьметъ на себя. Они потерпѣли убытокъ,

и Сѣткинъ честно со всѣми разсчитался. Такъ ли поступаютъ корыстные, хищные люди?

Такія натуры имѣютъ еще одно свойство: они умѣютъ располагать къ себѣ людей; много въ нихъ открытаго, искренняго, доброжелательнаго. Этимъ даромъ въ высокой степени обладалъ Сѣткинъ; о немъ говорили свидѣтели. Но нужно ли еще свидѣтельствъ? факты сами за себя говорятъ. Сѣткинъ былъ въ Москвѣ безъ денегъ, безъ имени, безъ связей; прошло немного времени и вотъ онъ уже знаетъ половину Москвы, вотъ онъ крупнѣйшій агентъ, доставившій обществу на 50 тыс. въ годъ страхованій.

Но у этихъ людей есть и обратная сторона. Слишкомъ мало въ нихъ твердаго, устойчиваго, на что бы можно было положиться; слишкомъ легко ихъ легкомысліе можетъ перейти, незамѣтно для нихъ самихъ, въ преступленіе. Все хорошо, что хорошо кончается; но Сѣткины обыкновенно очень дурно кончаютъ. И тогда имъ ничего не прощаютъ: то въ чемъ при удачѣ, снисходительно видѣли легкую неосторожность, имъ вменяютъ въ злое преступленіе; то, что терпѣли, то, чему сами потворствовали, имъ ставятъ въ вину, мстятъ имъ за свои собственныя ошибки, за свое собственное довѣріе. Сѣткины при удачѣ бываютъ удобны и нужны; при несчастіи становятся опасны и вредны; ихъ бросаютъ тогда, какъ бросаютъ негодную тряпку. Все это на себѣ пришлось испытать и нашему Сѣткину. Перейдемъ же теперь къ его судьбѣ, къ исторіи его раззоренія, а затѣмъ преступленія.

Вы знаете, что въ 80-хъ годахъ Сѣткинъ занялся самымъ опаснымъ, хотя и заманчивымъ видомъ спорта — биржевою игрой. Это было дурно, и его за это должно осудить, но тотъ, кто самъ не испыталь на себѣ этотъ соблазнъ, въ него не броситъ камнемъ. Вы слыхали, гг. присяжные, какъ хладнокровные и серьезные люди входили иногда посмотреть игру на рулетку, только посмотреть изъ любопытства, чтобы видѣть, какъ бѣснуются люди — и выходили оттуда нищими. И это разсудительные, хладнокровные люди; а Сѣткинъ — не флегматикъ, не моралистъ, онъ игрокъ и рискуетъ по натурѣ. Судьба сдѣлала съ нимъ

то, что дѣлаетъ со всѣми, кого хочетъ погубить; она его любаловала удачей. У него не было ничего; въ годъ онъ выигралъ нѣсколько тысячъ, еще годъ—онъ сталъ богачемъ; потомъ въ недѣлю все потерялъ, опять отыгрался—и уже не могъ оторваться. Биржа какъ нельзя болѣе подошла къ его натурѣ. Если гдѣ-нибудь надо не долго обдумывать, не хитро разсчитывать, а ловить моментъ и сразу рѣшаться—то это на биржѣ. Въ эту биржу, съ ея школой, съ ея законами, съ ея привычками—ушелъ по уши Сѣткинъ. И это въ то самое время, когда по должности агента, онъ долженъ былъ возиться съ чужими деньгами, ежегодно собирать по городу и отвозить въ правленіе 50 тысячъ рублей!

Что самъ Сѣткинъ не сознавалъ, что играя на биржѣ, нельзя собирать чужихъ денегъ, что это прямымъ путемъ приведетъ къ уголовщинѣ—это понятно: люди спятъ на Везувіи. Но что само правленіе ему это позволяло—это уже странно. Вы слышали, что въ 86 году Морозовъ обязалъ его подпиской на биржѣ не играть, и даже, снявъ со стѣны образъ, заставлялъ его въ этомъ поклѣяться. Но вы видѣли Морозова; онъ сѣдой человѣкъ и совсѣмъ не наивный; какъ же могъ онъ повѣрить зарокамъ и клятвамъ игрока? И притомъ какъ повѣрить? Такъ что потомъ онъ ни разу не поинтересовался узнать, держитъ ли Сѣткинъ клятву, и въ разгаръ его игры, о которой знало все общество, онъ одинъ, Морозовъ, не зналъ ничего. Невольно спрашиваешь себя: полно, правда ли это? И я долженъ здѣсь коснуться щекотливаго пункта. Сѣткинъ показывалъ, что Морозовъ отлично зналъ про его игру, что Морозовъ и самъ игралъ и пользовался его услугами. Морозовъ и правленіе энергично это отрицали, а гражданскій истецъ называлъ показаніе Сѣткина инсинуаціей. Если такъ, то я этого обойти не могу. Что игра Морозова для Сѣткина не оправданіе, что ему объ этомъ говорить было незачѣмъ, что это—откровенность излишняя,—все это правда. Но чтобы это была ложь и инсинуація—нѣтъ! Я этотъ вопросъ—охотно бы оставилъ въ сторонѣ; но его

касается гражданскій истецъ. Дѣлать нечего; исчерпаемъ его до конца.

Обыкновенно свидѣтелямъ вѣрять больше, чѣмъ подсудимому, такъ какъ они не заинтересованы въ своихъ показаніяхъ. Здѣсь же какъ разъ наоборотъ. Что выгадывалъ Сѣткинъ, клевета на Морозова? Себя онъ этимъ не оправдывалъ, а за то вооружалъ противъ себя Морозова, правленіе, а за ними гражданскихъ истцовъ. Въ показаніи этомъ для Сѣткина такъ мало выгодъ, что оно сдѣлано не по расчету, не для спасенія, а только въ силу той излишней болтливости, съ какой вообще онъ давалъ свои показанія. Сѣткинъ слишкомъ увлекся воспоминаніями, и наговорилъ много такого, о чемъ для него было-бы лучше молчать; но за то во всемъ томъ, что онъ говорилъ, вы не найдете неправды. Наоборотъ для Морозова показаніе это такъ важно, что онъ заинтересованъ въ немъ несравненно болѣе Сѣткина. Скажу прямо: нельзя и думать, чтобы Морозовъ рѣшилъ его подтвердить. Раскрыть при всѣхъ свою личную и коммерческую тайну, сознаться, что стоя во главѣ учрежденія, онъ играетъ на биржѣ, что цѣна акцій колеблется имъ ради биржевой спекуляціи было бы шагомъ, котораго, быть можетъ, и не имѣлъ права дѣлать Морозовъ. Чтобы откровенно все это раскрыть—мало быть правдивымъ человѣкомъ; надо имѣть еще много гражданского мужества, и очень доброе сердце!

Да, въ этомъ вопросѣ роли ихъ таковы, что подсудимому можно вѣрить больше, чѣмъ свидѣтелю. Но этого мало; въ дѣлѣ есть доказательства: письма Морозова къ Сѣткину. И какое наивное объясненіе даетъ этимъ письмамъ Морозовъ!

Морозовъ пишетъ Сѣткину, чтобы онъ продолжалъ извѣщать его о цѣнѣ акцій, но только не телеграммами; значить раньше Сѣткинъ посылалъ телеграммы?

По словамъ Морозова, это было вызвано желаніемъ продать нѣсколько акцій для покупки имѣнія, что справка должна была быть взята не на биржѣ, а въ конторѣ. Все это неправдоподобно отъ слова до слова! Почему же Морозовъ даетъ эти порученія Сѣткину? Почему же

справку онъ не беретъ въ своей собственной конторѣ? Въ чему же эти постоянныя извѣщенія письмами и депешами, когда рѣчь идетъ только о продажѣ нѣсколькихъ акцій.

А посмотрите другое письмо члена ревизіонной комиссіи Шютца; изъ него уже ясно до очевидности слѣдуетъ, что Сѣткинъ и Шютцъ вмѣстѣ играютъ на биржѣ. Вспомнимъ, наконецъ, показаніе Малиновскаго, что Сѣткинъ при всѣхъ, публично рассказывалъ въ обществѣ объ удачной игрѣ конца 80-хъ годовъ. Вспомнивъ все это, и вы убѣдитесь, что игра велась не секретно, что объ ней знали всѣ, а прежде всѣхъ, конечно, Морозовъ.

Морозовъ правъ, играя на биржѣ—и въ этомъ упрекать его я не могу; правъ онъ и въ томъ, что въ этомъ не хочетъ признаться; это его личное дѣло. Но тогда объ этомъ надо молчать, а не обвинять другихъ въ клеветѣ.

И Морозовъ не потерялъ бы ничего, если-бы этого вопроса совсѣмъ не затрогивалъ.

Но возвратимся къ Сѣткину.

Чтобы играя на биржѣ, собирать чужія деньги и въ концѣ концовъ не запутаться среди всѣхъ этихъ счетовъ и сборовъ—было одно спасеніе: завести для этихъ денегъ особый карманъ—и сдавать ихъ въ кассу немедленно по полученіи. Но Сѣткинъ, конечно, не былъ способенъ на такую нѣмецкую аккуратность; онъ эти деньги мѣшаетъ съ своими, онъ себѣ позволяетъ ихъ тратить. Дѣлаетъ онъ это безъ всякой цѣли ими поживиться, въ полной увѣренности, что онъ эти деньги вернетъ:—легкомысленная надежда, которая, уже столькохъ людей привела къ уголовницѣ! И надо сознаться, что сама практика общества разрѣшала такой беспорядокъ. Общество не требовало, чтобы полученные агентами деньги вносились въ кассу немедленно; оно заранѣе выдавало на любую цифру готовыя квитанціи, и слѣдило только за тѣмъ, чтобы къ концу года всѣ деньги были заплачены. Оно какъ-бы говорило агентамъ: «можешь держать у себя эти деньги, сколько захочешь, но только доставь ихъ къ концу отчетнаго года». И оно не только позволяло держать, оно разрѣшало ихъ тратить. Между

агентомъ и обществомъ шелъ сложный расчетъ; агентъ былъ долженъ обществу, но и общество было должно агенту, — жалованье, наградные, коммисіонные. Случалось, что агентъ не приносилъ всѣхъ слѣдующихъ денегъ; это не считали растратой, недостатокъ зачитывали въ коммисіонныя. Такая практика общества была на руку Сѣткину; какъ человѣкъ богатый, онъ могъ спокойно тратить общественныя деньги, зная, что къ концу отчетнаго года онъ внести ихъ можетъ въ кассу; какъ биржевой игрокъ, онъ всегда нуждался въ излишнихъ деньгахъ, въ кредитѣ. И вотъ у него устанавливается крайне опасный порядокъ; онъ собираетъ съ страхователей деньги, тратитъ ихъ, а къ концу года аккуратно пополняетъ растрату. И такъ тянется нѣсколько лѣтъ. 50 тысячъ ежегодно проходятъ черезъ его руки, и къ рукамъ не пристаётъ ничего.

Но вотъ въ 1890 году съ Сѣткинымъ случилось то, чѣмъ всегда кончается биржевая игра; онъ раззорился. Но онъ духомъ не падаетъ; ему и раньше случалось раззоряться и снова отыгрываться. Нужны деньги — онъ опять беретъ страховыя. Это уже становилось опасно. Но во первыхъ, какой же игрокъ не надѣется на счастье? во вторыхъ, если у Сѣткина уже не было денегъ, то еще было много имущества — были дорогіе лошади, экипажи и пр. У него было чѣмъ покрыть неудачу. Да онъ и не ждетъ неудачи; въ полной увѣренности, что еще нѣсколько дней и счастье вернется, онъ, вмѣсто того, чтобъ немедленно продавать лошадей, держалъ по прежнему всю конюшню, держалъ наѣздника, даже строилъ павильонъ на куриную выставку. Но счастье перестало улыбаться Сѣткину — онъ опять все потерялъ. И вотъ начинаются ужасные дни: два года онъ бьется на биржѣ, въ правленіе совѣтъ не заглядываетъ; какъ утопающій за соломенку онъ хватается за всякія деньги: за страховыя, занимаетъ у друзей, родныхъ, сестеръ. Но деньги всѣ пропадаютъ на биржѣ, и петля затягивается все туже и туже. Сѣткинъ чувствуетъ, что онъ заигрался, чувствуетъ, что онъ обществу долженъ; сколько — онъ и самъ не знаетъ; вѣдь этимъ деньгамъ онъ счетъ давно потерялъ, вѣдь онъ ихъ

не записывалъ; быть можетъ, какъ истый игрокъ онъ боялся даже дать себѣ отчетъ въ томъ, что теперь происходитъ. Но онъ долга своего не скрывалъ; въ 1892 г. онъ выдалъ обществу обязательство; въ 93 году онъ обезпечиваетъ это обязательство своими лошадьми, самъ опять спѣшить на биржу поставить послѣднюю карту.

Но всему приходитъ конецъ. Правленіе послало къ Тилу за справкой. Сѣткинъ упрощаетъ. Тилъ подождать нѣсколько времени; чувствуя что онъ уже погибъ, онъ бросаетъ надежду на счастье, бросаетъ биржу, приступаетъ къ ликвидаціи дѣлъ, продажѣ лошадей, мѣховаго магазина и пр. Но и на это времени уже не было. Дѣло дошло до Морозова. Сѣткинъ умоляетъ и его обождать, предлагаетъ ему въ уплату растраты взять все, что оставалось у него, самому распродать все имущество. Морозовъ не согласился. Всѣми мѣрами Сѣткинъ оттягивалъ время; то просить, то скрывается отъ правленія, ссылаясь на болѣзнь, то начинаетъ грозить разоблаченіями. Ничто не помогаетъ; покупщики уже знали про бѣду и твердо держали цѣну. Лошади пошли за безцѣнокъ, продажа мѣховъ кромѣ убытка ничего не дала. Сѣткинъ просилъ помочь ему своего богатого тестя Жемочкина, котораго онъ когда-то выручилъ изъ несчастія; но ему пришлось увидѣть, что его не дорого цѣнять въ бѣдѣ. Правленіе предлагаетъ замѣчательно снисходительную мировую, оно проситъ только 14 т. Жемочкинъ торгуется, предлагая 12; правленіе уступаетъ—Жемочкинъ даетъ только 10. Сѣткинъ видитъ эту торговлю, умоляетъ о помощи—напрасно! А тутъ раскрылась растрата Журавлева, правленіе прервало переговоры о мирѣ, и Сѣткинъ остался одинъ, безъ денегъ, безъ родни, уголовнымъ преступникомъ!...

Конечно, разъ Сѣткинъ денегъ не внесъ—то это растрата. Но бываетъ растрата и растрата. Я понимаю растрату кассира, который въ одинъ прекрасный день скрывается съ ввѣренной ему кассой, и затѣмъ подъ чужимъ именемъ пользуется плодами своего преступленія. Я понимаю растрату того, кто систематически изо дня въ день утаивалъ, тратилъ чужія деньги, скрывалъ это фальши-

выми, подложными счетами. Въ этихъ случаяхъ преступленіе сознательно.

Ничего подобнаго у Сѣткина не было. Онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ скрыть свою растрату, онъ былъ у всѣхъ на виду; все то, что онъ растратилъ, числилось въ долгахъ, въ незаконныхъ долгахъ за страхователями. Стоило навести у нихъ справку и тотчасъ все обнаружилось. Этого мало. Сѣткинъ ее не скрываетъ, онъ самъ ее обнаруживаетъ, самъ на нее обращаетъ вниманіе. Еще раньше чѣмъ она открылась, онъ выдалъ на себя обязательство въ пополненіи удержанныхъ денегъ, обезпечиваетъ его лошадыми. Не показываетъ ли это, что Сѣткинъ не имѣлъ никакого желанія этими деньгами пожитъ, что онъ исполнѣ добросовѣстно намѣревался всю растрату покрыть, и что, слѣдовательно, вся бѣда его въ томъ, что онъ этого намѣренія исполнить не могъ; словомъ преступленіе Сѣткина оказалось не столько въ томъ, что онъ бралъ эти деньги, сколько въ томъ, что онъ раззорился. Вотъ почему я, не отрицая уголовного характера его дѣла, не могу не сказать всетаки, что оно ближе подходитъ къ гражданской несостоятельности.

Сѣткинъ такъ мало дѣлалъ, чтобы скрыть свою растрату, что никто не повѣрилъ, чтобы завѣдующій 'отдѣломъ' могъ не знать про нее, и Макарова-Землянскаго обвинили въ укрывательствѣ. Это несправедливое обвиненіе. Не я призванъ защищать здѣсь Макарова, но на одно я не могу не указать. Было время, когда Сѣткинъ, повинувшись дурному совѣту, для того, чтобы спасти себя, старался запутать другихъ; онъ показалъ и на Макарова; онъ указалъ на одно какое то несвоевременное оприходованіе, на 4 красныхъ ордера, неправильно выданныхъ. И только. Такъ неужели же, еслибъ его растрата была съ вѣдома Макарова, еслибъ онъ могъ оговорить его какъ сообщника, онъ тогда не сдѣлалъ бы этого? неужели же этотъ пустой оговоръ не показывалъ, что ему оговаривать было не въ чемъ, что если Макаровъ въ чемъ либо виноватъ, то только въ халатности, въ излишнемъ довѣріи къ кредитоспособности Сѣткина?

Самъ законъ различаетъ растрату хищную, сдѣланную ради корысти, и растрату совершенную по одному легкомыслию. И вотъ г. прокуроръ предупреждаетъ васъ, гг. присяжные, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ легкомыслія. Но такъ ли это? Мнѣ даже странно настаивать на легкомыслии Сѣткина, когда вся жизнь его есть одно сплошное легкомысліе, когда объ этомъ въ одинъ голосъ говорили свидѣтели. Вспомните всѣ показанія даже юдей, наименѣе къ нему расположенныхъ; всѣ они повторяли, что Сѣткинъ человѣкъ легкомысленный; правда не всѣ могли хорошо обосновать свое мнѣніе, правда на вопросъ, въ чемъ именно они видѣли это легкомысліе, отвѣтъ иногда былъ наивенъ. Но на такой вопросъ вѣдь трудно отвѣтить. Мнѣніе о человѣкѣ составляютъ не по одному рѣзкому факту, которое надолго остается въ памяти, а по совокупности мелкихъ наблюденій, мелкихъ впечатлѣній, которыя опредѣляютъ взглядъ человѣкъ на человѣка. И вся совокупность такихъ фактовъ, для насъ незнакомыхъ, во всѣхъ свидѣтеляхъ оставила одно впечатлѣніе, что Сѣткинъ человѣкъ легкомысленный.

Да вспомните и сами вы, гг. присяжные, отдѣльные эпизоды, отдѣльные черты въ жизни Сѣткина, которые вамъ извѣстны, и скажите, развѣ онѣ этого общаго вывода не подтверждаютъ?

Человѣкъ уговариваетъ пріятелей сыграть вмѣстѣ съ нимъ на биржѣ, предлагаетъ свой планъ, свои услуги, причемъ прибыль предлагаетъ дѣлить пополамъ, а убытокъ беретъ на себя; терпитъ убытокъ и честно совсѣми расплачивается—что это корысть или легкомысліе?

Человѣкъ, въ то время, когда ему уже грозитъ уголовщина, когда растрата на лицо, закрываетъ на нее глаза, и вмѣсто того, чтобъ поскорѣе ликвидировать и даже спрятать свое имущество, вмѣсто того, чтобъ успѣть какъ можно болѣе спасти отъ погрома, скрыть куда-либо результаты хищенія—тратится на послѣднее, устраивая павильонъ на куриной выставкѣ—что это корысть или легкомысліе?

Я понимаю, что можно сказать, что легкомысліе не есть оправданіе, что легкомысліе все же есть преступленіе—

все это такъ; но утверждать, что самая растрата сдѣлана не по легкомыслію, а изъ корысти, съ сознательнымъ желаніемъ воспользоваться чужими деньгами, значить совсѣмъ не понимать дѣянія Сѣткина.

Но для признанія растраты легкомысленный законъ ставить другое условіе; должно быть добровольные обязательство растрату пополнить.

Гг. присяжные! Отъ такого обязательства Сѣткинъ не отказывается; если его потребуютъ, онъ дастъ его въ какой угодно формѣ. И не виняйте ему въ вину, что онъ не далъ его до сихъ поръ; развѣ вы не видите, что для Сѣткина, у котораго нѣтъ ничего, который живетъ теперь только благодаря помощи двухъ добрыхъ людей, что для Сѣткина давать обязательство въ 50 ли тысячъ, въ 20-ли, въ двѣ-ли тысячи—значить давать пустое обязательство, котораго онъ все равно не можетъ исполнить? Прошло то время, когда онъ могъ выдавать обязательства, когда у него было чѣмъ ихъ обезпечить. А теперь добровольно, по собственному почину обязываться—было бы неискренней дерзостью; все—что онъ можетъ сдѣлать,—что онъ и дѣлалъ, это обѣщать передъ вами, что онъ употребитъ всѣ старанія, всѣ усилія, если когда либо станетъ на ноги, чтобы свою растрату пополнить. Это—платоническое обѣщаніе; но не смѣйтесь надъ нимъ: вѣдь это значило бы смѣяться надъ бѣдностью.

Но не только теперь, когда ему грозитъ уголовная кара, онъ готовъ дать обязательство, онъ и раньше отъ него не отказывался. Вы помните, что еще въ 92 и 93 годахъ онъ самъ добровольно выдавалъ на себя обязательства: вы помните, что въ 1893 году, когда Морозовъ узналъ о растратѣ, Сѣткинъ предлагалъ ему взять все свое имущество, все что у него оставалось и тѣмъ пополнить растрату. Этого мало. Когда правленіе, не согласилось на это, предложило Сѣткину льготныя условія примиренія, потребовало отъ него всего 12 т.,—развѣ Сѣткинъ виновать, что такое примиреніе не состоялось. Вѣдь у него этихъ денегъ уже не было: съ правленіемъ торговался Жемочкинъ. А Сѣткинъ? Вы слышали изъ показанія Шютце,

что Сѣткинъ горько жаловался на скупость Жемочкина, что онъ умолялъ его помочь ему, что онъ плакался на то, что тестъ, котораго онъ когда-то выручилъ изъ бѣды, жалѣеть для него 2 т., а жена, которой въ годъ удачи онъ подарилъ 50 т., теперь за него не хочетъ дать ни копейки. Горько, конечно, и теперь особенно горько Сѣткину, что судьба его рѣшилась изъ-за 2 т., но можно ли упрекнуть его самого въ томъ, что онъ не хотѣлъ пополнить растрату?

Но вотъ гражданскіе истцы говорятъ съ торжествомъ и усмѣшкой: вѣдь послѣ ликвидаціи у Сѣткина все же осталось хотя нѣсколько денегъ, хотя нѣсколько тысячъ; а между тѣмъ онъ въ правленіе не внесъ ничего.

Да, это правда. Но вы ли, судьи совѣсти, его упрекнете за это? Долгъ обществу былъ не единственный и даже не главный долгъ Сѣткина. Допустимъ, что, какъ говорить гражданскій истецъ, Сѣткинъ обществу былъ многимъ обязанъ. И общество было обязано Сѣткину. Въ той конкуренціи между страховыми обществами, въ той погонѣ за страхователями, которые достигаютъ смѣшныхъ размѣровъ въ настоящее время, Сѣткинъ сослужилъ Сѣверному обществу добрую службу; онъ доставилъ ему страхователей на 50 тыс. въ годъ. Ежегодно 50 тыс. рублей, благодаря Сѣткину, вносились и теперь вносятся въ кассу правленія. Этого мало. Изъ этихъ 50 тыс. есть 5 т., которыя по условію принадлежали самому Сѣткину, какъ комиссіонеру; теперь онъ ихъ не получаетъ, со страхователей они не скинуты, другимъ агентамъ не переданы—они остаются въ пользу общества. Не даромъ правленіе, говоря о мировой, предлагало Сѣткину погасить его векселя удержаніемъ этихъ денегъ; мировая не состоялась, Сѣткинъ преданъ суду, но эти деньги, эти 5 тыс. въ годъ, все-таки ежегодно поступаютъ какъ излишекъ въ кассу правленія. Неужели же эти деньги не стоятъ ничего, сами собой не пополняютъ растрату?

У Сѣткина осталось много долговъ, тяжелыхъ и неплатныхъ долговъ; о нихъ онъ самъ вамъ сказалъ. Эти долги, которые ни грозятъ ни уголовщиной, ни даже граж

данскимъ взысканіемъ, долги близкимъ людямъ, которые хотѣли помочь ему и которыхъ онъ раззорилъ вмѣстѣ съ собою, долги роднымъ, сестрамъ. Эти долги—большое мѣсто Сѣткина, а посильная уплата ихъ должна составить главную заботу, главный смыслъ послѣднихъ годовъ его неудавшейся жизни.

А общество, которое онъ не раззорилъ, а которому доставилъ на 50 тыс. въ годъ страхованій, которое съ легкимъ сердцемъ списало со счетовъ растрату, и которое, наложивъ руку на его главный доходъ, само собой, безъ всякаго суда, постепенно пополняетъ растрату, это общество можетъ ли требовать, чтобы ради него онъ забылъ про другіе долги? Да! еслибы Сѣткинъ поступилъ такъ, какъ ему здѣсь совѣтуютъ, еслибы тѣ нѣсколько тысячъ, что у него уцѣлѣли отъ погрома, онъ отдалъ не сестрамъ, а обществу, онъ бы спасся отъ скамьи подсудимыхъ; но и свободный, онъ былъ бы тогда въ тысячу разъ больше виноватъ, и въ тысячу разъ больше преступенъ, чѣмъ теперь на этой скамьѣ!

Онъ виноватъ въ легкомысленной растратѣ: но развѣ онъ еще мало наказанъ? Судьба покарала его съ той жестокостью, съ которой она караетъ только баловней счастья. Еще недавно ему улыбалась удача; жизнь впереди сулила ему много радостей. И все это пропало, пропало навсегда; кто такъ упалъ, опять не поднимется. Не смотря на весь свой оптимизмъ, на все свое легкомысліе, Сѣткинъ не можетъ не знать, что въ 43 года начинать снова жизнь уже поздно. Сравните того счастливаго Сѣткина, у котораго голова была полна плановъ, который шелъ все въ гору и въ гору съ тѣмъ разбитымъ человѣкомъ, который сидитъ передъ вами, который уже все потерялъ, что только можно терять — и скажите, нуженъ ли правосудію обвинительный приговоръ?...

Я прошу оправданія Сѣткину, и не думаю, чтобы эта просьба грѣшила противъ правосудія. Въдѣ онъ принесъ сюда повинную голову, онъ пришелъ не отрицая вину. Оправдательный приговоръ не облить его дѣла; растрата останется растратой, преступленіе — преступленіемъ; онъ

не вернуть Сѣткину ни денегъ, ни безупречнаго имени. Но онъ покажетъ, этотъ приговоръ—и это будетъ правда—что въ дѣяніи Сѣткина, какъ бы предосудительно оно ни было, больше несчастія, чѣмъ преступленія, больше неосторожности, нежели той злой воли, смѣющейся надъ правосудіемъ, которую вы призваны карать.

Вы помните, гг. присяжные, какъ третьяго дня сюда пришелъ свидѣтель Жемочкинъ; тестъ и зять не любили другъ друга. Жемочкинъ—тотъ человѣкъ, который пожалѣлъ 2 тыс. рублей, чтобы спасти Сѣткина отъ суда; Жемочкинъ—отецъ жены Сѣткина, которая теперь его бросила. Жемочкинъ и Сѣткинъ—плохіе родственники, вѣрнѣе враги; отъ него нельзя было ждать про подсудимаго хорошаго слова. И вотъ гражданскій истецъ, зная это, предложилъ свидѣтелю тотъ вопросъ, котораго онъ не предлагалъ ни одному изъ свидѣтелей: онъ спросилъ его о характерѣ Сѣткина... Но случилось то, чего никогда не предвидѣлъ. Когда Жемочкинъ увидѣлъ этого Сѣткина, онъ понялъ, что несчастіе все искупило, что въ чемъ бы онъ ни былъ виноватъ передъ нимъ, осуждать его теперь было грѣшно, и онъ могъ сказать только то, что онъ думалъ: «Сѣткинъ былъ прекрасный человѣкъ» .. и разрыдался. И какъ бы въ отвѣтъ ему со скамьи подсудимыхъ послышались рыданія Сѣткина. Доброе слово заставило и его забыть, что передъ нимъ человѣкъ, который его погубилъ, заставило и его заплакать слезами раскаянія. Скажите же и вы ему тоже доброе слово, помогите ему снова стать на ноги—и не губите его.

Послѣ напутственнаго слова г. предсѣдателя, произведшаго подробную оцѣнку всѣхъ данныхъ судебного слѣдствія, гг. присяжные засѣдатели удалились въ совѣщательную комнату. Въ этотъ моментъ раздался чей-то женскій крикъ изъ публики:

— «Гг. присяжные! Арбатскій не виноватъ, клянусь Богомъ!». Предсѣдатель распорядился вывести кричавшую.

Послѣ двухчасового совѣщанія присяжные засѣдатели признали всѣхъ подсудимыхъ не виновными, причемъ самыя факты преступленій, за исключеніемъ растраты Сѣткина, признаны недоказанными. Гражданскіе иски оставлены безъ разсмотрѣнія.

Оправдательный вердиктъ, вынесенный въ 1 ч. 10 м. ночи, былъ встрѣченъ горячими аплодисментами, принудившими г. председателя отдать приказаніе очистить залу.

Н. П. Шубинскій.

Д Ъ Л О
ПО ОБВИНЕНІЮ ВЪ ПОДЖОГЪ.

Р Ъ Ч Ъ

въ защиту Э. Межака.

Дѣло Эдуарда Межака и Елисаветы Шамониной.

Ярославскій Окружный Судъ, 1898 г.

Семнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка Елизавета Шамонина предана была суду по обвиненію въ поджогѣ барскаго дома въ имѣніи Слободищи, а опекунъ надъ этимъ имѣніемъ, венденскій гражданинъ Эдуардъ Межакъ въ подстрекательствѣ къ совершенію этого поджога съ цѣлью полученія страховой преміи.

Эдуардъ Межакъ былъ во время пожара въ Ярославлѣ. Ему дана была телеграмма о случившемся. Онъ, поспѣшно вернулся домой, тотчасъ-же сдѣлалъ о пожарѣ соотвѣтствующее заявленіе страховому обществу.

На 7-й день, послѣ пожара, въ усадьбу пріѣхалъ изъ Москвы инспекторъ страхового общества, г. Шестериковъ, и такъ какъ, по уставу общества, страхователь получаетъ страховую премію за пожарные убытки лишь въ томъ случаѣ, если представить опись сгорѣвшаго не позже 8-го дня послѣ пожара, то г. Шестериковъ и предложилъ Межаку немедленно эту опись составить. А такъ какъ у Межака таковой не было, она сгорѣла, то г. Шестериковъ предложилъ ему составить ее на память.

Такъ Межакъ и сдѣлалъ, и, перечисляя всю находившуюся въ домѣ движимость и проставляя цѣну каждой отдѣльной вещи, насчиталъ ихъ на сумму свыше 13,000 руб.

Шестериковъ сталъ торговаться, и съ этой суммы была сдѣлана скидка 4,000 руб., и, такимъ образомъ, Межакъ согласился получить лишь 9,000 руб., въ чемъ съ него Шестериковымъ и была взята подписка.

Повидимому, этимъ дѣло и должно было закончиться, такъ какъ стороны пришли къ миролюбивому соглашенію.

Но случилось иначе.

По поводу возникновенія пожара было начато дознание, и при опросѣ всѣхъ обитателей усадьбы, всѣ первоначально отозвались незнаемъ. Но спустя нѣкоторое время послѣ этого, Шамонина поссорилась съ напившимся работникомъ Богдановымъ, и тотъ попрекнулъ ее тѣмъ, что она передъ пожаромъ вмѣстѣ съ бариномъ вывозила изъ имѣнія вещи. Шамонина, возмущенная такимъ упрекомъ, плюнула ему въ лицо, завязалась брань, которую услыхалъ и Межакъ; послѣдній, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ-же расчелъ Богданова и его сожительницу, кухарку Ольгу Курочкину.

Разсерженная этимъ Курочкина стала открыто грозить, что отомститъ Шамониной, что и ее и Межака она засадитъ въ каменный мѣшокъ, и стала вездѣ выражать предположеніе, что поджогъ дома совершенъ Шамониной, будто бы находившейся съ Межаковымъ въ связи, что сдѣлано это ею съ цѣлью полученія бариномъ страховой преміи, и это свое предположеніе подтверждала тѣмъ, что Шамонина велѣла вкатить боченокъ съ керосиномъ въ домъ; что ключи отъ этого дома были у Шамониной, и что вечеромъ, въ день пожара, Шамонина заставляла ее колоть лучину и куда то ее унесла, а потомъ вечеромъ неоднократно куда-то отлучалась изъ людской, и послѣ послѣдняго ея ухода вскорѣ начался въ домѣ пожаръ.

Со словъ Курочкиной все это стало повторяться въ деревнѣ и другими и попало въ актъ дознанія. Этотъ актъ дознанія и былъ переданъ слѣдственной власти.

Исходя изъ соображенія, что поджогъ могъ быть совершенъ тѣмъ, кому пожаръ представлялся выгоднымъ, слѣдствіе и пошло по слѣдамъ Курочкиной, собирая доказательства въ томъ же направленіи.

Противъ Межака и Шамониной ясныхъ опредѣленныхъ уликъ, подтверждающихъ ихъ виновность, совѣтъ не было. Обвинительной власти пришлось построить все обвиненіе исключительно на косвенныхъ уликахъ, на томъ, что под-

жогъ представлялъ выгоду для Межака. При чтеніи обвинительнаго акта, искусно сгруппированныя улики заставляютъ слушателя вѣрить въ виновность обвиняемыхъ. Исходомъ этого дѣла глубоко интересовалось мѣстное Общество.

Дѣло слушалось 14 и 15 марта въ Ярославскомъ окружномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда Н. А. Манасеина. Обвиненіе поддерживалъ товарищъ прокурора Поповъ, Межака защищалъ присяжный повѣренный Шубинскій, Шамонину—присяжный повѣренный Иваншинъ.

Вотъ обвинительный актъ, по которому преданы суду Межакъ и Шамонина.

Въ 11 часу ночи на 5 ноября 1896 года, въ предѣлахъ Спасъ-Ярыжицкой волости, Ярославскаго уѣзда, въ имѣніи Слободищи наслѣдниковъ дворянина Ханыкова сгорѣлъ до тла со всѣмъ бывшимъ въ немъ движимымъ имуществомъ большой обитаемый домъ, застрахованный въ Сѣверномъ Страховомъ Обществѣ, въ суммѣ 10390 руб. Пожаръ былъ усмотрѣнъ рабочими имѣнія въ то время, когда было охвачено сплошь огнемъ парадное крыльцо дома, находившееся въ сторонѣ отъ обитаемой части его и бывшее всегда закрытымъ и съ заколоченными изнутри окнами, такъ какъ служило оно складомъ для разнаго хлама и имъ вообще никогда не пользовались. Причина пожара владѣльцами имѣнія и прислугой при первоначальномъ дознаніи была отнесена къ умышленному поджогу, но подозрѣнія въ таковомъ ни на кого указано не было.

Между тѣмъ предварительнымъ по этому поводу слѣдствіемъ были установлены слѣдующія данныя:

Со смертію въ 1895 г. собственника имѣнія дворянина Николая Александровича Ханыкова Слободищи съ землею, постройками и движимымъ въ домѣ имѣніемъ, а также четыре дома въ г. Ярославлѣ перешли въ пожизненное владѣніе наслѣдницы покойнаго, матери его Надежды Васильевны Ханыковой, которая и приняла все имущество по Слободищамъ по охранительной описи, составленной въ октябрѣ того же года судебнымъ приставомъ Ярославскаго окружнаго суда Воскресенскимъ. Со смертію же Надежды Ханыковой все означенное имущество, а равно и имущество

ея лично, описанное въ охранительномъ порядкѣ въ г. Ярославлѣ 19 мая 1896 г. судебнымъ приставомъ Неподаевымъ, поступило ея малолѣтней внукѣ отъ родной дочери—Софьѣ, 10 лѣтъ, при чемъ тогда же въ управленіе всѣмъ наслѣдственнымъ имѣніемъ вступилъ въ качествѣ опекуна отецъ послѣдней, гражданинъ г. Вендена Лифляндской губерніи Эдуардъ Александровъ Межакъ, проживавшій послѣднее время отдѣльно отъ жены съ дочерью и отъ тещи въ качествѣ бухгалтера завода Товарищества Любимовъ Сольве и К° на Донцѣ. Явившись въ Ярославль съ однимъ небольшимъ саквояжемъ и чемоданомъ и поселившись по вступленіи въ права опекуна въ Слободищахъ, Межакъ принялся за веденіе сельскаго хозяйства, при чемъ, однако, вскорѣ заговорилъ, что имѣніе бездоходное, даетъ убытокъ (дефицитъ въ оборотахъ виденъ и по отчету его представленному за 1896 годъ Сиротскому суду, въ немъ дохода по всему имѣнію съ домами въ городѣ за годъ показано 3478 р. 20 коп., а расходы свыше 10000 руб.), и что онъ по этому думаетъ все наслѣдственное имѣніе реализовать въ капиталъ и уѣхать.

При такихъ обстоятельствахъ днемъ 11 августа 1896 года Межакъ явился въ контору агента Сѣвернаго Страхового Общества Бернацкаго и убѣдительно просилъ, ложно ссылаясь на требованіе опекунскаго Управленія, немедленно застраховать на его имя находящееся въ домѣ въ с. Слободищахъ, застрахованномъ ранѣе на имя наслѣдниковъ Ханыкова, движимое имущество его и состоящей у него подъ опекой дочери его и освѣдомившись, что провѣрка наличности и состава имущества зависитъ отъ агента и, вѣроятно, производиться не будетъ, поименовалъ огуломъ, но по разрядамъ, безъ представленія подробной описи, все имущество и объявилъ сумму страхованія въ 10390 руб. Убѣдительная просьба Межакъ, хотя означенная сумма и выходила за предѣлы, въ которыхъ агенты по уставу общества могутъ страховать, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія правленія послѣдняго, была исполнена съ надлежащей о существѣ и просьбѣ на полисѣ отмѣткой.

Послѣ же пожара, съ прїездомъ на мѣсто инспектора

общества Шестерикова, Межакъ на требованіе послѣдняго представить инвентарь, заявилъ, что таковой сгорѣлъ, а затѣмъ черезъ день представилъ опись всему застрахованному и сгорѣвшему имуществу на сумму 13118 р. 25 коп.

При предъявленіи описи этой судебнымъ приставамъ Неподаеву и Воскресенскому оба они высказали свое удивленіе по поводу несоотвѣтствія дѣйствительности и крайне высокой оцѣнки; такъ Неподаевъ обратилъ вниманіе, что въ описи, составленной Эдуардомъ Межакъ послѣ пожара, оцѣнены золотой браслетъ съ цѣпью и серьги съ брилліантами въ 100 руб., а двое дамскихъ золотыхъ часовъ и три цѣпочки въ 270 руб., между тѣмъ какъ по описи, составленной имъ, Неподаевымъ, подъ № 15, 48 предметовъ изъ драгоценныхъ вещей оцѣнены были по качеству ихъ лишь въ 100 руб. и вообще вещей въ имуществѣ Надежды Ханыковой, съ высокой цѣнностью не было, причемъ таковыхъ не могло быть и въ общей наслѣдственной массѣ движимаго имущества, такъ какъ подобныхъ драгоценностей по имѣнію Слободищи въ описи 1895 г. вовсе не значится.

Воскресенскій же удостовѣривъ, что все цѣнное имущество у Ханыкова было не въ Слободищахъ, а въ одномъ изъ домовъ въ г. Ярославлѣ въ его постоянной квартирѣ и полностью перешло по духовному завѣщанію покойнаго жѣшанкѣ Аннѣ Александровой Голубятниковой, по обзорѣнію представленной Межакомъ описи, обратилъ вниманіе на занесеніе въ нее 7 портретовъ и 3 картинъ, писанныхъ на полотнѣ масляными красками, 6 старинныхъ безъ ризъ и иконъ и образовъ—Распятіе Христа въ серебряной ризѣ съ драгоценными камнями и Цѣлительницы, въ серебряной золоченой ризѣ съ 6 брилліантами, и на оцѣнку—портретовъ въ суммѣ 700, картинъ 75, старинныхъ образовъ 200, а Распятія образа Цѣлительницы въ суммѣ 150 р. каждый и удивлялся этому, такъ какъ на ризахъ, вписанныхъ имъ, Воскресенскимъ, образовъ Распятія и Цѣлительницы никакихъ драгоценныхъ камней, кромѣ страза, что подтвердилось въ послѣдствіи и въ показаніяхъ Александры Голубятниковой, не было, портреты же и картины имъ

совѣтъ не описывались и не описывались потому, что первые валялись тогда въ числѣ негоднаго хлама въ залѣ на полу, а три валявшіяся тутъ же картины были рисованы не масляными красками на полотнѣ, а акварелью на бумагѣ и, какъ помѣщавшіяся въ обыкновенныхъ старыхъ черныхъ багетныхъ рамахъ, никакой цѣнности не имѣли. Чтоже касается старинныхъ иконъ, то таковыхъ онъ, Воскресенскій, при составленіи описи совѣтъ не видалъ, при чемъ если они и были, то вѣроятно какъ утратившія уже всякій видъ и значеніе, лежали гдѣ либо на парадномъ крыльцѣ дома въ чуланѣ, гдѣ былъ сваленъ всякій хламъ, масса ненужныхъ и негодныхъ вещей и даже худая сбруя. При этомъ Воскресенскій, допрошенный слѣдователемъ 4 января 1897 года дополнилъ, что, здавъ Межаку какъ опекуну, описанное имущество 4 іюня 1896 года, долженъ былъ получить съ него за охранительную опись 80 руб., но денегъ этихъ, очевидно, по трудному Межаку положенію, не получилъ и ко дню допроса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ бывшая прислуга Надежды Ханыковой Анна Юркова, укладывавшая при отѣздѣ хозяйки изъ Харькова въ Ярославль въ сундуки имущество, засвидѣтельствовала, что въ числѣ такового изъ мужскихъ вещей и бѣлья ничего, кромѣ старой лисьей шубы и старой же кучерской одежды на вольчьемъ мѣху, не было; такихъ вещей не значится и по описи судебныхъ приставовъ; между тѣмъ, въ описи Межака оказаны—оцѣненная въ 250 р. хорьковая съ камчатскимъ бобровымъ воротникомъ шуба, бобровая шапка въ 46 р. и очень много всякаго верхняго носильнаго платья и бѣлья, въ общей сложности на сумму около 1000 руб., хотя въ Слободищахъ со смертью Ханыкова, ничего изъ такого имущества не оставалось, а самъ Межакъ явился, какъ указано выше, въ Ярославль лишь съ небольшимъ легковѣснымъ и незапертымъ даже чемоданомъ.

При такихъ данныхъ, опредѣляющихъ характеръ и значеніе составленной Межакомъ описи сгорѣвшаго имущества, непосредственно пожару предшествовали слѣдующія обстоятельства:

Поселившись въ концѣ мая 1897 г. въ с. Слободищахъ Межакъ вскорѣ взялъ къ себѣ въ услуженіе въ качествѣ горничной крестьянскую дѣвицу 17 лѣтъ Елизавету Артемьеву Шамонину и помѣстивъ ее въ одной съ собою комнатѣ, состоялъ съ нею въ связи, при чемъ Шамонина, живя въ такихъ условіяхъ, во время отлучекъ его, Межака, оставалась въ имѣніи какъ хозяйка. При такой обстановкѣ Межакъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что зимой жить ему одному въ большомъ домѣ будетъ и неудобно, и холодно, тогда какъ домъ былъ новый и ранѣе въ немъ по двѣ зимы жилъ бывшій хозяинъ Ханыковъ, приспособилъ для жилья флигель, въ которомъ прежде помѣщалась баня. Окончивъ эту перестройку, Межакъ педѣли за 1¹/₂, до пожара, вдвоемъ только съ Шамониной, собравшись какъ бы въ Москву, отвезъ въ Ярославль обитый въ рогожу и вѣсившій около 5 пудовъ сундукъ и большой, завязанный въ простыню какими то вещами узелъ, которые въ Слободищи уже и не возвращались. Въ тоже время имъ же, Межакомъ, совместно съ Шамониной въ флигель была перенесена вся необходимая для жилья обстановка, какъ то: мебель, посуда, часть картинъ и одежды, утюги, сундуки съ вещами Шамониной и др. вещи и въ томъ числѣ, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей Курочкина и Шестирикова и подтверждается представленной Межаку описью, висѣвшія въ одной изъ комнатъ дома на дверяхъ и окнахъ зеленныя шерстяныя драпировки, оказавшіяся тѣмъ не менѣе показанными въ описи въ сгорѣвшихъ и оцѣненныя въ суммѣ 60 руб. Подготовивъ такимъ образомъ отдѣланное помѣщеніе для жилья Межакъ 31 октябрю захвативъ съ собою еще большую, вѣсомъ до 1¹/₂ пудовъ, корзину и чемоданъ съ какими то вещами, отправился, опять таки въ сопровожденіи одной только Шамониной, снова по какимъ то дѣламъ въ Москву.

Провсдивъ Межака, Шамоина, вернувшись того же числа вечеромъ, привезла съ собой бочку керосину и, оставивъ ее сначала въ сараѣ, на утро велѣла рабочимъ Павлу Тулякову, Ивану Богданову и Ивану Гуляеву вкатить ее въ сѣни дома, а днемъ 4 ноября при помощи Василя

Басалаева и Ивана Платонова, не смотря на возраженіе рабочихъ, вкатила ее уже вверхъ дома въ жилыя комнаты и въ то же время, заперевъ верхнее помѣщеніе, безъ всякой видимой причины переселилась изъ своей комнаты въ подклѣтъ, въ общую для рабочихъ кухню: Отправивъ затѣмъ по отъѣздѣ Межака, подъ видомъ бѣлья для стирки, еще два большихъ узла съ какими-то вещами въ сосѣднюю дер. Молозино, Шамонина, отозвавшаяся на первомъ допросѣ у слѣдователя, что 3 и 4 ноября въ верхнія комнаты дома совсѣмъ не ходила, вечеромъ 4 ноября передъ пожаромъ сходила вверхъ и снесла оттуда зачѣмъ то въ кухню байковое одѣяло, двѣ муфты и самоваръ, объяснивъ, что бывший тутъ ранѣе самоваръ долго грѣется, а затѣмъ приказавъ тотчасъ же плотнику Ивану Платонову и работницѣ Ольгѣ Курочкиной нащепать лучины, на которую и было потрачено цѣлое полѣно, взяла и унесла ее куда то вонъ изъ кухни, а потомъ явившись опять въ подклѣтъ и напившись чаю, заявила, что не хочется что то спать и предложила играть въ карты; поигравши уже, выходила съ нѣкоторыми промежутками зачѣмъ то раза 3 на улицу и, вернувшись въ послѣдній разъ, нераздѣваясь легла въ постель, послѣ чего не болѣе какъ черезъ 5 минутъ плотникомъ Павломъ Абрамовымъ, лежавшимъ уже въ постели, чрезъ окно и былъ усмотрѣнъ пожаръ въ то время, когда горѣло еще только крыльцо, причемъ огонь, по показанію свидѣтеля Ивана Гуляева, былъ тогда на крыльцѣ какъ снаружи, такъ и внутри его.

Къ этимъ даннымъ свидѣтели Павелъ Туляковъ, Иванъ Гуляевъ и Ольга Курочкина удостовѣрили: 1) что въ самомъ началѣ пожара рабочіе съ цѣлью спасенія имущества хотѣли, было, пойти вверхъ дома и требовали у Шамониной ключей, но она отвѣтила:— «не троньте, ключей нѣтъ»; 2) что ключи оказались у ней въ юбкѣ, а послѣдняя на утро пожара была найдена затоптаной въ снѣгу; 3) что Шамонина послѣ пожара, хотя сундукъ съ ея имуществомъ и оставался невредимымъ во флигелѣ, просила у Курочкиной надѣть ее кофту и обѣщая впослѣдствіи подарить ей за это два платья, говорить объ этомъ запретила, объ-

яснивъ, что свои платья надѣвать не хочетъ, такъ какъ сказала, что они сгорѣли; и 4) что по словамъ той же Курочкиной, она свидѣтельница, допрошенная при слѣдствіи дважды, въ первый разъ слѣдователю ничего не показала потому, что запросила ее Шамонина, а по объясненію свидѣтеля Тулякова, та же Шамонина, когда рабочіе изъ Слободищъ по вызову слѣдователя отправлялись для дачи показаній въ волостное правленіе, давала имъ на чай денегъ.

Съ другой стороны, изъ показаній свидѣтелей Александра Матвѣева, Григорія Михайлова, Павла Тулякова и Ивана Гуляева выяснилось, что всѣ сосѣдніе крестьяне были съ Межакомъ въ хорошихъ отношеніяхъ и поджигать его имущество ни для кого изъ нихъ не было основаній; что парадное крыльцо дома въ с. Слободищахъ было расположено въ сторонѣ отъ дороги, и ходить около него по этому никому не было нужды, что никакого легковоспламеняющаго матерьяла съ воли около него не находилось и что загорѣться отъ неисправности печей оно не могло, такъ какъ дымовые ходы ихъ находились отъ крыльца далеко.

Такія обстоятельства, свидѣтельствующія, съ одной стороны объ умышленномъ поджогѣ какъ о причинѣ пожара и, съ другой, также о крайне подозрительномъ поведеніи ихъ обоихъ предъ пожаромъ и послѣ, послужили основаніемъ къ предъявленію имъ обоихъ обвиненія въ совершеніи поджога дома по предварительному между собою соглашенію съ цѣлью полученія страховой преміи. Допрошенные вслѣдствіе этого въ качествѣ обвиняемыхъ Шаманина и Межакъ виновными себя не признали, при чемъ Шаманина объяснила, что, не имѣя никакихъ особыхъ къ Межаку отношеній, проживала она въ самыхъ комнатахъ дома лишь лѣтомъ 1896 г. въ бытность въ усадьбѣ дочери Эдуарда Александрова Софьи, съ отъѣздомъ же ея жила вмѣстѣ съ рабочими въ кухнѣ, въ подклѣтѣ, что никакихъ ни съ Межакомъ, ни одна предъ пожаромъ изъ Слободищъ въ сундукахъ и узлахъ не увезила, а въ отсвоенный флигель переносила съ нимъ, обвиняемымъ, нѣкоторыя вещи еще по осени задолго до пожара; что вкратцѣ 4 ноября бочку съ керосиномъ на верхъ дома въ переднюю

при заднемъ крыльцѣ изъ опасенія работника Богданова, грозившаго ей отомстить за отказъ дать денегъ, вечеромъ этого дня щепать лучину никого не заставляла; при чемъ хотя послѣдняя тогда дѣйствительно и щепалась, но лишь для самовара и печи въ подклѣтѣ и она, Шамонина, ее никуда не относил, на верхъ дома въ тотъ день совсѣмъ не ходила и никакихъ вещей оттуда въ подклѣтѣ не сносила; что передъ пожаромъ часовъ въ 10 раздѣлась и, расположившись спать, уснула, при чемъ долго ли спала — не знаетъ, и что послѣ пожара, когда рабоче вызывались къ слѣдователю, денегъ имъ не давала, взяли же они у Межака 40 коп сами въ счетъ жалованья. Эдуардъ же Александровъ Межакъ, подтверждая въ общемъ показаніе Шамониной, отозвался, что поджигать домъ не имѣлъ никакой выгоды, такъ какъ имущество принадлежало не ему, а его дочери, что застраховалъ движимость вслѣдствіи частыхъ по сосѣдству пожаровъ, при чемъ при заявленіи о страховкѣ агенту о распоряженіи опекунскаго учрежденія о немедленномъ застрахованіи имущества ничего не говорилъ и, почему отмѣтка объ этомъ сдѣлана имъ на полисѣ, не знаетъ; что отмѣченная разница въ имуществѣ по описямъ судебныхъ приставовъ и его собственной объясняется тѣмъ, что первые составляли описи поверхностно, а онъ на память и при томъ крайне спѣшно; высокая же разцѣнка сгорѣвшихъ вещей, произведенная имъ единственно по его собственному усмотрѣнію, ни на что не указываетъ, такъ какъ для агента, который по повѣркѣ имущества на мѣстѣ могъ съ нею не согласиться, она была не обязательна, и что не имѣя съ своей стороны данныхъ обвинять кого либо въ поджогѣ, онъ, Межакъ, увѣренъ, что слѣдствіе возникло противъ него и Шамониной исключительно подъ вліяніемъ помощника страхового агента Солокова, который подпоивъ его рабочаго Павла Абрамова, научилъ его показать на него обвиняемаго, а Абрамовъ научилъ этому и другихъ. Однако всѣ эти объясненія, будучи голословными, опровергаются вышеприведенными обстоятельствами дѣла.

На основаніи изложеннаго, Межакъ, 44 лѣтъ и Елиза-

вета Шамонина, 17 лѣтъ, обвиняется: 1) въ томъ, что состоя опекуномъ надъ имуществомъ малолѣтней дочери своей Софьи и застраховавъ въ августѣ 1896 г. въ Сѣверномъ Страховомъ Обществѣ движимость ея, а также частью принадлежавшую ему и находившуюся въ застрахованномъ въ томъ же обществѣ ея же домѣ въ с. Слободищахъ, Ярославскаго уѣзда, по несоразмѣрно высокой оцѣнкѣ съ цѣлью получения страховой преміи, подговорилъ свою прислугу, означенную Шамонину поджечь домъ, что тою ночью 4 ноября 1896 г. и было исполнено; и 2), въ томъ, что въ указанное выше время, съ цѣлью доставленія Межаку возможности получить страховую премію, по предварительному съ нимъ соглашенію и подговору его, умышленно подожгла въ названномъ с. Слободищахъ, принадлежавшій, состоящей у него подъ опекою малолѣтней, дочери его Софѣѣ обитаемый домъ, отчего послѣдній, застрахованный въ Сѣверномъ Страховомъ Обществѣ, и сгорѣлъ дотла со всѣмъ застрахованнымъ въ томъ же Обществѣ и принадлежавшимъ ей же Софѣѣ Эдуардовой и частью самому Межаку имуществомъ, т. е. въ преступленіяхъ предусмотрѣнныхъ ст. 13 и 1612 Улож. о Наказ.

Какъ Шамонина, такъ и Межакъ виновными себя не признали.

Вызвано было 18 свидѣтелей. По опросѣ явившихся свидѣтелей дѣло представало совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ оно представлялось по обвинительному акту.

Первыми свидѣтелями были спрошены агентъ Сѣвернаго общества Бернацкій, его конторщики Соколовъ и Орловъ и инспекторъ того же общества Шестериковъ, производившій повѣрку убытковъ послѣ пожара.

Изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось:

Какъ-то въ августѣ Межакъ заѣхалъ къ агенту страховаго общества и въ его конторѣ засталъ только конторщика Орлова, которому сказалъ, что желаетъ застраховать движимость въ Слободищахъ. Въ лицо въ конторѣ Бернацкаго Межака никто не зналъ, какъ человѣка новаго, но къ нему отнеслись съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ опекуну надъ имуществомъ Ханыковыхъ—ихъ постоянныхъ кліен-

товъ, и хотя по уставу страхового общества страхованіи свыше пяти тыс. агенты не должны были принимать безъ предварительнаго увѣдомленія о томъ правленія общества, но этотъ параграфъ устава по отношенію къ постояннымъ кліентамъ общества не примѣнялся, и отъ нихъ агенты принимали самолично страхованія и до 20 тыс. Такъ было и въ данномъ случаѣ; какъ только Межакъ заявилъ о своемъ желаніи, Орловъ предложилъ ему на печатномъ бланкѣ конторы написать объявленіе и въ томъ же объявленіи въ напечатанныхъ графахъ опредѣлить по родамъ оцѣнку своего имущества, то-есть въ общемъ опредѣлить: мебель — столько-то, бѣлье, платье — столько-то, безъ перечисленія всѣхъ вещей отдѣльно, и притомъ такимъ образомъ, чтобы въ общемъ получался тотъ итогъ, въ каковой суммѣ онъ желаетъ застраховать имущество. Такъ Межакъ и сдѣлалъ, — да такъ обыкновенно дѣлали и всѣ кліенты, желавшіе застраховать въ томъ обществѣ имущество, — и, не вступая съ Орловымъ больше ни въ какіе разговоры и никакихъ заявленій ему не дѣлая, уѣхалъ. Недѣлю послѣ этого спустя онъ снова заѣхалъ въ контору Бернацкаго, заплатилъ слѣдующія съ него за застрахованіе деньги и, получивъ предварительное свидѣтельство безъ всякой оговорки, уѣхалъ. На сообщеніи, посланномъ изъ конторы Бернацкаго правленію общества о принятой отъ Межака страховкѣ, была сдѣлана оговорка, что онъ совершилъ то страхованіе какъ опекунъ по предписанію дворянской опеки, не потому, что онъ объ этомъ просилъ или заявлялъ, и не потому, что такое предписаніе дѣйствительно существовало, а потому, что всякому опекуну своевременное страхованіе находящагося въ опекѣ имущества вмѣняется въ обязанность, и только нерадивымъ и небрежнымъ опекунамъ такія предписанія даются письменныя, въ формѣ указовъ.

Такимъ образомъ первыя, недостаточно провѣренныя и установленныя при предварительномъ слѣдствіи улики о надписи на полисѣ, и о томъ, что Межакъ торопился застраховать имѣніе — пали само собой.

Просто и естественно объяснилось и несоотвѣтствіе оцѣ-

ногъ судебныхъ приставовъ въ составленныхъ ими охранительныхъ описахъ съ оцѣнкою составленною Межакомъ послѣ пожара.

Судебные пристава объяснили, что оцѣнка ихъ никогда не представляетъ дѣйствительную стоимость описываемыхъ вещей, особенно въ охранительномъ порядкѣ, это наглядно подтверждается тѣмъ, что 48 драгоцѣнныхъ вещей оцѣнены приставамъ Неподаевымъ во сто рублей огуломъ, теперешняя разцѣнка Межакомъ только пяти вещей изъ всего этого количества въ 275 руб. ближе къ дѣйствительности. Пристава тоже самое высказали и относительно картинъ, иконъ и проч. Они, какъ не спеціалисты, ставили совершенно произвольныя цѣны, самыя незначительныя, лишь бы только заинтересованныя въ описи лица были съ разцѣнкою согласны.

Пріѣздъ Межака въ Ярославль съ однимъ сакъ-вояжемъ и чемоданомъ, какъ улика противъ Межака, разъяснилась совершенно иначе.

Свидѣтель Яковлевъ, бывшій управляющимъ при жизни покойнаго Ханыкова, присутствовавшій при охранительной описи имущества и который принималъ и имущество Межака, показалъ что, когда пріѣхалъ самъ Межакъ, то съ нимъ былъ дѣйствительно всего одинъ чемоданъ, но затѣмъ изъ Харькова прибыло его имущество въ 4 сундукахъ и трехъ корзинахъ и еще имущество Надежды Васильевны, за провозъ котораго пришлось заплатить болѣе 120 руб. Сначала имущество Ханыковой сложили въ одномъ изъ домовъ въ Ярославлѣ, гдѣ привезенное имущество заняло четыре комнаты, а потомъ все было отправлено въ Слободичи.

На вопросъ защитника Межака, прис. пов. Шубинскаго, свидѣтель объяснилъ, что покойный Ханыковъ имѣлъ очень хорошія вещи, картины въ большихъ золоченыхъ рамахъ, образа въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ съ камнями и разныя старинныя вещи. У покойной Надежды Васильевны были также цѣнныя вещи, да, кромѣ того, у Межака находилось имущество покойной его жены, и его собственное, которое не попало въ охранительную

опись, сдѣланную судебными приставами, какъ не подлежащее этой описи. Далѣе, на разспросы защиты, тотъ же свидѣтель выяснилъ, что имущество, унаслѣдованное дочерью Межака, цѣнное, что дома и имѣніе могутъ дать до 8000 р. доходу; при этомъ онъ объяснилъ, что такъ какъ имущество это было заложено, то Межакъ употреблялъ всѣ свои усилія для того, чтобы привести дѣла въ лучший порядокъ. Еще проживая въ Харьковѣ, онъ высылалъ свои собственные деньги для взноса процентовъ и другихъ уплатъ по имуществу, которыхъ онъ высладалъ до 6 тыс. руб., а взявъ имѣніе въ свое управленіе, не жалѣлъ ни своихъ силъ, ни трудовъ.

Отчетъ Межака сиротскому суду при подробномъ его осмотрѣ вовсе не свидѣтельствуетъ о томъ, что имѣніе бездоходное и приноситъ одни только убытки, а только то, что имѣніе въ данный моментъ мало давало дохода и требовало большихъ расходовъ. Свидѣтели выяснили также, что хотя имѣніе и заложено за 20 тысячъ, но Межакъ менѣе 60 тыс. не соглашался его продать сосѣду Лысенкову, и оно этихъ денегъ стоитъ. Сгорѣвшій барскій домъ стоитъ не менѣе 15000 р., хотя онъ былъ застрахованъ еще Ханыковымъ всего только въ 5000 р. и этого страхованія Межакъ не перемѣнилъ. И, несмотря на то, что онъ страховой преміи еще не получалъ, онъ уже выстроилъ новый домъ на мѣсто сгорѣвшаго, и этотъ домъ еще безъ внутренней отдѣлки уже стоитъ не менѣе 4,000 рублей.

Такимъ образомъ всѣ улики противъ Межака разсѣялись послѣ показаній свидѣтелей.

Обвиняемая Шамонина посажена была на скамью подсудимыхъ благодаря «росказнямъ» Ольги Курочкиной. Но свидѣтельница эта на судъ не явилась. Тѣмъ не менѣе другіе свидѣтели выяснили ложность ея показаній.

Любопытно замѣтить, что никто изъ свидѣтелей не могъ объяснить, гдѣ же въ самый пожаръ была Курочкина?! При дознаніи она ни какихъ подозрѣній ни на кого въ поджогѣ не высказывала.

Рабочіе Межака и плотники, въ особенности Гулаевъ, показали, что въ день пожара Курочкина, состоявшая у

Межака кухаркой, была избита своимъ сожителемъ—работникомъ Богдановымъ; между ними произошла «семейная драма»,—какъ выразился урядникъ,—и послѣдствія этой драмы были таковы, что Курочкина пролежала весь день въ постели.

Между прочимъ Шамонина весь вечеръ пробыла у всѣхъ на глазахъ въ кухнѣ и если выходила узнать, почему лаютъ собаки, то выходили по этому же и свидѣтели. Вернулась Шамонина такъ скоро, что допустить что она успѣла дойти до барскаго дома и тѣмъ болѣе до параднаго его крыльца, обращеннаго къ проѣзжей дорогѣ, а не во дворъ, было нельзя. Между тѣмъ пожаръ начался съ крыльца.

Наконецъ выяснилось, что боченокъ съ керосиномъ дѣйствительно привезенъ былъ изъ города какъ обыденный запасъ, который покупался въ такой мѣрѣ и при покойномъ Ханыковѣ. Спрятанъ онъ былъ въ большой домъ благодаря угрозамъ пьянаго Богданова. Онъ просилъ у Шамониной впередъ денегъ, она ему ихъ не дала, онъ выражалъ угрозу «спалить» усадьбу, и боченокъ этотъ былъ поставленъ не тамъ, гдѣ начался пожаръ, а въ совершенно въ противоположномъ концѣ дома въ комнатѣ, смежной съ чернымъ крыльцомъ и кухней.

Свидѣтельница Новикова между прочимъ показала, что боченокъ съ керосиномъ купленъ былъ Межакомъ ранѣе, въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ городъ, но такъ какъ онъ не уплатилъ за него всѣ деньги, то отправилъ его въ усадьбу тогда, когда было уже все уплачено.

Относительно упрековъ Курочкиной Шамониной въ томъ, что она будто передъ пожаромъ вывезла имущество въ Ярославль и Москву выяснилось, что она не разъ сопровождала барина въ его поѣздкахъ въ Ярославль, такъ какъ у нихъ было всего двое рабочихъ, которыхъ Межакъ не хотѣлъ отнимать отъ дѣла и ей дѣйствительно приходилось увозить иногда или бѣлье для стирки или какія нибудь вещи для барышни, которая была въ институтѣ.

Свидѣтели защиты, знавшіе Межака, какъ служащаго въ фирмѣ Любимова и Сольве, въ томъ числѣ и свидѣтель Банза, показанія котораго читались, удостовѣрили, что

Межакъ—человѣкъ очень дѣльный и аккуратный въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ. Банза хотѣлъ даже его рекомендовать, какъ человѣка съ хорошей служебной репутаціей на ярославскую фабрику Карзинкина.

Представитель обвиненія, тов. прокурора *Поповъ*, не смотря на отсутствіе обвинительнаго матеріала, тѣмъ не менѣе настаивалъ на обвиненіи Межака и Шамониной въ предѣлахъ, имъ же составленнаго обвинительнаго акта.

На другой день 15 марта при большомъ количествѣ публики присяжный повѣренный *Н. П. Шубинскій* отвѣтилъ обвиненію слѣдующей рѣчью:

Г.г. присяжные засѣдатели.

Я не знаю другого общественнаго учрежденія, которое вѣдало-бы болѣе дорогіе, болѣе священные интересы человѣческой жизни, чѣмъ представляемый нынѣ вами присяжный судъ. Въ какую сторону вы ни обратите вашего взора—къ земству, городскому-ли самоуправленію, вездѣ, всюду болѣе всего говорятъ объ экономическихъ, денежныхъ интересахъ. И только здѣсь, подъ куполомъ правды и милости, они отодвигаются на второй планъ, объ нихъ вспоминаютъ лишь, какъ о горестныхъ руководителяхъ человѣческихъ дѣлъ, главное-же сужденіе произносится надъ человѣческой личностью, правотою или грѣховностью ея дѣлъ.

Это до чрезвычайной высоты поднимаетъ дѣло творимаго вами суда. Особенно въ дѣлахъ, подобныхъ данному. И если для обвинителя обвиненіе въ поджогѣ—лишь формула, то для обвиняемаго это—вопросъ жизни или смерти. Весь охваченный внутреннимъ невыразимымъ трепетомъ, онъ стоитъ передъ вами и безмолвно ждетъ—поймутъ ли его правоту, хватить-ли силъ, умѣнья выяснить, дать понять ее другимъ? А это — не легкій трудъ. Вѣдь всѣ мы—не очевидцы событія; прошлое — внѣ поля нашего зрѣнія, нашихъ личныхъ непосредственныхъ впечатлѣній. Какъ же постигнуть его? О, будьте осторожныѣ, не увлекайтесь методомъ обвинителя. Въ бесѣдѣ, описаніи — можно поддаваться воображенію, фантазіи; въ залѣ суда — нѣтъ.

Здѣсь не отвлеченные выводы несетъ вашъ отвѣтъ. Онъ разрубаеъ задачи жизни и нерѣдко сердца людей. Памятуйте, вы призваны не угадать событіе, а возсоздать его вашимъ умственнымъ взоромъ. И сдѣлать это вы должны, изучивъ весь матеріалъ процесса, опредѣливъ истинное и мнимое въ немъ, безспорное и яснее, какъ свѣтъ дня, или непроницаемое, какъ осенняя тьма.

Убѣдитесь, что матеріалъ обвиненія проченъ, что его достаточно для такой нагрузки, какъ обвинительный вердиктъ, безтрепетно произнесите его. Усомнитесь въ прочности и полнотѣ матеріала—такъ-же мужественно отвергните вину.

Только одно попомните еще—это дѣло не о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, не о брошенной случайно спичкѣ или незадутой свѣчѣ, а о свободѣ, чести и жизни людей. Займемся-же разборомъ матеріала, собраннаго процессомъ. Въ немъ преобладаютъ свидѣтели. Всякое исключительное явленіе человѣческой жизни вызываетъ самыя разнообразныя впечатлѣнія въ людяхъ, имѣющихъ къ нему какія-либо отношенія. Пожаръ принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу таковыхъ. И какъ обвиняемый, потерявшій въ волнахъ стихій свое имущество, естественно желаетъ получить вознагражденіе за это, такъ и страховыя учрежденія, не взирая на свои миллионныя доходы, хотятъ освободиться отъ платежа его. Полиція ищетъ возможности раскрыть преступленіе, есть-ли оно или нѣтъ; а люди слабодушные, уступая соблазнамъ, извнѣ или внутри ихъ рожденнымъ, начинаютъ выражать догадки, сомнѣнія и предположенія, которыя понемногу и разрастаются въ матеріалъ судебного дознанія. Вотъ эти то матеріалы, слитые во едино, и предложены нынче вамъ. Посмотримъ-же, каковы они въ ихъ дѣйствительной, настоящей, жизненной оцѣнкѣ. Я хотѣлъ сначала разобрать передъ вами рѣчь обвинителя. Но въ ней нѣтъ полной оцѣнки судебного матеріала и, мнѣ кажется, я правильнѣе поступлю, если разберу данныя всего дѣла, а они уже прольютъ истинный свѣтъ на доводы обвинителя и степень основательности мотивировки ихъ.

Поэтому начнемте разбирать дѣло въ порядкѣ намѣченныхъ мною группъ.

Сначала о страховыхъ агентствахъ; они первыя дали свои показанія о событіяхъ, происшедшихъ въ конторѣ агентства.

Здѣсь, въ первомъ шагѣ Межака и первая улика, — говорить обвинитель. — Такъ-ли это? Не призракъ-ли стремятся признать за дѣйствительность?

Далѣе г. Шубинскій доказывалъ, что указаніе прокурора, что Межакъ просилъ объ ускореніи страхованія и мотивировалъ это требованіемъ дворянской опеки, опровергнуто дѣйствіями Межака. Орловъ показалъ, что 11-го августа всѣ формальности были закончены и предварительное свидѣтельство было готово. За полученіемъ-же его Межакъ явился лишь черезъ 8 дней. Гдѣ же тутъ поспѣшность, и развѣ 8 дней мало было, чтобы осуществить для агентства свои сношенія съ правленіемъ и сдѣлать осмотръ застрахованныхъ вещей. Но въ осмотрѣ и надобности не предстояло никакой. По 18 § устава, осмотръ — лишь право, а не обязанность «Сѣвернаго» страхового общества. Въ предварительномъ свидѣтельствѣ нѣтъ никакихъ указаній или примѣчаній на особый порядокъ или какія-нибудь исключительныя обстоятельства при данномъ страхованіи. Мотивы страхованія понятны. Межакъ — опекунъ, а это званіе побуждало его къ бережливости и отъ огня въ имуществѣ его малолѣтней дочери. Кромѣ того, весь ярославскій уѣздъ страдаетъ отъ недостатковъ рабочихъ. Это сбродъ, остатки отъ фабрикъ и промышленныхъ заведеній. Въ большинствѣ — пьяницы; пожарная опасность отъ ихъ неосторожности и распушенности всегда близка.

Вторая улика противъ Межака, что онъ страховалъ имущество дороже его стоимости, нынче, видимо, измѣняется г. обвинителемъ въ утвержденіе, что Межакъ стремился получить вознагражденіе и за такіе предметы, какихъ вовсе не имѣлъ. Первое изъ утвержденій окончательно разбито данными слѣдствія. Главный свидѣтель этой группы, судебный приставъ Неподаевъ, можно сказать, нанесъ по этому вопросу смертельный ударъ доводамъ обвинителя.

На вопросъ, какова была оцѣнка въ 225 руб. для 2-хъ золотыхъ часовъ и трехъ цѣпей? онъ отвѣтилъ:—близка къ дѣйствительности. Какъ же—волнуется г. прокуроръ,—у васъ въ описи эти предметы оцѣнены въ составъ 48 вещей въ 100 руб., а здѣсь пять въ 225 руб. Но свидѣтель твердо стоялъ на своемъ и лишь добавилъ, что тамъ цѣнили не за настоящую цѣну, приблизительно, и стараясь не увеличивать. Тоже случилось и съ оцѣнкою иконъ. Другой судебный приставъ и свидѣтели удостоверили; что онѣ были всѣ въ серебряныхъ и частью золоченыхъ ризахъ; нѣкоторыя имѣли камни. Какіе? Настоящіе или поддѣльные — рѣшить трудно. Не мало разговоровъ занявъ вопросъ о стоимости картинъ. Г. обвинитель ссылается, что большая въ хорошей золотой рамѣ картина, по словамъ свидѣтеля Яковлева, не стоила ничего, ибо, потерявъ край, онъ не разсмотрѣлъ сюжета, какъ и другіе рабочіе. Но Голубятникова разобрала его—то былъ лѣсъ, въ которомъ человекъ шелъ съ факеломъ. Меня удивляетъ вообще стремленіе обвинителя произвести оцѣнку художественнаго произведенія черезъ прикащика и рабочихъ. Еще оцѣнить, сколько сажень дровъ вышло-бы изъ лѣса, изображеннаго на картинѣ, пожалуй, прикащикъ и могъ, но назвать стоимость самой картины едва-ли было въ его силахъ.

Дѣлаемое нынѣ указаніе обвинителя, что Межакъ въ описи сгорѣвшаго показалъ вещи, какихъ въ усадьбѣ не было, тоже лишено всякаго значенія. Межакъ и не отрицаетъ, что опись составлена съ ошибками. Онъ дѣлалъ ее въ одинъ вечеръ, наизусть, по требованію г. Шестерикова, подъ угрозой, что завтра—8-й день, и если инвентарь не будетъ представленъ, потеряется право на получение страховой преміи. Наконецъ, съ другой стороны, Межакъ не показалъ въ описи многихъ предметовъ, безспорно уничтоженныхъ пожаромъ. Я все дожидался итога этихъ вещей, не бывшихъ въ натурѣ, наконецъ обвинитель назвалъ его—это 1193 руб., а вся опись на 13.118 руб. 25 к. За движимость убытки ликвидированы вполнѣ суммою 9070 руб., значить, Межакъ не получилъ 4000 руб.

Это много больше 1193 руб. Мнѣ не понятна позиція обвинителя въ этомъ вопросѣ. Въ чьемъ интересѣ онъ говорить объ увеличеніи оцѣнокъ, отсутствіи показаннаго въ пожарной описи? Развѣ страховое общество не приняло указаній Межака, не согласилось на нихъ, не признаетъ убытка вполне ликвидированнымъ?

Посмотримъ и съ другой стороны на вопросъ — какой смыслъ и интересъ лично для Межака было производить данный пожаръ. Въдѣ онъ — опекунъ; имущество — не его; все, что принадлежитъ малолѣтней и уничтожено огнемъ, будетъ внесено имъ же за ея счетъ въ дворянскую опеку. Рѣшиться на поджогъ въ чужомъ интересѣ — право, невозможная вещь. Межакъ любилъ свою дочь, могъ жертвовать для нее своими силами, жизнью даже, но не честью. Да и ей такая жертва счастья принести не могла. Не мало говорилось обвинителемъ о денежныхъ затрудненіяхъ Межака. Гдѣ ихъ нѣтъ? Большинство дворянскихъ состояній имѣютъ плохой финансовый балансъ! Таково же было и состояніе Ханыкова. Оно было изъ крупныхъ, но на немъ лежали долги, однако-же отнюдь не большіе. Всего ихъ было 43.000 руб., а за одно имѣніе Слободищи давали 60.000 руб. Самъ по себѣ Межакъ — не капиталистъ, но онъ имѣлъ средства. Документально доказано, что онъ вложилъ до 6000 руб. своихъ денегъ въ опекунскія дѣла. Счетъ компании Любимова говорить объ принадлежности ему *пяти* тыс. руб. На нравственномъ обликѣ Межака нужно остановиться полнѣе. 14 лѣтъ тому назадъ онъ женился на Марѣ Александровнѣ Ханыковой и съ мужествомъ принимаетъ жизненные обязательства, возложенныя на него этимъ союзомъ. У нихъ въ семьѣ поселяется и мать Марьи Александровны Н. В. Ханыкова. Онъ самъ работаетъ на заводѣ Сольве и К^о, получаетъ до 2000 жалованья, ведетъ скромную и аккуратную жизнь. Черезъ 10 лѣтъ супружества онъ теряетъ жену, а вскорѣ умираетъ и ея братъ Н. А. Ханыковъ — владѣлецъ имѣнія Слободищи. Н. В. Ханыкова беретъ 10-лѣтнюю внучку Соню и съ нею ѣдетъ въ Ярославль, чтобы принять имѣніе и дома покойнаго. Но она не успѣваетъ ничего сдѣлать,

смерть внезапно застигаетъ ее. И дѣвочка Соня остается здѣсь одна съ унаслѣдованнымъ отъ дяди состояніемъ. Это ставить для Межака новый вопросъ: какъ распорядиться собою, своею жизнью? Жить ли въ дали для себя или прїѣхать сюда напрямъ всѣ усилія для возстановленія запутаннаго состоянія, которое могло окончательно погибнуть въ чужихъ рукахъ. Онъ рѣшается на послѣднее. И вотъ мы видимъ его работающимъ въ качествѣ опекуна. Онъ измученъ, по словамъ свид. Яковлева, онъ работаетъ, не покладывая рукъ, надрывается; но это—здоровые элементы жизни,—это ли жожаки къ преступленію? И вы не усмотрите въ нихъ преступныхъ искръ для слободищенскаго пожара.

Теперь о бочкѣ съ керосиномъ, привезенной незадолго до пожара. Это считаютъ уликой. Такъ-ли это? Новикова показала, что керосинъ купленъ задолго ранѣе, но за него не были уплачены всѣ деньги и, отправляя бочку, она доносила за нее деньги; что покупка бочками, понятная въ осеннее время, была обычаемъ со времени Ханыкова. Свид. Яковлевъ удостовѣрилъ, что при Ханыковѣ точно также вкатывалась бочка въ домъ, и въ первой комнатѣ отъ параднаго крыльца весь голъ былъ пропитанъ керосиномъ отъ однажды случившейся течи.

Но перейдемте къ центральному пункту обвиненія. Обвинитель говоритъ—поджогъ былъ. Его сдѣлала Шамонина по подговору Межака. Гдѣ доказательства, факты, свидѣтельства? Какъ неустойчива почва обвиненія, легко видѣть изъ тѣхъ перемѣнъ, какія мы слышимъ здѣсь. То поджогъ сдѣланъ снаружи, то изнутри. Теперь, кажется, обвинитель рѣшилъ изнутри. Можно-ли повѣрить этому, припомните свидѣтельскія показанія—эти оковы нашего воображенія. Туляковъ говоритъ, что 4-го ноября онъ вернулся 8 часовъ и засталъ въ кухнѣ Шамонину. Напились чаю и сѣли играть въ карты. Такъ протекло время до 10 часовъ вечера. Раздался лай собакъ. Елизавета вышла на крыльцо и сейчасъ вернулась. Лай продолжался. Тогда выходилъ Туляковъ, а послѣ него—Гуляевъ. Пробило 10 часовъ. Поужинали и легли спать. Вдругъ крикъ Тулякова «горимъ»,

Когда-же Елизавета могла осуществить свой замысел? Если ранѣе 8 ми часовъ, то всѣ выходили на улицу и ничего не видали подозрительнаго. Возсоздадимъ картину пожара и роль въ ней Елизаветы. Тотъ же Туляковъ говоритъ, что во время пожара она валялась въ снѣгу въ безчувствіи и плакала. Что это такое—комедія? Для этого надо быть большой актрисой, если здѣсь не было самой истины. А Гуляевъ добавляетъ, что на другой день, когда нашли ключи отъ дома, то нашли вмѣстѣ съ юбкой Елизаветы затоптанными въ снѣгу. И это—комедія, и это—фальсификація событій?

Но пожаръ былъ. Гдѣ-же его причина! О, мало-ли событий, ускользающихъ отъ нашего пониманія. Пожарные случаи сложнѣе другихъ. И развѣ пытливость наша можетъ считаться основою для подозрѣній. Нѣтъ, это—слишкомъ скользкій путь. А кто поручится, что этотъ пожаръ не отъ гнѣвливой руки, случайной искры, неисправности дымохода?

Недавно необитаемое громадное зданіе театра сдѣлалось добычей пламени¹⁾. Всѣ ломаютъ голову надъ разгадкой причины; и одно объясненіе: искра, вывалившійся изъ боровна на чердакѣ кирпичъ!

Развѣ то же самое не могло случиться въ старомъ слободищенскомъ, давно необитаемомъ домѣ. Нигдѣ не надо быть осторожнѣе, чѣмъ въ пожарныхъ дѣлахъ. Нигдѣ такъ легко не увлекаютъ умъ фикціи, а нерѣдко и вымыслы на злостной почвѣ. Только въ прошломъ году Франція заплатила 600 тыч. франковъ за реабилитацію наслѣдникамъ невинно осужденнаго. Самъ онъ погибъ на каторгѣ въ Кайенѣ. Это былъ Варенъ, осужденный въ 60-хъ годахъ въ Провансѣ. Его врагъ сосѣдъ—мэръ города, завѣдомо ложными толками достигъ его обвиненія. Что сравнится съ ужасомъ подобнаго событія?

А между тѣмъ его отблескъ есть и въ нашемъ дѣлѣ. Это—свидѣтельство Ольги Курочкиной, этотъ краеугольный

¹⁾ Здѣсь защитникъ указываетъ на пожаръ Солодовниковскаго театра въ Москвѣ.

камень обвиненія. «Я отомщу Елизаветѣ, запрячу ее въ каменный мѣшокъ»,—вотъ слова, которыя сказала она свидѣтельница Графѣ. Никакіе розыски не нашли ее. Гдѣ она? Не уклоняется-ли она отъ присяги? А она нужна намъ; мы хотѣли бы слышать звуки ея словъ; поставить ее на очную ставку съ другими свидѣтелями. Она знаетъ все, обо всемъ говорить; во всемъ уличаетъ. Урядникъ-же Любимовъ говорить, что 4 ноября она пережила драму съ своимъ сожителемъ и, жестоко избитая, весь день лежала въ кухнѣ. Она видѣла, какъ Елизавета отдавала въ перешивку портнихѣ Марьѣ три шелковыхъ и два бархатныхъ платья. А Марья клянется, что этого никогда не было. Вотъ матеріалъ, на которомъ построено обвиненіе. Неужели онъ крѣпокъ для страшнаго приговора, котораго просить у васъ. Нѣтъ, не вѣрно! Это призраки, грозныя тѣни, тяжелыя сповидѣнія, но не правда, дѣйствительность и истина. Пора кончать. Скажу немного. Даже изболѣвшему, со- знавшемуся преступнику—не легка эта скамья, процессъ разсмотрѣнія его прошлаго. Что же долженъ испытывать человѣкъ, полный признанія, что тутъ нѣтъ его вины. Какія муки должны надрывать его грудь? Правда, онъ не одинъ среди этой печали. Тамъ въ дали, со взоромъ, полнымъ тревоги и горя, ждетъ вѣсти объ исходѣ процесса его старушка мать. Здѣсь близко-преданная своей школьной жизни 11-тилѣтняя дѣвочка, его дочь. Она еще не сознаетъ, не понимаетъ роковыхъ часовъ, какіе переживаетъ ея отецъ. Но вырастетъ и пойметъ все. Онъ не хочетъ оставить ей позорнаго имени... Пора кончить. Рѣшите своимъ отвѣтомъ, что это—преступный или глубоко несчастный человѣкъ! Теперь его судьба принадлежитъ однимъ вамъ.

Присяжные засѣдатели, послѣ очень краткаго совѣщанія, вынесли вердиктъ, которымъ самый фактъ преступленія признанъ недоказаннымъ. Такимъ образомъ поджогъ остался неразъясненнымъ, благодаря односторонне направленному слѣдствію, и дѣло о привлеченіи Межака и Шамониной на скамью подсудимыхъ приходится занести въ лѣтопись русскихъ судебныхъ ошибокъ.

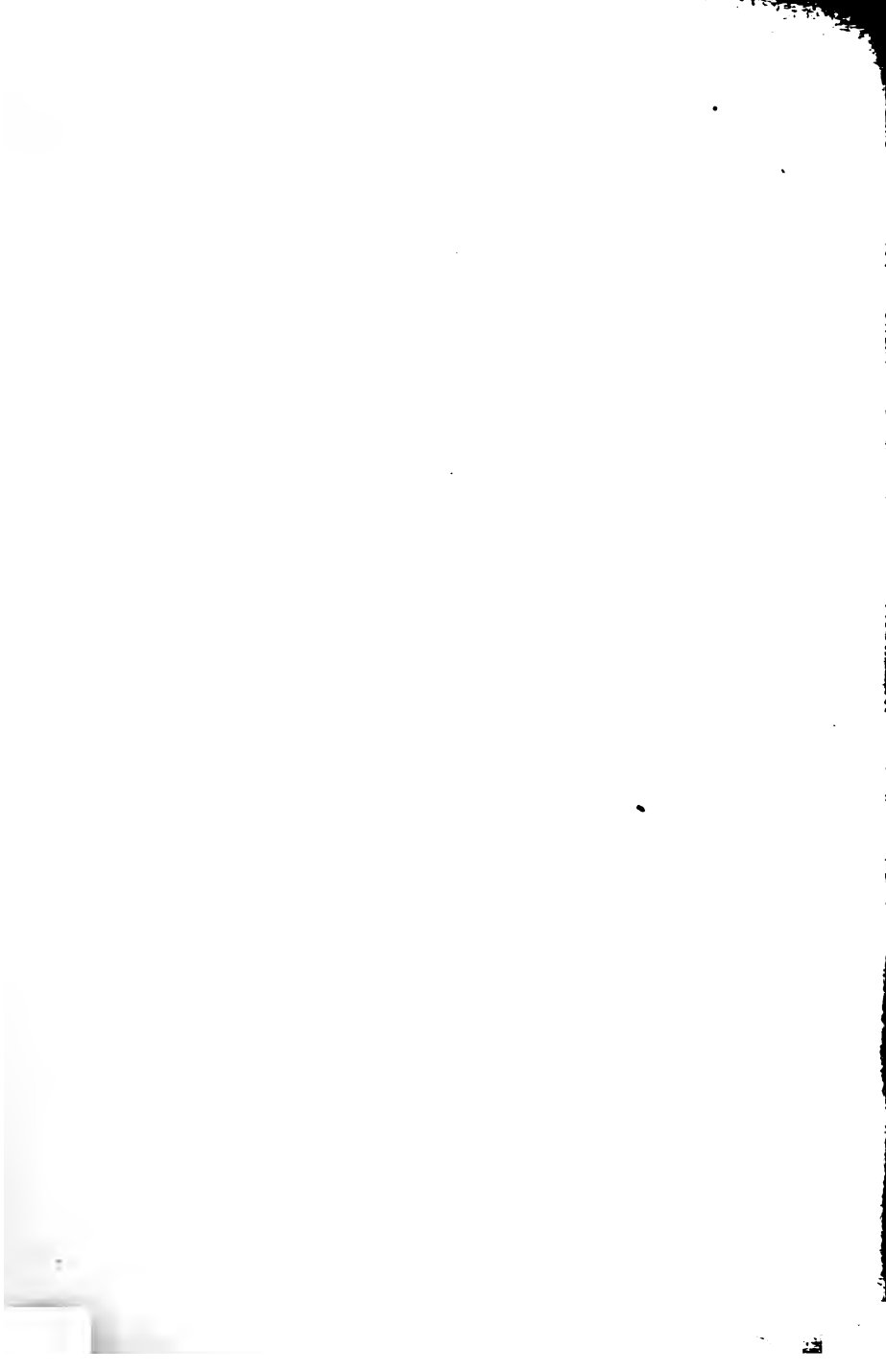
В. Н. Плевако.

ДѢЛО КАШИНА

по

обвиненію въ ростовщичество.

Рѣчь въ защиту.

Дѣло А. Д. Кашина

по обвиненію въ ростовщичество.

Московскій Окружный Судъ, 10 Августа 1898 г.

Не безызвѣстный москвичамъ, уже лишенный всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ за предъявленіе ко взысканію оплаченнаго векселя, бывшій потомственный почетный гражданинъ, Александръ Даниловъ Кашинъ вновь предсталъ предъ судомъ присяжныхъ по обвиненію его въ ростовщичество.

Дѣло это слушалось подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя Д. А. Нилуса. Обвинялъ тов. прокурора П. Г. Курловъ, гражданскій искъ объ уничтоженіи вкладныхъ на сумму 80 тысячъ руб. поддерживалъ присяжн. пов. Наумовъ. Защищалъ присяжный повѣренный Ѳ. Н. Плевако.

Свидѣтельскія показанія дали яркую картину ростовщическихъ дѣяній Кашина, не лишенную въ тоже время, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ судебныхъ хроникеровъ, отгѣнка нѣкоторой патріархальности обираемыхъ, въ которой искусился и жизнь свою провелъ этотъ миллионеръ-ростовщикъ. Онъ ни къ кому не лѣзъ съ предложеніемъ своихъ услугъ: нѣтъ, люди сами шли къ нему и по цѣлымъ часамъ, а то и днямъ ожидали въ пріемной, пока рѣзкій и суровый старецъ не выражалъ согласія дать

денегъ. Объ условіяхъ, конечно, спорить не приходилось, но Кашинъ былъ тактиченъ: для начала онъ брать лишь 24% годовыхъ и только видя, что человекъ запутался совѣмъ и уйти никуда не можетъ («въ Москвѣ кто разъ попадался къ Кашину, другіе капиталисты копѣйки уже не давали, говоря: занимай у Кашина и ступай къ нему»), — повышалъ ростъ до 100 до 200, а то и 300 процентовъ.

Одинъ изъ свидѣтелей, Гучковъ, передалъ любопытный эпизодъ, наглядно характеризующій личность Кашина.

Свидѣтель какъ-то по просьбѣ потерпѣвшаго Малышева ѣздилъ къ Кашину за деньгами. Гучковъ привезъ вексель Сорокина на 6000 р. съ бланкомъ Малышева. Подъ этотъ вексель Кашинъ далъ ему пять тысячерублевыхъ облигацій съ отрѣзанными невышедшими купонами.

— Позвольте мнѣ газету посмотреть, какой курсъ на биржѣ на эти бумаги, — сказалъ свидѣтель.

— Курсъ? — удивился Кашинъ. — «Курсъ — на биржѣ, а у меня здѣсь свой собственный курсъ».

И свидѣтелю пришлось взять эти бумаги. Оказалось, что по курсу онѣ стояли много ниже 1000 руб., а когда одна изъ этихъ облигацій попала къ Сорокину, онъ никуда не могъ ее сбыть. Кончилось тѣмъ, что онъ продалъ ее мѣняль за 600 руб.

При такой обрисовки личности подсудимаго, жизненнымъ идеаломъ котораго «былъ свой собственный своекорыстный курсъ», многочисленная публика, переполнявшая залъ суда, съ интересомъ ожидала, что скажетъ въ пользу подсудимаго его защитникъ.

Ө. Н. Плевако обвинителю и гражданскому истцу отвѣтилъ такую рѣчью: ¹⁾.

«Гг. присяжные!

«Кашинъ вторично занимаетъ скамью подсудимыхъ. Общественное мнѣніе вторично, — правда, по другому дѣлу, — должно сказать о немъ свое рѣшающее слово. Особливаго вліянія на его судьбу оно не произведетъ: осужденіе или оправданіе его участи видимо не измѣнить. Онъ уже осуж-

¹⁾ Моск. Л. № 222.

день и безправенъ. Это даетъ вамъ возможность нѣсколько иначе отнестись къ участи Кашина, чѣмъ бы это было если бы вамъ пришлось судить человѣка, пришедшаго сюда во всеоружіи правъ гражданина.

«Вѣроятно, многіе изъ васъ уже были присяжными и испытали то, что я нахожу нужнымъ сказать вамъ. Я хочу и мнѣ необходимо сказать, что между мѣропріятіями суда и вашимъ отношеніемъ къ дѣлу существуетъ одна различіе: судъ влечетъ человѣка, уличаемаго въ томъ или другомъ дѣяніи, просить покарать его за то или другое запретное дѣло. Но едва предстанетъ предъ вами подсудимый, вы судите его не за это дѣло, но судите человѣка по поводу дѣла. Судъ старается выяснитъ: было ли законпреступное дѣло или нѣтъ, а вы, по поводу дѣла, стараетесь выяснитъ, каковъ данный человѣкъ—надежный и живой душою вашъ собратъ, или видится вамъ, что внутреннее его испорчено, преступно, что онъ вредный членъ общества. Если стоящій предъ вами подсудимый вырисовывается предъ вашимъ внутреннимъ зрѣніемъ чистымъ, а грѣхъ, ему приписываемый, не вяжется съ его характеромъ, вы не вѣрите въ его преступность, вы готовы даже совершившійся фактъ признать случайнымъ наростомъ на здоровомъ организмѣ и не рѣшитесь губить доброй нивы ради единого плевела, поросшаго среди зрѣлыхъ хлѣбовъ ея. Но если обвиняемый носить на себѣ слѣды зла и тьмы своего прошлаго, если приписываемое ему дѣло сходно съ установившимися привычками и обычаями его, вы доверяете уликамъ, вы заявляете, что дѣло по мастеру, что данный плодъ соотвѣтствуетъ сѣмянамъ, брошеннымъ въ данную нездоровую почву.

«Первый судъ, по первому дѣлу, вызывающему ваше участіе по важности обвиненія, есть уже ликвидація, или генеральная ревизія всего человѣка, его конечный жребій и рѣшительная оцѣнка. Если наблюденіе мое вѣрно, если и вы вспомните, что таковъ бывалъ ходъ вашихъ мыслей и таковы запросы ваши, волнующіе васъ во время служенія правдѣ, то вы согласитесь съ необходимостью слѣдующаго вывода: если общій судъ о согражданинѣ произ-

несенъ, если собратья ваши отсѣкли его отъ общества, среди котораго онъ жилъ, если приговоръ ихъ лежитъ на подсудимомъ всею тяжестью лишеній, всею неизлѣчимостью раны, нанесенной карающей рукой правосудія, опирающагося на рѣшеніи представителей общественной совѣсти, то нѣтъ основанія въ противность народной справедливой заповѣди, что съ одного вола не дерутъ двухъ шкуръ, опять пересуживать всего человѣка, а будетъ справедливо и правомѣрно ограничиться споромъ о томъ: кто больше заслуживаетъ вѣры—обвиняемый Кашинъ или жалобщикъ Малышевъ?

«Только объ этомъ можетъ идти рѣчь. Подсудимый и жалобщикъ взаимно отрицаютъ правду у своего соперника. Но за подсудимымъ есть актъ, на которомъ онъ полагаетъ основаніе своихъ правъ, а у жалобщика нѣтъ ничего, кромѣ его завѣренія, что подписанные имъ акты, закладныя и векселя, — плодъ ростовщичества Кашина. Правда, у жалобщика есть случайные свидѣтели отдѣльных моментовъ отношеній Малышева и Кашина, но это мало достовѣрные очевидцы, ибо частью ихъ сближаетъ съ Малышевымъ единство интереса и одна и та же причина раздраженія противъ Кашина. Для установки же надежнаго убѣжденія или устойчиваго мнѣнія надобно поискать болѣе твердыхъ слѣдовъ, не знающихъ ни забвенія, ни заблужденія. И такое обстоятельство въ дѣлѣ есть. Малышевъ говоритъ, что онъ раззоренъ Кашинымъ, который далъ ему не больше 20,000 рублей, а взялъ съ него на 85,000 рублей закладныхъ. Кое что изъ этой же повѣсти подтверждаютъ свидѣтели: всѣ толкуютъ, что Кашинъ ростовщически раззорилъ Малышева.

«Провѣримъ данными дѣла эти утвержденія. Оказывается, что, по словамъ Малышева, его бани стоятъ 200,000 р. Нѣкоторые свидѣтели спускаютъ стоимость до 150,000 р. Но есть между свидѣтелями архитекторъ. Онъ завѣдывалъ постройками, его выставило обвиненіе, какъ своего свидѣтеля. Повѣримъ ему: онъ говоритъ, что постройка стоила 175,000 руб.

«По словамъ Малышева, у него было своихъ денегъ

13,000 р., да закладная Жуковымъ, пролавамъ, дана въ 20,000 рублей. Прибавимъ къ этому 3,000 р. наличными, данныя при покупкѣ. Прибавьте къ этому оставшіяся по закладной Сорокина 7,000 рублей, 50,000 рублей долгу Кредитному Обществу. Это составитъ 93,000 рублей. До стоимости дома не хватаетъ свыше 80,000 рублей. Эту сумму и долженъ Малышевъ Кашину. Если же повѣрить Малышеву и его пріятелямъ, что въ закладныхъ Кашина денегъ всего 20,000 рублей, то на какія деньги строилъ свои бани Малышевъ? Долговъ у него, по его словамъ, кромѣ исчисленныхъ, всего 7 или 8 тысячъ. Доходы съ банъ шли на проценты и на прожитіе.

«Вотъ къ чему уполномочиваютъ насъ твердыя данныя дѣла. Вопреки свидѣтельскимъ показаніямъ, воздвигнутый Малышевымъ домъ является рѣшающимъ свидѣтелемъ и обвинителемъ своего хозяина. Если Малышевъ правъ, то онъ долженъ указать источникъ для постройки дома; если Кашина закладныя денежны, то находится источникъ для постройки дома, и количество долговъ хозяина вмѣстѣ съ небольшимъ капиталомъ, которымъ онъ владѣлъ, вполне соответствуетъ установленной стоимости зданія. Сказанное даетъ мнѣ право сомнѣваться въ достовѣрности словъ Малышева и другихъ свидѣтелей, поддерживающихъ его. Очевидно приходится выбирать, или вѣрить жалобщику или Кашину. Слово жалобщика бываетъ иногда неотразимо. Когда преступленіе оставляетъ слѣдъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о злой волѣ и нарушенномъ правѣ, когда мертвое тѣло, или глубокая рана, или очевидно нарушенное рукой нападающаго зданіе свидѣлствуютъ о преступленіи, а потерпѣвшій указываетъ на виновниковъ, къ нему относишься съ довѣріемъ. Зачѣмъ будетъ потерпѣвшій, если онъ знаетъ виновника ущерба, оговаривать невиннаго и прикрывать своего истиннаго врага? Правосудіе провѣряетъ лишь то: не заблуждается-ли потерпѣвшій, не быстръ-ли онъ въ подозрительности? Но если предметомъ дѣла служитъ фактъ безразличный, текстъ акта, подпись жалобщика, сами по себѣ имѣющія одинаковую вѣдливость съ самыми законными проявленіями человѣческихъ дѣй-

ствій, тогда слова жалобщика должны быть провѣрены съ величайшимъ вниманіемъ: онъ беретъ на себя не только указать на виновника, но онъ словомъ своимъ клеймить именемъ преступленія то, что само по себѣ не носитъ слѣдовъ зла. Тамъ слѣды нарушеннаго права свидѣлствуютъ о вредѣ и убыткахъ. Присуждая за убитаго кормильца семьи или за изувѣченіе работника, вы даете истцу то, чего стоитъ нарушенный интересъ. Но довѣряя истцу, что актъ подложенъ, или текстъ его не соотвѣтствуетъ волю, или сумма вписаннаго долга больше дѣйствительности, вы, быть можетъ, даете жалобщнику выгоды безъ соотвѣтствующей потери; быть можетъ, и злонамѣреніе не на скамьѣ подсудимыхъ, а на скамьѣ потерпѣвшихъ.

«Вникните же въ значеніе того обстоятельства, о которомъ я сказалъ—говорю о стоимости дома и средствахъ Малышева.

«Теперь сведемъ концы.

«Ростовщичество зло. Никогда не рѣшусь я утверждать, что преслѣдованіе его вредно вліяетъ на кредитъ. Ожидая подобнаго возраженія съ моей стороны, гражданскій истецъ ошибся въ догадкахъ. Нѣтъ, никакія соображенія финансового свойства не извиняютъ терпимости къ данному злу. На этой почвѣ не вырвать у васъ оправданія тотъ, кто защищаетъ ростовщичество само въ себѣ. Я защищаю Кашина по недовѣрію къ жалобѣ. Я защищаю его, противъ вторичной критикѣ всей его прошлой жизни, и на этой почвѣ стоя, думаю, что защищаю его законно и согласно съ данными дѣла.

«Судить сегодня Кашина вторично за сухость сердца, за неумѣренную погоню за богатствомъ, не различая средствъ,—несправедливо: это будетъ превышеніемъ мѣры, на какую уполномочиваетъ васъ велѣніе совѣсти. Больше, чѣмъ гдѣ, вамъ здѣсь надо показать, что правосудіе есть чувство мѣры, и было бы странно, судя человѣка за забвеніе мѣры въ погонѣ за интересомъ, нарушать ее въ погонѣ за строгостью и внушительностью кары закона.

Въ тяжелой карѣ Кашинъ и не нуждается. За свои нравственныя ошибки онъ несетъ заслуженную казнь. Позд-

нимъ урокомъ онъ наученъ, что не даромъ сказано: «богатство еще течетъ, не прилагай сердца»; позднимъ урокомъ онъ убѣжденъ, что живо и отвратительно то состояніе духа, когда въ избыткѣ благъ земныхъ, человѣкъ тѣшитъ себя, говоря: «душа, всего у тебя много, покойся, ѣшь, пей и веселись». Ему собственная совѣсть вѣроятно не разъ говорила, указывая на разразившуюся бурю, на разрушенный строй его жизни: «безумецъ, когда истязаютъ твою душу, яже уготовалъ, кому будетъ?»

«Подумайте лучше о томъ: не пришли ли здѣсь, пользуясь тѣмъ, что онъ осужденъ и отвергнутъ, попытаться вырвать у васъ обвинительное рѣшеніе, чтобы добиться освобожденія отъ должнаго? Припомните, что жалобникъ вступилъ въ отношенія съ Кашинымъ еще въ 94 и 95 годахъ. Что же онъ молчалъ? Что же тогда онъ не призывалъ на помощь власть и законы, что же тогда не стоялъ отъ боли, а спустя нѣсколько лѣтъ, заплакалъ заднимъ числомъ? Не ошибиться бы намъ... Дурно и гадко въ погоню за наживой, пользуясь всѣми способами и случаями въ жизни, увеличивать свое добро тяготой ближняго, но еще хуже и гаже, если для того, чтобы приобрѣсть недолжное, не задумываются несправедливыми жалобами, рассчитанными на предубѣжденіе противъ человѣка, искать его гибели и почитать себя счастливыми въ тотъ моментъ, когда имъ удастся перешагнуть чрезъ напрасно погубленнаго и схватить то, что имъ не принадлежитъ.

«Гдѣ правда, — я не берусь сказать, но сомнѣніе въ томъ, что жалоба не богата этой правдой, у меня велико, и я прошу васъ вашей соборной совѣстью и вашимъ объединеннымъ вниманіемъ разрѣшите по правдѣ загадочный вопросъ настоящаго дѣла».

Послѣ непродолжительнаго совѣшанія присяжные заседатели признали Кашина виновнымъ, и судъ приговорилъ его къ ссылкѣ на жительство въ Олонецкую губ. съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго ему для жительства, въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ удовлетвореніе гражданскаго иска Малышева опредѣлено признать двѣ взятыхъ имъ загладныхъ педѣйствительными.

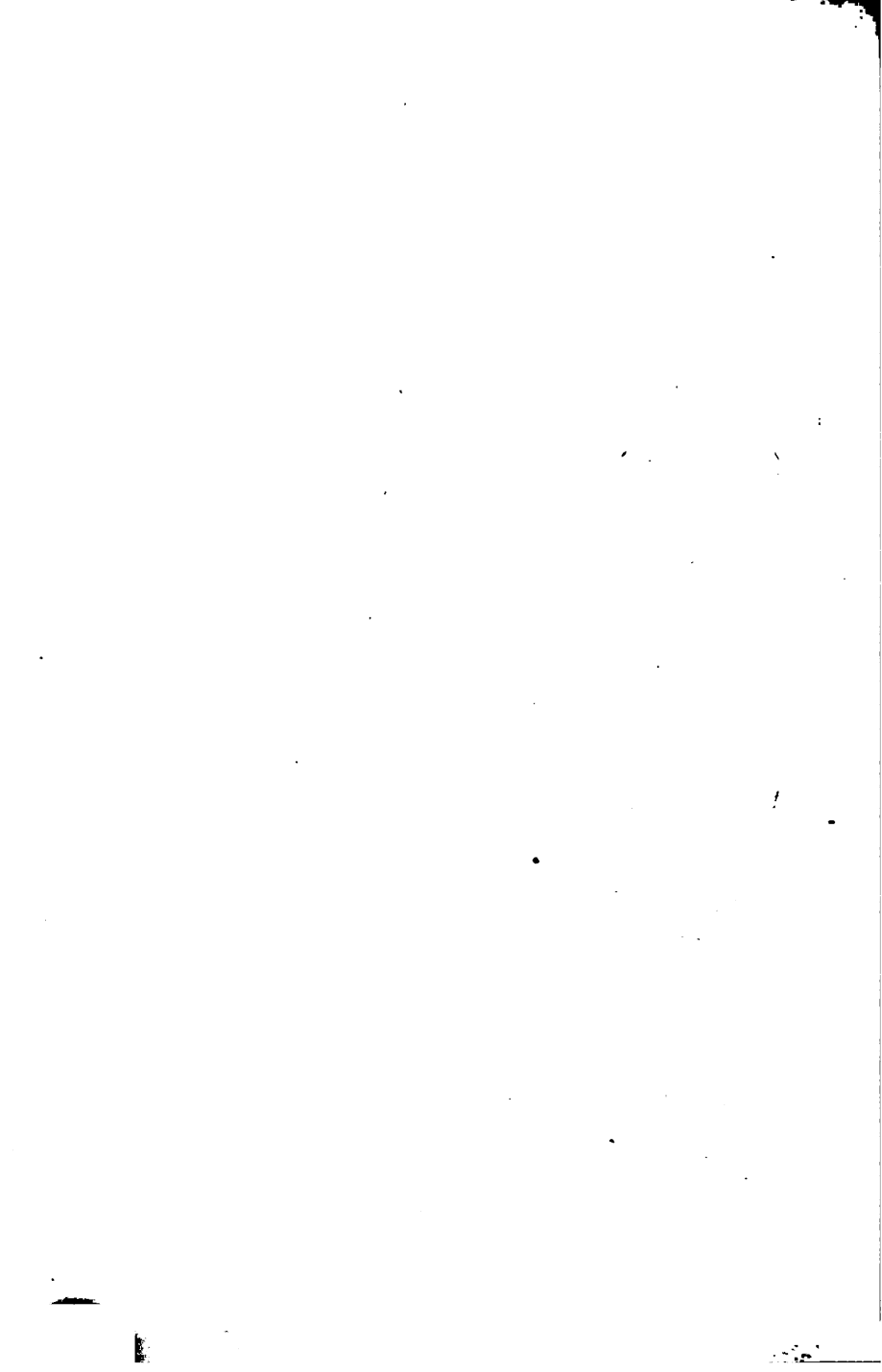

Роде и А. В. Лохвицкій.

ДѢЛО АЛЕКСАНДРА БИЛЬБАСОВА.

РЪЧИ

въ защиту и обвиненіе.

ДѢЛО АЛЕКСАНДРА БИЛЬБАСОВА

С.-Петербургскій Окружной Судъ.

Засѣданіе 5 и 6 Октября 1868 года.

ПЕРВОНАЧАЛЬНО къ уголовной отвѣтственности привлечены были двое: титулярный совѣтникъ Александръ Бильбасовъ и губернский секретарь Константинъ Ивановъ, и присяжные засѣдатели общимъ подсудимымъ вынесли обвинительный приговоръ. Ивановъ не обжаловалъ рѣшенія и оно вошло для него въ законную силу. Подсудимый-же Бильбасовъ принесъ правительствующему сенату кассационную жалобу, который, рассмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что окружной судъ при производствѣ дѣла нарушилъ существенныя формы и порядки судопроизводства и потому, отмѣнивъ состоявшееся рѣшеніе, предписалъ рассмотреть дѣло вновь. При вторичномъ разбирательствѣ защиту Бильбасова принималъ на себя докторъ правъ А. Лохвицкій.

Вотъ обстоятельства дѣла, какъ онѣ изложены въ обвинительномъ актѣ.

Въ 1858 году князь С. С. Гагаринъ выдалъ вдовѣ подполковника П. А. Засѣцкой два заемныя письма, каждое

на сумму 15,000 р. Въ началѣ 1865 г. Засѣцкая, находившаяся въ то время заграницею, выслала своей дочери, женѣ штабсъ-ротмистра Надеждѣ Петровой Кушниковой, довѣренность, 5-го (17-го) февраля 1865 г. российскимъ вице-консуломъ въ Байонѣ засвидѣтельствованную. Эта довѣренность была выслана съ цѣлью доставить Кушниковой право получить отъ князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина, какъ проценты по выданнымъ имъ Засѣцкой заемнымъ письмамъ, такъ равно и капитальную сумму въ случаѣ, еслибы князь Гагаринъ согласился на полную уплату всего долга. Въ силу этого вѣрующаго письма, Кушникова, какъ выражено въ этомъ документѣ, уполномочивалась принимать уплаты отъ должниковъ своей матери и въ полученіи денегъ выдавать росписки.

24-го февраля 1865 года, уволенный отъ службы титулярный совѣтникъ Александръ Алексѣевъ Бильбасовъ, предъявивъ князю Сергѣю Сергѣеву Гагарину и повѣренному его статскому совѣтнику, двора Его Императорскаго Величества камергеру, графу Петру Григорьевичу Шувалову, а также присутствовавшему присемъ статскому совѣтнику Адольфу Викентьевичу Дмоховскому вышеприведенную, данную Засѣцкою на имя дочери, довѣренность, и заявивъ, что онъ дѣйствуетъ въ качествѣ уполномоченнаго Кушниковою лица, получилъ три выкупныя свидѣтельства, за №№ 29,247, 29,248 и 29,249, на сумму въ 10,000 руб. каждое, и деньгами 750 р., каковыя свидѣтельства и деньги были ему, Бильбасову, переданы статскимъ совѣтникомъ Дмоховскимъ, по порученію графа Шувалова, и имъ, Бильбасовымъ, получены въ полную уплату капитала и процентовъ, слѣдовавшихъ съ князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина по выданнымъ въ 1858 году вдовѣ подполковника Засѣцкой заемнымъ письмамъ.

Въ удостовѣреніе таковой уплаты, титулярный совѣтникъ Бильбасовъ вручилъ статскому совѣтнику Дмоховскому, переданную послѣднимъ графу П. Г. Шувалову росписку, которая, по завѣренію Бильбасова, была написана рукою Кушниковой и ею подписана. На роспискѣ этой, подъ подписью Кушниковой, находится засвидѣтель-

ствование руки ея, подписанное надзирателемъ 1-го квартала Литейной части Костевичемъ, и у этого засвидѣтельствования приложена печать.

Вышеозначенною роспискою жена штабсъ-ротмистра Надежда Петровна Кушникова удостовѣрила, что она получила полное удовлетвореніе какъ въ капиталѣ, такъ и въ процентахъ, по двумъ выданнымъ ея матери княземъ Сергѣемъ Сергѣевымъ Гагаринымъ заемнымъ письмамъ, каждое на сумму въ 15,000 р. Приэтомъ Кушникова въ той же роспискѣ объяснила, что такая выдана ею вмѣсто возвращенія подлинныхъ заемныхъ писемъ, которые находятся у ея матери и должны за уплатою почитаться уничтоженными. Къ этому Кушникова также присовокупляла, что подлинныя заемныя письма будутъ возвращены немедленно по полученіи ихъ.

Въ январѣ 1866 года обнаружилось, что вышеприведенная, представленная Вильбасовымъ при полученіи должной княземъ Гагаринымъ суммы и писанная отъ имени жены штабсъ-ротмистра Кушниковой, росписка, а также находящееся на этомъ документѣ засвидѣтельствованіе руки Кушниковой,—подложны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалось также, что Кушникова не получала отъ титулярнаго содѣлника Вильбасова выкупныхъ свидѣтельствъ и денегъ, которыя онъ принялъ въ уплату долга князя Сергѣя Сергѣева Гагарина.

Изъ произведеннаго объ этомъ предварительнаго слѣдствія видно: эксперты, производившіе сличеніе почерковъ, нашли, что почеркъ руки, которою писана и подписана подложная росписка, не имѣетъ сходства съ почеркомъ жены штабсъ-ротмистра Кушниковой.

Изъ показаній, данныхъ вдовою подполковника Прасковьею Алексѣевою Засѣцкою и сыномъ ея, подполковникомъ Александромъ Петровичемъ Засѣцкимъ, слѣдуетъ заключить, что въ февралѣ 1865 г. Кушникова не была въ состояніи писать, такъ какъ находилась въ болѣзненномъ состояніи, бывшемъ причиною ея смерти, послѣдовавшей въ мартѣ того же года.

Младшій помощникъ надзирателя 3-го квартала Литей-

ной части Костевичъ, по предъявленіи ему засвидѣтельствванія руки Кушниковой на подложной роспискѣ, находящуюся на засвидѣтельствваніи этомъ подпись за свою не призналъ и при этомъ объяснилъ, что онъ никогда на службѣ въ 1-мъ кварталѣ Литейной части не состоялъ.

Эксперты, сличавшіе почерки, нашли, что почеркъ руки, которою подписано подложное засвидѣтельствваніе на роспискѣ, имѣетъ сходство съ почеркомъ Костевича только въ первоначальной буквѣ «К», въ остальныхъ же буквахъ сходства не имѣетъ.

По осмотрѣ полицейской печати, приложенной къ подложному засвидѣтельствванію, оказалось, что сургучъ отломанъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть номеръ квартала.

Изъ объясненій и показаній статскаго совѣтника, двора Его Императорскаго Величества камергера, графа Петра Григорьевича Шувалова, данныхъ при предварительномъ слѣдствіи, видно, что въ декабрѣ 1864 г. князь Сергій Сергѣевичъ Гагаринъ поручилъ статскому совѣтнику Дмоховскому предложить вдовѣ подполковника Засѣцкой, чтобы она приняла въ уплату выданныхъ ей въ 1858 г. двухъ заемныхъ писемъ рыкупныя свидѣтельства, по нарицательной цѣнѣ ихъ.

Статскій совѣтникъ Адольфъ Викентьевъ Дмоховскій на допросѣ показалъ, что онъ имѣлъ отъ князя Сергія Сергѣевича Гагарина порученіе вести со вдовою подполковника Засѣцкаго переговоры объ уплатѣ должныхъ ей по заемнымъ письмамъ денегъ; былъ на квартирѣ Засѣцкой, но узнавъ, что она находилась за границею, обратился къ ея дочери, жевѣ штабсъ-ротмистра Надеждѣ Петровой Кушниковой.

При свиданіи съ Дмоховскимъ, Кушникова объяснила, что она, будучи уполномочена своею матерью только на полученіе отъ князя Сергія Сергѣевича Гагарина слѣдующихъ съ него по заемнымъ письмамъ процентовъ, не имѣетъ довѣренности на уплату капитальной суммы. Въѣстѣ съ тѣмъ, Кушникова общала, однакожъ, Дмоховскому

прислать повѣреннаго своего, титулярнаго совѣтника Бильбасова, для переговоровъ по этому дѣлу.

Послѣ предварительныхъ переговоровъ, происходившихъ между статскимъ совѣтникомъ Дмоховскимъ и графомъ Шуваловымъ съ одной стороны и обвиняемымъ Бильбасовымъ съ другой, послѣдній заявилъ о готовности Кушниковой принять уплату слѣдовавшихъ матери ея по долгу князя Гагарина денегъ выкупными свидѣтельствами по нарицательной цѣнѣ ихъ. При этомъ титулярный совѣтникъ Бильбасовъ требовалъ, чтобы, кромѣ капитальной суммы, были уплачены Кушниковой и причитавшіеся по долгу князя Гагарина проценты, въ количествѣ 750 руб.

Изъ дальнѣйшихъ показаній статскаго совѣтника Дмоховскаго, а также объясненій графа Шувалова видно, что 23-го февраля 1865 г. титулярный совѣтникъ Бильбасовъ, пріѣхавъ къ графу Шувалову и заявивъ ему о согласіи Кушниковой принять отъ князя Гагарина должную имъ сумму, предъавлялъ, въ присутствіи Дмоховскаго, засвидѣтельствованную российскимъ вице-консуломъ въ Байонѣ довѣренность, которую Засѣцкая выслала своей дочери. При этомъ обвиняемый Бильбасовъ показывалъ графу Шувалову и статскому совѣтнику Дмоховскому, оказавшуюся впослѣдствіи подложною, росписку, писанную отъ имени жены штабсъ-ротмистра Кушниковой въ удостовѣреніе полученія ею должныхъ княземъ Гагаринымъ Засѣцкой денегъ. Такъ какъ подлинныя заемныя письма не могли быть возвращены при уплатѣ долга, то графъ Шуваловъ и отказалъ въ своемъ согласіи на уплату Кушниковой должныхъ княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ денегъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ титулярному совѣтнику Бильбасову подождать возвращенія находившагося въ то время въ отсутствіи князя Гагарина, который, между тѣмъ, прибылъ въ С.-Петербургъ на слѣдующій же день, то есть 4-го февраля.

По свидѣтельству князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина, графа Петра Григорьевича Шувалова и статскаго совѣтника Дмоховскаго, 24-го февраля 1865 года обвиняемый Бильбасовъ предъавлялъ вышепоименованнымъ свидѣтелямъ

подложную росписку, писанную отъ имени жены штабсъ-ротмистра Кушниковой въ удостовѣреніе уплаты должныхъ княземъ Гагаринымъ денегъ, а также засвидѣтельство-ванію російскимъ вице-консуломъ въ Байонѣ довѣрен-ность, которую вдова подполковника Засѣцкая выслала своей дочери. Послѣ того, какъ документы эти, по раз-смотрѣніи ихъ, были признаны достаточными, графъ Петръ Григорьевичъ Шуваловъ передалъ статскому совѣтнику Дми-ховскому чекъ на государственный банкъ въ 750 руб. и три выкупныя свидѣтельства, на сумму въ 10,000 руб. каждое.

Кромѣ вышеизложеннаго, статскій совѣтникъ Дмиховскій при предварительномъ слѣдствіи показалъ, что онъ, получивъ отъ графа Шувалова чекъ и выкупныя свидѣ-тельства, отправился въ государственный банкъ вмѣстѣ съ обвиняемымъ Бильбасовымъ. Получивъ изъ банка слѣдовавшіе по чеку 750 р., Дмиховскій, въ сопровож-деніи его же, Бильбасова, поѣхалъ къ биржевому нотарі-усу Карлу Гамдорфу для совершенія акта о передачѣ по-лученныхъ отъ графа Шувалова выкупныхъ свидѣтельствъ. При составленіи акта обвиняемый Бильбасовъ заявилъ, что Кушникова уже запрдала переданныя графомъ Шу-валовымъ выкупныя свидѣтельства третьему лицу, на имя котораго, какъ оказалось при слѣдствіи, севастопольскаго купца 1-й гильдіи Грегера, и просила переписать свидѣ-тельства. По засвидѣтельствованіи передаточнаго акта и запискѣ его въ нотаріальную книгу, Дмиховскій, вмѣстѣ съ конторщикомъ нотаріуса Гамдорфа, отправился къ графу Шувалову. Между тѣмъ, обвиняемый поѣхалъ въ нахо-дящійся на углу Невскаго проспекта и Большой Коню-шенной улицы кафе-ресторанъ Доминика, гдѣ общалъ ожидать статскаго совѣтника Дмиховскаго, который по желанію его, Бильбасова, долженъ былъ прибыть туда для передачи выкупныхъ свидѣтельствъ и денегъ. По рос-пискѣ графа Шувалова, въ привезенной конторщикомъ нотаріуса книгѣ, Дмиховскій отправился въ кафе-ресторанъ Доминика, гдѣ и вручилъ ожидавшему его обвиняемому Бильбасову полученные отъ графа Шувалова три выкуп-

ныя свидѣтельства, за №№ 29,427, 27,428 и 29,429, на сумму въ 10,000 р. каждое, а также деньгами 750 р., а отъ него, Бильбасова, принялъ подложную росписку, писанную отъ имени жены штабсъ-ротмистра Кушниковой, которую Дмоховскій тотчасъ же отвезъ графу Шувалову.

Подтверждая вышензложенное показаніе, графъ Петръ Григорьевичъ Шуваловъ удостовѣрилъ, что черезъ непродолжительное время по передачѣ выкупныхъ свидѣтельствъ и чека статскому совѣтнику Дмоховскому, послѣдній привезъ ему писанную отъ имени Кушниковой подложную росписку, каковую онъ, графъ Шуваловъ, призналъ за ту самую, которую предъявлялъ ему обвиняемый Бильбасовъ.

По осмотру установленной для записки актовъ по передачѣ выкупныхъ свидѣтельствъ и $5\frac{1}{2}$ % ренты книги биржеваго нотариуса Гамдорфа за 1865 годъ, оказалось, что на 15-й страницѣ, подъ № 112, записанъ актъ отъ 24 февраля, которымъ статскій совѣтникъ, двора Его Императорскаго Величества камергеръ, графъ Петръ Григорьевичъ Шуваловъ, на основаніи довѣренности, выданной ему ротмистромъ княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ и с.-петербургскою гражданскою палатою установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованной, передалъ севастопольскому 1-й гильдіи купцу Егору Иванову Грегеру въ полную собственность три выкупныхъ свидѣтельства отъ 1 февраля 1865 г., за №№ 29,429, 28,428 и 27,427 цѣною въ 10,000 р. каждое.

Конторщикъ биржеваго нотариуса Гамдорфа, прусскій подданный Юлій Гиргардтъ, при предварительномъ слѣдствіи показалъ, что 24 февраля 1865 г. въ контору нотариуса Гамдорфа явились: статскій совѣтникъ Дмоховскій и обвиняемый Бильбасовъ, для совершенія отъ имени графа Шувалова акта о передачѣ выкупныхъ свидѣтельствъ. При составленіи акта Бильбасовъ просилъ, чтобы передача выкупныхъ свидѣтельствъ была совершена на имя купца Грегера. Послѣ сего конторщикъ Гиргардтъ, вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Дмоховскимъ, ѣздилъ къ графу

Шувалову, который подписалъ актъ и росписался въ нотаріальной книгѣ; Бильбасовъ же изъ конторы Гамдорфа отправился въ кафе-ресторанъ Доминика.

Севастопольскій 1-й гильдіи купецъ Егоръ Ивановъ Грегеръ показалъ, что 24 февраля 1895 г. онъ получилъ черезъ контору Лампе и К° три выкупныя свидѣтельства на сумму 30,000 р. Изъ показанія с.-петербургскаго 1-й гильдіи купца, полковника Петра Иванова Лампе, конторщика его, фридрихсгамскаго купеческаго сына Адольфа Кюпа, и кассира, артельщика Николая Суслова, видно, что купецъ Грегеръ дѣйствительно получилъ черезъ контору Лампе и К° выкупныя свидѣтельства князя Гагарина. При допросѣ эти свидѣтели отозвались, что не помнятъ, кто именно принесъ въ контору означенныя, переданныя купцу Грегеру, свидѣтельства, а также кто получилъ выроченныя чрезъ продажу ихъ деньги. Выѣстъ съ тѣмъ, свидѣтели Кюпъ и Сусловъ удостовѣряли, что обвиняемый Бильбасовъ часто бывалъ въ конторѣ Лампе и К°.

Полковникъ Александръ Петровичъ Засѣцкій при предварительномъ слѣдствіи, между прочимъ, показалъ, что въ январѣ или февралѣ 1865 г., будучи вызванъ въ С.-Петербургъ больною сестрою своею, Кушниковою, однажды присутствовалъ при томъ, какъ обвиняемый Бильбасовъ привезъ ей 3,000 рублей, въ уплату процентовъ, слѣдовавшихъ по долгу князя Гагарина матери его, вдовѣ подполковника Засѣцкой. Изъ объясненій графа Петра Григорьевича Шувалова и показанія статскаго совѣтника Дмоховскаго, между прочимъ, видно, что графъ Шуваловъ, не получая подлинныхъ заемныхъ писемъ князя Сергѣя Сергѣева Гагарина, возвращеніе которыхъ было обѣщано въ выданной отъ имени Кушниковой роспискѣ, обратился къ Дмоховскому съ просьбою узнать, скоро ли будутъ присланы эти документы.

При дѣлѣ находится подлинное письмо отъ 2-го іюля 1865 г., полученное графомъ Шуваловымъ отъ статскаго совѣтника Дмоховскаго, который увѣдомляетъ, что, видѣвшись съ обвиняемымъ Бильбасовымъ, онъ узналъ отъ послѣдняго, что заемныя письма уже получены въ Санкт-

петербургскомъ почтамтѣ, но остаются невзятыми, такъ какъ за пересылку ихъ требуютъ 230 руб., которыхъ вдова подполковника Засѣцкая не желаетъ уплатить. При этомъ, Дмоховскій сообщалъ графу Шувалову, что въ то время въ почтовомъ вѣдомствѣ происходила, какъ онъ узналъ о томъ отъ обвиняемаго Вильбасова, переписка объ освобожденіи Засѣцкой отъ уплаты части той суммы, которая слѣдовала за пересылку вышеозначенныхъ писемъ.

Справедливость вышеизложеннаго обстоятельства подтверждается показаніемъ вдовы подполковника Засѣцкой, которая, между прочимъ, объяснила, что она получила изъ с.-петербургскаго почтамта заемныя письма князя Гагарина только по разрѣшеніи происходившей о нихъ переписки, послѣдовавшей въ ноябрѣ или декабрѣ 1865 года. Изъ объясненій вдовы подполковника Прасковьи Алексѣевой Засѣцкой, данныхъ при предварительномъ слѣдствіи, между прочимъ, видно, что Засѣцкая возвратилась изъ-за границы въ С.-Петербургъ въ маѣ или іюлѣ 1865 года. Не получая отъ князя Гагарина денегъ, слѣдовавшихъ въ уплату процентовъ по выданнымъ имъ въ 1858 году заемнымъ письмамъ, она обратилась за совѣтомъ къ обвиняемому Вильбасову. Вильбасовъ принялъ на себя трудъ устроить дѣло и затѣмъ, при свиданіи съ Засѣцкой, неоднократно объяснялъ ей, что ведетъ переговоры съ повѣреннымъ князя Гагарина, графомъ Шуваловымъ, и статскимъ совѣтникомъ Дмоховскимъ. При этомъ обвиняемый Вильбасовъ постоянно жаловался на неудачу въ свиданіи съ графомъ Шуваловымъ. Наконецъ, однажды обвиняемый Вильбасовъ, пріѣхавъ къ Засѣцкой, объявилъ ей, что графъ Шуваловъ передалъ ему въ уплату слѣдующихъ съ князя Гагарина процентовъ чекъ на государственный банкъ, что онъ сѣздилъ въ банкъ, но не могъ получить денегъ, такъ какъ въ чекѣ оказалась ошибка.

Полковникъ Александръ Петровичъ Засѣцкій, подтверждая вышеизложенное объясненіе своей матери, между прочимъ, показалъ, что онъ, видя безуспѣшность тѣхъ мнимыхъ переговоровъ, которые, будто бы, велъ обвиняемый по

просьбѣ Засѣцкой, однажды, при свиданіи, выразилъ Бильбасову о намѣреніи своемъ съѣздить въ Тульскую губернію, гдѣ постоянно живетъ князь Гагаринъ, для личнаго съ нимъ свиданія. На это обвиняемый Бильбасовъ увѣрилъ полковника Засѣцкого, что ему не предстоитъ никакой надобности ѣхать въ Тульскую губернію, такъ какъ въ С.-Петербургѣ находится повѣренный князя Гагарина, графъ Шуваловъ, котораго онъ, Бильбасовъ, знаетъ и съ которымъ общалъ переговоры. Поэтому Засѣцкій неоднократно видѣлся съ обвиняемымъ Бильбасовымъ, который постоянно рассказывалъ о тѣхъ неудачахъ, которыя онъ имѣлъ въ переговорахъ съ графомъ Шуваловымъ, то объясняя, что не засталъ послѣдняго дома, то утверждая, что у графа Шувалова нѣтъ наличныхъ денегъ для уплаты слѣдовавшихъ съ князя Гагарина процентовъ. Наконецъ, около 10-го декабря 1865 года обвиняемый Бильбасовъ общалъ вдовѣ подполковника Засѣцкой привезти безъ замедленія деньги, объясняя, что ему должны въ слѣдующій же день выдать изъ конторы графа Шувалова чекъ на государственныя банкъ. Между тѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ этого объясненія, отъ обвиняемаго Бильбасова не было получено ни обѣщанныхъ имъ денегъ и никакого увѣдомленія. Поэтому, полковникъ Засѣцкій затѣжалъ къ обвиняемому Бильбасову, который увѣрилъ его въ томъ, что въ тотъ же день получить изъ государственнаго банка слѣдовавшія по чеку деньги. Но, вмѣсто денегъ, Засѣцкій получилъ отъ Бильбасова представленное къ дѣлу въ подлинникѣ, будто-бы писанное изъ государственнаго банка, письмо, въ которомъ обвиняемый увѣдомляетъ, что не могъ получить денегъ, такъ какъ въ чекѣ оказалась ошибка. При этомъ, обвиняемый Бильбасовъ выражалъ въ письмѣ желаніе видѣться съ Засѣцкимъ. При личномъ свиданіи съ послѣднимъ, происходившемъ въ тотъ же день, обвиняемый Бильбасовъ подтвердилъ полковнику Засѣцкому все изложенное въ вышеприведенномъ письмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрилъ, что на другой же день возьметъ изъ конторы графа Шувалова другой чекъ, по которому можно будетъ

безпрепятственно получить деньги. Продавъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ отъ Бильбасова не было ни денегъ, ни отвѣта, полковникъ Засѣцкій рѣшился имѣть личное свиданіе съ графомъ Шуваловымъ. Поэтому, прѣѣхавъ къ Бильбасову, Засѣцкій спрашивалъ его объ адресѣ графа Шувалова. На вопросъ о томъ, гдѣ живетъ послѣдній, обвиняемый Бильбасовъ отвѣчалъ, что не помнитъ въ чьемъ домѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Бильбасовъ предложилъ полковнику Засѣцкому сѣздить съ нимъ къ графу Шувалову. Получивъ согласіе Засѣцкаго, обвиняемый нѣсколько разъ даже назначалъ время для свиданія, но каждый разъ уклонялся подъ разными предлогами отъ посѣщенія графа Шувалова. Наконецъ, 23-го декабря 1865 года, обвиняемый Бильбасовъ вручилъ полковнику Засѣцкому, будто бы, полученные имъ отъ графа Шувалова, въ счетъ слѣдовавшихъ съ князя Гагарина процентовъ, 1,500 руб. Приэтомъ обвиняемый Бильбасовъ объяснилъ Засѣцкому, что остальные деньги будутъ доставлены немедленно по сбытѣ какихъ-то акцій, которыя графъ Шуваловъ передалъ ему для продажи.

Вышензложенное показаніе полковника Засѣцкаго подтверждается объясненіемъ его матери, вдовы подполковника Прасковьи Алексѣевой Засѣцкой удостовѣрившей, что она дѣйствительно около этого времени получила отъ своего сына 1,500 руб., которое тотъ передалъ ей какъ деньги, полученные имъ чрезъ обвиняемаго Бильбасова въ счетъ уплаченныхъ графомъ Шуваловымъ процентовъ по долгу князя Гагарина. Независимо отъ всего приведеннаго выше, изъ объясненій вдовы подполковника Засѣцкой, между прочимъ, видно, что она, имѣя намѣреніе вновь отправиться за границу на неопредѣленное продолжительное время, выразила обвиняемому Бильбасову свое желаніе, чтобы выданные княземъ Гагаринымъ въ 1858 году заемныя письма были замѣнены новыми. Бильбасовъ вызвался вести переговоры по этому предмету и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просилъ Засѣцкую выдать ему подлинныя заемныя письма, но Засѣцкая не согласилась на это, говоря, что возвратитъ старыя документы по полученіи новыхъ. Чрезъ

нѣсколько дней послѣ этого разговора, обвиняемый Бильбасовъ объяснялъ Засѣцкой, что графъ Шуваловъ согласенъ выдать, какъ повѣренный князя Гагарина, новыя крѣпостныя письма, представилъ Засѣцкой для подписанія проекты этихъ документовъ, увѣряя, что эта формальность необходима для совершенія крѣпостныхъ актовъ. Послѣ того обвиняемый Бильбасовъ, при свиданіи съ Засѣцкой, неоднократно увѣрялъ, что не можетъ привезти новыхъ заемныхъ писемъ, такъ какъ одинъ изъ членовъ гражданской палаты при совершеніи ихъ встрѣтилъ затрудненія по формѣ.

Свидѣтели: генераль-маіоръ Лазарь Лазаревичъ Лазаревъ, генераль отъ кавалеріи Карпъ Лукьяновичъ Монтрезоръ и тайный совѣтникъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, удостовѣрили, что однажды, въ бытность ихъ удовы подполковника Засѣцкой, послѣдняя спрашивала Бильбасова о томъ, когда онъ привезетъ совершаемыя въ гражданской палатѣ отъ имени князя Гагарина заемныя письма. На этотъ вопросъ обвиняемый Бильбасовъ отвѣчалъ, что дня черезъ два или три.

Видя себя нѣсколько разъ обманутою обвиняемымъ Бильбасовымъ, вдова подполковника Засѣцкая обратилась къ зятю двоему генераль-маіору барону Меллеру - Закомельскому, съ просьбою имѣть свиданіе съ княземъ Гагаринымъ или графомъ Шуваловымъ.

Изъ показанія барона Меллера-Закомельскаго, даннаго при предварительномъ слѣдствіи, между прочимъ, видно, что онъ, при свиданіи съ графомъ Шуваловымъ, узналъ отъ послѣдняго объ уплатѣ должныхъ княземъ Гагаринымъ по заемнымъ письмамъ денегъ, послѣдовавшей 24 февраля 1865 года.

Изъ дальнѣйшихъ показаній барона Меллера-Закомельскаго и объясненій вдовы подполковника Засѣцкой видно, что къ послѣдней прибылъ 20 января 1866 г. обвиняемый Бильбасовъ, который просилъ позволенія объясниться съ Засѣцкою наединѣ. Послѣ замѣчанія Засѣцкой, что присутствіе барона Меллера-Закомельскаго не должно его стѣснять обвиняемый Бильбасовъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ

сказалъ: «Прасковья Алексѣевна, я пришелъ къ вамъ съ повинною головою: деньги я получилъ; судьба моя, жены, дѣтей моихъ въ вашихъ рукахъ; прошу васъ, сжаьтесь надо мною; я сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ, для того, чтобы обезпечить вамъ уплату денегъ.» При этомъ обвиняемый Бильбасовъ говорилъ, что, желая возвратить Засѣцкой деньги изъ слѣдующихъ ему отъ нѣкого Рывина 60,000 руб., онъ даже согласился уступить по мировой сдѣлкѣ до 30,000 р., чтобы только получить эту сумму къ 15 января. Объясняя, однакожъ, что сдѣлка не состоялась, обвиняемый Бильбасовъ со слезами на глазахъ умолялъ Засѣцкую подождать до субботы, 22 января, обѣщая доставить ей въ этотъ день документы, которые могли бы служить вѣрнымъ обезпеченіемъ. На вопросы, какимъ образомъ получилъ онъ деньги, кто росписался въ ихъ полученіи и поручала ли ему покойная Кушникова принять уплату, обвиняемый отвѣчалъ, что повѣрилъ ему Дмоховскій и что росписку выдалъ онъ, не имѣя на то порученія отъ Кушниковой.

Черезъ два дня послѣ сего, т. е. 22 января 1866 г., обвиняемый Бильбасовъ, явившись къ Засѣцкой, въ присутствіи барона Меллера-Закомельскаго и прибывшаго нѣсколько позже коллежскаго ассессора Карновича, хотя и не прямо повторилъ вышеизложенное сознаніе свое, но умолялъ Засѣцкую отдалить до вторника срокъ, назначенный для уплаты, говоря, что не успѣлъ достать документовъ, которые могли бы служить обезпеченіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиняемый Бильбасовъ вручилъ Засѣцкой 1,000 р. говоря: «Вотъ вамъ 1,000 р. Знаю, что вамъ деньги нужны; остальную сумму привезу въ непродолжительномъ времени. При этомъ, обвиняемый просилъ Засѣцкую не губить его, обѣщая доставить ей, взамѣнъ выданныхъ княземъ Гагаринымъ заемныхъ писемъ, вѣрныя обязательства отъ нѣкого Мясникова, и выражалъ надежду уговорить графа Шувалова, чтобы тотъ не преслѣдовалъ его за это дѣло.

Изъ бывшихъ при вышеизложенномъ разговорѣ свидѣтелей, находившихся частью за перегородкой той комнаты

гдѣ происходило свиданіе Бильбасова съ Засѣцкою, частью же въ сосѣдней комнатѣ, показали:

Надзиратель 1-го квартала Рождественской части Юнгъ — что происходившій между обвиняемымъ Бильбасовымъ и Засѣцкою, Карновичемъ и барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ разговоръ шелъ о какой-то роспискѣ, писанной отъ имени Кушниковой и находящейся у графа Шувалова, причемъ Бильбасовъ умолялъ Засѣцкую о снисхожденіи и увѣрялъ, что она ничего не потеряетъ. Приэтомъ обвиняемый Бильбасовъ, на вопросы барона Меллера-Закомельскаго о томъ, кѣмъ писана росписка, отвѣчалъ, что подобный вопросъ похожъ на формальное слѣдствіе.

Находившійся во время разговора за перегородкою, около того кресла, на которомъ сидѣлъ обвиняемый Бильбасовъ, царскосельскій мѣщанинъ Корнѣй Архиповъ Карнѣевъ, подтверждая показаніе надзирателя Юнга, удостоверялъ, что рѣчь шла о находящейся у графа Шувалова роспискѣ, и приэтомъ показалъ, что на вопросъ барона Меллера-Закомельскаго о томъ, какая находится у графа Шувалова подложная росписка въ полученіи 30,000 р., отвѣчалъ, что росписка отъ 15 февраля 1865 года. Когда же баронъ Меллеръ-Закомельскій спросилъ обвиняемаго, признаетъ ли онъ себя обязаннымъ уплатить 30,000 р., Бильбасовъ отвѣчалъ, что непременно заплатитъ эту сумму.

Изъ обстоятельствъ, дѣла, выше сего изложенныхъ, между прочимъ, слѣдуетъ, что на писанной отъ имени жены штабсъ-ротмистра Надежды Петровой Кушниковой подложной роспискѣ находится подложное же засвидѣтельствоваіе руки Кушниковой, подписанное подъ руку младшаго помощника надзирателя 3-го квартала Литейной части Костевича.

Подозрѣніе въ составленіи подложнаго засвидѣтествованія пало на занимающагося въ управленіи 2-го участка, бывшаго 3-го квартала Литейной части губернскаго секретаря Константина Александрова Иванова.

Изъ собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ въ отношеніи къ обвиняемому Иванову данныхъ видно: судя по объясненію, данному губернскимъ секретаремъ Ивановымъ,

подтверждаемому доставленными приставомъ 3-го участка Литейной части свидѣніями, слѣдуетъ заключить, что обвиняемый этотъ уже занимался въ 3-мъ кварталѣ Литейной части въ январѣ или февралѣ мѣсяцахъ 1865 года.

28 апрѣля 1866 года слѣдственная коммиссія, производившая по настоящему дѣлу изслѣдованіе, прибывъ въ управленіе 3-го квартала Литейной части, осматривала находящуюся въ ономъ полицейскую печать, каковая найдена совершенно сходною съ тѣмъ оттискомъ, который сдѣланъ сургучемъ у подложнаго засвидѣтельствованія руки Кушниковой на писанной отъ имени ея роспискѣ. Затѣмъ коммиссія, осматривая книгу для записки паспортовъ, нашла, что почеркъ занимающагося въ томъ кварталѣ отставнаго губернскаго секретаря Константина Александрова Иванова имѣетъ сходство съ тѣмъ, которымъ писанно подложное засвидѣтельствованіе руки Кушниковой:

Эксперты, производившіе сличеніе почерковъ, нашли, что почеркъ руки, которымъ писана надпись о засвидѣтельствovanіи на подложной роспискѣ, имѣетъ совершенное сходство съ почеркомъ Иванова.

Бывшій при сличеніи почерковъ губернскій секретарь Ивановъ заявилъ, что надпись о засвидѣтельствovanіи писана не имъ (п. 9 т. II л. 162.).

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго обвиняются: 1) уволенный отъ службы, титулярный совѣтникъ Александръ Алексѣевъ Бильбасовъ, 33 лѣтъ, въ томъ, что 24 февраля 1865 г., онъ, чрезъ сообщеніе ложныхъ извѣстій, выманилъ у князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина и повѣреннаго его, статскаго совѣтника, двора Его Императорскаго Величества камергера, графа Петра Григорьевича Шувалова, переданныя ему, Бильбасову, чрезъ посредство статскаго совѣтника Адольфа Викентьевича Дмоховскаго и слѣдовавшія въ уплату капитала и процентовъ, должныхъ княземъ Гагаринымъ по двумъ заемнымъ письмамъ, на 15 т. р. сер. каждое, выданнымъ въ 1858 г. вдовѣ подполковника Прасковѣй Алексѣевнѣ Засѣцкой, три выкупныхъ свидѣтельства за №№ 29.247 29.248 и 29.249,

цѣною въ 19 т. р. сер. каждое, и деньгами 750 р., какія свидѣтельства и деньги онъ, Бильбасовъ, себѣ присвоилъ. При томъ титулярный совѣтникъ Бильбасовъ употребилъ, какъ средство для совершенія преступленія, подложную росписку, составленную отъ имени жены штабсъ-ротмистра Надежды Петровны Кушниковой; предстутленія, въ коихъ обвиняется титулярный совѣтникъ Бильбасовъ; предусмотрѣны 2 п. 174 ст. Уст. о нак., пал. мир. суд., 1,666, 3 п. 1,671, 1,692 и 1,698 ст. Улож. о нак., изд. 1866 г.

2) Уволенный отъ службы, губернский секретарь Константинъ Александровъ Ивановъ въ томъ, что составилъ на подложной роспискѣ, писанной отъ имени жены штабсъ-ротмистра Надежды Петровны Кушниковой, подложное же засвидѣтельствованіе руки послѣдней, т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 1,692 ст. Улож. о нак., изд. 1866 г.

Посему, вышепоименованныхъ, уволенныхъ отъ службы: титулярнаго совѣтника Бильбасова и губернскаго секретари Иванова, предполагается предать суду с.-петербургскаго окружнаго суда, участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Подсудимый виновнымъ себя не призналъ.

Первымъ допрашивался Дмоховскій. По его словамъ, послѣ перевода въ конторѣ нотариуса Гамдорфа 3-хъ выкупныхъ свидѣтельствъ на сумму 30,000 р. по нарицательной цѣнѣ на имя купца Грегера, нотариусъ отпустилъ съ нимъ конторщика съ книгой, въ которой долженъ былъ расписаться у себя на дому графъ Шуваловъ. Бильбасовъ не поѣхалъ съ ними къ Шувалову, говоря, что ему тамъ дѣлать нечего, а отправился въ кондитерскую къ Доминику, куда долженъ былъ Дмоховскій привести свидѣтельства и деньги.

Гр. Шуваловъ въ одну минуту, какъ выразился свидѣтель, расписался въ книгѣ, въ одну минуту передалъ ему выкупныя свидѣтельства и деньги, кажется, около 750 р., которыя нужно было прибавить до 30 т. Отъ квартиры

гр. Шувалова на лошади Бильбасова свидѣтель поѣхалъ къ Доминику и только что вошелъ въ дверь Доминика, ему встрѣтился уже г-нъ Бильбасовъ. Свидѣтель, не снимая даже руки съ замка, вынулъ деньги изъ своего кармана, Бильбасовъ вынулъ росписку, онъ посмотрѣлъ тали самая, подалъ свидѣтельства и деньги, получилъ росписку и тотчасъ же пѣшкомъ возвратился къ гр. Шувалову. Отсутствіе его продолжалось никакъ не болѣе нѣсколькихъ минутъ, минуты 3—4 на поѣздку, минуты 2 на передачу, минутъ 6—8 на возвращеніе пѣшкомъ отъ Доминика. Свидѣтель передалъ росписку графу, тѣмъ дѣло и кончилось.

Таково въ существенныхъ чертахъ показаніе этого свидѣтеля о самомъ существенномъ обстоятельстве въ дѣлѣ — передачи денегъ, билетовъ и взятія росписки.

При перекрестномъ допросѣ правдивость показанія свидѣтеля значительно поколебалась. Сомнительнымъ показалось, какъ это свидѣтель въ одну минуту взялъ росписку и въ одну же минуту могъ ее обозрѣть, когда, по его же словамъ, онъ плохо видитъ. Это тѣмъ болѣе наводило на сомнѣніе, что росписка написана почеркомъ женскимъ, очень тонкимъ. Чтобы прочесть ее со вниманіемъ, а тѣмъ болѣе человѣку съ слабымъ зрѣніемъ, нужно много времени. Сдѣлать это въ одну минуту, въ дверяхъ кондитерской, невозможно.

Въ виду разнорѣчій показаній Дмоховскаго, данныхъ при предварительномъ слѣдствіи съ показаніями на судѣ, по просьбѣ защиты прочтено было первое его показаніе, данное судебному слѣдователю. Изъ этого показанія видно, что Дмоховскій получилъ отъ гр. Шувалова три выкупныхъ свидѣтельства и чекъ, сперва отправился въ банкъ, потомъ къ нотаріусу, гдѣ они и были переписаны на имя куупа Грегера. Затѣмъ онъ съ Бильбасовымъ отправился къ гр. Шувалову, Бильбасовъ передалъ росписку, а онъ отдалъ ему выкупныя свидѣтельства и деньги, не помнитъ всѣ ли или часть ихъ и получилъ квитанцію, которую и передалъ гр. Шувалову.

Самая росписка Кушниковой, молученная, по словамъ

Дмоховскаго, отъ Бильбасова и прочтенная на судѣ, удостоѣрена квартальнымъ надзирателемъ. Но подпись надзирателя такого рода, что ее нельзя прочесть. Между тѣмъ въ копіи съ этой росписки, сдѣланной нотариусомъ Гамдорфомъ, по желанію гр. Шувалова, фамилія является уже совершенно опредѣленная «Костевичъ», и помѣчена 1864 годомъ.

Подсудимый, по поводу показаній Дмоховскаго, обратилъ вниманіе присяжныхъ застѣдателей на то, что по словамъ свидѣтеля, онъ очень хорошо разсмотрѣлъ росписку, а между тѣмъ онъ сказалъ, что она на первой страницѣ окончилась и была написана на простой бумагѣ, въ дѣйствительности же она написана на почтовой и кончилась на второй страницѣ. Кромѣ того, дѣло происходило въ 1865 г., а росписка помѣчена 1864 г. Наконецъ, свидѣтель все хорошо помнящій, не помнить, на русскомъ или на французскомъ языкѣ написана довѣренность.

Графъ Шуваловъ, принимавшій непосредственное участіе въ расчетахъ по заемнымъ письмамъ кн. Гагарина, повторилъ показанія, включенныя въ обвинительный актъ, добавивъ, что Дмоховскій отправился со свидѣтельствами къ Бильбасову, который ожидалъ его, *какъ кажется*, въ кондитерской Доминика. Сдѣлка происходила въ февралѣ 1895 года. Въ январѣ слѣдующаго года къ свидѣтелю явился отставной генераль-маіоръ Меллеръ-Закомельскій узнать на счетъ процентовъ по заемнымъ письмамъ князя Гагарина. И когда свидѣтель объяснилъ, что уплачены не только проценты, но и показалъ копію съ росписки Кушниковой, то Меллеръ-Закомельскій объявилъ, что росписка должна быть фальшивая, потому что деньги не были получены. При этомъ свиданіи Меллеръ-Закомельскій сказалъ, что онъ давно предупредилъ г-жу Засѣцкую, что напрасно она имѣетъ такого повѣреннаго, какъ Бильбасовъ, что рано или поздно этимъ было должно кончиться, но что вѣроятно Бильбасовъ и Дмоховскій это устроили вмѣстѣ.

На другой день послѣ свиданія съ Меллеромъ-Закомельскихъ, когда свидѣтель хотѣлъ снять еще копію съ росписки чтобы передать ее Закомельскому, онъ тутъ только

въ первый разъ замѣтилъ, что на роспискѣ стоитъ вмѣсто 1865—1864 годъ и въ такомъ видѣ не рѣшился отдать ее.

На распросы защитника, свидѣтель объяснилъ, что не помнитъ, кто привозилъ къ нему росписку сначала не засвидѣтельствованную, а потомъ засвидѣтельствованную: одинъ-ли Бильбасовъ или съ Дмоховскимъ. Графъ Шуваловъ помнитъ только, что росписку онъ разъ видѣлъ не засвидѣтельствованную, а второй разъ засвидѣтельствованную.

Свидѣтель на судѣ положительно удостовѣрилъ, что Бильбасовъ былъ у него въ домѣ, когда онъ отдалъ чекъ и свидѣтельства Дмоховскому и что Бильбасовъ просилъ гр. Шувалова переписать свидѣтельство на третье лицо.

Бильбасовъ заявилъ, что этого никогда не было, ссылаясь на показаніе того же Дмоховскаго.

Князь Гагаринъ, потерпѣвшій, объяснилъ, что переговоры при посредствѣ графъ Швалова шли съ Засѣцкой объ уплатѣ какъ капитала такъ и процентовъ. Бильбасовъ былъ въ комнатѣ, когда гр. Шуваловъ выдалъ выкупныя свидѣтельства и чекъ Дмоховскому.

Подсудимый Бильбасовъ заявилъ, что этого никогда не было и это противорѣчитъ показанію кн. Гагарина, данному четыре года назадъ при слѣдствіи.

Дѣйствительно изъ прочтеннаго показанія князя Гагарина явствуется, что онъ тогда не помнилъ былъ Бильбасовъ, когда гр. Шуваловъ передалъ чекъ и выкупныя свидѣтельства г. Дмоховскому.

Кн. Гагаринъ не вспомнилъ также на судѣ и о томъ, когда истекалъ срокъ заемнымъ письмамъ, которыя онъ выдалъ Засѣцкой. По его мнѣнію, когда онъ чрезъ г. Бильбасова заплатилъ деньги Засѣцкой, срокъ еще не вышелъ. Графъ же Шуваловъ, спрошенной по этому обстоятельству, показалъ, что заемныя письма были выданы въ 1858 г. и даны были, сколько онъ помнитъ, на 10 лѣтъ.

По провѣркѣ оказалось, что заемныя письма даны на 3 года и что срокъ имъ истекъ уже 1861 году и съ тѣхъ поръ г-жа Засѣцкая могла каждый годъ потребовать капи-

тала, и что доказывается тѣмъ, что въ 1866 году она предъявляла уже эти письма ко взысканію.

Нотаріусъ Гамдорфъ отозвался запамятованіемъ, почему онъ неразборчивую подпись на роспискѣ засвидѣтельствовалъ фамиліей «Костовичъ» и не помнить также былъ ли въ его конторѣ въ это время Бильбасовъ.

Изъ прочтеннаго показанія, служившаго въ конторѣ Гамборфа Мейра, видно, что онъ помнить, какъ служившій у нихъ Гиргартъ ѣздилъ съ нотаріальной книгой къ какому-то господину и возвратясь рассказывалъ, что его пригласили поѣхать къ Доминику завтракать, но онъ не поѣхалъ.

Гиргартъ въ своемъ письменномъ показаніи подтверждаетъ, что онъ ѣздилъ къ графу Шувалову и на подѣздѣ ихъ конторы Бильбасовъ предложилъ сѣсть въ его шегольскія сани, запряженные лошадейю темной масти, хорошей породы. Бильбасовъ пригласилъ его позавтракать къ Доминикину, «и пить шампанское, что съ нимъ случилось всего одинъ разъ во время пребыванія его у купца Гамдорфа».

По поводу этого показанія Бильбасовъ замѣтилъ, что если ему дать вѣру, то выходитъ, что онъ, Бильбасовъ, совершивъ подлогъ, зоветъ къ себѣ свидѣтелей для того, чтобы сказать: подите посмотрите, какъ я буду дѣлать преступленіе. Гиргардтъ помнить, что ѣхалъ на лошади темной масти, а не помнить, съ кѣмъ ѣхалъ. Ему предъявили двухъ кучеровъ Бильбасова и онъ сказалъ, что ни съ однимъ изъ нихъ не ѣздилъ.

Все это вмѣстѣ взятое достаточно характеризуетъ показаніе Гамдорфа.

Андреевъ, бывший кучеръ Бильбасова, удостовѣрилъ, что служилъ у него 6 лѣтъ, постоянно съ нимъ ѣздилъ. Въ домъ, гдѣ жилъ нотаріусъ Гамдорфъ въ послѣдніе годы службы барина не возилъ, не ѣздилъ и въ Большую Конюшенную, въ домъ Дементьева (квар. гр. Шувалова).

Мирошенко, служившій дворникомъ у Бильбасова, показалъ, что иногда ѣздилъ за кучера съ барыней, съ барининомъ же никогда не ѣздилъ.

Свидѣтели Субботинъ и Бѣлякинъ показали, что они въ февралѣ 1861 закусывали въ кондитерской Доминика въ первой комнатѣ, въ той же комнатѣ были и г. Дмоховскій, котораго нѣсколько зналъ Субботинъ. Немного спустя пришелъ Вильбасовъ, подавъ руку Бѣлякину и потомъ сталъ разговаривать съ Дмоховскимъ. Разговоръ обвиняемаго съ Дмоховскимъ продолжался не болѣе 5 или 10 минутъ, потомъ Дмоховскій вышелъ, а Вильбасовъ подошелъ къ Бѣлякину, который откомендовалъ ему Субботина. Вильбасовъ сказалъ, что хотѣлъ покончить дѣло, да не удалось, что хотятъ ограбить знакомую ему женщину, за то что она давала деньги подъ большіе проценты.

Изъ прочтеннаго показанія Кнопа, управляющаго конторою Лампе, видно, что купцу Грегру было продано на 94 тыс. выкупныхъ свидѣтельствъ графа Шувалова.

Артельщикъ конторы Лампе, Суловъ, показалъ, что не помнитъ при какихъ обстоятельствахъ сопровождалась покупка и продажа выкупныхъ свидѣтельствъ графа Шувалова. Трудно запомнить, такъ какъ у нихъ масса такихъ дѣлъ. Приходилъ ли Вильбасовъ въ контору по поводу передачи свидѣтельствъ также не помнитъ. Дмоховскаго не знаетъ вовсе.

Допросомъ этого свидѣтеля окончился первый день застѣданія.

На другой день прочитаны были два показанія Застѣцкой. Въ второмъ она передаетъ сцену какъ Вильбасовъ въ присутствіи Меллеръ-Закомельскаго сознался въ полученіи принадлежащихъ ей денегъ и въ растратѣ ихъ.

Вильбасовъ сказалъ:

«Деньги ваши я получилъ и разстратилъ, простите Бога ради, дайте мнѣ два дня отсрочки, я имѣю въ виду получить 40 тыс. изъ казеннаго мѣста».

На эту просьбу Застѣцкая согласилась въ надеждѣ получить свои деньги безъ хлопотъ и не затѣвая дѣла. Дней черезъ 5 или 7, сколько именно дней прошло—не помнитъ, не получая денегъ и видя, что Вильбасовъ не являлся, она дала знать полиціи, вслѣдствіе чего въ наз-

наченный день были посажены въ ея квартиру за драпировку полицейскіе офицеры и постороніе свидѣтели, которые стали ожидать прихода Бильбасова.

Онъ дѣйствительно пришелъ, но въ разговорѣ, который тутъ происходилъ, не сдѣлалъ болѣе такого подробнаго признанія, какое имъ было сдѣлано въ первый разъ. Въ этотъ разъ Бильбасовъ говорилъ только, что не могъ получить денегъ; что ему ихъ еще не выдали и просилъ подождать; при этомъ онъ привезъ тысячу рублей и сказалъ: вотъ вамъ одна тысяча, я знаю, что вамъ деньги нужны, а остальные я вамъ привезу къ непродолжительному времени.

Что дальше происходило, когда вышла изъ засады полиція, Засѣцкая не знаетъ, потому что но непривычкахъ къ подобнымъ дѣламъ съ ней сдѣлалось дурно и она упала въ обморокъ.

Засѣцкая не знаетъ также въ счетъ какого долга приняла тысячу рублей отъ Бильбасова, потому что кн. Гагаринъ былъ долженъ ей капиталъ и проценты и самъ Бильбасовъ 3 тыс. руб. по заемному письму.

Было прочитано первое показаніе сына Засѣцкой Александра, слѣдующаго содержанія: «Въ бытность его въ Петербургѣ, въ присутствіи его, неоднократно происходили разговоры между матерью его и г. Бильбасовымъ о векселяхъ на сумму 30 тыс. руб., выданныхъ княземъ Гагаринымъ. Бильбасовъ говорилъ, что князя Гагарина нѣтъ въ Петербургѣ, а повѣренный его Дмоховскій также въ отъѣздѣ. Послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Бильбасовымъ, Засѣцкій хотѣлъ непременно ѣхать къ князю Гагарину въ его имѣніе въ Тульскую губ. для переговоровъ съ нимъ по этому дѣлу. Бильбасовъ сказалъ, что это можно сдѣлать гораздо проще, не ѣздя въ Тульскую губ., что въ Петербургѣ живетъ родственникъ князя, графъ Шуваловъ, имѣющій полную отъ него довѣренность, и предложилъ свои услуги съѣздить къ графу переговорить о дѣлѣ. Пріѣхавъ черезъ нѣсколько дней къ Бильбасову,

Засѣцкій получилъ отвѣтъ, что обвиняемый былъ у графа, но не засталъ его дома, на другой день онъ сказалъ, что графъ боленъ и не могъ его принять. Наконецъ. онъ сказалъ, что видѣлся съ графомъ, что у того нѣтъ наличныхъ денегъ, но что онъ выдалъ ему чекъ, по которому онъ получить изъ банка деньги и привезетъ Засѣцкой. Между тѣмъ, прошло три дня, а Бильбасовъ не являлся. Засѣцкій отправился къ нему, и онъ сказалъ, что деньги вѣрныя, что вчера ему почему то не могли ихъ выдать въ банкѣ, а сегодня онъ получить и привезетъ ихъ. Отправясь отъ него въ банкъ, Засѣцкій узналъ, что графъ Шуваловъ разсчетовъ съ банкомъ не имѣетъ, а что вообще деньги выдаются тотчасъ по предъявленіи чека. Возвратясь домой, Засѣцкій ждалъ Бильбасова, который пріѣхавъ сказалъ, что денегъ изъ банка получить не могъ, потому что чекъ оказался невѣрно подписанъ, и что ему изъ конторы выдадутъ другой чекъ, по которому можно будетъ получить деньги; но ни денегъ, ни отвѣта не было; тогда Засѣцкій отправился къ Бильбасову узнать, какая невѣрность въ чекѣ и также получить адресъ Шувалова. Адреса Бильбасовъ ему не сообщилъ и самъ отказывался отъ поѣздки съ нимъ къ графу. Наконецъ, 23 декабря 65 г. Бильбасовъ далъ Засѣцкому для передачи матери 1500 руб.; послѣ того они видѣлись еще раза два, но денегъ больше подсудимый не привозилъ. Бильбасовъ былъ долженъ брату Засѣцкаго Дмитрію, 3000 руб., и уплатилъ ли онъ ихъ или нѣтъ, Засѣцкому неизвѣстно.

Предсѣдатель спрашиваетъ, не желаетъ ли подсудимый объяснить, по какому разсчету были уплачены имъ тѣ полторы тысячи, о которыхъ упоминается въ показаніи Засѣцкаго?

Бильбасовъ объяснилъ, что изъ прочитаннаго показанія вовсе не видно, чтобы деньги эти были именно уплачены по гагаринскому долгу, что не отвергая уплаты этихъ денегъ, онъ теперь по прошествіи 4 лѣтъ не можетъ припомнить по какому разсчету онѣ были получены, такъ какъ у Засѣцкой было много разсчетовъ и съ дѣтьми и

съ разными лицами, и обстоятельство о 1500 руб. могло легко изгладиться изъ памяти.

Второе показаніе Александра Засѣцкаго заключается въ слѣдующемъ: «Пріѣхавъ въ Петербургъ въ январѣ или февралѣ 65 г. по вызову сестры своей Кушниковой, онъ засталъ ее при смерти, состояніе ея было такое, что малѣйшій шумъ причинялъ ей беспокойство. Въ это время онъ встрѣчалъ у сестры Бильбасова; однажды, войдя въ ея комнату, Засѣцкій засталъ его сидящимъ у постели сестры, которая сказала, что Бильбасовъ привезъ ей 3 тыс., и просила брата пересчитать ихъ. Счетъ оказался вѣренъ и Кушникова спросила Бильбасова, нужно ли ему выдать росписку въ полученіи этихъ денегъ, на что тотъ отвѣчалъ, что не нужно, что Богъ дастъ она поправится, и вообще говорилъ въ такомъ смыслѣ, что она женщина еще молодая, можетъ надѣяться на поправленіе. Это происходило въ концѣ января или началѣ февр. 65 г. Срокъ процентамъ по Гагаринскому долгу приходился въ ноябрѣ. По поводу этого обстоятельства, Засѣцкій сначала объяснилъ, что не знаетъ, по какому расчету, въ счетъ какого долга были привезены эти 3 тысячи, но потомъ прибавилъ, что припоминаетъ, что деньги эти были уплачены въ счетъ процентовъ по гагаринскому долгу, Кушникова сама сказала ему въ тотъ разъ: вотъ, господинъ Бильбасовъ привезъ проценты съ долга князя Гагарина. Послѣ этого дня Бильбасовъ не былъ. Засѣцкій спрашивалъ сестру, нѣтъ ли у нея какихъ-нибудь дѣлъ, не выдавала ли она какихъ-нибудь обязательствъ, на что она положительно отвѣчала, что нѣтъ, и вообще ему извѣстно, что дѣлъ у нея не было никакихъ.

Послѣ смерти сестры, Засѣцкій уѣхалъ изъ Петербурга и вернулся уже въ ноябрѣ. Бильбасовъ бывалъ часто въ домѣ Засѣцкой, потому что занимался дѣлами дочери ея г-жи Абаменекъ, и ему поручено было также веденіе дѣла по наслѣдству оставшемуся послѣ смерти дяди Засѣцкаго. Г-жа Засѣцкая въ это время стала беспокоиться, не получая процентовъ съ князя Гагарина, который былъ всегда акуратенъ, а тутъ не прислалъ во время денегъ, по этому

случаю она обратилась къ Бильбасову, какъ юристу, съ просьбой похлопотать о скорѣйшемъ полученіи денегъ. Бильбасовъ взялся, говорилъ, что ведетъ переговоры съ Шуваловымъ и Дмоховскимъ, и наконецъ 23 дек. вручилъ Засѣцкому для передачи матери 1500 руб. Въ счетъ какихъ расчетовъ были выданы эти деньги, Бильбасовъ не говорилъ, а сказалъ только, что деньги эти получены изъ конторы графа Шувалова».

Подсудимый противъ этого показанія возразилъ, что 3 тыс. руб. въ счетъ гагаринскаго долга онъ Кушниковой въ февралѣ не привозилъ, и не могъ привозить, потому что самъ ихъ не получалъ, что подтверждается и другими обстоятельствами, на которыя онъ указывалъ въ первоначальныхъ объясненіяхъ.

Защитникъ обратилъ вниманіе на то, что показаніе Засѣцкаго, съ виду внушающее довѣріе, драгоцѣнно для защиты въ томъ отношеніи, что выказываетъ всю бездну противорѣчій и лживости, заключающихся вообще въ дѣйствіяхъ стороны, противной Бильбасову. Такъ напр. когда началось дѣло, оказалась подложная росписка, Засѣцкая говорить: да дочь моя не могла писать, она была такъ больна въ то время, т. е. 24 февр.; между тѣмъ въ концѣ февраля и чуть ли не въ мартѣ Кушникова по словамъ Засѣцкаго предлагала Бильбасову дать ему росписку, стало быть могла писать. Далѣе Засѣцкій въ своемъ показаніи заставляетъ Бильбасова отказываться отъ полученія росписки съ Кушниковой, подъ тѣмъ предлогомъ, что «Богъ дастъ она выздоровѣетъ». Предлогъ этотъ, по мнѣнію защитника, не повятенъ, такъ какъ росписки берутся не только съ умирающихъ, но и съ здоровыхъ, и Бильбасову при всей его довѣренности къ Кушниковой росписка была необходима, онъ долженъ былъ самъ просить ее, а не отказываться.

Прочитывается письмо Бильбасова къ Засѣцкой изъ банка слѣдующаго содержанія:

«Въ томъ чекѣ, который я представилъ, оказалась невѣрность, посему денегъ не выдаютъ и возвратили чекъ обратно. Мнѣ теперь некогда заѣхать къ вамъ, ѣду сію

минуту къ графу взять другой чекъ и сегодня же предъявить оный, чтобы такимъ образомъ успѣть получить деньги въ понедѣльникъ по крайней мѣрѣ; если можете потомъ заѣхать ко мнѣ въ 4¹/₂ часа—пріѣзжайте: я бы вамъ разсказалъ подробно, а теперь спѣшу къ графу».

П о д п и с а н о: «Преданный А. Бильбасовъ».

По поводу этого письма подсудимый замѣтилъ, что оно относится къ другому дѣлу. Онъ имѣлъ довѣренность отъ княгини Абамелекъ по всѣмъ ея дѣламъ; въ 1865 г. княгиня купила имѣніе у графа Стецкаго; продажа эта состоялась за границей, такъ что Стецкій получилъ всѣ деньги въ Дрезденѣ; за тѣмъ при совершеніи купчей крѣпости въ гражданской палатѣ, оказалось, что этотъ расчетъ, сдѣланный за границей, былъ не вполне точенъ и вѣренъ. Когда возвратилась княгиня Абамелекъ и пріѣхалъ графъ Стецкій, то составленъ былъ расчетъ, подъ которымъ подписался Стецкій, по расчету приходилось получить съ него 800 съ чѣмъ-то рублей. Онъ выдалъ чекъ. Съ этимъ чекомъ Бильбасовъ отправился въ Государственный банкъ, но по чеку денегъ не выдали, о чемъ онъ и написалъ записку Александру Засѣцкому, такъ какъ онъ принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ. Отъ гр. Стецкаго деньги эти Бильбасовъ получилъ чрезъ нѣсколько дней послѣ отсылки записки.

Тайный совѣтникъ Деляновъ, въ прочитанномъ показаніи, говоритъ, что когда онъ находился у Засѣцкой, г. Бильбасовъ на вопросъ ея, скоро ли онъ доставить ей крѣпостныя заемныя письма, совершающіяся въ гражданской палатѣ, отвѣчалъ, что онъ непременно доставить ихъ дни черезъ два или три. При этомъ шла рѣчь о заемныхъ письмахъ князя Гагарина.

Генераль Лазаревъ также подтверждаетъ, что встрѣтивъ у Засѣцкой Бильбасова, слышалъ какъ послѣдній извинялся передъ Засѣцкой, что не могъ исполнить обѣщаннаго дѣла и обѣщалъ доставить новыя заемныя письма и проценты. При этомъ присутствовали: генераль Монтрезоръ и Деляновъ. О чекѣ ничего не помнить.

Свидѣтель Монтрезоръ видѣлъ у Засѣцкой Бильбасова, который обѣщался привести другія заемныя письма, но не помнить хорошенько отъ графа Шувалова или отъ кн. Гагарина.

Баронъ Меллеръ-Закомельскій, женатый на одной изъ дочерей г-жи Засѣцкой, былъ свидѣтелемъ, какъ въ одинъ прекрасный вечеръ вышелъ къ Засѣцкой Бильбасовъ и сказалъ: славу Богу наконецъ я привезъ вамъ утѣшительное извѣстіе, я былъ у графа Шувалова и получилъ чекъ, ѣздили въ банкъ, денегъ не выдали, потому что ужъ было поздно, выдадутъ въ понедѣльникъ, я самъ привезу. Понедѣльникъ однако проходить денегъ нѣтъ, вторникъ—нѣтъ, въ среду г. Бильбасовъ пріѣзжаетъ совершенно сконфуженный и объявляетъ, что чекъ графъ Шуваловъ неправильно выдалъ, и заявилъ что хочетъ ѣхать къ гр. Шувалову. Если вы сомѣваетесь, сказалъ онъ Засѣцкой, то я прошу сына вашего съѣздить со мной къ графу Шувалову. Сговорились ѣхать на другой день утромъ. Александръ Петровичъ Засѣцкій пріѣзжаетъ къ Бильбасову въ 10 часовъ утра, ожидаетъ до 5 часовъ. Бильбасовъ является въ шестомъ и говоритъ: извините, мнѣ некогда было, теперь ужъ поздно ѣхать. Такимъ образомъ они нѣсколько разъ уговаривались, но не ѣздили къ графу Шувалову. Вскорѣ Ал. Засѣцкій долженъ былъ по службѣ уѣхать изъ Петербурга и г-жа Засѣцкая осталась совершенно одной.

Далѣе свидѣтель передалъ какъ онъ былъ у гр. Шувалова, узналъ что не только проценты, но и деньги давнымъ давно уплачены, «кажется чрезъ Бильбасова», за тѣмъ какъ при немъ, видимо взволнованный, Бильбасовъ сказалъ Засѣцкой:—«Прасковья Алексѣевна, я къ вамъ явился съ повинною головою: участь моей жены, участь моихъ дѣтей и моя собственная въ вашихъ рукахъ; будьте милостивы: я всѣ деньги получилъ».

На вопросъ Засѣцкой какимъ образомъ ему удалось это сдѣлать безъ довѣренности, онъ отвѣчалъ, что Дмоховскій ему повѣрилъ, что онъ выдалъ подложную росписку: за тѣмъ онъ умолялъ пощадить его, не разглашать его

поступка, подождать только два дня, въ теченіе которыхъ онъ надѣялся получить 40 тыс. изъ горнаго департамента. Свидѣтель въ заключеніе повторилъ уже сообщенную сцену о полицейскихъ офицерахъ и понятыхъ за драпировкой въ квартирѣ Засѣцкой, ея обморокъ, когда стали составлять актъ о Бильбасовѣ, который въ этотъ вечеръ былъ осторожнѣе и не повторилъ своего первоначальнаго сознанія.

Надзиратель Юнгъ, по приказанію начальства сидѣвшій за драпировкой въ квартирѣ Засѣцкой, показалъ, что не можетъ передать подробностей разговора съ Бильбасовымъ, такъ какъ разговаривали довольно тихо, но помнитъ, что рѣчь шла о какой-то роспискѣ, выданной дочерью Засѣцкой графу Шувалову въ уплатѣ 30 тысячъ.

Другой свидѣтель Кортаевъ, находясь въ засадѣ далеко отъ разговаривающихъ, самаго разговора не слышалъ, но раньше зналъ, что рѣчь должна быть о деньгахъ, которыя слѣдовало получить Засѣцкой и которыя будто-бы получилъ Бильбасовъ.

Понятой Карнѣевъ, находившійся за драпировкой, сзади стула, на которомъ сидѣлъ Бильбасовъ, слышалъ, что Бильбасовъ привезъ, кажется, тысячу рублей, въ уплату своего долга Засѣцкой и говорилъ о какихъ-то 30 тысячахъ. Баронъ Меллеръ-Закомельскій спрашивалъ его, кѣмъ писана росписка, на что тотъ отвѣчалъ, что такіе вопросы дѣлаютъ только при формальномъ слѣдствіи. Когда драпировку открыли, и г. Юнгъ сталъ составлять протоколъ, съ Засѣцкой сдѣлалось дурно, а Бильбасовъ остался совершенно покоенъ.

Понятой Августиновичъ слышалъ, что рѣчь шла о деньгахъ, но о какой суммѣ не слышалъ.

Послѣдній свидѣтель Карновичъ, по совѣту котораго сдѣлана была и самая засада въ квартирѣ Засѣцкой, очень подробно передалъ разсказъ объ исторіи настоящаго дѣла со словъ Меллеръ - Закомельскаго. Во время этого розсказа свидѣтель, дойдя до переговоровъ бывшихъ между Засѣцкою и обвиняемымъ на счетъ перемѣны заемныхъ писемъ потерялъ нить разсказа и довольно долго

не могъ продолжать своего показанія. За тѣмъ, оправившись, онъ повторилъ показанія, уже сообщенныя Меллеромъ-Закомельскимъ и самою г-жею Засѣцкой.

Судебное слѣдствіе было окончено и послѣ непродолжительнаго отдыха начались судебныя пренія.

Прокуроръ Роде. Гг. судьи и гг. присяжные заседатели! Привлеченный нами къ отвѣту подсудимый Бильбасовъ обвиняется въ томъ, что чрезъ сообщеніе ложныхъ извѣстій, черезъ ложныя увѣренія, выманилъ у князя Гагарина значительную сумму денегъ и приэтомъ, какъ средство къ мошенничеству, употребилъ подложную росписку. Передъ вами только-что происходило судебное слѣдствіе и были допрошены многочисленные свидѣтели, которые явились для того, чтобы дать свои показанія передъ вами; выслушавъ ихъ показанія, зная отношеніе ихъ къ подсудимому и между собою, выслушавъ также отдѣльныя заявленія, которыя дѣлались по предмету этихъ показаній, вы обладаете всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для того, чтобы оцѣнить свидѣтельскія показанія; вамъ были предъявлены вещественныя доказательства и письменныя доказательства; письма обвиняемаго и письма разныхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ. Въ виду доказательствъ, на которыя опирается обвиненіе, въ виду показаній свидѣтелей, почти очевидцевъ преступленія, въ виду собственнаго признанія подсудимаго, удостовѣреннаго вполне достоверными свидѣтелями, задача наша казалась бы легкою, тѣмъ болѣе что самыя обстоятельства по существу своему не представляютъ ничего особенно сложнаго, но обстоятельства эти запутаны по волѣ самого подсудимаго. Вы имѣете дѣло съ преступленіемъ, хитро обдуманномъ и ловко приведеннымъ въ исполненіе; вы имѣете дѣло съ подсудимымъ, который заранѣе уже обдумалъ свою защиту, съ подсудимымъ, который обладаетъ всѣми дарованіями для того, чтобы внушить къ себѣ довѣріе. Не здѣсь было бы мѣсто его, не на скамьѣ обвиняемыхъ; дарованія, которыми одарила его природа, должны были приготовить для него лучшую участь, и потому присту-

пая въ настоящее время къ обвиненію, мы дѣлаемъ это съ глубокою скорбію, но вмѣстѣ съ тѣмъ, обвиняя подсудимаго, мы исполняемъ то, что повелѣваетъ намъ законъ. Положеніе, которое принялъ подсудимый, отсутствіе сознанія, характеръ защиты, все это заставляетъ насъ войти въ подробную оцѣнку обстоятельствъ дѣла. Мы изложимъ ихъ въ той постепенности, въ какой они слагались и, останавливаясь на отдѣльныхъ группахъ этихъ обстоятельствъ, посмотримъ, насколько они доказаны, какой можно сдѣлать изъ нихъ выводъ и какія опроверженія слѣдуетъ ожидать со стороны защиты.

Въ 1868 г., какъ вамъ уже извѣстно, князь Сергѣй Гагаринъ приобрѣлъ у вдовы полковника Засѣцкой одно изъ принадлежащихъ ей имѣній, часть слѣдуемой за это имѣніе суммы была тогда же уплачена наличными деньгами, а остальную часть князь Гагаринъ принялъ на себя долговыми обязательствами чрезъ выдачу Засѣцкой двухъ заемныхъ писемъ, каждое въ 15 тыс. руб. Эти заемныя письма были выданы на 3 года и срокъ имъ кончился въ 61 году. Со времени выдачи этихъ писемъ, князь Гагаринъ, согласно условію, которое онъ заключилъ, уплачивалъ ей проценты, по десяти на сто. Вотъ обстоятельства, которыя представляются совершенно безспорными, которыя не опровергаются защитой и на которыхъ мы бы не останавливались, еслибы вопросъ о срокѣ этихъ заемныхъ писемъ не возбудилъ здѣсь въ продолженіе судебного слѣдствія нѣкоторыхъ преній. Дѣйствительно, вы слышали показаніе графа Шувалова, который говорилъ, что письма выданы на 10 лѣтъ. Собственно говоря, вопросъ этотъ не имѣетъ никакого существеннаго значенія въ дѣлѣ, и если мы останавливаемся на немъ, то только потому, что можетъ быть защита воспользуется этою невѣрностью показанія графа Шувалова для того, чтобы набросить вообще на его показаніе тѣнь недостоверности, но графъ Шуваловъ объяснилъ здѣсь, въ вашемъ присутствіи, почему онъ хорошо не помнитъ обстоятельства о срокѣ. Дѣйствительно, сдѣлка между Гагаринымъ и Засѣцкой была заключена безъ участія графа Шувалова:

графъ Шуваловъ принималъ участіе въ послѣдующихъ переговорахъ, происходившихъ черезъ 6 или 7 лѣтъ, объ уплатѣ капитала и въ первый разъ, здѣсь, на судебномъ слѣдствіи увидѣлъ эти заемныя письма и слѣдовательно не могъ себѣ въ точности опредѣлить, на какой срокъ они выданы. Итакъ неостанавливаясь болѣе на этихъ не существенныхъ обстоятельствахъ, перейдемъ къ другимъ, которыя представляются въ данномъ случаѣ несравненно болѣе спорными. Въ 1864 году Засѣцкая, какъ вамъ извѣстно, уѣхала за границу и уѣзжая предоставила дочери своей Кушниковой получить проценты по долгу князя Гагарина. Вамъ должно знать, что долгъ Гагарина входилъ въ приданое Кушниковой и весьма естественно, что Засѣцкая предоставила ей право на полученіе процентовъ, да это говорить и она сама, это же рассказываетъ г. баронъ Меллеръ-Закомельскій. Между тѣмъ, князь Гагаринъ чрезъ выкупную операцію получилъ на значительную сумму выкупныхъ свидѣтельствъ, онъ получилъ ихъ болѣе чѣмъ на 200 тыс. руб.; значительная часть этихъ свидѣтельствъ была выдана по поводу выкупа того самаго имѣнія, которое онъ приобрѣлъ отъ Засѣцкой. Весьма понятно, что, обладая капиталомъ значительнымъ, капиталомъ совершенно свободнымъ, князь Гагаринъ имѣлъ желаніе воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы раздѣлаться съ своими кредиторами; подобнаго рода желаніе, намъ кажется, не нуждается ни въ какомъ объясненіи, а тѣмъ менѣе въ какомъ-нибудь оправданіи, напротивъ того, было бы весьма странно, еслибы князь Гагаринъ, обладая такимъ значительнымъ свободнымъ капиталомъ, не поспѣшилъ бы раздѣлаться съ своими кредиторами вообще, а въ особенности съ Засѣцкой, долгъ которой былъ заключенъ не на слишкомъ выгодныхъ для Гагарина условіяхъ. Но, желая уплатить этотъ долгъ, Гагаринъ желалъ это сдѣлать, конечно, на условіяхъ наиболѣе для себя выгодныхъ. Подобнаго рода желаніе, намъ кажется, не нуждается ни въ какомъ объясненіи; дѣйствительно, если князь Гагаринъ даже предлагалъ Засѣцкой условія невыгодныя для нея, условія несправедливыя,

то въ ея власти было отказаться, не принять этихъ условій; во всякомъ случаѣ, между ними еще существовало обширное, свободное поле для соглашенія и взаимныхъ уступокъ; они могли дѣйствительно придти къ подобнаго рода соглашенію. Но независимо отъ этихъ общихъ соображеній, нельзя не обратить вниманія, что желаніе князя Гагарина, уменьшить капитальную сумму при уплатѣ ея имѣло и особыя побудительныя причины: не говоря уже о томъ, что князь Гагаринъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, уплачивалъ по этому дѣлу десять процентовъ, вспомните, что выкупныя свидѣтельства были выданы за то самое имѣніе, которое имъ было приобретено отъ Засѣцкой и по случаю приобретенія котораго онъ выдалъ эти заемныя письма; слѣдовательно, еще разъ повторяю, это желаніе представляется вполне естественнымъ.

Первоначальные переговоры, которые были открыты по этому предмету, были ведены свидѣтелемъ Дмоховскимъ; свидѣтель Дмоховскій здѣсь, въ вашемъ присутствіи объяснилъ, что онъ имѣлъ свиданіе съ Кушниковою, дочерью Засѣцкой, вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Когда онъ получилъ порученіе вести переговоры и отправился на квартиру Засѣцкой, то здѣсь узналъ, что ея нѣтъ, что она находится зграницей, а что въ квартирѣ осталась дочь ея Кушникова; онъ обратился къ Кушниковой съ своимъ предложеніемъ. Кушникова въ первый разъ не только не дала по этому предмету никакого положительнаго отвѣта, но даже выразилась, что она не имѣетъ полномочія на принятіе капитальной суммы, впрочемъ общалась прислать повѣреннаго своего Бильбасова. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого происходили переговоры между графомъ Шуваловымъ и Дмоховскимъ съ одной стороны и обвиняемымъ Бильбасовымъ съ другой. Сколько разъ видѣлся Бильбасовъ съ Шуваловымъ, сколько разъ онъ видѣлся съ Дмоховскимъ — намъ кажется, это такіе вопросы, которые особеннаго, существеннаго значенія въ данномъ случаѣ не имѣютъ; гораздо важнѣе вопросъ: о чемъ велись въ данномъ случаѣ переговоры? Вотъ этотъ первый и самый существенный вопросъ и намѣремы мы

разрѣшить, представивъ вамъ доказательства въ пользу того предположенія, которое мы уже имѣли случай сдѣлать во время судебного слѣдствія. Посмотримъ, какой характеръ придаетъ этимъ переговорамъ обвиняемый Бильбасовъ. О чемъ шла рѣчь въ это время? Обвиняемый Бильбасовъ говоритъ, что рѣчь шла только объ уплатѣ однихъ процентовъ, и что онъ, Бильбасовъ, требовалъ съ своей стороны, чтобы были уплачены 3 тыс., слѣдовавшія какъ проценты съ капитала, но что Дмоховскій, которому будго-бы принадлежить эта идея, предлагалъ уменьшить капиталъ чрезъ вычетъ излишне полученныхъ процентныхъ денегъ и затѣмъ уплатить уже проценты съ уменьшеннаго капитала. Вотъ та мысль, которую приводитъ обвиняемый, но эта мысль, это объясненіе, носитъ само въ себѣ зачатки неправдоподобности. Еслибы графъ Шуваловъ или князь Гагаринъ, дѣйствительно, желали меньше платить процентовъ, вмѣсто 3-хъ тыс. 2 тыс., то они не стали бы уменьшать капиталъ, а сказали бы, что они желаютъ платить вмѣсто 10% 6 или 5; и слѣдовательно, весь расчетъ, который былъ представленъ письменный, который находится въ дѣлѣ и на который ссылался обвиняемый, весь этотъ расчетъ, клонящійся къ уменьшенію капитала, конечно, былъ и могъ быть сдѣланъ только въ виду его уплаты. Но, гг. присяжные заседатели, подобнаго рода предположеніе, независимо отъ тѣхъ соображеній, которыя мы представили, намъ кажется, подтверждено не словами одного Дмоховскаго, недовѣріе къ которому старался возбудить обвиняемый, оно подтверждается и показаніями другихъ свидѣтелей; вы слышали по этому предмету показанія графа Шувалова, князя Гагарина, лицъ, предлагавшихъ условія, всѣ они говорили, что объ уплатѣ процентовъ не было и рѣчи, что единственные условія, которыя предлагались, имѣли цѣлью уменьшеніе капиталной суммы для ея уплаты.

Вотъ переговоры, которые единственно велись; такимъ образомъ, между объясненіемъ подсудимаго съ одной стороны и объясненіями перечисленныхъ и названныхъ нами свидѣтелей существуетъ положительно несогласное про-

творѣіе, діаметральная противоположность; подсудимый самъ сознаетъ это, онъ видитъ, что ему трудно противорѣчить показаніямъ этихъ свидѣтелей, и онъ говоритъ: «разговоры были по этому предмету, но переговоровъ не было, переговоры были объ уплатѣ процентовъ, а разговоръ шелъ также между прочимъ и объ уплатѣ капитала». Не говорятъ ли вамъ графъ Шуваловъ, князь Гагаринъ и свидѣтель Дмоховскій, что рѣчи объ уплатѣ процентовъ совершенно не было, значить эти «разговоры, которые, можетъ быть велись, какъ объясняетъ подсудимый, были именно тѣ переговоры, которые только и имѣлись въ данномъ случаѣ». Но еще разъ рассмотримъ представленные нами доводы: насъ удивило бы, еслибы князь Гагаринъ, обладая такимъ значительнымъ, свободнымъ капиталомъ, не успѣвшимъ заплатить свой долгъ Засѣцкой. Вамъ извѣстно также, что по поводу этого долга была выслана извѣстная вамъ довѣренность; Засѣцкая въ своемъ показаніи положительно удостовѣряетъ, что эта довѣренность, хотя она и была изложена въ общихъ выраженіяхъ, относилась исключительно только къ долгу князя Гагарина; вспомните также, что вслѣдъ за довѣренностью были высланы заемныя письма; еслибы рѣчь шла не объ уплатѣ капитала, то къ чему же было высылать заемныя письма? уплата процентовъ на нихъ не отмѣчалась, вы слышали, напротивъ, заявленіе подсудимаго о томъ, что въ удостовѣреніе платежа процента въ выдавалась отдѣльная расписка. Къ чему же высылались заемныя письма, зачѣмъ слѣдовали они за этой довѣренностью, если только эта довѣренность не была выдана исключительно для того, чтобы получить съ князя Гагарина капиталъ. Итакъ намъ кажется, что всѣ соображенія должны окончательно убѣдить васъ, что переговоры шли исключительно только объ уплатѣ капитала, а что о тѣхъ переговорахъ, о которыхъ упоминаетъ подсудимый, въ данномъ случаѣ не было и рѣчи. Итакъ, мы установили первый спорный вопросъ, существенный вопросъ, который необходимо, чтобы вы разрѣшили прежде чѣмъ мы перешли къ дальнѣйшимъ выводамъ по этому дѣлу;

итакъ въ этихъ разговорахъ со стороны Кушниковой является уполномоченнымъ лицомъ обвиняемый Бильбасовъ. Бильбасовъ хотѣлъ установить, опредѣлить свои отношенія къ Кушниковой, и между прочимъ говорилъ, что онъ ее очень мало зналъ, что онъ имѣлъ дѣла съ другими дѣтьми Засѣцкой, но что Кушникову зналъ весьма мало, что вообще удивительно, какимъ образомъ онъ принялъ бы на себя вести подобнаго рода дѣло, не имѣя отъ Кушниковой формальной довѣренности. Но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ, при тѣхъ обстоятельствахъ, которыми было обставлено это дѣло, въ формальной довѣренности никакой необходимости не было. Вспомните, что уплата капитала была принята, и въ удостовѣреніе этой уплаты была выдана собственноручная будто-бы росписка Кушниковой, слѣдовательно принимала какъ будто-бы сама Кушникова, только черезъ уполномоченное, довѣренное ея лице, Бильбасова.

Посмотримъ теперь, при какихъ обстоятельствахъ сложился у обвиняемаго его преступный умыселъ, посмотримъ, благопріятствовали ли ему обстоятельства къ совершенію преступленія, какимъ образомъ онъ достигъ своей преступной цѣли. Вамъ извѣстно, что въ то время, когда велись переговоры, Кушникова была больна, она была больна тою болѣзнію, которая подъ-конецъ привела ее къ могилѣ. Обстоятельства этого не могъ не знать Бильбасовъ, онъ былъ слишкомъ близокъ къ семейству Засѣцкихъ для того, чтобы не знать о томъ положеніи, въ которомъ находился одинъ изъ членовъ семейства, напротивъ того онъ, какъ лице постороннее, какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, съ большимъ хладнокровіемъ могъ оцѣнить и предвидѣть тѣ опасныя послѣдствія, которыми угрожала болѣзнь Кушниковой. Поэтому, обстоятельства, говоримъ мы, вполне благопріятствовали обвиняемому; дѣйствительно, со смертью Кушниковой, еслибы преступленіе ему удалось совершить при благопріятныхъ условіяхъ, доказательства его преступленія, какъ вѣроятно ему казалось, должны были совершенно исчезнуть. Но что же ему нужно было сдѣлать для того,

чтобы дѣйствительно получить тѣ деньги, которыя онъ хотѣлъ себѣ присвоить. Для этого нужно было убѣдить вопервыхъ графа Шувалова, что онъ дѣйствуетъ какъ лицо, уполномоченное Кушниковой, убѣдить его въ этомъ, представивъ доказательство объ уплатѣ Кушниковой полученной суммы, но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было съ другой стороны успокоить Кушникову. Первое обвиняемый и дѣлаетъ, представляя извѣстную вамъ довѣренность и подложную росписку, второе онъ дѣлаетъ, уплачивая проценты. Такимъ образомъ, съ одной стороны онъ вводитъ въ заблужденіе графа Шувалова чрезъ представленіе документовъ, изъ коихъ одинъ подложный; съ другой стороны успокоиваетъ Кушникову, успокоиваетъ всѣхъ Застѣчныхъ на цѣлый годъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ намъ предстоитъ доказать вопервыхъ, что обвиняемый Бильбасовъ дѣйствительно получилъ присвоенную имъ сумму и вовторыхъ, намъ слѣдуетъ доказать, что въ то же время, по этой же суммѣ, онъ уплачивалъ проценты. Каждый изъ этихъ фактовъ подтверждаетъ одинъ другой; если онъ уплачивалъ проценты Кушниковой, въ такомъ случаѣ, значитъ, онъ получилъ съ князя Гагарина капиталъ, потому что процентовъ, какъ онъ здѣсь самъ положительно удостовѣрилъ, отъ князя не получалъ; если, наоборотъ, мы докажемъ, что онъ дѣйствительно получилъ отъ него деньги, то мы докажемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ выдалъ подложную росписку и, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого возможенъ одинъ лишь логическій выводъ, что онъ уплачивалъ проценты Кушниковой. Въ февралѣ мѣс. переговоры, которые велись между графомъ Шуваловымъ и Бильбасовымъ, пришли къ своему окончанію; Бильбасовъ, первоначально не соглашавшійся на принятіе предложенныхъ ему условій, явился однажды къ графу Шувалову и объявилъ полное свое согласіе, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы проценты были уплачены по день уплаты капитала; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ представилъ извѣстную вамъ подложную росписку въ то время, когда она не была еще засвидѣтельствована полиціею. Графъ Шуваловъ, желая припять всѣ мѣры предосторожности, обратился къ

обвиняемому и объявить желаніе, чтобы на этой роспискѣ было засвидѣтельствованіе полиціей, но вообще графъ Шуваловъ не изъявлялъ съ своей стороны согласія на заключеніе подобнаго рода сдѣлки и причина этого заключалась въ томъ, что при уплатѣ не были и не могли быть возвращены подлинныя заемныя письма; поэтому, не давая окончательнаго отвѣта, графъ Шуваловъ предложилъ Билбасову обождать прибытія князя Гагарина, который, какъ должникъ и распорядитель, конечно долженъ былъ имѣть въ этомъ отношеніи рѣшительный голосъ. Дѣйствительно, на слѣдующій день прибылъ князь Гагаринъ, на слѣдующій же день явился и обвиняемый Билбасовъ, и здѣсь, въ присутствіи князя Гагарина, графа Шувалова и Дмоховскаго были приняты имъ окончательныя условія, были приняты условія уплаты капитальной суммы, — это свидѣтели положительно удостовѣряютъ. Между тѣмъ, Билбасовъ говоритъ совершенно другое, онъ не отвергаетъ этого свиданія, но онъ говоритъ, что при этомъ свиданіи былъ полученъ со стороны графа Шувалова окончательный отказъ въ уплатѣ процентовъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ вы можете разрѣшить этотъ вопросъ только на основаніи словъ тѣхъ лицъ, которымъ вы довѣряете болѣе; если вы довѣряете болѣе показанію обвиняемаго Билбасова, которое представляется одно, не подтвержденное никакими доказательствами, то, конечно, вы должны вмѣстѣ съ нимъ сказать, что рѣчи объ уплатѣ капитала не было, но если вы предпочитаете показанія свидѣтелей, въ такомъ случаѣ вы должны, конечно, будете гридти къ совершенно противоположному заключенію. Но дозволено намъ будетъ остановиться нѣсколько на этомъ главномъ обстоятельствѣ; намъ, можетъ быть, скажутъ, что графъ Шуваловъ и князь Гагаринъ и третье лицо, участвовавшее въ переговорахъ, Дмоховскій, что они дѣйствовали крайне неосторожно; но можно ли дѣйствительно назвать ихъ дѣйствія неосторожными? Они знали, что Билбасовъ является отъ имени Кушниковой; не представлялъ ли онъ имъ довѣренности, высланной Кушниковой ей матерью? не представлялъ ли онъ, нако-

нецъ, росписи, въ которой въ данное время не было никакого разумнаго основанія сомнѣваться? Мы полагаемъ, что этихъ свидѣтелей нельзя упрекнуть въ неосторожности, но еслибы даже защита и сдѣлала имъ упрекъ въ неосторожности, то, намъ кажется, изъ этого еще нельзя сдѣлать такого вывода, что показанія ихъ были несправедливыя. Дѣйствительно, не встрѣчаемся ли мы ежедневно съ подобнаго рода неосторожностями, не производятся ли въ судахъ дѣла, которыя возникаютъ изъ подобнаго рода неосторожностей, не являются ли здѣсь многіе подсудимыя, обвиняемые въ мошенничествѣ, которые могли совершить свои преступленія только потому, что былъ недостатокъ въ осторожности; но всѣ сдѣлки заключаются на основаніи довѣрія, извѣстная доля довѣрія необходима.

Такъ дѣйствовали въ данномъ случаѣ заинтересованныя въ дѣлѣ лица, такимъ образомъ между обвиняемымъ Бильбасовымъ и графамъ Шуваловымъ состоялось соглашеніе; выкупныя свидѣтельства были переданы Дмоховскому и ихъ надобно было перевести нотаріальнымъ порядкомъ.

Вы слышали, что говоритъ по этому предмету Дмоховскій, который былъ очевидцемъ всѣхъ послѣдующихъ событій, на которыхъ мы и остановимъ теперь ваше вниманіе: Дмоховскій отправился вмѣстѣ съ Бильбасовымъ въ контору нотаріуса Гамдорфа; здѣсь долженъ былъ быть произведенъ переводъ этихъ выкупныхъ свидѣтельствъ. Они прибыли туда и вскорѣ по прибытіи ихъ, когда стали писать актъ, то возникъ вопросъ о томъ, на имя кого должны быть переписаны эти свидѣтельства, обвиняемый заявилъ, что Кушникова передала ихъ третьему лицу, нѣкому купца Грегеру, что на имя этого третьяго лица они должны быть записаны въ актъ; подобнаго рода образъ дѣйствій, намъ кажется, весьма понятенъ со стороны обвиняемаго: дѣйствительно, при заключеніи сдѣлки на имя Грегера, самое имя Кушниковой вовсе не упоминалось, съ другой стороны весьма понятно также то, что Дмоховскій согласился на это условіе; не все ли ему было равно, на имя кого будутъ переданы эти выкупныя сви-

дѣтельства, ему Бильбасовъ объяснилъ, что Кушниковой нужны деньги; дѣйствительно, если она желала уплаты капитала именно потому, что у нея былъ недостатокъ въ деньгахъ, то, конечно, ей не было пользы въ этихъ документахъ, ей были необходимы наличныя деньги; наконецъ, не былъ ли совершенно спокоенъ Дмоховскій, зная, что онъ получитъ росписку, которая находилась у Бильбасова, росписку, въ которой онъ не имѣлъ никакого основанія сомнѣваться, которая была писана самой Кушниковой. Итакъ, онъ допустилъ, чтобы актъ былъ совершенъ на имя Грегера. Напомнимъ вамъ здѣсь одно мелкое обстоятельство, именно обстоятельство, возникшее вслѣдствіе спора между Бильбасовымъ и Дмоховскимъ о томъ, кто долженъ принять на себя издержки по совершенію акта; это обстоятельство важно потому, что свидѣтель, въ справедливости показаній котораго подсудимый старается возбудить сомнѣніе, свидѣтель Гиргардъ, который присутствовалъ при всей этой сдѣлкѣ, очень хорошо запомнилъ это обстоятельство. Итакъ, актъ совершенъ: обвиняемый выходитъ вмѣстѣ съ Дмоховскимъ и конторщикомъ изъ конторы нотариуса. «Зачѣмъ мнѣ ѣхать къ графу Шувалову? — говоритъ онъ, — я не хочу беспокоить, побѣжайте вы — говоритъ онъ Дмоховскому, — вмѣстѣ съ конторщикомъ и привозите въ кондитерскую Доминика выкупныя свидѣтельства, здѣсь я приму ихъ и передамъ вамъ платѣжную росписку». Дѣйствительно, послѣ того, какъ графъ Шуваловъ росписался въ нотаріальной книгѣ, Дмоховскій отправился въ кондитерскую Доминика и здѣсь имѣлъ весьма короткое свиданіе съ обвиняемымъ; свиданіе это продолжалось лишь столько времени, сколько необходимо было для принятія росписки и для передачи выкупныхъ свидѣтельствъ. Вотъ разсказъ, основанный исключительно на показаніи свидѣтеля Дмоховскаго; можетъ быть, намъ скажутъ, какое мы имѣемъ право довѣрять показанію одного свидѣтеля? Но если мы опираемся на показанія этого свидѣтеля, какъ на доказательство, то мы принимаемъ его не безъ критики, мы принимаемъ его потому, что оно подтверждается другими доказательствами, что оно

подтверждается показаніями свидѣтелей, которые не внушаютъ къ себѣ никакого недовѣрія, что оно подтверждается всѣмъ ходомъ дѣла, всею массою обстоятельствъ, и мы можемъ смѣло сказать, что, взглянувъ на всѣ обстоятельства, которыя представило судебное слѣдствіе, мы не могли придти къ другому заключенію, кромѣ того, что Дмоховскій дѣйствительно передалъ обвиняемому Бильбасову выкупныя свидѣтельства и слѣдовательно дѣйствительно получилъ отъ него подложную росписку. Дѣйствительно, взгляните вы на пребываніе обвиняемаго въ конторѣ нотаріуса Гамдорфа, здѣсь вы встрѣчаетесь съ показаніемъ свидѣтеля Гиргарда, на котораго хотѣлъ набросить тѣнь обвиняемый; не видя въ этомъ показаніи противорѣчій и неясности, напротивъ точность и опредѣлительность, обвиняемый въ этихъ именно качествахъ и видѣлъ недостатокъ этого показанія. Мы уже имѣли случай въ свое время подробно объяснить вамъ свой взглядъ на это показаніе, но дѣйствительно ли свидѣтель Дмоховскій передалъ обвиняемому выкупныя свидѣтельства? Вотъ самый существенный въ настоящее время вопросъ. Вы слышали показанія свидѣтелей, графа Шувалова и князя Гагарина, которые удостовѣряютъ, что Дмоховскій, возвратившись изъ кондитерской Доминика, передалъ имъ ту самую росписку, которую предъявлялъ имъ обвиняемый Бильбасовъ, они положительно удостовѣряютъ и, еслибы даже по внѣшней формѣ этой росписки, по внѣшнимъ признакамъ ея, они и не могли дать такого вѣрнаго отвѣта по этому предмету, то имъ извѣстно было вполнѣ содержаніе росписки, содержаніе, которое вполнѣ соответствуетъ тѣмъ переговорамъ и тому соглашенію, которое оканчательно состоялось по предмету тѣхъ обязательствъ, которыя послужили поводомъ къ настоящему дѣлу. Стараясь набросить тѣнь на показаніе свидѣтеля Дмоховскаго, подсудимый дѣлалъ какъ будто намекъ на то, что, можетъ быть, онъ получилъ выкупныя свидѣтельства, что онъ присвоилъ ихъ, что онъ передалъ ихъ черезъ контору Лампе; но возможно ли подобнаго рода предположеніе, вотъ что мы въ данномъ случаѣ памѣренны разобрать.

Если мы повѣримъ этому предположенію, и повѣримъ на минуту для того, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность вполне его опровергнуть, въ такомъ случаѣ, мы должны признать, справедливыми всѣ тѣ объясненія, которыя представляетъ обвиняемый Бильбасовъ; онъ говоритъ, что рѣчь шла объ уплатѣ процентовъ, что онъ настаивалъ на томъ, чтобы были уплачены слѣдующія 3 тыс., что князь Гагаринъ и графъ Шуваловъ наотрѣзъ отказали и что онъ отъ нихъ ни копейки не получилъ. Возможно ли, чтобы при такихъ условіяхъ Дмоховскій рѣшился обмануть князя Гагарина и присвоить себѣ эти свидѣтельства, развѣ онъ не могъ ожидать, что неудовлетворенный Бильбасовъ можетъ ежеминутно обратиться къ графу Шувалову и вновь потребовать отъ него процентовъ, которые такимъ образомъ не были уплачены; наконецъ, еслибы этого не сдѣлалъ Бильбасовъ, то сдѣлалъ бы кто-нибудь изъ Застѣчныхъ и тогда виновность Дмоховскаго должна была, очевидно, обнаружиться, и потому допустить въ данномъ случаѣ подобнаго рода предположеніе намъ кажется уже совершенно невозможно, и мы просимъ извиненія у г. Дмоховскаго, если мы это сдѣлали. Допустимъ даже, что онъ участвовалъ въ этомъ, то и въ такомъ случаѣ онъ не могъ участвовать въ этомъ дѣлѣ безъ обвиняемаго Бильбасова; но что Дмоховскій не участвовалъ, лучше всего вамъ доказываетъ то, что обвиняемый Бильбасовъ вполне уплачивалъ проценты покойной Кушниковой, какъ будто-бы долгъ былъ переведенъ на него. Такимъ образомъ, изъ ряда соображеній, которыя мы представили, вы должны были придти, гг. присяжные застѣдатели, къ тому несомнѣнному заключенію, что обвиняемый дѣйствительно получилъ эти деньги и, слѣдовательно, дѣйствительно ихъ себѣ присвоилъ. Мы не останавливали бы долго ваше вниманіе на этомъ обстоятельстве, еслибы не явились здѣсь двое свидѣтелей въ подкрѣпленіе показанія обвиняемаго Бильбасова; двое свидѣтелей, которые будто-бы присутствовали при свиданіи Дмоховскаго съ Бильбасовымъ въ кондитерской Домнина, которые не спускали глазъ съ обоихъ разговаривавшихъ

лицъ и положительно удостовѣряють, что никакихъ документовъ передаваемо не было. Несмотря на всю странность этого показанія, мы не станемъ входить въ подробную критическую его оцѣнку, потому что, намъ кажется, показаніе это находится въ такомъ положительно неразрѣшимомъ противорѣчii со всѣми доказанными обстоятельствами дѣла, что его слѣдуетъ опровергать всецѣло, но здѣсь мы представимъ еще одно соображеніе, на которое мы вамъ указывали во время судебного слѣдствія: какое значеніе имѣло свиданіе обвиняемаго Бильбасова съ Дмоховскимъ въ кондитерской, если принять тотъ разсказъ, который даетъ по этому поводу обвиняемый; онъ говорить, что это свиданіе было послѣ того, какъ князь Гагаришъ отказался платить проценты, что затѣмъ, выходя отъ нихъ, онъ все-таки пригласилъ Дмоховскаго, какъ человѣка, имѣвшаго на нихъ вліяніе, для того, чтобы убѣдить его подѣйствовать на графа Шувалова и князя Гагарина и убѣдить ихъ, чтобы они заплатили проценты, что это была цѣль посѣщенія кондитерской Доминика, что тутъ именно происходили подобнаго рода переговоры. Но свидѣтели, которые были допрошены, свидѣтели, Субботинъ и Бѣлянкинъ, которые, можетъ быть, и не знали, что подобнаго рода вопросъ имъ будетъ предложенъ, отвѣчали, что свиданіе продолжалось не болѣе 5 минутъ. Но развѣ 5 минутъ достаточно для подобнаго рода переговоровъ, если обвиняемый хотѣлъ убѣдить Дмоховскаго, чтобы онъ подѣйствовалъ на графа Шувалова, онъ долженъ былъ представить какіе-нибудь аргументы, и какъ ни убѣдительно говорить обвиняемый, мы все-таки полагаемъ, что ему было недостаточно 5 минутъ.

Итакъ, обвиняемый получилъ деньги и, слѣдовательно, выдалъ подложную росписку; мы не станемъ останавливаться на доказательствахъ подложности росписки, доказательства эти слишкомъ очевидны и, наконецъ, сама зашита признаетъ фальшивость росписки.

Получивъ деньги и выдавъ росписку, обвиняемый, какъ мы объясняли выше, конечно долженъ былъ успокоить Кушникову, и дѣйствительно онъ пріѣзжаетъ къ ней,

вручаетъ ей 3 тыс. руб., будто бы полученныхъ отъ князя Гагарина; при этомъ свиданіи присутствовалъ братъ Кушниковой, Александръ Петровичъ Засѣцкій, который передалъ обстоятельства, сопровождавшія это свиданіе. На показаніе этого свидѣтеля обвиняемый также хотѣлъ набросить тѣнь, но оцѣнить вполне это показаніе мы предоставляемъ себѣ, когда перейдемъ къ другой группѣ обстоятельствъ, совершенно самостоятельныхъ отъ тѣхъ, на которыя мы только-что указывали и которыя основаны на показаніяхъ семейства Засѣцкихъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Въ 65 г., лѣтомъ, Засѣцкая возвратилась изъ-за границы. Обвиняемый очень хорошо зналъ, что въ числѣ дѣлъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь, пойдетъ разговоръ также и о гагаринскомъ долгѣ, потому онъ предупредилъ Засѣцкую, какъ это обыкновенно дѣлаютъ въ такомъ случаѣ люди ловкіе, и взялся самъ вести переговоры. Мы не станемъ утомлять ваше вниманіе подробнымъ рассказомъ всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, всѣхъ обстоятельствъ, касающихся тѣхъ мнимыхъ переговоровъ, которые обвиняемый будто-бы велъ съ графомъ Шуваловымъ и княземъ Гагаринымъ; показанія свидѣтелей въ этомъ отношеніи были до того опредѣлительны, что мы полагаемъ, что эти обстоятельства вполне запечатлѣлись въ вашей памяти. Дѣйствительно, обвиняемый то ведетъ мнимые переговоры объ уплатѣ процентовъ, то ведетъ какіе-то переговоры о замѣнѣ старыхъ заемныхъ писемъ новыми, но въ сущности, какъ онъ самъ признается, онъ не имѣлъ свиданія ни съ графомъ Шуваловымъ, ни съ его повѣреннымъ; наконецъ, видя, что эти переговоры не могутъ дѣйствовать достаточно убѣдительно, обвиняемый рѣшается прибѣгнуть къ другому средству, онъ уплачиваетъ проценты; дѣйствительно, однажды онъ заплатилъ полторы тысячи, которыя онъ передалъ Засѣцкой черезъ сына ея Александра, другой разъ, вамъ извѣстно при какихъ обстоятельствахъ, онъ привезъ остальные деньги. Вамъ извѣстно содержаніе письма, которое писалъ обвиняемый Александру Засѣцкому, будто бы изъ государственнаго банка; вамъ слишкомъ хорошо извѣстны

обстоятельства, относящіяся до этого письма, относящіяся до этихъ переговоровъ, для того, чтобы долго останавливаться на нихъ. Гораздо существеннѣе представляется въ данномъ случаѣ разрѣшеніе вопроса, насколько показанія свидѣтелей заслуживаютъ довѣрія и какого рода соображенія представилъ обвиняемый для того, чтобы опровергнуть достовѣрность этихъ показаній. Онъ представилъ вамъ разныя соображенія о характерѣ Засѣцкой, онъ рассказывалъ о какомъ-то дѣлѣ, которое онъ велъ и за которое долженъ былъ получить 50 тыс., и даже намекнулъ, будто, для того, чтобы лишить его денегъ, была выдуманна недобная исторія. Но, гг. присяжные засѣдатели, посудите сами, съ вашей житейской опытностью, возможно ли, чтобы человѣческій умъ выдумалъ рядъ такихъ обстоятельствъ, возможно ли, чтобы свидѣтели, если обстоятельства эти выдуманы, такъ согласно, такъ подробно, такъ отчетливо рассказывали о нихъ. Но, наконецъ, самъ обвиняемый, въ силу обстоятельствъ, былъ вынужденъ однажды сознаться Засѣцкой. Дѣйствительно, однажды онъ является къ ней; свиданіе это происходило въ присутствіи барона Меллера-Закомльскаго, который со всею подробностью передалъ вамъ это событіе. Видя, что рядъ лживыхъ выдумокъ, которыя онъ употреблялъ для того, чтобы ввести въ заблужденіе Засѣцкую не достигаетъ цѣли, онъ, наконецъ, бросается передъ Засѣцкой и просить у нея извиненія, вполнѣ сознаваясь въ своей винѣ. Вамъ извѣстенъ также другой случай, происшедшій въ присутствіи посторонняго лица, когда обвиняемый хотя и не повторилъ признанія, но сознавался, въ такихъ обстоятельствахъ, которыя непремѣнно должны служить ему уликой; такъ, онъ говорилъ о 30 тыс. которыя онъ получилъ, о роспискѣ, которую онъ выдалъ. Намъ кажется, что эти обстоятельства, это сознание, хотя и не прямое, должны вести его къ обвиненію. Такимъ образомъ, смотря на эти обстоятельства, совершенно самостоятельныя отъ тѣхъ, которыя мы развили въ первой части рѣчи, еслибы вы даже не повѣрили показаніямъ свидѣтелей графа Шувалова, князя Гагарина, Дмоховскаго,

Гиргарда и цѣлому ряду другихъ, то вы должны придти къ тому убѣжденію, что виновность подсудимаго несомнѣнно доказана.

Лохвицкій. Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Первое слово мое будетъ просьба, но просьба законная; я прошу только одного—вашего вниманія и вниманія благосклоннаго, прошу именно потому, что въ настоящемъ дѣлѣ существуетъ противъ подсудимаго предубѣжденіе и предубѣжденіе большее. Вообще, когда о дѣлѣ говорятъ много, а тѣмъ болѣе о его дѣлѣ, которое было уже разрѣшено не въ его пользу—составляется предубѣжденіе. Но онъ находится еще въ обстоятельствахъ болѣе несчастныхъ въ этомъ отношеніи. Подсудимый, какъ вамъ извѣстно, былъ адвокатъ и въ свое время адвокатъ, имѣвшій извѣстность, славу, обширную практику. Обвинитель самъ отдалъ справедливость его дарованіямъ, его познаніямъ. Въ этомъ случаѣ, когда законникъ, человѣкъ искусный, подпадаетъ подъ обвиненіе въ мошенничествѣ, всегда существуетъ невольное предубѣжденіе, точно такое же, какое существуетъ относительно всякаго спеціалиста, который попадаетъ въ преступленіи, содержаніе котораго соотвѣтствуетъ его специальности. Еслибы какой-нибудь извѣстный врачъ былъ обвиняемъ въ отравленіи, оравленіи, совершенномъ весьма искусно и тонко, противъ него уже невольно будетъ существовать предубѣжденіе, а это самое предубѣжденіе всегда чрезвычайно могущественно дѣйствуетъ не въ пользу подсудимаго. Вотъ почему, милостивые государи, я прошу васъ въ настоящее время только объ одномъ: выкиньте, насколько это возможно, всякое предубѣжденіе, отнеситесь,—какъ это говорить законъ,—съ полнымъ вниманіемъ къ защитѣ,—это вашъ долгъ. Только тогда, когда вы отнесетесь съ полнымъ вниманіемъ къ защитѣ, ваше рѣшеніе будетъ во всякомъ случаѣ, какъ бы оно ни было, не отяготительно для вашей совѣсти. Это выслушиваніе и выслушиваніе благосклонное защиты, это есть право ея,

установленное закономъ, и это вмѣстѣ съ тѣмъ есть наше великое и прекрасное національное чувство. Еще во времена мрака и варварства у насъ сложилась поговорка: не крикажи казнить, прикажи слово молвить. И когда говорилъ это обвиняемый, грозный судья опускалъ топоръ и внимательно, благосклонно, съ религіознымъ чувствомъ выслушивалъ его оправданіе и тогда произносилъ уже свой приговоръ. Объ этомъ-то въ настоящее время и я прошу васъ, надѣясь, что вы подарите меня этимъ вниманіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ образомъ исполните вашъ долгъ въ отношеніи къ самимъ себѣ и въ отношеніи къ обвиняемому.

Посмотримъ сначала въ общихъ чертахъ на то обвиненіе, противъ котораго мнѣ придется въ настоящее время бороться. Я не скрою отъ васъ, гг. присяжные, что обвиненіе обставлено довольно сильно; улики противъ обвиняемаго много, онѣ были собраны тщательно. Вы вчера видѣли, что между прочимъ даже для подробностей иногда не останавливались и предъ средствами довольно подозрительными тѣ, въ рукахъ которыхъ было слѣдствіе, для того, чтобы подобрать все, что можно было собрать противъ обвиняемаго. Кромѣ того, обвиненіе велось рукой искусной, рукой главы прокурорскаго надзора при этомъ судѣ, по всей справедливости главы. Но я долженъ сказать вамъ, что при вашемъ благосклонномъ вниманіи защита надѣется, что она обладаетъ достаточными средствами для того, чтобы не только опровергнуть обвиненіе, но въ свою очередь перейти въ наступательное положеніе.

Обвиненіе, по моему мнѣнію, въ отношеніи его нравственнаго характера не той пробы, которая установлена закономъ. Законъ намъ говоритъ, что обвинитель не долженъ упускать изъ виду того, что относится къ оправданію обвиняемаго...

Предсѣдатель. Г. защитникъ, этими словами вы входите въ обсужденіе дѣйствій прокурорскаго надзора, которыя вашему обсужденію здѣсь не подлежатъ и обсужденіе которыхъ вовсе къ дѣлу не относится. Продолжайте, воздерживаясь отъ всякихъ сужденій,

Дохвицкій. Я въ противномъ случаѣ долженъ сказать, что я не могу продолжать защиту, потому что...

Предсѣдатель. Если вы не можете продолжать защиты, не касаясь обстоятельствъ, не подлежащихъ вашему сужденію, то я долженъ буду приостановить дѣло и назначить новаго защитника. Вы выслушали мое замѣчаніе, не вынуждайте меня повторять его.

Дохвицкій. Если мы станемъ на точку зрѣнія самаго обвиненія, то изъ самаго обвиненія выводятся тѣ смягчающія обстоятельства, которыя существуютъ въ пользу подсудимаго. Я повторяю, что, становясь на точку зрѣнія обвиненія, дѣйствительно по обвиненію выходитъ, что обвиняемый, совершивши преступленіе, всё-таки старался быть честнымъ, старался по возможности загладить то зло, которое онъ сдѣлалъ. Обвиненіе говоритъ, что онъ принесъ 3000 р. процентовъ, что онъ передалъ во второй разъ опять 1500 р., что онъ предлагалъ г-жѣ Засѣцкой все, что отъ него зависѣло для того, чтобы уплатить долгъ. У него были различнаго рода полученія, различнаго рода связи, онъ предлагалъ ей полную гарантію. Игакъ, со стороны обвиненія, если мы возьмемъ его, обвиняемый заслуживаетъ состраданія, именно потому, что онъ, совершивши преступленіе—повторяю еще—старался быть честнымъ. Мало того, со стороны обвиненія, мнѣ кажется, можно заключить не то, что обвиняемый думалъ, что всё концы упадутъ въ воду и дѣло кончится, а напротивъ можно заключить именно обратное, что обвиняемый думалъ, какъ бы получить на время деньги, которыя почему-либо ему понадобились особенно, но вслѣдъ затѣмъ непременно уплатить г-жѣ Засѣцкой по заемнымъ письмамъ и такимъ образомъ не доставить ущерба никому, ни г-жѣ Засѣцкой, ни князю Гагарину. Это обстоятельство очень могущественное, но,—я повторяю не въ видѣ упрека обвинительной власти, а говорю, что оно вытекало само собой изъ ея собственныхъ словъ, — по обвиненіе не сочло нужнымъ впослѣдствіи формулировать это обстоятельство.

Послѣ этого замѣчанія объ общемъ характерѣ обвиненія, перехожу теперь къ разбору тѣхъ уликъ, которыя существуютъ противъ обвиняемаго. Я вамъ долженъ сказать, милостивые государи, что проверка уликъ, по моему мнѣнію, можетъ быть совершена двумя путями: либо надо брать каждую улику, показаніе каждаго свидѣтеля, каждую записку порознь и разсматривать ее, либо есть другой путь, и этотъ путь, по моему, самый важный: это взять приписываемое преступленіе и разсмотрѣть, какъ оно было совершено, что обвиняемый дѣлалъ до этого преступленія, что онъ дѣлалъ послѣ, т. е. какъ онъ приготавливалъ его, какъ совершилъ и какъ старался скрыть. Если мы приэтомъ увидимъ, что всѣ эти мѣры и способы совершенія, приготовленія и скрытія совершенно противорѣчатъ уму, способностямъ, положенію обвиняемаго, тогда мы говоримъ о преступленіи, что невѣроятно, чтобы онъ совершилъ его. И мы должны вѣрить этой логикѣ явленій гораздо болѣе даже, нежели показаніямъ всякаго рода свидѣтелей. Свидѣтельскія показанія важны, но они для васъ не обязательны; вы можете — законъ вамъ даетъ право — повѣрить одному свидѣтелю и не повѣрить 20. И если вы не вѣрили 20 свидѣтелямъ, то это вовсе не значить, что вы считаете ихъ лжесвидѣтелями. Напротивъ, люди могутъ быть весьма честными, но они получили понятіи объ извѣстномъ фактѣ, подъ вліяніемъ извѣстнаго впечатлѣнія, которое уже напередъ было имъ дано. Наконецъ умственные способности людей, ихъ занятія часто лишаютъ ихъ возможности обсудить то, что передъ ними происходитъ. И если логика событій прямо отвергаетъ ихъ показанія, отвергаетъ разумность того, что обвиняемый совершилъ это преступленіе, то мы должны отвергнуть эти показанія. Возьмемте простой случай: можно привести на судъ сотни, тысячи, миллионы людей изъ Россіи, людей честныхъ, вполне добросовѣстныхъ, которые подъ присягой покажутъ, что они видѣли лѣшихъ и домовыхъ. Но вы, конечно, не повѣрите этому, потому что явленіе это бессмысленно, нелѣпо само по себѣ. Итакъ, надо вдумываться въ показанія свидѣтелей, если даже

признавать ихъ полную добросовѣстность, не дѣйствовали ли они подѣ влияніемъ какого-либо впечатлѣнія, заранѣе уже воспринятаго и, наконецъ, могли ли они, по степени образованія, умственныхъ способностей, понять и оцѣнить тотъ фактъ, о которомъ они свидѣлствуютъ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, переходя къ разбору дѣла, я его не буду дѣлить на группы, а буду его слѣдить такъ, какъ оно представляется исторически по мѣрѣ своего происхожденія. Я не буду вамъ рассказывать исторію заемныхъ писемъ князя Гагарина по долгу его Засѣцкой. Это обстоятельство уже рассказано нѣскольکو разъ свидѣтелями и господиномъ прокуроромъ. Но мнѣ еще надо припомнить вамъ въ общихъ чертахъ характеръ тѣхъ лицъ, которыхъ свидѣтельскія показанія въ особенности важны и которыхъ вы здѣсь выслушали словесныя или письменныя показанія. Противъ обвиняемаго цѣлая группа свидѣтелей, свидѣтели эти изъ разныхъ слоевъ общества. На первомъ планѣ является показаніе г-жи Засѣцкой. Мы не имѣемъ права и никакого желанія вдаваться въ оцѣнку личностей подробно; но мы имѣемъ полное право сказать о личностяхъ свидѣтелей настолько, насколько онѣ выяснились при томъ дѣлѣ, которое мы разбираемъ, потому что есть общія научныя положенія, что нужно вѣрить не свидѣтельствамъ, а свидѣтелямъ, каковъ есть человекъ. Г-жа Засѣцкая представляется въ настоящемъ дѣлѣ свидѣтельницей, но изъ дѣла несомнѣнно доказано и подтверждено г. прокуроромъ, который самъ объяснилъ, что этотъ фактъ несомнѣненъ, что г-жа Засѣцкая брала съ князя лихвенные проценты. По нашимъ законамъ лихва есть преступленіе. Мы можемъ быть различнаго мнѣнія въ обществѣ о пользѣ или вредѣ того или другаго закона, но на судѣ мы должны быть того мнѣнія, что фактъ, который наказывается закономъ, какъ преступленіе, есть преступленіе. За это преступленіе, какъ вы изволили слышать, законъ нашъ налагаетъ наказаніе по уголовному суду—тройной штрафъ въ размѣрѣ втрое большемъ того, что человекъ несправедливо бралъ съ другаго лихвенныхъ процентовъ. Такъ какъ

Гагаринскій долгъ былъ въ 30 тыс., а г-жа Засѣцкая брала съ него ежегодно 4 лишнихъ процента, т. е. 1200 р. въ годъ, т. е. въ 5 лѣтъ лишнихъ 6 тыс., то законъ могъ съ нея вытребовать въ пользу государственнаго казначейства 18 тыс. р. или около того. Такимъ образомъ, вы видите, что при самомъ началѣ слѣдствія для того, чтобы не разорвать союза тѣхъ свидѣтелей, которые показываютъ противъ Бильбасова, само слѣдствіе прине ло большую жертву, оно пожертвовало 18 тыс. Вотъ чего стоило то, чтобы Засѣцкая не перемѣнила своего показанія, осталась при томъ, что она дала. Затѣмъ сѣдуетъ князь Гагаринъ и графъ Шуваловъ. Я не могу выразить ни малѣйшаго сомнѣнія о добросовѣстности этихъ свидѣтелей. Ихъ положеніе, ихъ состояніе, ихъ имя указываютъ на то, что они не могутъ дать показанія ложнаго, потому что всякое ложное показаніе дается изъ-за какой-нибудь корыстной цѣли, конечно преступной. Но я укажу вамъ на качества этихъ свидѣтелей. Князь Гагаринъ не помнитъ даже, сколько онъ долженъ былъ Засѣцкой. Онъ человѣкъ весьма богатый и потому очень легко, что всѣ эти подробности дѣла, какъ уплатить Засѣцкой, съ вычетомъ или безъ вычета, могли изгладиться изъ его памяти. Точно также про графа Шувалова можно сказать, что память ему въ этомъ дѣлѣ очень часто измѣняетъ. Это было доказано неоднократно. Онъ былъ повѣренный князя Гагарина. Но надо различать два рода повѣренныхъ есть повѣренные въ смыслѣ адвоката, т. е. дѣльца, который отвѣтствуетъ передъ своимъ довѣрителемъ исполнѣ. Затѣмъ другіе повѣренные, это люди совершенно равнаго положенія, которые берутся слѣдить за дѣлами другаго и приглашать для этого ходатаевъ, адвокатовъ, только изъ одной пріязни, изъ одного расположенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что графъ Шуваловъ былъ повѣреннымъ этой второй категоріи, повѣреннымъ, который считалъ уже свою обязанность исполненной, если онъ пригласитъ какого-нибудь ходатая и скажетъ ему, что вотъ такого-то рода дѣло, сдѣлайте какъ можно скорѣе, получше, повыгоднѣе. Ни

особыхъ усилій, ни особыхъ стараній онъ не употреблялъ, да и не могъ употреблять, какъ человекъ не знакомый ни съ формами дѣлопроизводства, ни съ законами. Характеры другихъ свидѣтелей я предпочитаю гораздо лучше пояснить вамъ передъ самымъ разборомъ ихъ показаній.

Перехожу теперь къ обстоятельствамъ означеннаго дѣла. Я долженъ сказать, такъ какъ я уже сказалъ, что я преимущественно буду разсматривать логику явленій, т. е. разсматривать дѣло съ той стороны: могъ ли Бильбасовъ совершить то преступленіе, которое ему приписываютъ. Какой Бильбасовъ? Бильбасовъ, на котораго самъ обвинитель указалъ, и вы оцѣнили, какъ человека съ умомъ, съ дарованіемъ и главное законника. Нѣтъ. Я прямо скажу, что съ этой внутренней стороны въ обвинительной рѣчи я нахожу два противорѣчія: именно, если допустить обвиненіе, такъ какъ оно есть, то выходитъ, что Бильбасовъ сумасшедшій, а Дмоховскій положительно ребенокъ—это по крайней мѣрѣ. Я сію минуту буду имѣть честь представить доказательства. Обвиненіе, замѣтите, говорило, говорило положительно, что преступленіе это было задумано Бильбасовымъ, обдуманно хорошо, заранее. Да и дѣйствительно, такое преступленіе, какъ полученіе денегъ по подложной роспискѣ, очень рѣдко можетъ дѣлаться въ одинъ моментъ. Итакъ оно было обдуманно, и онъ, какъ говоритъ обвинитель, сообразилъ, что Кушникова умретъ, и что онъ такимъ образомъ получитъ деньги и всѣ концы упадутъ въ воду, а деньги останутся въ его рукахъ. Такимъ образомъ, я повторяю, обвиненіе признало два факта, которые и мы не отрицаемъ: что если Бильбасовъ совершилъ преступленіе, то совершилъ его обдуманно, и, во вторыхъ, личныя качества Бильбасова были признаны обвиненіемъ. Посмотримъ теперь на самыя обстоятельства дѣла. Г-жа Кушникова, дочь Засѣцкой, нуждается въ деньгахъ, она пишетъ своей матери, мать присылаетъ ей довѣренность, которую вы слышали здѣсь, для полученія денегъ. Тогда Кушникова обращается къ Бильбасову и говоритъ: нельзя

ли получить ей, между прочимъ, проценты и по Гагаринскому долгу. Здѣсь является въ качествѣ повѣреннаго отъ графа Шувалова, который дѣйствуетъ, конечно, какъ другъ князя Гагарина, г. Дмоховскій, котораго вы видѣли, характеръ котораго и силу показаній вы могли оцѣнить уже. Этотъ г. Дмоховскій явился сначала съ предложеніемъ о томъ, что, такъ какъ Гагаринъ платилъ много лишнихъ процентовъ, то теперь онъ задумалъ рассчитаться, по крайней мѣрѣ онъ это говорить, съ тѣмъ, чтобы г-жа Засѣцкая вычла изъ своего долга всѣ эти излишне переплаченные за 5 лѣтъ проценты, и подалъ Кушниковой свой расчетъ. Та ужаснулась, что такъ много денегъ, она надѣялась получить проценты и вдругъ видитъ, что это не такъ легко, что та сторона можетъ заявить свои требованія. Дмоховскій положительно ей говоритъ, что есть росписки, которыя могутъ служить прямымъ доказательствомъ того, что Засѣцкая получала по 10%. Я спрашивалъ г. Дмоховскаго здѣсь при васъ, были ли у него въ рукахъ эти росписки. Онъ отвѣчалъ, что въ рукахъ у него онѣ не были, но что князь Гагаринъ рассказывалъ ему ихъ содержаніе, и онъ прямо вывелъ то заключеніе, что если эти росписки представить въ судебное мѣсто, то онѣ могутъ служить вполне доказательствомъ того, что Засѣцкая брала лишніе проценты и можетъ быть судима за лихвенные проценты. Съ этой точки зрѣнія Дмоховскій дѣйствительно могъ много требовать, потому что грозилъ женщинѣ уголовнымъ процессомъ, во-вторыхъ, вѣдь въ результатѣ была для нея огромная трата денегъ, потеря 18 т. Еслибы было доказано, что она перебрала лишнихъ 6 т. %, то судъ могъ наложить на нее въ видѣ штрафа 18 т. Такимъ образомъ, дѣло выходило не шуточное. Кушникова тогда обращается къ Бильбасову. Бильбасовъ ѣдетъ къ Дмоховскому... Даже возьмемте показанія Дмоховскаго относительно Бильбасова, Бильбасовъ дѣйствуетъ какъ честный повѣренный. Онъ понимаетъ, что если есть такого рода росписки, то онѣ могутъ сильно повредить Засѣцкой. Если въ роспискѣ выражено опредѣлительно, что получила 3 т. р., какъ %

по заемнымъ письмамъ въ 30 т. р., то это ее компрометировало, но если выражено просто, что получила проценты безъ означенія цифры полученныхъ денегъ, то тутъ не было бы ничего компрометирующаго для нея. Бильбасовъ спрашиваетъ у Дмоховскаго: есть у васъ росписки? этотъ фактъ не отрицаетъ самъ Дмоховскій; такимъ образомъ. онъ дѣйствуетъ тутъ вполне честно, онъ говоритъ Кушниковой: если есть росписка, компрометирующая Засѣцкую, тогда нужно сдѣлать всевозможныя уступки, и онъ совершенно правъ. Если нѣтъ ничего компрометирующаго, тогда нечего писать вашей матери и пугать ее, и совѣтовать ей дѣлать уступки, потому что ничто не можетъ вынудить ее сдѣлать подобныя уступки. Затѣмъ, по словамъ Дмоховскаго, начинаются переговоры о томъ, не хочетъ ли Кушникова съ этой уступкой, съ этимъ вычетомъ суммы, равняющейся излишне взятымъ процентамъ въ теченіи 5 лѣтъ получить капиталъ. Обвиняемый Бильбасовъ говоритъ, что онъ былъ всего разъ или два у графа Шувалова и говорилъ съ Дмоховскимъ, какъ повѣреннымъ графа, только по той комиссіи, которая была ему поручена, да и то поручена не въ видѣ формальной довѣренности. Онъ имѣлъ довѣренность матери Кушниковой, Засѣцкой, по другому весьма большому процессу, цифра котораго опредѣлена была самой Засѣцкой въ 200 т., онъ имѣлъ еще рядъ довѣренностей по дѣламъ ея дѣтей. Ну, разумѣется, имѣя столько связей съ членами семейства, онъ не могъ отказать дочери ея въ небольшомъ одолженіи. Онъ говоритъ, что очень можетъ быть, что при этихъ свиданіяхъ могли быть разговоры и о погашеніи всего долга. Но онъ, какъ юристъ, различаетъ переговоры, бывшіе между уполномоченными, которымъ былъ порученъ извѣстный вопросъ, отъ разговоровъ. Если онъ былъ уполномоченъ Кушниковой на полученіе процентовъ и, пріѣзжая за этимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ слышитъ предположенія, не согласится ли Засѣцкая принять въ уплату капиталъ за извѣстнымъ вычетомъ, онъ можетъ слышать этотъ разговоръ, можетъ подавать извѣстное мнѣніе, ничѣмъ не

стѣсняясь, ничѣмъ не обязываясь, не придавая ему никакого рѣшительнаго характера, потому что, по справедливому его заключенію, онъ и не могъ объ этомъ вести переговоры. Кушникова не была уполномочена Засѣцкой на полученіе капитала съ какими бы то ни было уступками Кушникова—женщина недостаточная, имѣвшая свое семейство—недостаточность ея доказывается тѣмъ, что она вынудила ее просить мать прислать ей деньги—могла ли она послѣ этого дарить нѣсколько тысячъ денегъ изъ капитала, причитающагося ея матери, котораго собственницей является ея мать? Теперь посмотримъ съ перваго начала на положеніе, которое принялъ г. Дмоховскій. Кушникова имѣла довѣренность, вы слышали чтеніе этой довѣренности. Я не говорю о тѣхъ неточныхъ выраженіяхъ, которыя все-таки имѣютъ значеніе, потому что всѣ наши суды, какъ прежніе, такъ и нынѣшніе, чрезвычайно осмотрительны въ выраженіяхъ довѣренности. Не досказано чего-нибудь одного — довѣренность уже не признается. Но въ этой довѣренности есть недостатки очень важные. А именно, эта довѣренность писана во-первыхъ на французскомъ языкѣ; наши суды не принимаютъ довѣренностей, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ, и только на русскомъ языкѣ довѣренность есть законная. Далѣе, эта довѣренность не засвидѣтельствована такъ, какъ бы слѣдовало, т. е. въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ. Эта формальность необходима, какъ чистая формальность. Но безъ этой формальности довѣренность не дѣйствительна. Теперь, всего этого положимъ могла не знать г-жа Кушникова, могла не знать г-жа Засѣцкая, какъ дамы, но г. Дмоховскій—человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, долго служившій, дѣлецъ, наконецъ, онъ по профессіи занимается дѣлами, онъ уже былъ опекуномъ надъ громаднымъ имѣніемъ, называемымъ Выксунскими заводами, заключалъ всякаго рода контракты и сдѣлки съ иностранными компаніями, г. Дмоховскій не могъ не видѣть, что эта довѣренность, съ точки зрѣнія юридической—нисколько не уполномочивала Кушникову на полученіе капитала.

Слѣдовательно, какъ же могъ онъ совѣтовать графу Шувалову платить по этой довѣренности, зная, что Засѣцкая можетъ начать процессъ по довѣренности формальной; чѣмъ бы разрѣшился этотъ процессъ, еще неизвѣстно, но все-таки былъ бы процессъ. Такимъ образомъ, Дмоховскій, по собственнымъ его показаніямъ, совершаетъ первую непростительную неосторожность. Во-вторыхъ, онъ совершенно одобряетъ, совѣтуетъ графу Шувалову—онъ былъ его совѣтникомъ—что такъ какъ заемныхъ писемъ нѣтъ, то совершенно можно удовольствоваться роспиской Кушниковой, замѣтите роспиской лица, которое не имѣетъ юридическихъ твердыхъ полномочій на полученіе денегъ съ должниковъ, положимъ даже съ должниковъ, не будемъ спорить о словѣ *créancier*—судъ согласился, что это значитъ должникъ—но по заемнымъ письмамъ съ должниковъ нельзя же получить по одной довѣренности, нужно, чтобы были даны средства, одной росписки мало, взысканія не производится по одной довѣренности, никто не заплатитъ, нужно представить тѣ документы, по которымъ производится взысканіе; заемныя письма—такого рода документы, которые переходятъ свободно изъ рукъ въ руки по передаточной надписи. Этихъ документовъ не было у Кушниковой, они не были представлены ею. Несмотря на то, Дмоховскій уговариваетъ графа Шувалова, что это совершенно все равно, что заемныя письма могутъ быть присланы впослѣдствіи, хотя онъ долженъ былъ подумать, что эти письма могли быть уже переданы третьему лицу. Еслибы въ довѣренности было положительно сказано, что Засѣцкая довѣряетъ Кушниковой получить долгъ съ князя Гагарина, но тутъ сказано неопредѣленно, получить деньги съ моихъ должниковъ. Она могла сказать, что не давала довѣренности на полученіе съ князя Гагарина, а прислала эту довѣренность для полученія тѣхъ мелкихъ, пріятельскихъ долгишекъ, по которымъ деньги даются безъ всякихъ документовъ. Вотъ что могло быть, и весьма естественно могло быть. Если кто знаетъ г-жу Засѣцкую, знаетъ ее съ отличной стороны, тому эти мысли не придутъ. Но

мы не знаемъ ее ни съ какой другой стороны, кромѣ той, съ которой она является по дѣлу, а г. Дмоховскій и того не зналъ. Для него это было лицо совершенно неопредѣленное, которое могло воспользоваться всѣми правами, которыя предоставлялъ ей законъ. Однакоже онъ совѣтуетъ—это первая неосторожность. Затѣмъ прослѣдимъ далѣе его разсказъ. Онъ говоритъ, что онъ удостовѣрилъ графа, что этого совершенно достаточно. Спросивъ насъ мы, почему онъ не сдѣлалъ хоть одного, почему не видѣлъ даже Кушникову, почему не пріѣхалъ къ ней и не спросилъ, дѣйствительно ли она согласна. Онъ говоритъ, что онъ былъ у нея, но она его не признала, ему сказали, что Кушникова больна. Но онъ могъ написать ей письмо, могъ просить ее, чтобы она продиктовала отвѣтъ, онъ даже этого не сдѣлалъ. Такимъ образомъ, неосторожность, если уже такъ называть его поступокъ, все растетъ и растетъ... Затѣмъ посмотримъ далѣе его разсказъ. Онъ говоритъ, что посоветовалъ графу Шувалову принять эту росписку, какъ совершенно удовлетворительный документъ, вполнѣ обезпечивающій, получилъ отъ него два выкупныя свидѣтельства и чекъ въ 750 р., поѣхалъ въ банкъ безъ обвиняемаго, а можетъ быть и съ обвиняемымъ, получилъ эти деньги, потомъ былъ у нотариуса и совершилъ переводъ; какъ онъ говоритъ и какъ дѣйствительно доказано, эти выкупныя свидѣтельства были переданы на имя купца Грегера. Дмоховскій говоритъ—остановимся на этомъ, что онъ тутъ только у нотариуса узналъ, что надо переводить письма на имя Грегера, что прежде даже онъ не имѣлъ понятія о томъ, какъ это поступаютъ съ заемными письмами. Но графъ Шуваловъ говоритъ, что онъ зналъ, что выкупныя свидѣтельства будутъ переведены и переведены на имя Грегера, тогда, когда Дмоховскій уѣзжалъ отъ него съ этими свидѣтельствами. Вотъ обстоятельство важное. Дмоховскій удивился, какъ онъ говоритъ, въ конторѣ нотариуса, узнавъ, что свидѣтельства надо перевести на Грегера, онъ говоритъ, что онъ первый разъ услышалъ объ этомъ, а графъ Шуваловъ нисколько не уди-

видя, когда вернувшись изъ конторы, онъ сказалъ ему, что передастъ эти выкупныя свидѣтельства купцу Греггеру, онъ говорить, что онъ это зналъ. Пойдемте далѣе, г. присяжные засѣдатели. Дмоховскій говорить, что съ этими свидѣтельствами, переведенными на имя Грег-ра, онъ поѣхалъ къ графу Шувалову вмѣстѣ съ конторщикомъ нотаріуса. Заимѣйте слѣдующее, что въ концѣ концовъ оказывается, что онъ ѣздилъ съ Гиргардтомъ, но этотъ Гиргардтъ является уже гораздо позже. Сначала Дмоховскій говорить, что онъ ѣздилъ съ самимъ нотаріусомъ, потомъ съ тѣмъ конторщикомъ Мейеромъ, который писалъ статью; вызванъ былъ этотъ Мейеръ, огазилось, что тотъ никогда не зналъ Дмоховскаго, не видѣлъ его. Тогда уже послѣ долгихъ исканій найденъ былъ Гиргардтъ; но объ этомъ я буду говорить далѣе. Когда графъ Шуваловъ росписался, Дмоховскій взялъ это свидѣтельство... Заимѣйте, что свидѣтельства были переданы купцу Греггеру, по нотаріальной записи, когда еще деньги не были получены и росписка, которая заимѣняла заемныя письма, данныя Засѣцкой, еще не была въ рукахъ, а между тѣмъ, передача была уже совершена законнымъ образомъ, такъ что законнымъ образомъ эти бумаги принадлежали уже купцу Греггеру. Вотъ какая еще новая и великая неосторожность.... Затѣмъ онъ пріѣхалъ въ кондитерскую Доминика, гдѣ, по его словамъ, назначено было свиданіе Бильбасовымъ, причемъ онъ ѣдетъ на лошади обвиняемаго. Призывали сюда кучера Бильбасова, у этихъ людей всегда есть отличная память на мѣстность. Онъ показываетъ, что онъ бывалъ въ домѣ, гдѣ помѣщается контора нотаріуса Гамдорфа тогда, когда этотъ домъ принадлежалъ другому владѣльцу, съ которымъ Бильбасовъ имѣлъ дѣла, и время, въ которое онъ послѣдній разъ былъ въ этомъ домѣ, далеко предшествуетъ времени, когда совершилась сдѣлка, т. е. 24-му февраля 1865 г. Кромѣ того заимѣтимъ слѣдующее: у нотаріуса Гамдорфа, какъ положительно доказано и предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ, неоднократно переводились разнаго рода бумаги по порученію графа Шувалова. За нѣсколь-

ко дней до 24 февраля, были точно также переданы и переведены выкупныя свидѣтельства на 30 тыс. Стало быть это былъ нѣкоторымъ образомъ нотаріусъ графа Шувалова. Вотъ куда обвиняемый обратился для того, чтобы совершить преступленіе, по словамъ г. Дмоховскаго. Естественно, что графъ Шуваловъ, при его положеніи, не ѣздивъ самъ къ нотаріусу, а предпочиталъ, какъ это дѣлаютъ многіе люди и не такого высокаго положенія, не такого большого состоянія, какъ графъ Шуваловъ, заплатить нѣсколько сотъ рублей для того, чтобы нотаріусъ ему привозилъ на домъ книги. Поэтому весьма естественно, что Гиргардтъ или другой конторщикъ, служившій у Гамдорфа, уже ѣздивъ съ г. Дмоховскимъ, какъ повѣреннымъ по многимъ дѣламъ графа Шувалова. Гиргардтъ говоритъ, что онъ ѣздивъ на лошади хорошей породы и темной масти, очень можетъ быть, очень естественно, что у графа Шувалова была лошадь хорошей породы и темной масти. Но случилось дѣло такъ, что онъ именно, положительно приписываетъ это подсудимому. Впрочемъ повторяю вамъ, гг. присяжные, я еще разъ обращусь къ этимъ показаніямъ. Не будемъ отвлекаться отъ главнаго. Г. Прокуроръ совершенно справедливо сказалъ, что главный существенный вопросъ заключается въ томъ, были ли въ кондитерской Доминика переданы Бильбасову свидѣтельства и деньги Дмоховскимъ. Если это не вѣроятно, если вы признаете это невозможнымъ, тогда объ остальномъ нечего и толковать, остальное все аксессуарсы. Посмотримъ же, какъ они были переданы. Дмоховскій говоритъ, что когда отъ графа Шувалова онъ отправился въ кондитерскую Доминика, то засталъ Бильбасова, который стоялъ въ дверяхъ, что ихъ свиданіе было всего 2 или 3 минуты и состояло въ томъ, что „я—говоритъ Дмоховскій—вынимаю выкупныя свидѣтельства и деньги, денегъ было 750 руб. Бильбасовъ же даетъ росписку“. Дмоховскій говоритъ, что онъ взглянулъ и уѣхалъ, больше ничего. Вы видите сцена совершенно мимическая, безъ всякихъ разговоровъ, передача происходила въ кондитерской, гдѣ

нѣтъ и свидѣтелей, онъ даже не запасся свидѣтелями, мало того, при его слабомъ зрѣніи, онъ даже не подошелъ къ окну, не прочиталъ, не рассмотрѣлъ росписку. Вы видите, что его довѣрчивость, если уже употреблять это слово, такъ велика, что еслибы онъ имѣлъ дѣло съ мошенникомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что тотъ 10 разъ могъ бы ему подсунуть другую росписку, начинающуюся тѣми же словами и писанную тою же рукой, но въ которой уже рѣчь шла бы не о 30 т., а о 300 р. Согласитесь, что сумма для него по крайней мѣрѣ огромная, но онъ беретъ, по его словамъ, росписку отъ обвиняемаго Бильбасова точно такъ, какъ еслибы передавалась любовная записка или игрушка, кладетъ въ карманъ и тѣмъ дѣло кончается. Между тѣмъ, какъ по показанію Гиргардта, устраивалась записка, на которую былъ приглашенъ и онъ, а тутъ все устроилось въ одинъ моментъ. Да вѣдь это совершенно невѣроятно, чтобы г. Дмоховскій такъ дѣйствовалъ, вѣдь только ребенокъ могъ такъ дѣйствовать, а не человѣкъ въ его лѣтахъ, съ его опытностью. Есть ли тутъ смыслъ, повторяю, не смѣшно ли если смотрѣть со стороны, что вотъ такимъ образомъ одинъ повѣренный передаетъ другому лицу, котораго онъ почти не знаетъ, документъ въ 30 т. на порогъ въ кондитерской Доминика. И при этомъ, замѣтите, важно то, что этотъ рассказъ Дмоховскаго опровергается, во первыхъ, показаніями свидѣтелей, по моему мнѣнію совершенно имовѣрныхъ, свидѣтелей, давшихъ свое показаніе подъ присягой, свидѣтелей, которые явились тогда, когда обвиняемый былъ заарестованъ, когда противъ него было уже все въ движеніи и слѣдствіе и полиція, когда онъ не имѣлъ никакихъ ресурсовъ, свидѣтелей, наконецъ, людей образованныхъ, въ особенности Бѣлянкинъ, имѣющій независимыя средства къ жизни. Вотъ они являются и показываютъ слѣдующее: что одинъ разъ они видѣли обвиняемаго Бильбасова въ кондитерской Доминика, разговаривающимъ съ личностью, которая оказалась впоследствии Дмоховскимъ. Эти два свидѣтеля были именно Бѣлянкинъ и Субботинъ. Субботинъ зналъ Дмоховскаго, по-

тому что занимался въ конторѣ одного нотаріуса, гдѣ Дмоховскій совершалъ разнаго рода акты на значительную сумму. Что касается до Бѣлянкина, то онъ лично зналъ Бильбасова, зналъ его какъ адвоката, который ему скоро рѣшилъ дѣло, хотя дѣло неважное по существу, но которое было очень важно для состоянія г-на Бѣлянкина. Насколько сцена въ кондитерской Доминика неестественна, немислима, по показанію Дмоховскаго, на столько же она представляется логичной и вѣроятной по показаніямъ Бѣлянкина и Субботина. Субботинъ говорить, что въ кондитерскую вошелъ господинъ, который поздоровался съ Бѣлянкинымъ. Субботинъ спрашиваетъ, кто это такой. Бильбасовъ, — человѣкъ въ свое время извѣстный, какъ адвокатъ. Субботинъ, занимаясь у нотаріуса, самъ имѣлъ небольшую юридическую практику; для него это имя имѣло цѣнность, въ глазахъ его этотъ человѣкъ представлялся заслуживающимъ особеннаго вниманія, потому что—еще повторяю,—люди одной профессіи, смотря на человѣка, стоящаго на вершинѣ этой профессіи, съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ уваженіемъ, съ какимъ не посмотрятъ на человѣка самаго знаменитаго, принадлежащаго къ другому рода профессіи. Итакъ онъ разсматривалъ Бильбасова, что это за знаменитый адвокатъ, о которомъ такъ много говорятъ. — Съ другой стороны Бѣлянкинъ узнаетъ отъ Субботина, что другое лицо это есть Дмоховскій. Бѣлянкинъ обратилъ на Дмоховскаго вниманіе, совсѣмъ по другимъ причинамъ, не по профессуальному чувству, а обратилъ вниманіе по другому: онъ рисовальщикъ и дѣйствительно онъ рисуетъ весьма не дурно; каррикатуры его появляются въ разныхъ сатирическихъ журналахъ. Онъ говоритъ, что часто посѣщалъ кондитерскую Доминика для чтенія газетъ, и между прочимъ потому, что тамъ всегда такъ много толпится народу, и можно изучать фizioноміи. Онъ говоритъ, что слѣдилъ внимательно въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не отрываясь отъ наблюденія за типомъ г. Дмоховскаго. По его вкусу этотъ типъ оригиналенъ и заслуживаетъ вниманія. Я скажу, что это — дѣло вкуса

каждаго. Что касается до меня, то я вполнѣ раздѣляю въ этомъ отношеніи вкусъ г. Бѣлянкина. Я имѣлъ случай видѣть Дмоховскаго, три или четыре года тому назадъ, въ одномъ изъ департаментовъ правительствующаго сената, куда входило очень много людей. Но я сію минуту обратилъ вниманіе на одно лицо, и узналъ, что это-то лицо, которое будетъ играть роль въ дѣлѣ Бильбасова, это Дмоховскій. Я былъ убѣжденъ, что никогда послѣ этого, во всю жизнь, не забуду этого лица. Словомъ, повторяю, это—дѣло одного вкуса. Итакъ Бѣлянкинъ смотритъ. Послѣ этого Бильбасовъ подходитъ къ нему и говоритъ, что у него есть дѣло съ этимъ господиномъ, хотятъ ограбить женщину, его знакомую — это впрочемъ выраженіе обыкновенное у насъ, когда не хотятъ платить не только законнаго, но даже весьма сомнительнаго—что онъ хочетъ уладить это дѣло, но дѣло не улаживается. Дмоховскій между тѣмъ говоритъ, что всего одинъ разъ имѣлъ свиданіе съ Бильбасовымъ въ кондитерской Доминика, и вотъ въ этотъ-то разъ названные свидѣтели, которые видѣли ихъ, которые, каждый по извѣстному чувству, мною объясненному, смотрѣли на нихъ, одинъ не спускалъ глазъ съ Бильбасова, другой съ Дмоховскаго, положительно говорить, что эти лица, переговоривши нѣсколько минутъ, разошлись, и Бильбасовъ подошелъ и рассказалъ, въ чемъ состоялъ этотъ разговоръ. Г. прокуроръ удивляется, что если это было свиданіе для переговоровъ о процентахъ, которые подлежали вычету, какимъ образомъ оно могло продолжаться только пять минутъ. Но, во первыхъ, Бѣлянкинъ не говорилъ, чтобы это было пять минутъ, въ кондитерской люди обыкновенно разговариваютъ, ходятъ, курятъ, опять возвращаются, время тутъ трудно замѣтить въ точности, но мнѣ кажется, что совершенно достаточно и 5 минутъ для того, чтобы сказать: «Ну, что, какъ дѣло?—Нѣтъ не соглашается!» Болѣе сказать нечего, тутъ никакихъ дебатовъ, никакихъ диспутовъ не могло быть, потому что Дмоховскаго тутъ нечего было уговаривать, убѣждать. Дѣло было для него постороннее, сдѣлка происходила между

Застѣцкою и графомъ Шуваловымъ, ему поручено было передать только рѣшительный отвѣтъ. Вотъ какъ объясняется теперь эта сцена у Доминика. Вамъ гг. присяжные, вашему убѣжденію, вашей совѣсти, подлежитъ рѣшить этотъ самый существенный, какъ заявилъ г. прокуроръ и я съ нимъ совершенно согласенъ, самый важный вопросъ: совершилась ли въ кондитерской Доминика передача билетами денегъ? Что она не могла совершиться ни въ какое другое время, кромѣ того, въ которое были здѣсь Бѣдянкинъ и Субботинъ—это доказывается собственнымъ показаніемъ Дмоховскаго, который говорить, что онъ только одинъ разъ былъ съ Бильбасовымъ у Доминика въ кондитерской. Затѣмъ г. Дмоховскій исчезаетъ и появляется только тогда, когда начинается слѣдствіе. Поэтому мы оставимъ его теперь и возьмемъ подсудимаго Бильбасова. Посмотримъ, какъ онъ дѣйствуетъ, дѣйствуетъ ли онъ какъ человѣкъ съ умомъ, человѣкъ имѣющій обширныя юридическія познанія, знающій отлично практическую часть—чего не отрицаетъ и обвинитель, и притомъ какъ человѣкъ, который уже задумалъ подлогъ. Предположимъ, ставъ на точку зрѣнія обвиненія, что есть довѣренность на полученіе процентовъ. Что Бильбасовъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ дѣло до такой степени неудачно, до такой степени несоотвѣтствующее тому, что самъ обвинитель признаетъ за нимъ—его знаніямъ, его способностямъ и пр.—это доказывается тѣмъ, что какъ только понадобилась росписка, сію же минуту подлогъ обнаружился и подозрѣніе пало на него. Мы не будемъ вдаваться въ подробности, разбирать такъ или иначе, что онъ могъ сдѣлать, намъ довольно одного: человѣкъ съ умомъ, съ знаніемъ законовъ, ловкій, задумалъ сдѣлать мошенничество, такое преступное дѣйствіе, имѣя дѣло съ г. Дмоховскимъ, довѣрчивость котораго, по его собственнымъ словамъ, доходитъ до крайней степени. Что онъ долженъ былъ дѣлать и какъ онъ дѣйствуетъ на самомъ дѣлѣ? Онъ вдругъ представляетъ ему росписку, которая признается фальшивою, о которой эксперты съ перваго взгляда говорятъ: никакого сходства съ рукою

Кушниковой иѣтъ. Какъ же такой человѣкъ долженъ былъ сдѣлать? По закону вовсе не требуется, чтобы платежныя росписки отъ начала до конца были писаны рукою того лица, которое даетъ ихъ. Это нужно только на сохранной роспискѣ. На этой текстъ можетъ быть писанъ рукой писаря, дающій ее долженъ только подписаться словами: въ уплату долга получилъ всю сумму сполна. Такимъ образомъ достаточно было, чтобы писарь заготовилъ росписку и затѣмъ только была подпись г-жи Кушниковой. Бильбасовъ, какъ гооворить обвинитель, былъ вхожъ, часто бывалъ у Кушниковой, которая принимала его даже въ спальнѣ, какъ человѣка домашняго, который ведетъ дѣла семейства. Развѣ нельзя ему было знать руку Кушниковой, развѣ нельзя было получить ея бумаги, хоть тѣ самыя, которыя находятся здѣсь, развѣ онъ не могъ наконецъ написать ей записку и получить отъ нея отвѣтъ, чтобы имѣть ея руку. Тогда подпись могла быть сдѣлана такая, чтобы эксперты не сказали никакого сходства нѣтъ, она должна бы была быть или тождественной, или чрезвычайно сходной. Наконецъ, предположимъ, что это дѣлаетъ человѣкъ умный, ловкій, имѣющій даже связи съ полиціей, какъ это выставляло обненіе по крайней мѣрѣ въ началѣ процесса въ прошломъ году. Неужели вы думаете, гг. присяжные, что ему трудно было получить засвидѣтельствованіе настоящее? Теперь дѣло засвидѣтельствованія очень хорошо обставлено. Оно производится у нотариуса, законъ требуетъ извѣстныхъ правилъ отъ нотариуса, онъ долженъ знать то лицо, подпись котораго свидѣтельствуется или это лицо должно представить двухъ свидѣтелей. Но въ то время, когда происходило дѣло, это было не такъ. Подпись руки свидѣтельствовалась въ кварталѣ. Кому изъ васъ неизвѣстно, милостивые государи, при вашей житейской опытности, какъ это дѣлалось въ особенности въ такихъ населенныхъ кварталахъ, квартальный надзиратель не знаетъ лично всѣхъ жильцовъ, которые живутъ у него въ кварталѣ,—я это испыталъ, и каждый изъ васъ это испыталъ поэтому моимъ словамъ едва ли кто будетъ

противорѣчить,—и получили ли вы почтамтское объявление или какой-нибудь другой актъ, на которомъ вы хотите засвидѣтельствовать подпись руки, довѣренность или чтобы то ни было, но если вы явились сами въ кварталъ, то вамъ скажутъ, что васъ не знаютъ. Обыкновенно въ кварталъ идетъ дворникъ съ домовою книгой, а можетъ быть и безъ книги, если его хорошо знаютъ. Въ конторѣ всѣхъ надзирателей работали разнаго рода писцы, болѣею частью эти люди, выгнанные изъ службы, потому изъ ресурсовъ, которые отпускаются надзирателямъ они не могутъ платить много жалованья. Эти-то лица принимали и вписывали въ книгу, что такого-то числа засвидѣтельствована такая то бумага, потомъ когда надзиратель приходилъ давали ему подписывать, онъ, довѣря имъ, что они свѣрили по домовымъ книгамъ, что это такъ, подписываетъ. А затѣмъ этотъ писецъ пристукивалъ печать и дѣло копчено. Всякій, кто имѣетъ малѣйшую житейскую опытность, знаетъ, какъ мы всѣ прежде дрожали, что можетъ сдѣлаться съ повѣсткой, которую послали въ кварталъ. Вы чувствуете, что вы совершенно въ рукахъ дворника, который, предъявивъ вашу росписку въ кварталъ, могъ свободно отправиться къ почтамту и получить по ней деньги. Развѣ обвиняемый этого не зналъ; не даромъ же былъ привлеченъ одинъ полицейскій по обвиненію въ соучастіи съ нимъ, развѣ онъ не зналъ, что стоитъ только поддѣлать подпись Кушниковой,—если онъ даже не могъ выманить этой подписи, то подѣ какими-нибудь предлогами съ его ловкостью онъ могъ достать бумаги и сдѣлать подпись довольно сходною, это не трудно, имѣя у себя настоящіе документы,—и въ кварталъ подпись эту засвидѣтельствуютъ. Вотъ тогда бы дѣйствительно онъ схоронилъ всѣ концы. Умираетъ Кушникова,—положимъ онъ могъ знать дѣйствительно, что эта женщина умираетъ,—возвращается г-жа Засѣцкая. Онъ могъ бы сказать ей: дочь ваша получила деньги отъ князя Гагарина, росписка у графа Шувалова; тотъ представляетъ росписку: не угодно ли вамъ тогда представить доказательства, что рука не совсѣмъ сходна. Наше

законодательство теперь вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе, что почеркъ лица во время болѣзни очень измѣняется въ сравненіи съ почеркомъ его въ состояніи здоровья. Могъ ли этого не знать человѣкъ опытный и искусный, у котораго въ рукахъ бывали всякаго рода продѣлки. Я самъ знаю очень хорошо одно дѣло, за примѣрами ходить не далеко, про одного извѣстнаго въ свое время адвоката, который получалъ деньги и дѣйствовалъ по довѣренности, будто-бы данной ему его женой—это дѣло уже разбирается въ судѣ—по довѣренности, засвидѣтельствованной формально въ гражданской палатѣ; вдругъ открылось, что подпись фальшивая. Гражданская палата засвидѣтельствовала довѣренность, потому что рука засвидѣтельствована въ кварталѣ. Справились въ кварталѣ, надзиратель говоритъ: это дѣло паспортиста, паспортистъ говоритъ: ему принесъ довѣренность дворникъ. Бильбасовъ самъ, какъ адвокатъ, самъ и поѣхалъ бы съ дворникомъ и дѣло было бы кончено. Итакъ предположимъ—какъ ни безобразно, какъ ни немыслимо такое предположеніе, но мы допустимъ его для того, чтобы сію же минуту опровергнуть—подпись сдѣлана, онъ знаетъ тогда, что преступленіе его должно открыться. Г. прокуроръ напрасно дѣлаетъ предположеніе, что Бильбасовъ, сдѣлавъ эту росписку, могъ быть совершенно спокоенъ, потому что еслибы онъ былъ того убѣжденія, то въ то время, какъ пріѣхала Засѣцкая, онъ сказалъ бы ей, что деньги уплачены, если онъ этого не сказалъ, то значитъ онъ не былъ убѣжденъ въ томъ, что концы спрятаны, или не совершилъ преступленія. Но допустимъ на минуту, что преступленіе совершено? что же онъ дѣлаетъ. Лежитъ росписка, которая сію минуту его можетъ уличить, росписка, подложность которой очевидна по несходству руки Кушниковой, которая засвидѣтельствована чиновникомъ, вовсе не служившимъ въ томъ кварталѣ, гдѣ жила г-жа Кушникова, не занесена въ книгу. Я вамъ долженъ сказать милостивые государи, что чтеніе уголовныхъ процессовъ каждаго приводитъ къ тому убѣжденію, что если искусный человѣкъ дѣлаетъ преступленіе, то онъ тоже часто попадаетъ,

потому что, по волѣ провидѣнія, преступнику рѣдко удается уйти отъ наказанія. Но если онъ попадется, то это бываетъ только потому, что онъ обыкновенно не знаетъ, откуда идетъ опасность. Онъ думаетъ, что онъ все скрылъ, а между тѣмъ какая-нибудь маленькая бумажка, какой-нибудь невѣдомый свидѣтель вдругъ вырастаетъ какъ изъ-подъ земли и уличаетъ его. Но, если признать, на минуту хотя, что это Бильбасовъ совершилъ преступленіе: вѣдь онъ зналъ, что вотъ въ томъ ящикѣ, тамъ лежитъ эта страшная улика. Что же онъ дѣлаетъ? Вѣдь онъ знаетъ, что оттуда должна придти опасность, знаетъ и совершенно свободно видится съ семействомъ Засѣцкихъ. Засѣцкая ему жалуется, что князь Гагаринъ не платитъ ей процентовъ, онъ предлагаетъ свои услуги сѣздить переговорить съ нимъ. Правда, сыновья Засѣцкой говорятъ, что онъ ихъ обманывалъ, проводилъ. Позвольте, милостивые государи, остановить ваше вниманіе на этомъ. Очень можетъ быть, я допускаю, что Бильбасовъ, что-нибудь такое говорилъ въ видѣ легкомысленныхъ обѣщаній, что де былъ у Шувалова, хотя и не былъ. Вѣдь Бильбасову отъ этого дѣйствительно ничего не приходилось, это была услуга съ его стороны. Онъ былъ занятъ, у него было очень много дѣлъ. Сами свидѣтели показываютъ, что они его отыскивали у купца Мясникова, у котораго онъ получалъ большое содержаніе 5 или 6 т. въ годъ за свои занятія. Такого рода человѣкъ дѣйствительно очень часто, невольно даже не сдерживаетъ обѣщанія, говорить, что тамъ-то былъ или буду завтра, или буду послѣ-завтра, и ему не приходится этого выполнить. Тутъ я не вижу еще ничего неестественнаго, изъ этого еще вовсе не видно, чтобы онъ дѣлалъ это умышленно. Вѣдь графъ Шуваловъ живетъ въ Петербургѣ, развѣ графа Шувалова найти трудно было Засѣцкимъ, да на это 5 минутъ достаточно, въ адресномъ столѣ сію минуту могутъ отыскать, въ любомъ министерствѣ стоитъ справиться и вездѣ скажутъ. Бильбасовъ говоритъ имъ: «Ну, поѣзжайте сами». «А гдѣ онъ живетъ?» «Въ Конюшенной.» «Въ чьемъ домѣ?» «Я не знаю». Что же тутъ

удивительнаго, онъ не самъ прїѣзжалъ къ графу, его привозили; съ каждымъ изъ насъ развѣ не случается этого; по крайней мѣрѣ, скажу за себя, что я часто ѣзжу къ кому-нибудь, и потомъ, если меня спросятъ: въ чьемъ домѣ живетъ этотъ господинъ, я отвѣчу, пожалуй, въ третьемъ или четвертомъ отъ угла, но ни нумера, ни фамиліи не скажу, особенно если мнѣ не приходилось разыскивать первый разъ, если меня прямо привезли. Говорятъ, что онъ умышленно скрывалъ, но развѣ такъ станетъ поступать человѣкъ, который боится, что сію минуту все дѣло можетъ открыться. Онъ говоритъ: завтра я съѣзжу, послѣ-завтра. Посмотримъ далѣе; если Бильбасовъ совершилъ это преступленіе, если даже росписка была такъ скверно сдѣлана, что подложность несомнѣнна, возможно ли, чтобы онъ, зная, что есть росписка, которая его изобличитъ, возможно ли, чтобы онъ не старался отклонить всякое требованіе Засѣцкой отъ князя Гагарина по заемнымъ письмамъ, отклонить грозу, которая должна была разразиться надъ его головой? Человѣкъ съ самыми ограниченными способностями, не такой, какъ Бильбасовъ, и тотъ думаетъ, какъ бы отклонить отъ себя ожидаемую грозу. У Бильбасова на это были всѣ средства. Г-жа Засѣцкая, какъ положительно доказано, получала 10 процентовъ на свой капиталъ и была совершенно довольна: она вовсе не претендовала; срокъ заемнымъ письмамъ вышелъ давно, они были даны въ 58 г. на три года, слѣдовательно срокъ вышелъ въ 61 году, но она нисколько не претендовала. Князь Гагаринъ высылалъ ей 10 процентовъ, она жила заграницей, гдѣ капиталъ обыкновенно даетъ 3 или 4 процента, переводила все состояніе на деньги и была совершенно довольна, лучшаго ничего не желая. Стало быть обвиняемому надо было сдѣлать именно такъ: чтобы Засѣцкая получала проценты до поры до времени, пока онъ не найдетъ лучшихъ средствъ. По словамъ обвиненія онъ такъ и сдѣлалъ, самъ обвинитель говоритъ, что онъ привезъ Кушниковой 3 тысячи рублей въ видѣ процентовъ въ концѣ февраля 65 года, стало быть по ноябрь этого

года, если даже считать, что проценты платились съ ноября, если же считать со дня уплаты, то значить по конецъ февраля 66 года, проценты были уплачены и Засѣцкая должна была быть спокойна. Но при этомъ является слѣдующая несообразность: если онъ задумалъ совершить такое мошенничество, имѣеть ли смыслъ то, что онъ не беретъ росписки въ удостовѣреніе того, что проценты уплачены; росписка эта ни въ какомъ случаѣ не могла его компроментировать, такъ какъ онъ могъ ее всегда уничтожить, между тѣмъ она была ему совершенно необходима для отклоненія отъ себя грозы. Затѣмъ, когда Засѣцкая собиралась ѣхать за границу на нѣсколько лѣтъ, обвиняемый привозить ей проценты 1,500 руб., это были законные проценты за полгода, онъ могъ сказать ей, что она можетъ съ Богомъ отправляться за границу, онъ долженъ былъ ее спроводить сію же минуту, обѣщая, что черезъ полгода она получить и полное удовлетвореніе. Засѣцкой при этомъ не было никакой надобности хлопотать о перемѣнѣ старыхъ заемныхъ писемъ на новые; это совершенная нелѣпость. Заемныя письма имѣють силу на 10 лѣтъ послѣ выдачи ихъ; они были выданы въ 58 г., дѣло же происходило въ 65 или 66 г., когда послѣдовательно оставалось еще три года. Въдѣ не на сто же лѣтъ она отправлялась за границу, теперь слава Богу сообщеніе между всѣми столицами такъ удобно, что за педѣлю, или за двѣ до срока она имѣла полную возможность предъявить эти письма, въдѣ не въ Іерусалимъ на вѣчное богомолье она уѣзжала. Что же теперь выходитъ изъ дѣла? Посмотримъ на показаніе самой Засѣцкой; она говоритъ: я была спокойна и послѣднее время только стала беспокоиться, что Гагаринъ не платитъ процентовъ, тогда какъ по показанію ея сына проценты были заплачены. Въ это время,—говоритъ она,—титularyный совѣтникъ Бильбасовъ, занимавшійся дѣлами дѣтей моихъ, предлагаетъ мнѣ, что нужно сѣздить къ Гагарину или его повѣренному Шувалову, который имѣеть его довѣренность, потребовать, чтобы онъ

заплатилъ деньги; какъ бы говорить: проценты ваши не пропали, тутъ вышло недоразумѣнїе, онъ говоритъ, что вы брали излишніе проценты, всего бы лучше вамъ сдѣлать такъ, чтобы перемѣнить эти заемныя письма на другія и такимъ образомъ ваши росписки будутъ относиться къ заемнымъ письмамъ уже уничтоженнымъ, и если князь Гагаринъ вздумаетъ объявить претензію на васъ, то этихъ писемъ уже не существуетъ. Вѣренъ ли совѣтъ съ юридической точки зрѣнія, я разбирать не стану, но есть ли тутъ смыслъ съ точки обвиненія? Онъ не только не хочетъ отправлять ее за границу, напротивъ, онъ наводитъ на одно имя, самъ указываетъ на графа Шувалова, какъ на повѣреннаго князя Гагарина. Самъ г. Засѣцкій говоритъ: я и не подозрѣвалъ, что у князя Гагарина есть уполномоченные въ Петербургѣ, и хотѣлъ ѣхать въ помѣстье князя Гагарина, такъ что по всей вѣроятности они разѣхались бы съ нимъ. И вотъ, когда онъ уже хотѣлъ ѣхать, не подозрѣвая о существованіи графа Шувалова, обвиняемый наводитъ его на слѣдъ. Что же это такое? Чѣмъ тогда является Билбасовъ, является ли онъ искуснымъ человѣкомъ, съ искусно задуманнымъ планомъ? Нѣтъ, это полное сумасбродство, это съ начала до конца вещь невообразимая. Вы чувствуете, что дѣло не можетъ быть такъ. Пойдемъ далѣе, подлогъ открыли, открыли, что тутъ замѣшанъ Билбасовъ, и что же онъ дѣлаетъ? Онъ является къ Засѣцкой и, по ея словамъ и по словамъ ея родственника, говоритъ: Прасковья Алексѣевна, моя судьба въ вашихъ рукахъ, я вамъ все возвращу и т. д. Спрашиваю васъ: лицо, которое совершило преступленіе, лицо, обладающее умомъ и свѣдѣніями, которыя признаетъ самъ обвинитель, могло ли лицо это такъ поступать? Дѣло было вѣдь вовсе не въ томъ, чтобы уговорить Засѣцкую, Засѣцкая тутъ ничего не теряетъ, ей тутъ нечего терять; она могла отвѣтить: у меня заемныя письма, я ихъ представляю, мнѣ представлять росписку, окажется, что росписка подложная, подлогъ вѣдь очевиденъ, ясно, что деньги будутъ уплачены. Ну такъ чего же тутъ было идти къ ней! Вѣдь вся

опасность, все дѣло лежало тамъ у князя Гагарина и графа Шувалова. Обвиняемый, если онъ человѣкъ не сумасшедшій, долженъ бы былъ поѣхать къ князю Гагарину и графу Шувалову и тамъ сказать то или вродѣ того, что онъ сказалъ вовсе не кстати у Засѣцкой, тамъ онъ сказалъ бы съ большею послѣдовательностью: графъ Шуваловъ или князь Гагаринъ, съ вами совершенно мошенничество: росписка, которую вы имѣете, подложная; Засѣцкая съ васъ взыщетъ деньги, потому что подложная росписка ничего не значить, я это сдѣлалъ вотъ въ какомъ положеніи. Но у меня есть домъ, хотя, положимъ, заложенный, у меня есть дѣла, есть связи, а васъ удовлетворю. Въ противномъ случаѣ вы конечно меня погубите, но вѣдь вы ничего не получите, ваши деньги пропадутъ, а я вамъ дамъ на себя вексель, за меня поручатся Мясниковы и другіе и т. д. Вотъ что бы онъ говорилъ. Наконецъ, если онъ хотѣлъ дѣйствовать на сердце, то конечно не къ г-жѣ Засѣцкой слѣдовало ему ѣхать, которой характеръ выяснился на судебномъ слѣдствіи, а опять-таки къ графу Шувалову или князю Гагарину, гдѣ въ пользу его соединялись два могущественные ресурса — и сердце и собственный интересъ. Вотъ какъ бы онъ долженъ былъ дѣйствовать, и вотъ какъ онъ дѣйствовалъ по показаніямъ свидѣтелей. Мало того, онъ начинаетъ дѣйствовать у Засѣцкой, когда было поздно, когда, слѣдовательно, еслибы онъ хотѣлъ дѣйствовать, онъ долженъ былъ начать раньше, а не тогда, когда уже по словамъ графа Шувалова подлогъ былъ уже обнаруженъ. Преслѣдованіе за подлогъ какъ преступленіе не прекращается, хотя бы тотъ, противъ котораго онъ совершенъ, простилъ виновнаго. Могъ ли это сдѣлать человѣкъ, имѣющій какія-нибудь юридическія познанія, человѣкъ, который былъ въ свое время извѣстнымъ адвокатомъ? По моему, здѣсь въ самомъ дѣлѣ противорѣчіе, нелѣпость, потому что, повторяю, если разобрать его съ внутренней, съ логической стороны, оно неестественно, невысказано, невысказано, чтобы сдѣлалъ такъ Бильбасовъ, невысказано, чтобы такъ поступалъ Дмоховскій; словомъ, полная не-

возможность признать, чтобы все дѣло и преимущественно главные акты, его составляющіе, именно подлогъ росписки и передача ея въ кондитерской Доминика, происходили такъ, какъ представляется это по объясненію г. прокурора. Вотъ, милостивые государи, мы довели эту исторію почти до конца; намъ теперь остается только рассказать такъ-сказать ея эпилогъ. Здѣсь намъ представляется на первый разъ какъ будто уликой противъ обвиняемаго показаніе Засѣцкой. Г-жа Засѣцкая, подозрѣвая Бильбасова, какъ она говорила, пригласила на первый разъ своихъ знакомыхъ, лицъ весьма почтенныхъ: генерала Монтрезора, Делянова и другихъ, съ тѣмъ, чтобы они были свидѣтелями ея свиданія съ подсудимымъ. Что же говорятъ эти свидѣтели? Они говорятъ, что шелъ разговоръ о какихъ-то заемныхъ письмахъ, что Бильбасовъ сказалъ, что онъ это дѣло сдѣлаетъ черезъ нѣсколько дней, какъ обыкновенно говорятъ люди, которые думаютъ, что черезъ нѣсколько дней приступить къ занятію этимъ дѣломъ. Затѣмъ уже начинается система засадъ; приэтомъ замѣчательно то обстоятельство, что разомъ устраиваются двѣ засады: одна засада устраивается графомъ Шуваловымъ для Дмоховскаго, котораго онъ видитъ въ театрѣ, приглашаетъ ѣхать съ собой, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ знать оберъ-полиціймейстеру, чтобы тотъ прислалъ полицейскихъ; другая засада устраивается Засѣцкой, которая приглашаетъ понятыхъ и помѣщаетъ ихъ за ширмами. Я долженъ вамъ сказать, что всѣ эти засады, всѣ эти появленія за ширмами имѣютъ значеніе на сценѣ, но въ дѣйствительной жизни, въ особенности при такомъ серьезномъ дѣлѣ, какъ обнаруженіе преступленія, очень рѣдко или почти никогда не удаются. Дѣло въ томъ, что для того, чтобы кого-нибудь слушать, мало пользоваться одними ушами, надо непремѣнно пользоваться и глазами. Только тогда мы хорошо понимаемъ, кто говоритъ и что говорить, когда мы не только слышимъ, но и видимъ. Представьте себѣ, что еслибы во время всего судебного слѣдствія васъ отдѣлили бы отъ судей, отъ свидѣтелей, отъ обвинителя, отъ защитника, отъ обвиняемаго, отдѣ-

лили бы ширмами, чтобы вы вынесли, какое понятіе о дѣлѣ? кто и что говорилъ, все это осталось бы у васъ спутаннымъ, перемѣшаннымъ. Свидѣтели показываютъ, что разговоръ былъ перекрестный. Бильбасовъ говорилъ тихо, затѣмъ говорилъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, силу его голоса вы могли измѣрить здѣсь, ясно, что голосъ его покрывалъ голосъ Бильбасова. Свидѣтели говорятъ, что они вынесли понятіе, что что-то дѣлалось, что кто-то далъ росписку. Свидѣтели могли только одно удостовѣрить, что они слышали какой-то перемѣшивающійся разговоръ, между прочимъ слышали, что Бильбасовъ говорилъ Закомельскому: что вы мнѣ допросъ, что ли, формальный дѣлаете? Закомельскій говорилъ о какихъ-то векселяхъ, заемныхъ письмахъ Гагарина, что тутъ вышелъ какой-то подлогъ. Бильбасовъ говорилъ, что пріѣхалъ къ Засѣцкой по своему дѣлу, онъ долженъ былъ ей 3 т. р. Она его мучила съ этими деньгами, не давала никакихъ отстрочекъ. Онъ привозитъ ей 1000 р. с и начинаетъ упрашивать, чтобы она обождала остальные, не представляла векселя. Зять ея баронъ Меллеръ-Закомельскій говоритъ свое. Изъ этого перекрестнаго огня, что могли вынести лица, которые сидѣли за ширмами, что мы всѣ могли бы вынести, еслибы слышали перекрещивающійся разговоръ четырехъ лицъ? Разумѣется, что у насъ осталось бы только содержаніе всего разговора и ясно, что это содержаніе мы приписали бы тому, у кого голосъ крѣпче всѣхъ; такъ какъ несомнѣнно, что во всей этой группѣ качество это должно было принадлежать г. Меллеру-Закомельскому, то разумѣется, что преимущество осталось за нимъ. Кромѣ того кто были эти свидѣтели? это были полицейскіе. Я нисколько не намѣренъ посягать на ихъ добросовѣстность, напротивъ изъ ихъ показаній видно, что они поступили какъ люди вполне честные и добросовѣстные. Но что же они говорятъ? Что имъ сказали не только: будьте въ засадѣ, что увидите, что услышите, все расскажите, ибѣтъ, имъ сказали, что у г-жи Засѣцкой будетъ нѣкто Бильбасовъ, что его будутъ уличать въ томъ, что онъ сдѣлалъ подлогъ, смошенничалъ

по заемнымъ письмамъ князя Гагарина. Итакъ мысль есть. А когда мысль есть, то, особенно сидя за ширмами и не видя говорящихъ, вы слышите именно тѣ вещи, которыя вы наклонны слышать, именно то, что вы приготовились слышать. Вамъ извѣстно, у насъ былъ въ прежнее время даже законъ, который воспрещалъ приводить къ присягѣ, при существованіи крѣпостнаго права, крестьянъ при восшествіи на престолъ, такъ какъ они принимали эту присягу за объявленіе воли. И вотъ почему, желая воли, они въ каждомъ актѣ привода къ присягѣ видѣли эту волю, хотя въ немъ конечно ничего подобнаго не было. Это чувство, свойственное человѣческому уму, такъ естественно, что какъ только вамъ скажутъ, что будутъ говорить о томъ-то, то вы непременно всѣ слова доходящія до вашего слуха, особенно если вы не видите говорящихъ, истолкуете въ томъ смыслѣ, который заранѣе приготовлены видѣть и составите о дѣлѣ невѣрное понятіе. Но замѣтите, что свидѣтели эти вовсе не говорятъ, что Билбасовъ сознался. Что же касается до свидѣтеля Карповича, онъ былъ тоже въ засадѣ, то я скажу вамъ, что, какъ вы и сами могли усмотрѣть, все, что онъ говорилъ, имѣло видъ выученнаго наизусть. Среди своего показанія онъ вдругъ остановился и не могъ продолжать. Только человѣкъ, который выучилъ по тетрадкѣ, забывъ одно слово, теряетъ нить разсказа и не можетъ продолжать. Въ первый разъ онъ даже не былъ свидѣтелемъ. Кромѣ того я долженъ замѣтить, что эти лица являются уже во второй разъ на судѣ и потому положеніе защитника относительно проверки свидѣтелей чрезвычайно трудно. Вы видѣли, большая часть свидѣтелей дали присягу при первомъ засѣданіи. Можетъ ли защитникъ надѣяться, что ему удастся вызвать какія-либо важныя противорѣчія. Тотъ свидѣтель, который уже далъ разъ не совсѣмъ вѣрное показаніе, еслибы онъ даже захотѣлъ сказать правду, что дѣло было не совсѣмъ такъ, какъ онъ прежде показывалъ, знаетъ, что тогда онъ совершаетъ преступленіе лжеприсяги. Если теперь онъ говорить правду, значить въ прошломъ году 25 или 26 ав-

густа, когда производилось въ первый разъ судебное слѣдствие по этому дѣлу, онъ сдѣлалъ актъ лжеприсяги и вѣроятно представитель обвинительной власти немедленно занесъ бы его показаніе въ протоколъ и передалъ бы его уголовному суду за нарушеніе присяги. Въ виду этого я сталъ совершенно безоружный. По счастью одинъ изъ свидѣтелей именно, Ивановъ, котораго употребляла сыскная полиція, сдѣлалъ вдругъ, внезапно, показаніе, важность котораго онъ самъ не признавалъ. Для дѣла же оно имѣетъ извѣстную важность, потому что показываетъ до какой степени слѣдствіе производилось полиціей односторонне. Вы слышали, что графъ Шуваловъ также устраивалъ у себя заставу, но тамъ полиціи не было, г. Дмоховскій вышелъ тѣмъ, что составилъ разсказъ о томъ, какъ онъ передалъ Бильбасову деньги, не упоминая даже главныхъ обстоятельствъ передачи, не называя кондитерской. Графъ Шуваловъ, однако, прямо сказалъ оберъ-полицеймейстеру, что надо арестовать обоихъ, и мнѣ кажется, что этотъ планъ былъ во всякомъ случаѣ гораздо справедливѣе того, который былъ принятъ, т. е. когда послѣ системъ засадъ слѣдствіе кончилось, какъ орелъ, на одного Бильбасова. Я думаю, что еслибы принять предложеніе графа Шувалова, то можетъ быть дѣло совершенно измѣнилось бы. Извѣстно, что всякая стичка поетъ иначе въ клѣткѣ, чѣмъ на волѣ. То ли бы говорилъ тотъ, котораго мы здѣсь видимъ, какъ свидѣтеля, показывающаго противъ обвиняемаго, еслибы онъ самъ сидѣлъ здѣсь на этой скамьѣ. Кромѣ того я долженъ заявить, что въ показаніяхъ данныхъ Дмоховскомъ есть вещи, есть такія обстоятельства, которыя были бы драгоценны, еслибы слѣдствіе сразу обратило на нихъ вниманіе. Такъ, сначала онъ говорилъ, что привезъ деньги и выкупныя свидѣтельства Бильбасову, въ кондитерскую Доминика, но передалъ ли всѣ деньги или часть, не помнитъ. Возьмемъ это одно. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что всѣ. Это по-моему фактъ въ высшей степени важный, это хвостикъ чего-то, но хвостикъ, по которому мы, еслибы слѣдствіе ударило на него искусно, такъ

что не давало бы допрашиваемому ни отдыха ни срока, пришли бы къ важному результату. Стало быть изъ разсказа самого Дмоховскаго видно, что по этому дѣлу, онъ самъ проговорился, что въ его рукахъ осталось что-то, что онъ не все передалъ. Тогда какъ ничего не должно было оставаться; ему былъ сдѣланъ расчетъ: вотъ два выкупныхъ свидѣтельства и 750 р. деньгами. Мало того, если онъ не помнилъ, сколько именно у него оставалось, то во всякомъ случаѣ, если что осталось, онъ долженъ былъ привезти графу Шувалову, а послѣдній удостоверяетъ, что ничего не получилъ изъ этихъ денегъ. Наконецъ, нужно замѣтить, что чекъ можно написать на какую угодно сумму, это и значить текущій счетъ, что у меня есть извѣстная сумма, 20 или 30 т., мнѣ нужно 750 р., я и пишу 750 р. Вотъ обстоятельство важное, которое послѣ Дмоховскій уже не повторилъ, послѣ онъ говорить, что отдалъ всѣ деньги. Не имѣть ли права защита сослаться на это упущеніе? Вы видите, что защитникъ не имѣть никакой возможности, никакихъ ресурсовъ поправить то, что было пропущено, когда производилось слѣдствіе. Слѣдствіе, какъ видите, по мнѣнію самого графа Шувалова, произведено было совершенно односторонне, накинута на одного Бильбасова, заарестовали его, лишили всего, Дмоховскому же и другимъ были предоставлены полнѣйшія удобства. Все идетъ противъ Бильбасова. Дмоховскій показываетъ, что нотаріусъ Гамдорфъ ѣздилъ съ нимъ къ Шувалову, но оказывается, что Гамдорфъ вовсе не ѣздилъ. Тогда является Мейеръ, но Мейеръ также не ѣздилъ; затѣмъ уже является послѣднее показаніе, что ѣздилъ Гиргардтъ. Но Гиргардтъ не говорить о самой важной, существенной части дѣла, онъ не говорить, чтобы онъ былъ въ кондитерской Доминика и видѣлъ, какъ состоялась передача. А это по справедливому мнѣнію г. прокурора и есть самый существенный вопросъ въ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ я вамъ уже указывалъ на ту степень довѣрія, съ которымъ можно отнестись къ показаніямъ Гиргардта, онъ признался, что ѣздилъ прежде къ графу Шувалову; онъ долженъ былъ

ѣздить, потому что графъ Шуваловъ неоднократно совершалъ сдѣлки въ конторѣ Гамдорфа, даже не задолго предъ этимъ были переведены выкупныя свидѣтельства на 30 т. отъ имени графа Шувалова. Но Гиргардтъ не помнитъ этого, онъ объясняетъ, что помнитъ послѣднюю передачу, потому что его приглашалъ Бильбасовъ пить шампанское въ кондитерскую Доминика. Первая капиталъная нелѣпость это то, что Бильбасовъ думаетъ совершить преступленіе въ кондитерской, гдѣ бываетъ всегда много народу, гдѣ всегда могли быть свидѣтели; но ему мало, что Дмоховскій могъ всегда найти себѣ тамъ свидѣтелей, онъ приглашаетъ еще своего свидѣтеля. Наконецъ приглашеніе невѣроятно уже потому, что общественное положеніе Бильбасова и Дмоховскаго не такого рода, чтобы имъ приглашать съ собою распивать шампанское какого-то прусскаго мѣшанина, служащаго у нотаріуса. Замѣчу при томъ, что этотъ сортъ памяти, который основывается на бутылкахъ распитыхъ или не распитыхъ, всегда чрезвычайно подозрителенъ. Теперь, милостивые государи, мы видимъ, какими путями составилось обвиненіе на Бильбасова, какъ все было направлено съ самаго начала дѣла противъ него, какъ не послушали замѣчанія графа Шувалова, когда полиція пошедши по одной дорогѣ, шла по ней все дальше и дальше, какъ запасъ свидѣтелей чуть не всякій день возрасталъ. Я еще долженъ остановиться, мил. государи, на другомъ важномъ вопросѣ, который я отъ усталости пропустилъ и который опять указываетъ, что еслибы Бильбасовъ и совершилъ преступленіе, то онъ не могъ дѣйствовать такъ, какъ рассказываетъ обвиненіе. Несомнѣнно, что свидѣтельства князя Гагарина были переданы графомъ Шуваловымъ на имя купца Грегера. Продажа этихъ свидѣтельствъ совершается такимъ образомъ: Когда вышло освобожденіе крестьянъ, то было постановлено въ законъ передавать ихъ крѣпостнымъ порядкомъ; потомъ для того, чтобы помочь обороту этихъ свидѣтельствъ, было постановлено змѣнить этотъ порядокъ нотаріальнымъ. Такимъ образомъ, получивши свидѣтельства на свое имя, я могу передать ихъ другому

лицу, и получаю деньги, совершивъ у нотариуса актъ продажи, расписавшись въ книгѣ, что я передалъ эти свидѣтельства такому-то. Или же банкиры, имѣющіе обширные обороты, покупаютъ выкупныя свидѣтельства и оставляютъ пробѣлъ, чтобы вписать имя того, который пожелаетъ ихъ купить. Въ данномъ случаѣ контора Лампе вовсе не купила свидѣтельствъ такимъ образомъ, напротивъ они прямо были переданы на имя Грегера по надписи графа Шувалова. Теперь вопросъ, если это сдѣлалъ Бильбасовъ, если онъ сдѣлалъ это для того, чтобы получить деньги, то что бы онъ сталъ дѣлать, еслибы Грегерь отказался отъ покупки этихъ свидѣтельствъ, раздумалъ по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ приобрести ихъ. Вы слышали, что Грегерь совершенно не зналъ Бильбасова. Тогда Бильбасову нужно было отправиться къ графу Шувалову и просить, чтобы онъ переписалъ надпись. А что, еслибы Шуваловъ на это не согласился? Не говоря уже о томъ, что ѣхать съ подобнымъ предложеніемъ къ человѣку, отъ котораго самыя свидѣтельства получены мошенничествомъ, было бы уже чрезчуръ неловко. Принимая отъ Дмоховскаго въ уплату 30 т. по заемнымъ письмамъ выкупныхъ свидѣтельствъ, ему слѣдовало сказать, не угодно ли вамъ продать ихъ самимъ по нарицательной цѣнѣ и затѣмъ привезти мнѣ деньги. Вотъ тогда онъ поступилъ бы такъ, какъ поступаетъ всякій мошенникъ, не лишенный опыта, онъ уничтожилъ бы противъ себя улики.

Но довольно, милостивые государи! если мы будемъ продолжать дальнѣйшій разборъ, то этимъ мы все-таки ничего не прибавимъ. Если вы убѣдились уже теперь въ невозможности совершения Бильбасовымъ преступленія, въ невозможности того, чтобы дѣло происходило такъ, какъ рассказываетъ г. Дмоховскій, то это конечно все то, чего я желаю; если же вы не убѣдились, то что бы я ни говорилъ болѣе, я ничего не могу сказать сильнѣе. Теперь позвольте мнѣ закончить мою длинную бесѣду съ вами слѣдующимъ размышленіемъ. Вамъ будетъ предстоять, мил. госуд., разрѣшить вопросъ о виновности Биль-

басова и этотъ вопросъ, повторяю, главнымъ образомъ состоятъ въ томъ, получилъ ли онъ отъ Дмоховскаго выкупныя свидѣтельства? На этотъ главный вопросъ если вы скажете *да*, *получилъ*, тогда онъ виновенъ, если *нѣтъ*, *не получилъ*, тогда онъ невиненъ. Но я долженъ вамъ сказать, мил. госуд., слѣдующее,—это безъ сомнѣнія скажетъ вамъ и предсѣдатель въ томъ наставленіи, которое онъ даетъ въ концѣ судебныхъ преній, но въ настоящемъ случаѣ, я считаю для своей совѣсти необходимымъ сказать и отъ себя—не будетъ лишнимъ, если это будетъ сказано два раза. Когда вы произносите *да* на судѣ, основанія для произнесенія этого *да*, нравственныя, разумныя, совершенно иныя нежели тѣ, какія бываютъ въ жизни. Если въ жизни насъ спрашиваютъ, хорошъ ли этотъ человѣкъ, да или нѣтъ? Мы говоримъ да, хорошъ: или нѣтъ не хорошъ, или же говоримъ: Богъ его знаетъ, если мы знаемъ его слишкомъ мало и не можемъ сказать про него ни хорошаго, ни дурнаго. Здѣсь на судѣ нѣтъ трехъ отвѣтовъ. Здѣсь *да* и *нѣтъ*. Поэтому когда вы говорите *да*, это значитъ да, я убѣжденъ, что онъ виновенъ. Въ данномъ случаѣ это значить: да, я убѣжденъ, что Билбасовъ получилъ деньги, что Дмоховскій сунулъ ему ихъ въ кондитерской, когда стоялъ на порогѣ, что всѣ свидѣтели, которые говорятъ, что видѣли разговаривающихъ, видѣли, что Дмоховскій не передавалъ денегъ, эти свидѣтели клятвопреступники, т. е. вы говорите да, такимъ образомъ, какъ если бы вы сами видѣли это и удостовѣряете: да, онъ получилъ. Но если вы говорите *нѣтъ*, подъ это *нѣтъ* подходитъ и отрицаніе, т. е. я положительно убѣжденъ, что онъ не получалъ и всякое сомнѣніе и всякое недоразумѣніе, какое бы то ни было, родившееся у васъ, въ томъ, что онъ не получалъ, всякая нерѣшимость, все подходитъ подъ это *нѣтъ*. Итакъ, милостивые государи, вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать, когда вы будете произносить вашъ приговоръ. Васъ зовутъ обвинитель идти по дорогѣ, по которой во всякомъ случаѣ существуетъ темнота, неясность и недоразумѣнія, а по моему убѣжденію совершенная неестест-

венность и невозможность. Идя по этой дорогѣ, вы должны будете раздавить судьбу человѣка, человѣка даровитаго, способнаго, могущаго принести еще много пользы, человѣка у котораго есть жена, есть дѣти. Я васъ поэтому прошу, когда вы будете произносить вашъ приговоръ, остановиться на этомъ, тѣмъ болѣе, мм. гг., что въ настоящемъ случаѣ положеніе ваше будетъ особаго рода. Очень часто люди весьма почтенные, весьма честные, призванные произносить приговоръ, любятъ успокоивать свою совѣсть въ случаѣ нерѣшительности тѣмъ, что, не давая обвиненія въ важномъ преступленіи, даютъ обвиненіе въ какомъ-нибудь маловажномъ. Но это очень часто гнется совѣсть защитника предъ присяжными когда онъ знаетъ, что трудно, чтобы люди, по характеру своему нерѣшительные, дали отвѣтъ въ невиновности, когда этотъ отвѣтъ спорный. Повторяю, что очень нерѣдко находятся въ числѣ гг. прис. люди такого рода, которые успокоиваютъ свою совѣсть, не желая дать себѣ рѣшительнаго настроенія духа. Успокоенія этого въ данномъ случаѣ у васъ нѣтъ, нѣтъ ничего переходнаго; въ случаѣ вашего обвинительнаго приговора, обвиняемый валивается разомъ въ пропасть 20 степеней наказанія. Ничего посредствующаго здѣсь нѣтъ. Но я позволю себѣ обратиться къ лицамъ съ такого рода настроеніемъ: ихъ совѣсть въ этомъ случаѣ можетъ успокоиться. Если они думаютъ, что въ виду неясности дѣла трудно сказать *нѣтъ, не виновенъ*, хотя это положительно требуетъ законъ, потому что законъ требуетъ сказать *да* только, когда есть положительные улики,—они могутъ успокоиться, что въ случаѣ ихъ *нѣтъ, невиновенъ*, обвиняемый все-таки наказанъ тяжко, наказанъ такъ, какъ можетъ быть трудно показать болѣе за это преступленіе. Онъ три года слишкомъ уже содержится въ тюремномъ заключеніи. Конечно судъ мнѣ позволить сказать, что эти три года были не по его винѣ; послѣ вторичнаго перехода дѣла въ судъ прошло уже 1½ года. Я никого не обвиняю, есть извѣстныя формальности, которыя нужно было исполнить, судъ ожидалъ свидѣтелей князя Гагарина и графа Шува-

лова. Дѣйствию суда не подлежатъ обсужденію здѣсь. Но никто не скажетъ, чтобы въ этомъ былъ виновенъ самъ обвиняемый. Въ 3½ года онъ выдержалъ столько волнений, два уголовныхъ суда, три раза дѣло назначалось на 17, 25 сент., на 2 и на 5 октябрь—это страсть! Я вамъ долженъ сказать, что я защитникъ страдаю, страдаю глубоко, когда приходится защищать, находясь въ состояніи такомъ нервномъ, такомъ возбужденномъ, что кажется нужно имѣть желѣзное здоровье, чтобы быть защитникомъ въ 10 большихъ уголовныхъ процессахъ въ годъ. Каково же было состояніе обвиняемаго? Приэтомъ замѣтите еще, вѣдь какой онъ профессіи, развѣ онъ дворникъ, развѣ онъ былъ землепомъ, который выходитъ изъ суда и опять берется за свою лопату. Онъ раздавленъ, онъ уничтоженъ, даже при вашемъ оправдательномъ приговорѣ. Онъ занимался адвокатурой, этой одной изъ благороднѣйшихъ, высшихъ профессій, въ которой человѣкъ не иначе можетъ пользоваться успѣхомъ, какъ возбуждая къ себѣ нравственное довѣріе. Никакой талантъ, никакія знанія ничему тутъ не значатъ безъ этого нравственнаго довѣрія. Если адвокатъ выходитъ изъ-подъ уголовного суда, поснѣвши на этой скамьѣ, то ему нужно много лѣтъ стараній и усилій, безукоризненной жизни, чтобы хотя нѣсколько примирить съ собою общество. Итакъ, повторяю тѣмъ между вами, мм. гг., которые находятся съ подобнымъ перѣшительнымъ настроеніемъ, вы конечно не оскорбитесь, если я предполагаю въ средѣ васъ такихъ лицъ, потому что это очень часто бываютъ люди самые добрые, самые благородные, самые честные,—совѣсть ихъ можетъ успокоиться въ настоящее время. Наконецъ позвольте вамъ сказать еще одно: если я скажу, что дѣло смутно, что въ немъ много неяснаго—я скажу мало. Мнѣ кажется, что рѣдкій изъ тѣхъ, кого я видѣлъ, не скажетъ, что дѣло чрезвычайно темно, чрезвычайно запутано. Но у насъ есть здѣсь одинъ лучъ. Бильбасовъ былъ уже однажды осужденъ и приговоръ этотъ былъ уничтоженъ прав. сенатомъ и онъ судится во второй разъ: не есть ли это знакъ для насъ, что провидѣніе, которому лучше

пася известна виновность или невиновность, что оно не захотѣло допустить торжества дѣла неправды и что потому во всей этой процедурѣ, несмотря на всю массу свидѣтелей, на все то, было подстроено на предварительномъ слѣдствіи, все таки дѣло разрѣшилось такъ, что высшая судебная инстанція должна была приговоръ судебный отиѣшить. Затѣмъ, милостивые государи, я кажеся могу сказать, что употребилъ всѣ силы мои для того, чтобы освѣтить вамъ тогъ путь, по которому вы должны слѣдовать, и что во всякомъ случаѣ вы не будете сѣтовать на защитника, что васъ задержалъ такъ долго, потому что если онъ исполнилъ свой долгъ относительно обвиняемаго, то въ этомъ случаѣ онъ исполнилъ также свой долгъ и относительно вашей совѣсти.

Предсѣдатель объявлялъ судебныя пренія оканчившимися.

Судомъ были постановлены на разрѣшеніе гг. присяжныхъ засѣдателей слѣдующіе вопросы:

1) Виновенъ ли подсудимый Бильбасовъ въ томъ, что при сношеніяхъ, которыя онъ имѣлъ, какъ довѣренное лице жены штабъ-ротмистра Кушниковой съ повѣреннымъ князя Гагарина графомъ Шуваловымъ, вошелъ въ соглашеніе съ графомъ Шуваловымъ объ уплатѣ должныхъ матери Кушниковой, Засѣцкой княземъ Гагаринымъ 30,000 руб. по двумъ заемнымъ письмамъ, не сообщивъ объ этомъ соглашеніи Кушниковой и получилъ черезъ посредство статскаго совѣтника Дмоховскаго, уполномоченнаго графа Шувалова, выкупныя свидѣтельства и наличныя деньги, всего на сумму 24,000, которыя и присвоилъ себѣ?

2) Если виновенъ по первому вопросу, то виновенъ ли онъ же Бильбасовъ въ томъ, что представилъ подложную отъ имени Кушниковой росписку и, получивъ деньги, взамѣнъ ихъ отдалъ означенную росписку, зная, что она подложная?

Присяжные засѣдатели, возвратясь въ залу засѣданія, послѣ очень короткаго совѣщанія, отвѣтили на первый вопросъ: нѣтъ, не виновенъ, вслѣдствіе чего председатель немедленно объявилъ подсудимаго свободнымъ отъ суда.

